СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

История нового времени

ИСПРАВЛЕНИЯ, КОТОРЫЕ СЛЕДУЕТ ВНЕСТИ В № 6(82) «ИСТОРИКА-МАРКСИСТА» ЗА 1940 ГОД

В статье Е. Кагарова «Фридрих Энгельс и вопрос о родовой организации древних кельтов» на стр. 19, строки 20—21 сверху, напечатано: «муж должен был несение побоев уплатить»; должно быть: «муж должен был за нанесение боев уплатить».

В «Хронике», в заметке А. Мерзона «Научная работа на историческом факультете Московского государственного университета», часть текста сверстана неправильно. Отрывок, начиная со слов «Занимаясь углубленным изучением латиноамериканских стран...» (стр. 146, левая колонка, 8—9 строки сверху) и кончая словами «... К организации выставок также привлекались студенты» (стр. 146, правая колонка, строки 33—34 сверху), следует перенести на стр. 144 и поместить после слов «...составленная на основе изучения литературы и периодической печати на европейских языках» (левая колонка, 9—11 строки снизу).

СТАТЬИ

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. И ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА

Л. Лехтблау

I

В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф Энгельс писали: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские». Несколькими строками ниже авторы «Манифеста» указывали, что «коммунизм признается уже силою всеми европейскими властями».

«Коммунистический манифест» появился в самый разгар революционных событий 1848 года. Первое издание на немецком языке вышло незадолго до февральской революции во Франции, следующее издание совпало с мартовской революцией в Германии и Италии, затем издание на французском языке вышло почти накануне июньского восстания в Париже. В то время когда вся Западная Европа содрогалась от мощных ударов революционной бури, оплотом контрреволюции и реакции была царская Россия. Царизм был жандармом Европы. В России, особенно после 1848 г., не только коммунизм или социализм, но даже малейшее проявление либерального вольномыслия считалось тягчайшим преступлением и влекло за собой суровые наказания. Было принято думать, что русское общество настолько чуждо идей возникавшего коммунистического учения, что, по словам Маркса и Энгельса, еще в 60-х гг. издание первого русского перевода «Коммунистического манифеста» «могло казаться для Запада не более как литературным курьезом» [1].

Маркс и Энгельс не могли, конечно, знать, какой невероятный страх вызвал коммунизм у Николая I и господствующих классов тогдашней России. Материалы, извлеченные на свет из архивных тайников и опубликованные в начале XX в., много лет спустя после смерти основоположников научного коммунизма, показывают, что правительство и господствующие классы России необычайно скоро почувствовали, что коммунизм — страшная для них сила. Отсюда понятно, почему уже с 40-х годов началась остервенелая борьба царизма с коммунистическими идеями. Материалы эти убеждают еще в том, что несмотря на все препятствия и полицейские репрессии революционные идеи и, в частности, идеи коммунизма уже в 1848 и ближайшие к нему годы нашли значительное число сторонников в широких кругах русского общества.

Приближенный Николая I барон М. А. Корф, активнейший реакционер, признавал впоследствии в своих записках, что «шум бурного моря, взволновавший в это время Европу, явственно, несмотря на все вырезки из газет, доносился и до Петербурга». «В училищах являлись разные партии, между ними и партия красных, мечтавших о республике даже и для России» [2].

---

[1] «Манифест коммунистической партии», стр. 35. Партиздат ЦК ВКП(б). 1938.

[2] «Русская старина» за 1900 год. Т. 101, стр. 561, 568.

«Призрак коммунизма» везде и всюду мерещился царю, жандармам, царедворцам и просто благонамеренным служителям трона. Современник событий 1848 г., пострадавший от цензуры академик К. С. Веселовский писал в своих воспоминаниях, как воспринималось в то время понятие «коммунизм»: «Коммунизм, перешедший из книг на улицу, стал лозунгом, под знаменем которого вербовались распоряжавшиеся тогда судьбою Франции уличные массы... С этих-то пор слово «коммунизм» получило у нас значение какого-то пугала, как обозначение чего-то страшного, грозящего какими-то опасностями для государственного спокойствия, и чем меньше понимали настоящий смысл этого термина, тем больший страх внушался этим вокабулом» [1].

Отчетливо проступает тенденция борьбы царизма с революционными идеями в системе цензурных репрессий, которые стали особенно свирепыми с 1848 года.

II

Революционные события 1848 г. вызвали невиданную активность правительственного аппарата и его агентов. В Петербурге к царю полетели десятки доносов, докладов, проектов и пр. Бывший попечитель Московского университета граф С. Г. Строганов и барон М. А. Корф, пожелавшие выслужиться и навредить своему врагу С. С. Уварову, тогдашнему министру народного просвещения, каждый в отдельности подали Николаю I доклады-доносы. В этих доносах в самых тревожных тонах обращалось внимание царя на страшную опасность проникающих в Россию из Европы «коммунистических и социалистических идей», которым якобы Уваров никак не противодействует [2].

М. А. Корф в своих «Записках» указывал, что «опасные коммунистические идеи» тогдашних передовых журналов заставили его серьезно «встревожиться» за судьбы общества.

«Среди жгучей тревоги, вдруг всеми нами овладевшей вследствие парижских вестей,— пишет он,— нельзя было не обратить внимания на нашу журналистику, в особенности же на два журнала: «Отечественные записки» и «Современник». Оба, пользуясь малоразумием тогдашней цензуры, позволяли себе печатать бог знает что, и по проповедуемым ими под разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященных формами коммунистические идеи могли сделаться небезопасными для общественного спокойствия» [3].

Николай I, смертельно напуганный революцией, не преминул, конечно, внять советам своих вельмож. Результатом этого явилось учреждение в начале 1848 г. известного секретного комитета под председательством морского министра Меньшикова (отсюда название «Меньшиковский комитет») и затем еще более строгого чрезвычайного «Комитета 2 апреля» под председательством Бутурлина («Бутурлинский комитет»). В обязанность этих комитетов входила строжайшая цензура и надзор за всеми русскими и прибывающими в Россию иностранными печатными изданиями. Борьба с коммунизмом фигурировала как едва ли не одна из основных задач комитетов.

Вот что пишет в своем любопытном «Дневнике» о «Комитете 2 апреля» цензор Никитенко: «Постепенно выяснилось, что комитет учрежден для исследования нынешнего направления русской литературы, преимущественно журналов, и для выработки мер обуздания ее на будущее время. Панический страх овладел умами. Распространились слухи, что комитет особенно занят отыскиванием вредных идей к о м м у н и з м а, с о ц и а л и з м а и всякого либерализма, истолкованием их и измыш-

[1] В е с е л о в с к и й К. «Отголоски старой памяти». «Русская старина» за октябрь 1899 г., стр. 9—10.
[2] Н и к и т е н к о А. «Дневник и записки». Т. I, стр. 495. СПБ. 1893.
[3] «Русская старина» за 1900 год. Т. 101, стр. 571.

лением наказаний лицам, которые излагали их печатно или с ведома которых они проникали в публику. «Отечественные записки» и «Современник», как водится, поставлены были во главе виновников распространения этих идей. Ни от кого не требовали объяснений, никому не дали знать, в чем его обвиняют, а между тем обвинения были тяжкие. Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими»[1].

Чего опасался царизм, довольно убедительно показывает инцидент с газетой «Русский инвалид». За незначительное упоминание о революционных событиях в Европе, особенно за то, что газета посмела сообщить о студенческих волнениях в Киле и назвать храбрыми руководителей повстанцев, было затеяно серьезное дело о «политической неблагонадежности» редакторов «Русского инвалида». Но самым преступным сочтено было то, что газета представила возможность хоть мало-мальски ознакомиться с европейскими событиями читателям из низших классов общества, из народа. Это обвинение вполне откровенно сформулировал сам председатель «Комитета 2 апреля» Бутурлин.

«Государь император изволил заметить, что если настоящие события на западе Европы,— писал он 25 апреля в инструкции министру просвещения Уварову,— возбуждают во всей мыслящей и благоразумной части нашей публики одно справедливое омерзение, то необходимо всячески охранять и низшие классы от распространения между ними круга идей, ныне, благодаря бога, совершенно еще им чуждых, а в сем отношении нельзя не обратить внимания, что русские газеты читаются и всеми мелкими чиновниками, и на частном дворе, и в трактирах, и в лакейских, рассыпаясь таким образом между сотнями тысяч читателей, для которых все это свято, как закон, по тому уж одному, что оно печатное. В таком смысле нет, без сомнения, никакой пользы и надобности, чтобы эти многочисленные читатели, из коих самая большая часть стоит на низшей степени образования и общественной лестницы, знали, например, что в Париже трон выброшен в окно и всенародно сожжен, или читали те коммунистские выходки, те опасные лжеумствования, которыми теперь так обилуют заграничные журналы»[2].

Само собой разумеется, что при таких драконовых мерах против совершенно безобидной прессы «коммунистический» характер не мог не быть приписываем всякому вообще проявлению общественной деятельности и прежде всего политической деятельности. Так и случилось, когда возникло дело петрашевцев. Выследивший петрашевцев и давший свое заключение об их деятельности чиновник министерства внутренних дел И. П. Липранди особенно приналег на известный «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Петрашевского, изданный им под псевдонимом Николая Кириллова. Это был программный документ, своего рода манифест кружка Буташевича—Петрашевского. В этом «Словаре» Липранди нашел, что «издатель имел дерзость напечатать бесчисленное множество наполненных ядом с о ц и а л и з м а, к о м м у н и з м а, небывалых в русском языке строк, имевших целью водворение свободы и уничтожение частной собственности»[3]. Это мнение послужило важным аргументом обвинения участников кружка Петрашевского и повлекло за собой их суровое осуждение к многолетнему тюремному заключению и каторге.

М. А. Корф также нашел, что пропаганда петрашевцев носила «коммунистический» характер. Цель петрашевцев он изображает в своих «Записках» следующим образом: «Цель замысла была — изменить общественное наше устройство по образцу западных понятий, приготовив

---

[1] Н и к и т е н к о А. «Дневник и записки». Т. I, стр. 493—494.

[2] Цит. Л е м к е М. «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия», стр. 210. СПБ. 1904.

[3] «Русская старина» за июнь 1872 г., стр. 82.

сперва к тому умы посредством распространения коммунистических и социальных сочинений» [1].

Целый ряд документов следственной комиссии по делу петрашевцев заполнен непрестанными упоминаниями о «коммунизме», «социализме», «либерализме» и пр. Между этими определениями зачастую не делается никакого различия. Это отражает характер тогдашнего политического террора, неуверенность господствующего класса в прочности своей власти, готового даже малейшее проявление либерализма отожествлять с коммунизмом. Не всегда, однако, имело место такое неразличение революционных теорий и либерализма. Некоторые правительственные документы свидетельствуют, что кое-кто в руководящих сферах Петербурга довольно отчетливо различал течение европейской революционной мысли. Укажем, к примеру, выработанное министерством просвещения «Наставление» ректору и деканам юридического и первого отделения философского факультетов. Это «Наставление» было составлено в октябре 1849 г. и являлось широкой программой мероприятий по ограждению университетов от проникновения в них революционных идей, главным образом коммунистических. Приведем некоторые наиболее любопытные параграфы этой программы. Терминология и истолкования ее обнаруживают в составителях «Наставления» обстоятельное знакомство с положением дел в революционной Европе того времени:

«§ 5 В ректоре и деканах предполагается ясное понятие о возникших в наше время, преимущественно во Франции, разных политико-экономических систем, каковы сен-симонисты, фурьеристы, социалисты и коммунисты, в особенности о двух последних, играющих столь важную роль в современных событиях на западе Европы. Основная мысль их, как известно, есть достижение всеми возможными средствами безусловного равенства. Объявив непримиримую войну всему, что возвышается над безземельной и бездольной чернью, коммунизм нагло подводит под свой железный уровень все состояния, с уничтожением всяких отличий породы, заслуг, богатства и даже ума. Следя внимательно за развитием столь гибельного и по несчастью преуспевающего мнения в Европе, ректор и деканы будут тщательно отсекать в рассматриваемых ими программах и воспрещать в устном преподавании с кафедр все, что может даже и косвенно содействовать к распространению у нас этих разрушительных начал или служить им некоторою опорою К сему относятся рассуждения, имеющие целью унизить достоинство и пользу какого бы то ни было сословия в государстве или поколебать установленные законами отношения между разными состояниями, двусмысленные или сомнительные намеки насчет несбыточных теорий об общности капиталов и недвижимых имуществ,— одним словом, всякого рода попытки притязания пролетариев к общественной и частной собственности.

§ 6. С этим же намерением и в видах охранения внутреннего в России спокойствия, ректор и деканы недозволяют в лекциях профессоров изъявлять в неумеренных выражениях сожаление о состоянии крепостных крестьян, говорить с преувеличением о злоупотреблении власти помещиков или доказывать, что перемена в отношениях первых к последним была бы полезна для государства» [2].

В этом параграфе опасения о влиянии на юные умы студентов «несбыточных разрушительных теорий», как видим, конкретизированы уже применительно к русской действительности. Здесь неплохо обнаруживается, чего собственно, боялись «охранители спокойствия», — это уничтожения крепостного права и власти помещиков.

---

[1] «Русская старина» за 1900 год. Т. 102, стр. 278.

[2] Скабичевский А. М. «Очерки истории русской цензуры», стр. 342—343. СПБ. 1892.

III

Пристальное внимание царя и пресловутого жандармского «III отделения собственной его величества канцелярии» в связи с европейскими событиями 1848 г. привлекла литература и литературные кружки.

«Память о катастрофе 1825 г. (т. е. о восстании декабристов.—*Л. Л.*) была еще свежа,— указывает историк министерства внутренних дел С. Адрианов,— а мнения, господствовавшие в некоторых наших литературных кружках, казались органически связанными с крайними учениями французских теоретиков. Поэтому состоялось высочайшее повеление принять энергичные и решительные меры против наплыва в Россию разрушительных теорий»[1].

На литературу смотрели как на безусловно «вредный», «разрушительный» проводник идей социализма и коммунизма. Эту официальную точку зрения находим в специально составленном министерством внутренних дел секретном «Очерке направления различных отраслей русской словесности». Авторы очерка, литературные жандармы, указывают, что изданное в период сороковых годов значительное количество литературных произведений содержит в себе «дух материализма, социализма и разных утопий, разлагающих семейный союз и нравственность».

«Всматриваясь внимательно в характер литературы этого времени,— говорят далее авторы «Очерка»,— нельзя не заметить еще как в лирике, так и в драме и повести ясное стремление пропагандировать утопии социализма и коммунизма, намерение во что бы то ни стало унизить одно сословие насчет другого»[2].

Не мудрено, что при таком взгляде на литературу в разряд «коммунистических бунтарей» легко зачислялись критики и писатели, осмелившиеся высказать где-либо в своих произведениях мало-мальски свободную, самостоятельную мысль. «Коммунистическими» оказались в первую очередь, конечно, взгляды Белинского.

. Еще в марте 1846 г. небезызвестный полицейский шпион в литературе Фаддей Булгарин подал в III отделение «записку»: «Социалисм, коммунисм и пантеисм в России за последнее 25-летие». Автор «записки», чтобы припугнуть руководителей охранки, Орлова и Дубельта, и тем самым ускорить расправу со своими врагами, старался изобразить дело так, что в России вот-вот произойдет «коммунистический и безбожный переворот». Очагом заговора Булгарин считал журнал «Отечественные записки», а главными заговорщиками — Краевского и Белинского. «Журнал «Отечественные записки»,— писал Булгарин в своем доносе,— издаваемый явно, без всякого укрывательства в духе коммунисма, социалисма и пантеисма, произвел в России такое действие, какого никогда не бывало. С одной стороны, раздается вопль людей благонамеренных и истинных христиан, которые не постигают, как правительство может терпеть такой журнал; с другой стороны, разорившееся и развратное дворянство, безрассудное юношество и огромный класс, ежедневно умножающийся, людей, которым нечего терять и в перевороте есть надежда все получить — кантонисты, семинаристы, дети бедных чиновников и проч. и проч.,— почитают «Отечественные записки» своим евангелием, а Краевского и первого его министра—Белинского (выгнанного московского студента)— апостолами»[3].

В феврале 1848 г. в III отделение был подан кем-то еще донос (вероятно, тем же Булгариным.—*Л. Л.*), в котором указывалось, что «Бе-

[1] Адрианов С. «Министерство внутренних дел. Исторический очерк», стр. 101. 1902.

[2] Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг., стр. III—IV. СПБ. 1865.

[3] Лемке М. «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», стр. 303. СПБ. 1909.

линский всегда обращал на себя внимание резкостью суждений о прежних писателях наших, не признавая почти никаких достоинств ни в Ломоносове, ни в Державине, ни в Жуковском, ни во всех прочих литераторах и этим оскорбляет чувство тех, которые питают уважение к нашим старым писателям. Это мнение разделяют с Белинским Краевский и почти все молодые писатели наши, которые дошли до того, что считают за ничто всякую старую знаменитость. С одной стороны, это — дело литературное, зависящее от мнений, но с другой — оно может сделаться важным по своим последствиям. Нет сомнения, что Белинский и его последователи пишут таким образом только для того, чтобы придать больший интерес статьям своим, и нисколько не имеют в виду коммунизма, но в их сочинениях есть что-то похожее на коммунизм, и молодое поколение может от них сделаться вполне коммунистическим»[1].

Но таково было не только частное мнение доносчика. В докладе царю шеф корпуса жандармов Орлов еще шире развил мысли, выраженные в «записке» его агента. Делая обзор русской прессы, Орлов указывал на политическую опасность, которую представляет чтение многих статей в тогдашних журналах и литературных произведений. «При поверхностном взгляде без соображения с общею мыслью сочинения,— говорит он,— читатель может подумать, что тут дело идет о чем-либо политическом или коммунизме, что наши молодые люди идут по следам успехов Запада в революционных мыслях, в порче нравственности, тогда как, вникнув в точный смысл наших писателей, всякий убедится, что они рассуждают только об успехах науки и словесности. Нет сомнения, что Белинский и Краевский и их последователи пишут таким образом единственно для того, чтобы придать больший интерес статьям своим, и нисколько не имеют в виду ни политики, ни коммунизма, но в молодом поколении они могут поселить мысли о политических вопросах Запада и коммунизме».

Учитывая все это, Орлов считал, что одной из наиболее эффективных мер являлось бы усиление строгости цензурного устава и надзора за цензорами, чтобы «они не пропускали к напечатанию не только прямо преступных мыслей, но даже коммунистических и политических намеков, сомнительных выражений о стремлениях к вопросам Запада»[2].

Насколько «призрак коммунизма» страшил русское правительство, наглядно видно и из многих дипломатических документов, относящихся к периоду революции 1848 года. Словом «коммунизм» пестрят дипломатические депеши русского посла в Париже Киселева. В одной из депеш (5 февраля 1848 г.) он сообщает, что оппозиция в палате депутатов, возглавляемая Тьером (будущим душителем Парижской коммуны), «хочет вернуть страну ко временам самых ужасных и самых ненавистных деяний Конвента, приспособив тактику его к теперешним идеям коммунизма и других разрушительных сект». Когда началась февральская революция, Киселев сейчас же сообщил в Петербург: «У всех одно опасение: как бы коммунизм не оказался сильнее республики».

Разумеется, эти сообщения все более усиливали тревожные настроения Николая I. И он лично в свою очередь несмотря на пренебрежение ко всему «республиканскому» не замедлил, однако, после июньского восстания отправить благодарственный рескрипт палачу парижских рабочих, «республиканскому генералу» Кавеньяку, за «спасение Франции от опасности торжества разрушительных идей коммунизма»[3].

---

[1] Цит. Лемке М. «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», стр. 174.

[2] Там же, стр. 176—177.

[3] См. Покровский М. «Ламартин, Казеньяк и Николай I». «Сборник к 75-летию революции 1848 г.», стр. 65—86. М. 1923.

IV

Как на одно из характерных явлений, свидетельствующее также о степени знакомства в те годы русского общества с «коммунизмом», можно указать на то, что даже в «Справочном энциклопедическом словаре» 1848 г. имеется объяснение (разумеется, тенденциозно-извращенное) слов «коммунизм», «коммунисты», хотя вовсе отсутствует объяснение слов «социализм» и «социалисты». В этом же «Словаре» Маркс и Энгельс названы «главнейшими проповедниками нового германского материализма и коммунизма»[1]. Это—едва ли не самое раннее легальное упоминание имен Маркса и Энгельса в России.

Имя Маркса стало известным с начала 1844 г. в кругах III отделения и, несомненно, самому Николаю I по донесениям из Парижа тайного царского агента Якова Толстого. В донесении от 4 (16) марта 1844 г. Толстой подробно информировал свое петербургское начальство об издании Марксом и Руге журнала «Deutsch-französische Jahrbücher» и даже прислал в Петербург один экземпляр «Ежегодника». Привожу из указанного донесения извлечение, касающееся Маркса. «Несколько немецких писателей,— пишет Толстой,— высланных за революционные убеждения из Германии и нашедших себе убежище в Париже, основали здесь журнал «Deutsch-französische Jahrbücher» под редакцией профессоров Руге и Маркса. Предприняли они это издание для того, чтобы, пользуясь существующей во Франции свободой печати, распространять в Германии свои разрушительные теории, а также чтобы, наводняя Германию издаваемым ими журналом, выместить свою личную злобу на нее. Два недавно вышедших номера заполнены гнусными подстрекательствами и опорочением всего, что достойно самого высокого уважения: ничему нет пощады, нет для этих людей ничего святого! Возмутительные по своему содержанию статьи направлены против королей Пруссии и Баварии. Прусский посланник граф фон Арним, вполне основательно возмущенный появлением такого журнала, обратился к французскому правительству с просьбой принять меры воздействия против авторов этих гнусных разглагольствований. По его настоянию, г. Гизо, вызвав к себе обоих редакторов журнала, пригрозил, что прикажет препроводить их по этапу на границу Пруссии, а там передать их в распоряжение прусских жандармов, — закон предоставляет правительству право принимать подобные меры по отношению к эмигрантам. Примененное г. Гизо средство вполне достигло цели — издание прекратилось, но первые два номера в тот же день были увезены из типографии, их продавали затем по очень высокой цене, и значительная часть экземпляров проникла в Германию. Мне удалось достать один экземпляр, и в виду того, что в нем много любопытного, я позволю себе препроводить его вашему сиятельству»[2].

Присланный Толстым экземпляр «Немецко-французского ежегодника» хранится при деле[3].

Толстой много приврал в своем донесении. Известно, что издание «Немецко-французского ежегодника» прекратилось не из-за запрета французских властей, а вследствие расхождений между Марксом и Руге и из-за трудностей распространения книги в Германии. Неверно также сообщение Толстого, будто Маркс и Руге были вызваны к Гизо. Прусский посланник, правда, добивался запрещения «Ежегодника» и высылки его редакторов, но потерпел в то время, повидимому, неудачу. Маркс был выслан из Парижа гораздо позже прекращения издания, в феврале 1845 года.

---

[1] «Справочный энциклопедический словарь» под редакцией Старчевского А. Т. XI, стр. 139. СПБ. 1848.

[2] Цит. по публикации акад. Е. Тарле. «Литературное наследство» за 1937 год. № 31—32, стр. 105.

[3] Дело III отд., I эксп., № 191; лит. Е; лл. 136—138.

О деятельности Маркса Толстой доносит и в «записке» «О положении дел в Швейцарии» 17/II—1/III 1846 года.

Он всячески расписывает ужасы «коммунистической пропаганды», охватившей всю Швейцарию. Здесь, по его мнению, зреет страшный революционный заговор, готовится 30-тысячная армия революционных активистов («младогерманцев»), производится огромная масса оружия и пр.

«В Невшателье правительство захватило документ одного тайного общества, которое называло себя «Тайная пропаганда молодой Германии». Многочисленные клубы, организованные в Швейцарии несколько лет назад, являются по своим идеям коммунистическими. Это роковое учение, стремящееся уничтожить все устои общества, не имея возможности беспрепятственно действовать в Германии, где его легко бы подавили, перенесло свой центр в более свободную страну, где надзоры властей слабее, и теперь выросло до колоссальных размеров» [1].

Толстой, далее, излагает содержание философского учения, которым руководствуются революционеры. Главарями проповедников коммунистического учения Толстой называет Руге и Маркса:

«Нынешние реформаторы основывают свое учение на философии. В продолжение долгих лет учение это скрывалось туманным метафизическим языком, недоступным обыкновенному мышлению, и ускользало от правительственного глаза. Теперь это учение упрощено и доступно всем, оно проникает во все классы общества и угрожает вспыхнуть как порох, уничтожая самое святое: религию, монархию, социальные порядки и семейные устои. Новые реформаторы в своих писаниях, речах и действиях все ставят под вопросом.

Среди проповедников безбожья, неподчинения и беспорядков особенно выделяются господа Руге и Маркс» [2].

Сообщая некоторые биографические данные о Руге, Толстой указывает, что последний, прибыв в Париж, начал совместную деятельность с Марксом:

«Он (Руге) отправился в Париж и примкнул к Марксу, прежнему редактору одного крамольного листка, «Рейнская газета», начал издавать совместно с ним «Немецко-французское обозрение» (Deutsch-Französische Revue). Первый выпуск этого злобного издания содержит самые оскорбительные обвинения против суверенов и правительств Германии. Прусский посланник, справедливо задетый этим опасным изданием, обратился по этому поводу с протестом к господину Гизо и потребовал запрета. Французское правительство поспешило удовлетворить этот протест, и, согласно закону от 25-го вандемьера VI года Республики, Руге и более десятка его единомышленников, все немецкие беженцы, были изгнаны с французской территории» [3].

Имя Маркса в эти же годы неоднократно фигурирует в делах III отделения. В начале 1850 г. в III отделение по ложному доносу некоего доктора Манна (он же Стениш) возникло большое дело о панславистском обществе «Юная Россия», ставившем себе якобы целью свержение самодержавия и провозглашение в России республиканского строя. Доносчик, интриговавший русское правительство этим заговором, сообщает, между прочим, что председателями «революционного правления» общества в Брюсселе являются Лелевель и Маркс. Манн присылал в III отделение добытые им якобы письма участников общества. Он доставил также записную книжку «Регистр» общества, где, между прочим, имеется подделанный отчет Маркса председателю Конвента Арнольду Руге. Фаль-

---

[1] Дело III отд., I эксп., № 191; лит. Д, лл. 21—22 (перевод с французского). Публикуется впервые по материалам Государственного архива революции.

[2] Дело III отд., I эксп., № 191, лит. Д; лл. 24—25.

[3] Дело III отд., I эксп., № 191; лит. Д; л. 26.

шивка была состряпана настолько неуклюже, что даже сам Николай I на докладе Дубельта 25 августа 1850 г. по поводу доноса Манна наложил резолюцию: «Явная плутня» [1].

Во всяком случае, это дело лишний раз привлекло внимание русского правительства к деятельности Маркса. Эту деятельность, как свидетельствует другой документ, приказано было «иметь в виду».

В делах III отделения хранится «Список лиц, о которых упоминается в полученных из-за границы сведениях в продолжение 1850 г. и которых приказано иметь в виду» («Дело о разных лицах, принимающих участие в политических переворотах»).

Имя Маркса упоминается здесь дважды [2]. В первый раз среди других лиц со следующей характеристикой: Струве, Маркс, Блинд — германские пропагаторы в Лондоне, которые стараются действовать на Германию посредством сочинений.

Во второй раз наряду с Энгельсом и др.: Маркс, Вольф, Энгельс, Зейлер — члены германского клуба в Лондоне.

Имена Маркса и Энгельса были, таким образом, уже в 40-е годы хорошо известны в руководящих сферах Петербурга.

V

Борьба с «коммунизмом» продолжала стоять в центре внимания царя и правительства и в начале 50-х годов. Так, в апреле 1850 г. министр просвещения Ширинский-Шихматов представил Николаю I специальный доклад «О средствах для ограждения России от преобладающего в чужих краях духа времени, враждебного монархическим началам, и от заразы коммунистских мнений, стремящихся к ниспровержению оснований гражданского общества» [3]. Николай этот доклад целиком одобрил. Цензурные строгости в 50-х годах даже еще более усиливаются по сравнению с предыдущими. Цензура становится как бы более специализованной. Редакторам газет и журналов даются точные инструкции о том, чего нельзя касаться, описывая европейские дела.

Ни под каким видом нельзя было упоминать в печати о «представительных собраниях европейских государств, об их конституциях, выборах, утверждаемых законах, депутатах». Особенно необходимо было «избегать говорить о народной воле, о требованиях и нуждах рабочих классов, о беспорядках, производимых иногда своеволием студентов, о подании голосов солдатами и пр.» [4].

Писать, собственно, о европейских событиях считалось вообще излишним. В III отделение поступали различные проекты, добивавшиеся всякими мерами запрета освещать в печати политические события.

В начале 1850 г. Каменский, директор департамента железных дорог, подал Николаю I докладную записку «О направлении народного просвещения и о главных сословиях в России». Наряду с требованиями об ограничении народного просвещения и развития гражданственности Каменский требовал также постоянного и бдительного надзора над русскими журналами и газетами. «В них,— по его мнению,— следовало строжайше воспретить помещение излишних суждений и толков о политике и нелепых теориях европейской идеологии» [5].

За эту, крайне обскурантскую записку царь выразил Каменскому через шефа жандармов Орлова «высочайшую» благодарность, солидаризуясь, таким образом, с идеями автора.

---

[1] Дело III отд., I эксп., № 4, ч. 5-я, 1-е продолжение лл. 1—88.

[2] Дело III отд., I эксп., № 60, ч. 4-я, л. 1 и обор.

[3] См. Лемке М. «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия», стр. 208. СПБ. 1904.

[4] Там же.

[5] «Русская старина» за 1903 год. Т. 115, стр. 168.

Придирчивость цензуры принимает прямо чудовищные формы. Подозрительными, наполненными чуть ли не социалистическими идеями оказались произведения Жуковского. Генерал Дубельт, руководитель III отделения, хотя и считал, что произведения и взгляды Жуковского вполне благонамеренны, «тем не менее, — писал он, — вопросы его сочинений, духовные—слишком жизненны и глубоки, политические—слишком развернуты, свежи, нам одновременны, чтобы можно было без опасения и вреда представить их к чтению юной публики. Частое повторение слов: свобода, равенство, реформа, частое возвращение к понятиям: движение века вперед, вечные начала, единство народов, собственность есть кража и тому подобным — останавливают на них внимание читателя и возбуждают деятельность рассудка. Размышления вызывают размышления: звуки — отголоски иногда неверные. Благоразумнее не касаться той струны, которой сотрясение произвело столько разрушительных переворотов в Западном мире и которой вибрация еще колеблет воздух» [1].

Не менее характерен случай с обвинением в неблагонадежности ректора Петербургского университета Плетнева, ревностного слуги самодержавия. В феврале 1850 г. Плетнев в связи с годичным отчетом произнес в университете торжественную речь, в которой, между прочим, без отношения к какому-либо конкретному примеру сказал, что «общества укрепляются и благоденствуют собственными своими постановлениями, естественно возникающими из их местности, истории, из их нравов и потребностей». Это-то место и показалось почему-то страшно кощунственным. И. Н. Анненков, сменивший Бутурлина на посту председателя «Комитета 2 апреля», учуял тут явные признаки «коммунизма». К Николаю I сейчас же полетела длинная реляция с обвинением Плетнева во всех смертных грехах. Приведенное место из речи Плетнева Анненков истолковал следующим образом: «Выражение «собственных постановлений обществ», хотя автор разумеет под ним, вероятно, постановления не заимствованные от других, так темно и неопределенно, что легко может быть принято юными умами в смысле совершенно превратном, даже в смысле конституционной автономии, как законодательства, от воли самих обществ истекающего, которая на Западе началась учением лжефилософов и кончилась коммунизмом».

В той же речи Плетнев сказал далее: «Кто не старается различить предметов, обособленных природою, тот идет к заблуждению».

Этого было достаточно, чтобы обвинить его в проповеди греховного «материализма». «Темнота выражений автора, — писал в своем докладе Анненков, — восходит здесь до совершенной невразумительности; но если принять его фразу в смысле буквальном, то ясно, что различение предметов, обособленных природою, вместо защиты от заблуждений может, скорее, повести к материализму» [2].

Николай I на этой «записке» Анненкова наложил резолюцию: «Справедливо».

Цензура изобилует в это время рядом и более любопытных курьезов. «Пагубные идеи Запада» были замечены, например, в повестушке некоего Бертольда «Профессорша», переведенной с немецкого языка П. Фурманом. В одном месте этой повести говорилось: «Весело пели птицы, не заботясь о том, в чьем саду они пели и кому принадлежали деревья, по сучьям которых они прыгали». Анненков усмотрел в этом «попытку ввести в отечественную литературу чувства, идеи и понятия, несвойственные добрым нравам и нашему государственному и общественному быту» [3].

---

[1] Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. IX, стр. 48.
[2] «Русская старина» за 1903 год. Т. 115, стр. 433—434.
[3] Там же, стр. 429.

VI

Любопытные отзывы о событиях 1848 г. встречаются, например, в письмах высшего православного духовенства. Эти письма показывают, что церковники очень внимательно следили за европейскими событиями. Приводим отзыв о них такого крупного церковного деятеля, как московский митрополит Филарет. В одном из писем (от 4 марта 1848 г.) к наместнику Троице-сергиевской лавры Антонию он пишет: «Что делается во Франции, теперь уже читаете в ведомостях. С одной стороны оправдания господня явишася. Филипп корону, поверенную Карлом для хранения, взял себе — и принужден отдать. Оттолкнул наследника и его наследника оттолкнули. Мятежники 1830 г., приятели Гизо, напали на министерский дом Полиньяка. Мятежники 1848 г. напали на министерский дом Гизо, тот же самый. Но затем горе Франции и, вероятно, горе Европе! господь да помилует Россию»[1].

Об угрозе революционного пожара для всей Европы и даже других частей мира говорится и в письме Филарета к А. Н. Муравьеву. Митрополит предостерегает последнего от поездки к «святым местам», в Иерусалим и Константинополь, так как головни революционного пожара могут в этих местах упасть на голову боголюбивого путника.

«Во Франции, — пишет он 14 июня 1848 г., — видны две партии: худая и злая. Теперь на седалищах власти держится более худая, а злая старается ее столкнуть. Если это не удастся, может продолжиться в Европе время не беспокойнее нынешнего. А если удастся, нынешний дым и смрад может обратиться в пожар, и на вашу путническую личность в Константинополе, в Афоне, в Греции могут упасть головни. Ход холеры, так же как и республики (одна на другую похожих) трудно предусматривать»[2].

Церковный пастырь, как видно, был глубоко обеспокоен революцией в Европе. В другом письме (от 25 февраля 1849 г.) он считает недостаточными охранительные мероприятия царского правительства по борьбе с революционным движением.

«Европа, — пишет он, — безумствует и страждет. Мы видим и не страшимся идти путем безумия, не вразумляясь ни тем, что уже нас постигло, ни тем, что может нам угрожать».

Странно читать эти отзывы среди всяческих толкований «священного писания», проектов украшений иконостасов, разбора всякого рода церковных дел и пр.

Вся эта борьба с «коммунизмом» не ограничилась только руганью и поношениями в докладных записках, инструкциях, наставлениях министерств и цензурного ведомства. В 50-е годы против «социализма» и «коммунизма» был специально внесен особый параграф в действующий цензурный устав: «Не следует допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и водворению анархии». Это был вначале II пункт «Временных правил по цензуре», а затем параграф 95 «Устава о цензуре и печати», действовавший едва ли не до 1917 года.

---

[1] «Письма Филарета к архимандриту Антонию». Ч. 3-я, стр. 391. М. 1878.

[2] «Письма Филарета, митрополита московского, к А. Н. Муравьеву», стр. 277. Киев. 1869.

РАСПАД ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ В 1918 ГОДУ *

Е. Рубинштейн

I

К концу 1916 г., во время первой мировой империалистической войны, стали все заметнее обнаруживаться признаки начавшегося истощения военной мощи центральных держав, в особенности Австро-Венгрии.

После значительных успехов, одержанных Австро-Венгрией весной 1916 г. на итальянском фронте, в июне 1916 г. началось брусиловское наступление русской армии, приведшее к катастрофическому для австровенгерской армии луцкому прорыву. Для того чтобы приостановить наступление русской армии, военному командованию центральных держав пришлось не только направить на этот фронт крупные силы австровенгерской армии, обнажив важные участки на итальянском фронте, но и перебросить сюда значительное количество германских войск с западного фронта. Положение Австро-Венгрии осложнялось также выступлением Румынии, объявившей ей войну 27 августа 1916 года.

После фиктивного промышленного подъема 1915 г., связанного с обслуживанием нужд войны, с 1916 г. все с большей остротой проявляются признаки начинающегося хозяйственного истощения страны. Угольный и сырьевой голод, усилившийся под влиянием блокады, отрезавшей центральные державы от внешних рынков, и сильное расстройство транспорта тяжело отражались на состоянии всей промышленности.

Хозяйственное положение Австро-Венгрии еще более ухудшалось вследствие потрясения кредита и вообще всей финансовой системы. За первые два года войны правительство Австро-Венгрии истратило на военные нужды 30 млрд. крон, что равнялось $^1/_4$ национального богатства страны. Значительная часть золотого запаса Австро-Венгрии перекочевала в распоряжение Германии. Крона быстро обесценивалась: к концу 1914 г. стоимость ее была равна 90,5% довоенной, в 1915 г. — 70,25%, а к концу 1916 г. упала до 51,24% довоенной. Из всех воюющих стран одна лишь Австро-Венгрия не решалась публиковать сведений о финансовом положении страны: уже с самого начала войны австровенгерский банк прекратил публикацию своих отчетов (последний баланс был опубликован 23 июля 1914 года).

Увеличивающиеся продовольственные трудности, непрерывный рост дороговизны, усугубленный спекуляцией, произвол военщины, усиление национального гнета и эксплоатации, возрастающая усталость масс от длившейся уже более двух лет войны вызывали все большее недовольство, нарастало антивоенное движение. В политике «гражданского

---

* Настоящая статья представляет собой часть главы, написанной автором для X тома «Всемирной истории», подготовляемого Институтом истории Академии наук СССР.

мира» обнаруживались глубокие трещины. В правящих кругах росла неуверенность, обострялись разногласия, шла борьба, начинался кризис верхов.

Известным симптомом обострения политического положения в стране был террористический акт 21 октября 1916 г., когда австрийским социал-демократом Фридрихом Адлером был убит премьер-министр Штюргк. Фридрих Адлер был предан суду военного трибунала 18—19 мая 1917 г. он был приговорен к смертной казни, замененной ему 18 годами тюремного заключения.

Выстрел Ф. Адлера был одним из проявлений нарастающего внутреннего кризиса австрийской социал-демократии, и Ленин расценивал его как «акт отчаяния со стороны каутскианца» [1].

Ленин, говоря о выстреле Ф. Адлера, указывает, что «только массовое движение можно рассматривать как действительную политическую борьбу» и что «Адлер принес бы гораздо больше пользы революционному движению, если бы, не боясь раскола, систематически перешел к нелегальной пропаганде и агитации» [2].

Победа февральской буржуазно-демократической революции в России оказала большое влияние на развитие классовой борьбы в Австро-Венгрии. «Рабочие России и партия большевиков оказались первыми в мире, которые с успехом использовали слабость капитализма, прорвали фронт империализма, свергли царя и создали Советы рабочих и солдатских депутатов» [3], и пример рабочего класса России послужил мощным стимулом революционной борьбы для измученных нескончаемой кровавой бойней, изголодавшихся, угнетаемых народных масс Габсбургской монархии. Теперь буржуазия и ее социал-демократические агенты не могли более ссылаться на необходимость продолжать войну против «варварского русского царизма», против «царского деспотизма» в России и т. д. Движение рабочего класса и широких слоев трудящихся против империалистической войны и против режима экономического и политического гнета все нарастало. В частности росло стачечное движение. В 1916 г. в Австрии (без Галиции и Буковины) была всего 41 стачка на 60 предприятиях, в них участвовало 15 тысяч рабочих; в 1917 г. число стачек выросло до 131, они охватили 375 предприятий и в них участвовало уже свыше 161 тысячи рабочих.

Нередко стачки и демонстрации заканчивались кровавыми репрессиями правительства против рабочих. Так, в Проснице (Моравия) 27 апреля 1917 г. мирная демонстрация бастующих рабочих была обстреляна войсками, 24 демонстранта были убиты и 40 тяжело ранены.

Стачечное движение распространилось и на предприятия военной промышленности, на крупные металлургические заводы и т. д. В конце мая 1910 г. стачки были объявлены на ряде военных предприятий в Вене, причем под давлением рабочих предприниматели были вынуждены к некоторым уступкам.

В июле развернулось бурное стачечное движение на крупных металлургических заводах в Витковице, в Моравской Остраве и на угольных шахтах Моравской Силезии, причем движение вскоре распространилось и на всю область. 2 июля 1917 г. в Витковице произошли голодные беспорядки, измученные нуждой женщины били стекла в окнах магазинов; толпа была обстреляна, 5 человек были убиты и 10 тяжело ранены; много рабочих было арестовано.

Под давлением масс господствующие классы Австро-Венгрии пошли на некоторые «уступки». Австрийское правительство Клама Мартиница вынуждено было 30 мая 1917 г. созвать рейхсрат, впервые за годы войны [4].

[1] Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 313.

[2] Там же, стр. 312.

[3] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 173.

[4] Еще до начала войны, в марте 1914 г., австрийский рейхсрат был распущен правительством Штюргка.

В ряде выступлений уже на первых его заседаниях нашел свое проявление глубокий политический кризис Габсбургской монархии.

Влияние буржуазно-демократической революции в России сказалось и в Венгрии на развитии классовой борьбы и на усилении хозяйственного и политического кризиса. Широкие массы трудящихся Венгрии все более решительно выступали против режима политического бесправия и национального гнета, против реакционного правительства Тиссы. 23 мая 1917 г. Тисса, который являлся в глазах масс олицетворением социального и национального гнета, который сопротивлялся всем попыткам проведения избирательной реформы в Венгрии, вышел в отставку.

Победа Октябрьской социалистической революции в России явилась мощным стимулом для дальнейшего развития революционного движения в Австро-Венгрии. «Пример России, где народ добился прекращения ненавистной войны путем свержения своего империалистического правительства, не мог не послужить уроком для австро-германских рабочих»[1].

После получения первых сведений о пролетарской революции в России в ряде городов Австро-Венгрии произошли массовые демонстрации под лозунгами солидарности с русской революцией, демонстранты требовали немедленного заключения перемирия и начала переговоров о мире. 11 ноября демонстрировали свою солидарность с пролетарской революцией в России венские рабочие, 22 ноября развернулись массовые демонстрации в Будапеште.

Ввиду того что империалистические правительства Англии и Франции отказались от переговоров о мире, советское правительство одно начало 3 декабря 1917 г. переговоры о мире с Германией и Австро-Венгрией. С неослабным вниманием и большим напряжением следили за ходом этих переговоров трудящиеся Австро-Венгрии в тылу и на фронтах.

Представители Советской России в Брест-Литовске во время переговоров выдвинули принцип самоопределения народов. Германское же и австровенгерское империалистические правительства с самого начала показали, что они хотят использовать переговоры для территориальных захватов. Германский генерал Гофман 12 января 1918 г. потребовал от советской делегации принятия грабительских условий мира, выдвинутых правительствами центральных держав. Наглое поведение представителей германского и австровенгерского империализма в Брест-Литовске и их грабительские требования вызвали величайшее возмущение среди рабочих Австро-Венгрии, нашедшее яркое выражение в январской всеобщей стачке, а также в революционных выступлениях в армии и флоте.

Как только стало известно о ходе переговоров в Брест-Литовске, в Вене начались бурные митинги протеста и стачки. 14 января забастовали рабочие в предместье Вены — Вена-Нейштадт. 16 января к стачке присоединились рабочие Вены: сначала рабочие заводов Фиат в Флорисдорфе и Арсенала, а затем и других предприятий. К 18 января движением были охвачены рабочие в Граце, Линце, Брюнне, Кракове, Будапеште и еще в ряде промышленных центров; стачка стала всеобщей.

Поводом к январской стачке послужило сокращение хлебного пайка, но основными ее причинами являлись глубокая тревога трудящихся Австро-Венгрии, вызванная затяжкой переговоров с Советской Россией, горячее стремление истомленных империалистической бойней, нуждой и голодом масс положить конец войне, а также и влияние примера социалистической революции в России.

Стачка быстро приняла ярко выраженный политический характер. По всей стране начались бурные многотысячные собрания и демонстрации; 16 января в Вене большие собрания рабочих закончились массовой демонстрацией перед военным министерством, причем местами происхо-

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 220.

дили кровавые стычки демонстрантов с полицией. Были созданы советы рабочих депутатов.

Энергичное участие в организации стачки принимали левые радикалы. Они выдвинули от имени бастующих требования избрания уполномоченных по заключению мира, немедленного заключения перемирия на всех фронтах, отмены милитаризации предприятий и всяких ограничений права коалиции, требование немедленного освобождения Фридриха Адлера и других политических заключенных.

В одной из нелегальных листовок оппозиции говорилось: «Народ поднимается на борьбу! Русские рабочие и солдаты, организуя массовые стачки, восстания и уличные бои, сражались не только в интересах своей собственной свободы. Нет! Они проливали свою кровь за освобождение всех народов мира от страданий, вызванных войной, от ига капитализма... Собирайтесь на улицах и площадях! Выбирайте Советы рабочих депутатов, как в России! Победа будет обеспечена массовым выступлением пролетариата!»

Господствующие классы и правительство Габсбургской монархии были ошеломлены размахом и силой движения. Буржуазные партии в рейхсрате вопили о «терроре», под страхом которого якобы находятся предприниматели, они требовали направить против рабочих пушки и пулеметы. Правительственная газета «Reichspost» писала, что «стачка вызвана не сокращением хлебного пайка, а стремлением помочь русскому правительству, чтобы в Брест-Литовске были приняты условия мира, выгодные для России, а не для нашего отечества»[1], и обвиняла стачечников в государственной измене. Император Карл в страхе перед начинающейся революционной бурей перенес свою резиденцию из замка в индустриальном Люксембурге в ставку военного командования, в Баден, причем туда было вызвано несколько дивизий. На случай дальнейшего роста движения было намечено образование диктаторского военного правительства во главе с генералом Шенбургом[2].

Правительство пустило в ход все силы для того, чтобы сломить всеобщую стачку. Огромную помощь в этом оказали лидеры социал-демократии. Увидев, что не удастся ограничить движение рамками экономической борьбы, они постарались захватить в свои руки руководство стачкой с тем, чтобы в конце концов сломить ее.

Отто Бауэр прямо заявлял: «Мы (руководство социал-демократии.— *Е. Р.)* не могли хотеть развития забастовки в революцию»[3].

Реформистские лидеры социал-демократии захватили в свои руки руководство возникшими в ходе январской стачки советами рабочих депутатов и использовали их для срыва массовой борьбы рабочего класса.

В воззвании от 16 января правление социал-демократической партии убеждало рабочих отказаться от всяких решительных действий: «Чтобы избежать ненужных жертв, мы убедительно просим рабочих и работниц поддерживать спокойствие и порядок и избегать каких бы то ни было уличных столкновений. Вы демонстрируете посредством стачки, и действенность этой демонстрации была бы не увеличена, а поставлена под угрозу уличными эксцессами»[4].

Лидеры социал-демократии прилагали всяческие усилия, чтобы воспрепятствовать присоединению к стачке железнодорожников, рабочих предприятий, производящих средства потребления, рабочих электростанций, горнорабочих, печатников и т. д., но вопреки увещаниям социал-демократии эти рабочие все же вступили в борьбу. В стачке участво-

[1] «Reichspost» от 19 января 1918 г.; цит. по «Die Rote Matrosen von Cattaro», S. 16.
[2] См. Krauss «Die Ursachen unserer Niederlage», S. 281. München. 1921.
[3] Бауэр О. «История австрийской революции», стр. 98.
[4] «Um Friede, Freiheit und Recht», S. 14. Wien. 1918.

вали железнодорожники главных узлов Южной, Северной, Восточной и Северозападной дорог в Линце, Кмиттельфельде и в ряде других мест.

Для того чтобы ограничить размах движения и «обезвредить» всеобщую стачку, правление австрийской социал-демократии выдвинуло перед правительством требования заключения мира, реорганизации снабжения продовольствием, немедленного введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при выборах в органы местного самоуправления и демилитаризации предприятий.

Такую же политику проводило и руководство венгерской социал-демократии, которое стремилось к тому, чтобы бастующие ограничились требованием введения всеобщего избирательного права.

Руководство же чешской социал-демократии сделало все для того, чтобы вообще сорвать участие чешских рабочих во всеобщей стачке. Когда под давлением рабочих стачка все-таки была объявлена, то, по договоренности с лидерами австрийской социал-демократии, чешские социал-демократы назначили ее на 22 января, когда, по их расчетам, всеобщая стачка была бы уже сорвана. И действительно, чешские рабочие поднялись на борьбу 22 января, а в это время лидеры австрийской социал-демократии: Виктор Адлер, Карл Реннер и Зейц — уже начали переговоры с правительством и предали всеобщую стачку.

19 января представители правительства, премьер-министр Зейдлер и др., посулили делегатам стачечников ряд «уступок», последним было зачитано лицемерное заверение министра иностранных дел Чернина о том, что со стороны представителей Австро-Венгрии в Брест-Литовске не будут выдвигаться аннексионистские требования, которые могли бы поставить под угрозу заключение мира с Советской Россией. В нем говорилось: «Что касается мирных переговоров с Россией, императорское правительство снова заявляет, что оно не стремится ни к каким территориальным захватам за счет России... Мы не хотим от России ни аннексий, ни контрибуций (Weder Gebietsabtretungen, noch Kriegsentschädigungen). Мы хотим лишь добрососедских устойчивых отношений, основанных на взаимном доверии» [1].

Габсбургское правительство при содействии вождей австрийской социал-демократии обманывало поднявшихся на борьбу рабочих, лицемерно уверяя их в «миролюбивых» намерениях германских и австро-венгерских империалистов в отношении Советской России.

На заседании венского совета рабочих депутатов в ночь с 19 на 20 января выступления руководителей австрийской социал-демократии — К. Зейца, В. Адлера, К. Реннера и др.,—уговаривавших рабочих прекратить стачку, были встречены бурным протестом бастующих.

Когда руководители социал-демократии все-таки сорвали стачку и вопреки сильному сопротивлению масс было вынесено постановление об ее прекращении, на ряде крупнейших предприятий рабочие не соглашались возобновить работу. Так, на заводах Фиат, вопреки решению уполномоченных о возобновлении работы 22 января, общее собрание рабочих отказалось прекратить стачку, пока не станет известно положение на остальных заводах Вены и других промышленных центров. Рабочие Арсенала приступили к работе только 23 января. На собраниях рабочих происходили столкновения, многие социал-демократические рабочие, возмущенные черным предательством своих лидеров, заявляли о разрыве с социал-демократией.

Венгерские рабочие открыто обвиняли руководство социал-демократии в измене делу рабочего класса, и многие из них отказались выполнить решение правления о возобновлении работы 21 января. В «Nepszawa»

[1] «Arbeiterzeitung», 21 Januar 1918.

22 января было опубликовано заявление правления венгерской социал-демократии о сложении своих полномочий.

В рейхсрат 22 января явилась депутация совета рабочих депутатов предместья Вена-Нейштадт и заявила, что рабочие не могут удовлетвориться результатами переговоров с правительством, рабочие требуют заключения мира, введения на государственных предприятиях 8-часового рабочего дня, немедленной демилитаризации предприятий, а также освобождения Фридриха Адлера и других политических заключенных.

Однако всеобщая стачка была уже сорвана. Лидеры австрийской социал-демократии, не только явные оппортунисты, но и те, кто называл себя «левыми»,— центристы: Отто Бауэр, Даннеберг и другие — позорно предали рабочий класс.

Огромная услуга, оказанная лидерами социал-демократии правящим классам Габсбургской монархии, была оценена в полной мере. Когда на заседании бюджетной комиссии палаты депутатов один из лидеров христианско-социальной партии, Миклас, критиковал действия правительства в дни стачки и обвинял его в компромиссе с социал-демократией, министр внутренних дел Тогенбург заявил, что «нельзя говорить о капитуляции государственной власти, когда она вступает в переговоры с теми людьми, которые, полные лучших пожеланий, всеми силами стремятся ввести движение в рамки законности, удержать его в этих рамках и таким образом возможно быстрее привести к его успокоению» [1].

Относительно же леворадикалов в среде социал-демократии нужно сказать, что они проделали большую работу по организации всеобщей стачки, по организации советов рабочих депутатов; они вели активную революционную пропаганду и боролись против предательской политики как официальных лидеров социал-демократии, так и центристов. Именно в ходе январской стачки среди леворадикалов усилилась тяга к полному размежеванию с центристами. Однако леворадикалы не сумели установить связь с широкими массами бастующих рабочих; они были слишком малочисленны и слабы, чтобы возглавить движение, воспрепятствовать срыву всеобщей стачки и поднять движение на высшую ступень.

Главной причиной поражения январской всеобщей стачки в Австро-Венгрии было то, что рабочий класс еще не создал тогда коммунистической партии, которая могла бы возглавить его борьбу.

Всеобщая стачка в Австро-Венгрии была подавлена, но значение ее было огромно. В своем докладе на III всероссийском съезде советов 24 января 1918 г. Ленин с восхищением говорил о «геройской борьбе австрийских рабочих против хищников-империалистов. Пусть даже хищникам удастся остановить на время движение, но прекратить совсем его нельзя, — оно непобедимо» [2].

Вслед за январской стачкой в Австро-Венгрии развернулась всеобщая стачка в Германии. Спартаковцы бросили германским рабочим призыв — «завершить то, что начали австровенгерские братья,— добиться немедленного всеобщего мира и народной республики в Германии» [3].

Январские стачки в Австро-Венгрии и Германии продемонстрировали боевой дух рабочих, их волю к борьбе за быстрейшее окончание империалистической бойни, их горячее сочувствие социалистической революции в России и явились яркой зарницей приближающейся революции.

Движение рабочих Австро-Венгрии нашло живой, действенный отклик в армии и флоте. Этому способствовало тяжелое положение австрийской армии и особенно рядового ее состава.

---

[1] Цит. по «Arbeiterzeitung», 22 Januar 1918, S. 4.
[2] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 218.
[3] «Спартак во время войны», стр. 184. 1933.

В начале января 1918 г. начальник австровенгерского штаба фон Арц, обращаясь к германскому командованию с мольбой оказать продовольственную помощь австровенгерской армии, так рисовал ее положение: «Суточный хлебный паек пришлось сократить до 280 граммов, а суточную порцию зернового фуража — до 1½ кг. Поистине нынешнее положение таково, что держаться можно, лишь перенося самые тяжелые лишения» [1].

Солдаты и матросы голодали, были раздеты и разуты, их косили эпидемии; раненые и больные в госпиталях переносили тяжелые лишения; командование одной из дивизий доносило, что средний вес солдат вследствие систематического недоедания упал до 50 килограммов. В то время как солдаты голодали, офицеры, наоборот, все имели в избытке за счет солдатских пайков, в штабах происходили частые оргии. Солдат и матросов командный состав невыносимо третировал, на них сыпался град дисциплинарных взысканий, репрессий, над ними всячески издевались.

Измученные империалистической бойней, солдаты и матросы знали, что правительство Советской России выступило с предложением переговоров о мире. С огромным напряжением ждали солдаты и матросы исхода переговоров в Брест-Литовске; тревожные вести о затяжке переговоров и угрозе их срыва, а также вести о всеобщей стачке в Австро-Венгрии и Германии вызвали бурные революционные выступления в армии и флоте.

В конце января 1918 г. забастовали рабочие Арсенала в Пола и в порту Триест. Стачка рабочих немедленно вызвала отклик во флоте: 1 февраля началось восстание на судах, стоявших в Катарро (Далмация), в 12 часов дня адмиральский корабль «Святой Георгий» дал артиллерийский выстрел и поднял красный флаг как сигнал для выступления всей эскадры. На кораблях загудели сирены, матросы высыпали на палубы; на 40 крупнейших военных кораблях, стоявших в бухте Катарро, взвились красные флаги. В 2 часа на корабле «Святой Георгий» собрался совет матросских депутатов под председательством Густава Стонавского; совет выдвинул от имени матросов требования: избрания уполномоченных от матросов, созыва матросских собраний, начала общих переговоров о мире, провозглашения права на самоопределение народов, немедленного заключения мира на основе предложений, выдвинутых Советской Россией, и проведения демобилизации. Восставшие арестовали адмирала Гауса и разоружили офицеров. Два дня военные корабли были в руках матросов.

В страхе перед дальнейшим распространением восстания военное командование направило в Катарро эскадру дредноутов из Пола и германские подводные лодки. Восстание было подавлено. Начались массовые аресты матросов. Не только руководители, но и более 380 рядовых участников восстания были преданы военно-полевому суду. Руководители восстания: Франц Расхе, Антон Грабарь, Джерко Сизгорич и Мате Берницевич — были казнены.

Восстание в Катарро потерпело поражение, потому что не было партийного руководства восстанием; в результате матросы допустили ряд ошибок, да и вообще их действия были нерешительны. Но их героическая попытка нашла мощный отклик не только в тылу, но и в армии, сначала в Далмации, Хорватии и Словении, а затем и по всей стране. Весной и летом 1918 г. в австровенгерской армии непрестанно, одно за другим, происходили волнения и антивоенные выступления: в Юденбурге восстали словенские части, в Фюнфкирхене — сербские, в Рум-

[1] «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918». Reihe 4, Band III, S. 17.

бурге — чешские, в Будапеште — мадьярские. В ряде частей имели место убийства офицеров.

В мае восстали солдаты 71-го пехотного полка — словаки, в этот полк незадолго перед этим было влито более 2 тысяч вернувшихся из России военнопленных. Восстание было жестоко подавлено при помощи артиллерии и пулеметного огня; 16 человек было убито и 40 ранено.

Вследствие предательской политики социал-демократии, вследствие отсутствия революционного партийного руководства, которое сумело бы возглавить выступления в армии и флоте и обеспечить единство руководства движением рабочего класса и движением рабочих и крестьян, одетых в солдатские и матросские шинели, а также национально-освободительным движением, правительству и господствующим классам Австро-Венгрии несмотря на всю их растерянность удалось на время подавить революционные выступления в армии и флоте.

24 февраля Германия, Австро-Венгрия и их союзники подписали в Брест-Литовске мирный договор с Советской Россией. Правительство Габсбургской монархии рассчитывало, что брестский мир предотвратит дальнейший распад Австро-Венгрии. Путем ограбления трудящихся Украины правительство Габсбургов предполагало облегчить тяжелый продовольственный кризис в Австро-Венгрии. Еще до заключения брестского мира австрогерманские империалисты 5 февраля 1918 г. подписали «договор» с контрреволюционной украинской Радой, оккупировали Украину и начали выкачивать продовольствие у украинского крестьянства, и без того чрезвычайно истощенного длительной империалистической бойней. Австрогерманские империалисты рассчитывали превратить Украину в свою колонию, они сжигали целые деревни на Украине, убивали и подвергали пыткам лучших ее сынов. Украинский народ поднялся на борьбу против австрогерманских оккупантов и против контрреволюционных буржуазных националистов. «Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную о т е ч е с т в е н н у ю войну,— таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине» [1],— писал товарищ Сталин в марте 1918 года.

II

Октябрьская социалистическая революция в России явилась мощным стимулом и для дальнейшего развертывания национально-освободительного движения в Австро-Венгрии. Национальный вопрос еще в большей степени чем до войны сделался «осью политической жизни, вопросом существования» многонациональной Габсбургской монархии [2].

Уничтожение всякого национального гнета в России, ликвидация всех национальных и вероисповедных ограничений, провозглашение полного равноправия всех народов России, записанное в «Декларации прав народов России»,— все это давало новые силы угнетенным народам Запада и Востока в их борьбе против империалистического гнета, против социального и национального порабощения. «Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая послужила для рабочих и солдат Запада живым спасительным примером и толкнула их на путь действительного освобождения от гнета войны и империализма. Восстание рабочих и солдат в Австро-Венгрии и Германии, образование советов рабочих и солдатских депутатов, революционная борьба неполноправных народов Австро-Венгрии против национального гнета — достаточно красноречиво говорят об этом» [3].

Если весной 1917 г. лидеры чешских и словацких буржуазных партий в своих выступлениях в австрийском рейхсрате требовали только

---

[1] И. Сталин «Статьи и речи об Украине», стр. 40. 1936.
[2] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 18. 1938.
[3] Там же, стр. 56.

автономии в рамках Габсбургской монархии, то осенью 1917 г., после победы пролетарской революции в России, под давлением масс они выдвигают уже требование государственной независимости.

6 января 1918 г. на съезде чешских депутатов рейхсрата и депутатов чешского, моравского и силезского ландтагов была принята декларация, в которой была сделана прямая ссылка на принципы самоопределения народов, провозглашенные Советской Россией. В декларации резко осуждалось поведение представителей австровенгерской монархии в Брест-Литовске. Так как дуалистическая австровенгерская монархия, являющаяся лишь орудием угнетения порабощенных народов, не выполнила своих обязательств по отношению к чехословакам, говорилось в декларации, то последние считают себя свободными от всяких обязательств перед нею, будут сами распоряжаться своими судьбами и требуют образования независимой Чехословакии. Декларация заканчивалась протестом «против того, что право народов на самоопределение не было учтено при мирных переговорах», и требованием, чтобы «всем народам, в том числе и нашему, было обеспечено участие и полная свобода защищать свои права на мирном конгрессе»[1].

Габсбургское правительство запретило опубликование этой декларации; на заседании рейхсрата 22 января 1918 г. немецкие реакционные партии впротивовес этой декларации выдвинули контртребование — выделение немецких округов из Чехии — и заявили, что силой воспрепятствуют образованию чехословацкого государства. Премьер-министр Зейдлер также резко выступил против декларации чехов и добился принятия рейхсратом решения, осуждавшего требования государственной независимости, выдвинутые чехами и словаками. Характерно, что представитель австрийской социал-демократии К. Зейц при обсуждении интерпелляции чешских депутатов, протестовавших против конфискации декларации от 6 января, выступил против требования независимой Чехии, мотивируя это тем, что тогда немцы станут в Чехии угнетаемым меньшинством. Социал-демократы воздержались при голосовании этой интерпелляции, и незначительным большинством она была отвергнута.

Между тем империалистические правительства стран Антанты делали все, от них зависящее, для использования в своих интересах всех центробежных тенденций внутри Габсбургской монархии и для ускорения ее распада. С начала войны правительства стран Антанты стремились использовать национально-освободительное движение внутри Австро-Венгрии для ослабления ее в военном и политическом отношении. «Известно, что империалистическая война, преследовавшая цели порабощения народов, велась под флагом самоопределения»[2]. Вот почему империалисты стран Антанты благосклонно относились к организациям, создаваемым в Англии, Франции, России, Италии чешскими, южнославянскими и другими славянскими националистами, эмигрировавшими из Австро-Венгрии. В 1915—1916 гг. были созданы чешский и югославянский комитеты, имевшие свои организации в Лондоне, Париже, Риме, Вашингтоне и т. д. Национальные комитеты заграницей поддерживали связь с буржуазными националистскими партиями внутри Габсбургской монархии и помогали империалистическим правительствам стран Антанты использовать в своих интересах нарастающее в Австро-Венгрии национально-освободительное движение.

20 июля 1917 г. на острове Корфу было созвано совещание представителей югославского национального комитета совместно с пред-

[1] Цит. по «Arbeiterzeitung». 30 Januar 1918. S 5.

[2] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 83.

ставителями сербского правительства и парламентских деятелей Сербии. Совещанием была принята декларация, подписанная премьер-министром Сербии Н. Пашичем и председателем югославского комитета А. Трумбичем; в ней говорилось о необходимости создания «государства сербов, хорватов и словенцев, известных также под именем южных славян или югославов... в форме конституционной демократической и парламентской монархии, возглавляемой династией Карагеоргиевичей», и перед хорватами и словенцами выдвигалась задача «освобождения от австровенгерского владычества и соединения с Сербией и Черногорией в одно единое и неделимое государство».

Характерно, что решения совещания на острове Корфу, так же как и принятая там декларация, были, как это указывает в своих мемуарах Масарик, заранее согласованы с представителями английского министерства иностранных дел Стидом и Сетон Ватсоном[1]. Немало усилий приложили последние для подготовки и использования в интересах английского империализма происходившего в апреле 1918 г. в Риме конгресса представителей угнетаемых наций Габсбургской монархии: чехов, словаков, поляков, южных славян, итальянцев и румын. В решениях этого конгресса подчеркивалось, что каждый из названных народов должен добиваться полной политической и экономической независимости от Габсбургской монархии. «Конгресс отмечает необходимость объединенной борьбы против общих угнетателей для того, чтобы каждый из этих народов мог достигнуть полного своего освобождения и полного национального единства в форме независимых, свободных государств»[2].

30 мая 1918 г. Масарик заключил в Питсбурге соглашение с проживающими в США словаками о создании объединенного чехословацкого государства с предоставлением словакам в нем автономии.

Летом 1918 г. находившийся в Париже чешский Национальный совет был официально признан правительствами Антанты и чехословацкие легионы были объявлены Антантой участвующей в войне союзной армией.

Одновременно с движением за образование независимой Чехословакии развертывалась борьба за независимую Югославию. Венгерское правительство оказывало упорное противодействие южнославянским народам в их борьбе за создание самостоятельного государства. Венгерский премьер-министр Векерле заявил в сентябре 1917 г. в парламенте, что все попытки южных славян посягнуть на целостность Венгрии относятся к «царству грез».

Австровенгерское правительство пыталось приостановить рост революционного и национально-освободительного движения путем усиления репрессий. 4 мая 1918 г. правительство Зейдлера при поддержке немецких националистов и христианско-социальной партии распустило рейхсрат.

Силясь «разрешить» национальный вопрос, правительство Зейдлера 19 мая 1918 г. издало постановление о новом административном делении Чехии на немецкие и чешские округа. Это постановление вызвало взрыв негодования среди чехов как грубое нарушение конституции, инспирированное немецкими националистами с целью нанести удар движению чехов и словаков за независимость.

Между тем положение в стране становилось все более напряженным. В июне 1918 г. австровенгерская армия потерпела тяжелое поражение на итальянском фронте, на р. Пиаве; ее потери убитыми, ране-

[1] См. Masaryk «Die Weltrevolution». Erinnerungen und Betrachtungen. S. 255. Berlin. 1925.

[2] Цит. по Capek Thomas «Origins of the Czechoslowak state», p. 79.

ными и взятыми в плен были около 150 тыс. человек. Поражение на Пиаве произвело очень тяжелое впечатление в стране и было воспринято как новое доказательство потери всякой боеспособности австро-венгерской армией.

Со всей остротой сказывалось и полное хозяйственное истощение страны. Продовольственное положение было катастрофическим.

Система военно-государственного регулирования, посредством которого правящие классы Габсбургской монархии надеялись наладить производство и распределение в условиях войны, терпела крах. С особенной наглядностью это сказывалось в области сельского хозяйства. Продовольственному управлению удавалось заполучить в свои руки лишь ничтожную часть продуктов сельского хозяйства. Крестьяне прятали хлеб, оказывали сопротивление государственным реквизициям и все чаще отказывались продавать хлеб по твердой цене.

Заключая грабительский, хищнический брестский мир, германские и австровенгерские империалисты хвалились, что они разрешат тем самым вопрос о хлебе. Но дальнейший ход событий показал, что попытки разрешить продовольственный вопрос путем ограбления трудящихся Украины потерпели полный крах.

В докладной записке, представленной в начале мая венгерским министром продовольствия принцем Людвигом Виндишгрецем, указывалось, что продовольственных запасов в стране хватит только до 1 июня, дальнейшие же перспективы совершенно неопределенны и беспросветны. В мае начальник продовольственного управления Австро-Венгрии генерал Ландвер в поисках «выхода из положения» отдал распоряжение явочным порядком захватить следовавший по Дунаю транспорт хлеба, направлявшийся из Румынии в Германию.

И без того голодный, паек населения все более сокращался. 17 июня рабочие узнали, что хлебный паек снова уменьшен до 82 граммов в день. Это послужило поводом к массовым стачкам, к демонстрациям в Вене, Будапеште, Львове и ряде других промышленных центров.

Как и в январе, движение начало быстро перерастать в политическое. В Вене возобновил свою работу совет рабочих депутатов, созданный еще в январе 1918 года.

В большей части предприятий работа была приостановлена. Наряду с экономическими требованиями рабочие настойчиво выдвигали требования политические и в первую очередь требования мира без аннексий и контрибуций, отставки правительства, избирательной реформы в Венгрии и удаления жандармерии с предприятий. 20 июня в Будапеште, по приказу военных властей, был произведен обстрел бастовавших рабочих государственных машиностроительных заводов, несколько рабочих было убито и несколько десятков рабочих — ранено.

В ответ на эти расстрелы началась массовая политическая стачка, охватившая большое количество предприятий. Оппортунистические лидеры профсоюзов и социал-демократии прилагали все усилия, чтобы воспрепятствовать объявлению всеобщей стачки. Захватив в свои руки руководство созданным в ходе движения советом рабочих депутатов, австрийские оппортунисты провели в совете постановление, предостерегавшее рабочих от всеобщей стачки. Как и в январе, они толковали о том, что «дальнейшее расширение движения не в интересах ведущихся переговоров» [1], они призывали железнодорожников, всех рабочих транспорта и других рабочих «избегать всего, что может нарушить работу транспорта и снабжение средствами существования». «Совет рабочих депутатов призывает рабочих сохранять спокойствие и избегать всяких уличных столкновений» [2]. Социал-предателям удалось сорвать подготовлявшуюся всеобщую стачку; лишенные руководства, преданные социал-

[1] «Arbeiterzeitung» от 19 июня 1918 года.
[2] Там же.

демократией, рабочие вынуждены были через пять дней возобновить работу.

Правительство Габсбургской монархии явно не могло справиться с растущей волной революционного и национально-освободительного движения. Все глубже становился кризис верхов. Уже 23 июня, в дни массовой стачки, начался острый правительственный кризис: правительству Зейдлера было выражено недоверие, и оно подало в отставку.

После длительных, безрезультатных переговоров самого императора Карла и министра земледелия Сильвы Тарауча с представителями политических партий Зейдлеру было объявлено, что его отставка не может быть принята; одновременно ему было поручено созвать 16 июля австрийский рейхсрат.

На первых же заседаниях рейхсрата чешские депутаты выступили с резкими обвинениями правительства Зейдлера. Большинство членов палаты депутатов отказалось вотировать внесенный правительством на утверждение временный бюджет. 22 июля кабинет Зейдлера вынужден был выйти в отставку. Ему на смену пришло правительство во главе с клерикалом-консерватором, чешским бароном Гуссареком.

Гуссарек пытался было сформировать правительство «на более широком базисе» и привлечь в него, в частности, представителей социал-демократии. Однако руководство последней, сделав «левый» жест, отказалось вступить в правительство. Социал-демократия, конечно, принципиально не была против участия в правительстве, но она ясно видела приближение неизбежного краха Габсбургской монархии.

Правительство Гуссарека пыталось затормозить бурный рост революционного и национально-освободительного движения, перейдя к «более умеренной» национальной политике; в своей программной декларации от 26 июля 1918 г. оно «возвестило» курс «справедливости ко всем, к каждому народу». Но ничто уже не помогало, и национально-освободительное движение в стране росло и крепло с каждым днем. В конце августа 1918 г. Ленин говорил, что «все признаки указывают на то, что Австрия и Италия переживают канун революции», что там «разложение старого строя... идет быстрыми шагами» [1].

III

Осенью 1918 г. близость краха германской и австровенгерской армий стала очевидной. Кровавые бои, начатые Людендорфом в марте 1918 г., закончились в августе полным разгромом германской армии.

15 сентября войсками Антанты был прорван болгарский фронт. Болгария была вынуждена к капитуляции и 29 сентября подписала договор о перемирии со странами Антанты. Капитуляция Болгарии была тяжелым ударом для Австро-Венгрии: ее южный фронт был теперь обнажен. В начале октября сербские войска под командованием Франшэ д'Эсперэ [2] очистили от австровенгерских войск значительную часть Сербии и подошли к границам Боснии и Кроации.

Положение австровенгерской армии становилось все более тяжелым. «Германия и Австрия задыхались в тисках войны и продовольственного кризиса. В то время как Англия, Франция и Северная Америка разворачивали все новые и новые резервы, у Германии и Австрии иссякали последние скудные резервы. Дело шло к тому, что истощенные до последней степени Германия и Австрия должны были в ближайшее время потерпеть поражение» [3].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 197.

[2] Франшэ д'Эсперэ — генерал, с июня 1918 г. главнокомандующий армиями Антанты на балканском фронте.

[3] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 220.

Австро-венгерская армия, хотя и занимала еще в то время много захваченных ею во время войны земель (Сербия, Румыния, Польша, Черногория, Албания, а также оккупированные области Украины), тем не менее была лишена самого необходимого: достаточного количества оружия, обмундирования, продовольствия. «Из пятнадцати дивизий армии Изонцо,— читаем мы в одном из донесений высшему военному командованию в конце сентября,— семь располагают меньше чем третью, три — половиной и только пять дивизий — двумя третями нужного количества оружия»[1]. Артиллерия была лишена возможности отвечать на бомбардировку со стороны артиллерии противника из-за отсутствия снарядов. В итоге четырехлетней бойни из 9 миллионов призванных за время войны в австровенгерскую армию полтора миллиона были убиты или пропали без вести; общая же цифра людских потерь австровенгерской армии (убитыми, ранеными, попавшими в плен и пропавшими без вести) превышала 5 миллионов человек.

Солдаты на фронтах были истощены, голодны, раздеты; тяжелые эпидемии, распространившиеся по всей стране, особенно свирепствовали на фронте. Солдаты начинали уже открыто выражать свое недовольство и требовать окончания ненавистной им империалистической бойни.

Антивоенное движение распространялось и на части, считавшиеся ранее наиболее надежными. Так, осенью 1918 г. вспыхнуло возмущение в гарнизоне г. Праги, состоявшем из венгров; две роты отказались от принесения присяги; с большим трудом удалось отправить их на фронт.

Чрезвычайно усилилось дезертирство в частях австровенгерской армии: по несомненно преуменьшенным данным, число дезертиров в августе 1918 г. достигло 100 тысяч, а к концу октября — 250 тысяч. В лесах скрывались десятки тысяч солдат, дезертировавших с фронта с оружием, они объединялись в так называемые «зеленые отряды»; к ним примыкали в большом количестве возвращающиеся из России в Австро-Венгрию военнопленные. «Зеленые отряды» в ряде мест (Хорватия, Босния, Словения) провозглашали требование «красной республики» и часто выступали против жандармов и регулярных войск. Крестьяне их всемерно поддерживали. Начались захват земли и уничтожение поместий неславянских помещиков.

Среди оккупационных войск на Украине и раньше всего среди австровенгерских войск также быстро нарастало разложение, усиливалось сочувствие большевикам. Революционизирование австровенгерских оккупационных частей на Украине было настолько сильным, что после года их пребывания там командование боялось использовать эти части для другого назначения. В австровенгерской оккупационной армии все чаще происходили волнения, достигшие осенью 1918 г. своего апогея. Находившиеся в Одессе венгерские оккупационные части настойчиво потребовали возвращения домой, и когда им заявили, что немедленное отправление по железной дороге невозможно, они ушли пешком; так же поступили и венгерские части, стоявшие в Виннице.

Генерал Краус в своих мемуарах пишет о событиях в Виннице: «Комендант находившихся в Виннице оккупационных частей, только накануне уверявший, что они «совершенно благонадежны», довел до сведения командования, что полк желает немедленно уйти в Венгрию. Ничто не помогло, не помогли указания на то, что до Венгрии далеко, что было бы лучше дождаться обещанных поездов. Представители солдат полагали, что они могут дойти пешком до границ Венгрии за три недели, что во время войны они совершали и более длительные походы»[2].

---

[1] Цит. по О. Бауэр, «История австрийской революции», стр. 109.
[2] Krauss «Die Ursachen unserer Niederlage», S. 268.

Командование оказалось не в силах помешать солдатам, и они немедленно ушли. В Жмеринке восставшие солдаты выбросили большинство офицеров из поезда, около 20 офицеров и генерал Гофман были убиты.

Героическая освободительная борьба, которую украинские рабочие и крестьяне вели с оружием в руках против иноземных захватчиков, против германских и австровенгерских оккупантов, и большевистская агитация в оккупационных частях революционизировали солдатские массы. Австровенгерские оккупационные части правительство вынуждено было эвакуировать с Украины: они несли с собой на родину огонь ненависти против «своих» империалистов, против Габсбургской монархии, против военного начальства.

Уже после июньского поражения на р. Пиаве, на итальянском фронте, в австровенгерской армии началась стихийная, беспорядочная демобилизация: осенью эта демобилизация приняла огромные размеры; поезда буквально штурмовались рвущимися домой солдатами, все крыши вагонов в поездах, идущих с фронта, буфера, ступеньки вагонов и паровозов были усеяны людьми.

14 августа 1918 г. представители австровенгерского правительства заявили на заседании коронного совета в главной германской ставке, что Австро-Венгрия «достигла предела своих сил», они настаивали на обращении к правительствам стран Антанты с предложением немедленных переговоров о заключении мира. Но так как германские империалисты все еще старались оттянуть капитуляцию, то Австро-Венгрия 14 сентября 1918 г. сама обратилась к правительствам стран Антанты с предложением собраться где-нибудь в нейтральной стране для обсуждения тех принципов, которые могут быть положены в основу заключения мира. На это предложение был получен отрицательный ответ. Столь же бесплодно было обращение габсбургского правительства вместе с Германией 4 октября 1918 г. с нотой к Вильсону, в которой Германия и Австро-Венгрия просили начать переговоры о перемирии и мире на основе принципов, выдвинутых Вильсоном в его 14 тезисах. Как известно, 10-й пункт этих тезисов требовал «автономного развития» народов Австро-Венгрии, что предполагало сохранение целостности Габсбургской монархии. Правительственные круги Австро-Венгрии с лихорадочным волнением ожидали ответа на эту ноту. 18 октября ответ был получен. Вильсон заявил, что он не намерен вести переговоры с правительством Габсбургской монархии, а соглашается иметь дело лишь с народами, входящими в ее состав.

«Президент не может уже больше считать простую «автономию» этих народов основой мира, но вынужден настаивать на том, чтобы они сами, а не он, были судьями того, какие действия австровенгерского правительства могут удовлетворить их стремления и их представления о своих правах и о своем назначении в качестве членов семьи народов» [1].

Распад Габсбургской монархии неудержимо надвигался. Развитие центробежных сил внутри Австро-Венгрии приближалось к своему апогею. На развалинах многонациональной Габсбургской монархии формировались новые буржуазные национальные государства.

«Империалистическая война, вскрывшая до корней непримиримые национальные противоречия и внутреннюю несостоятельность буржуазных многонациональных государств, привела к крайнему обострению национальных конфликтов внутри победивших колониальных государств (Англия, Франция, Италия), к полному распаду побежденных старых многонациональных государств (Австрия, Венгрия, Россия 1917 г.) и, наконец, — как наиболее «радикальное» решение национального вопроса буржуазией, — к образованию новых буржуазных национальных государств» [2]. Задолго до окончательного распада Австро-Венгрии стала уже

[1] Цит. по «Arbeiterzeitung» от 21 октября 1918 года.

[2] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 66.

очевидной эфемерность надежд габсбургского правительства на удержание в ее рамках польских областей и Галиции. По мере того как обнаруживались хозяйственное и военное истощение центральных держав и близость их военного разгрома, польские буржуазные и помещичьи партии в Австро-Венгрии все более открыто демонстрировали свою ориентацию на Антанту.

«Буржуазия мелких государств, совместно со своими патриотическими «социалистами», повернулась навстречу победоносному империализму союзников и в лицемерных пунктах вильсоновской программы стала искать гарантии своего дальнейшего самостоятельного существования» [1].

11 октября 1918 г., когда крах держав Четверного союза уже явно обнаружился и польский регентский совет в Варшаве провозгласил независимость Польши, Национальный польский совет в Кракове постановил не возвращаться более в венский рейхсрат и декларировал отделение польских областей и Галиции от Габсбургской монархии.

В Восточной Галиции 18 октября 1918 г. была образована украинская буржуазная Национальная рада. Вопреки расчетам польского правительства на захват Восточной Галиции и включение ее в состав Польши, 1 ноября Львов был занят войсками украинской буржуазной Рады, и вскоре была провозглашена Западноукраинская народная республика; в состав ее, кроме Восточной Галиции, вошла и Закарпатская Украина [2].

Назревание революции и рост национально-освободительного движения нашли свое выражение и в событиях, развернувшихся в Чехии. В то время как чешская буржуазия в страхе перед поднимающейся революционной волной, грозящей перехлестнуть далеко за пределы ее требований, боялась решительных действий, рабочие и более радикальные элементы чешской интеллигенции требовали немедленного провозглашения Чехословацкой республики.

В Праге еще 13 июля 1918 г. был образован Чешский национальный совет («Народный вибор») во главе с монархистом Крамаржем. В него наряду с буржуазно-помещичьими партиями входила и чешская социал-демократия, оказавшая в эти дни особенно большую помощь своей буржуазии. Чешская буржуазия боялась прежде всего рабочих. Национальный совет, не желая революционного свержения Габсбургской монархии, делал все возможное для того, чтобы отвлечь чешских рабочих от революционной борьбы за свержение Габсбургской монархии, помешать перерастанию революции буржуазной в революцию пролетарскую и пролетарскому разрешению национального вопроса.

14 октября в Праге и в ряде других городов Чехии была объявлена всеобщая стачка и развернулись бурные массовые демонстрации. Военные власти в страхе перед нарастающей революционной волной превратили Прагу в военный лагерь; на улицах были расставлены пулеметы и расхаживали военные патрули. Пражский штатгальтер бомбардировал Вену донесениями о том, что Прага накануне революции. Одновременно Чешский национальный совет («Народный вибор») делал все от него зависящее, чтобы ограничить движение рамками требований о прекращении вывоза продовольствия и сырья из чешских областей. «Народный

---

[1] «Манифест Коммунистического Интернационала». «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 56. 1933.

[2] Контрреволюционное правительство вновь образовавшейся Западноукраинской народной республики больше всего боялось большевиков и явилось орудием Антанты в борьбе против Советской России. Вследствие своей антинародной, предательской политики правительство это не встречало поддержки народных масс. В июне 1919 г. Восточная Галиция с «санкции» Антанты была захвачена Польшей, а в 1923 г. этот захват был «признан» верховным советом Антанты.

вибор» поспешил дать на места «разъяснение», что требование объявления республики «преждевременно» и выдвинуто не им. Однако в ряде чешских городов (Пизек, Мл. Болеслав, Колин и др.) 14 октября на массовых собраниях и во время демонстраций было прокламировано образование Чехословацкой республики, были уничтожены двуглавые орлы и другие эмблемы Габсбургской монархии и вывешены национальные чешские флаги.

События 14 октября продемонстрировали, что чешские рабочие мыслят себе национальное освобождение совсем иначе чем чешская буржуазия и ее Национальный совет. Но вследствие того, что пролетариат был предан социал-демократией и был лишен партийного руководства, национальный вопрос в Чехии, как и в других создававшихся на развалинах Габсбургской монархии мелких государствах, был «разрешен» согласно рецептам буржуазии и империалистических правительств стран Антанты.

События 14 октября в Чехии явились массовой политической демонстрацией, снова со всей наглядностью показавшей, что дни Габсбургской монархии сочтены. В этот же день, т. е. 14 октября 1918 г., из состава Чешского национального совета в Париже было образовано первое чешское правительство во главе с президентом Масариком. Одновременно подготовлялось создание независимой Югославии. Еще 16 августа 1918 г. в Любляне сконструировался Национальный совет южнославянских народов Австро-Венгрии. В октябре в Загребе был образован Национальный совет словенцев, хорватов и сербов («Народное вече»), в состав которого входили наряду с буржуазными партиями и социал-демократические партии Хорватии и Словении.

Видя приближающееся крушение Габсбургской монархии, правительство последней металось в поисках выхода из создавшегося положения. 26 сентября премьер-министр Гуссарек на совещании членов обеих палат рейхсрата внес предложение образовать коалиционное министерство с представительством всех наций. Но чешские и южнославянские депутаты заявили, что их вступление в коалиционное министерство было бы возможно лишь при условии признания их программы государственной независимости.

В своей речи на заседании собравшегося 1 октября рейхсрата Гуссарек выдвинул программу федерального устройства Габсбургской монархии. Но и эти планы не встретили сочувствия: чешские, южнославянские и другие депутаты открыто заявляли, что они уже ничего не ждут от Габсбургской монархии и что вопрос о независимой Чехословакии, Югославии и Польше будет разрешаться не здесь, в парламенте Габсбургской монархии, а в другом месте.

Какую же позицию заняла в этой напряженной обстановке австрийская социал-демократия?

Уже задолго до первой мировой империалистической войны со всей очевидностью обнаружился крах оппортунистической теории «национально-культурной автономии», выставлявшейся австрийской социал-демократией в качестве панацеи для разрешения национального вопроса.

Австрийская социал-демократия, как и оппортунисты других партий II интернационала, рассматривала национальный вопрос «реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос, вне связи с общим вопросом, о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции»[1], она оказалась, совершенно неспособной возглавить национально-освободительную борьбу угнетенных народов. Теперь, перед лицом надвигающегося распада Габсбургской монархии, особенно очевиден был вред оппортунистической теории национально-культурной автономии и

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 47. 11-е изд.

расточаемых австрийской социал-демократией обещаний разрешить национальный вопрос мирным путем, в рамках Габсбургской монархии, путем создания «сверхнационального государства».

И в годы империалистической войны социал-демократия продолжала сопротивляться требованиям независимости угнетенных народов, добивавшихся создания самостоятельных государств. Однако теперь, в условиях распада Габсбургской монархии, австрийская социал-демократия была вынуждена принять резолюцию, в которой заявляла, наконец, что «представители немецких рабочих признают право на самоопределение для славянских и романских наций Австрии, признавая одновременно то же право и для немецкого народа в Австрии»[1].

17 октября 1918 г. император Карл обратился с манифестом «К моим верным австрийским народам», в котором предлагал немедленно предпринять перестройку Австрии в федеративное государство. Правительство рассчитывало, что манифест будет истолкован как «выступление в духе 14 тезисов Вильсона», что он поможет спасти разгромленную и распадающуюся Габсбургскую монархию и повысит ее акции в ходе мирных переговоров.

Однако все эти надежды оказались тщетными. Еще до опубликования манифеста венгерское правительство заявило, что не допустит никаких покушений на целостность Венгрии, что оно является противником как отделения от Венгрии ее южнославянских областей, так и объединения словаков с чехами. Венгерское правительство угрожало, что при попытках посягнуть на целостность Венгрии оно прекратит подвоз продовольствия в Австрию. Под давлением господствующих классов Венгрии в манифесте было сказано о «нераздельности земель венгерской святой короны», тем самым манифест отказывал в национальном объединении угнетенным южнославянским народам и отвергал возможность объединения словацких и чешских областей. Выступление правительства с таким манифестом было равносильно попытке потушить пожар стаканом воды.

Чешский национальный совет в Праге в своем воззвании от 19 октября протестовал против предложений, выдвинутых в манифесте, и отверг манифест от 17 октября.

Тисса в день опубликования манифеста выступил в венгерском парламенте с заявлением, что война проиграна и что отныне Венгрию связывает с Австрией лишь персональная уния. На заседании венгерской делегации 15—16 октября Михаил Карольи выдвинул требование полной независимости Венгрии и ликвидации всех государственных связей ее с Австрией; он высказался за разрыв союза с Германией и за сепаратный мир с Антантой и потребовал отозвания венгерских войск с итальянского фронта для защиты венгерских границ.

Таким образом, эта последняя попытка австровенгерского правительства склеить распадающиеся части насквозь прогнившей Габсбургской монархии лишь ускорила ее распад.

IV

Процесс распада многонациональной Габсбургской монархии на ряд отдельных буржуазных государств происходил теперь с удвоенной быстротой и интенсивностью.

28 октября в Праге было обезоружено австровенгерское военное командование, арестован штатгальтер и власть перешла к Национальному совету. Все попытки установить во вновь создаваемом чехословацком государстве монархический строй натолкнулись на упорное сопроти-

[1] Цит. по «Deutsche Geschischte der österreichischen Arbeiterbewegung», S. 70.

вление рабочего класса. 28 октября была провозглашена Чехословацкая республика во главе с президентом Масариком.

Венгерская буржуазия требовала разрыва всяких связей с распадающейся Габсбургской монархией. «Старая Австрия окончательно прекратила свое существование,— писала газета «Neuer Pester Journal» 19 октября 1918 года.— Можем ли мы привязать наше живое тело к трупу? Должны ли мы ждать, пока трупный яд проникнет в наше тело?» [1].

Между тем военное положение Венгрии было критическим: после поражения Болгарии французская армия быстро приближалась к венгерской границе. Румыния аннулировала заключенный ею в 1918 г. сепаратный бухарестский мир и выступила на стороне Антанты, против Германии и Австро-Венгрии; австро-германские части под давлением французских и румынских войск вынуждены были очистить оккупированную румынскую территорию; границы Трансильвании оказались под непосредственной угрозой. В этих условиях господствующие классы Венгрии видели спасение в немедленном разрыве с Австрией, в снятии всех венгерских войск с фронта и возвращении их в Венгрию для защиты от Румынии и Сербии и в заключении сепаратного мира с Антантой.

Требуя отделения от Австрии, разрыва союза с Германией и заключения сепаратного мира со странами Антанты, правящие классы Венгрии, однако, отнюдь не обнаруживали желания признать независимость южнославянских и других угнетенных народов в самой Венгрии и оказывали упорное сопротивление их борьбе за национальное освобождение.

Самое большее, на что соглашались правящие классы Венгрии, было объединение южных славян в рамках самой Венгрии, однако об этом южнославянские народы и слышать не хотели. 18 октября в загребской газете «Obzor» было сделано категорическое заявление: «Хорвато-венгерское соглашение (Ausgleich) более не существует. Слишком поздно мадьяры посылают к хорватам свои делегации. Хорваты более не будут вести переговоров с мадьярами. Югославы, как и другие государства, возникшие из монархии, смогут предпринять все необходимое, чтобы завоевать независимость и свободу» [2].

17—19 октября Национальный совет словенцев, хорватов и сербов в Загребе заявил, что берет в свои руки руководство политической жизнью этих народов, и выдвинул требование самостоятельного представительства на мирных переговорах. С таким же требованием выступил 19 октября на заседании венгерского парламента и единственный в этом парламенте словацкий депутат Юрига (Juriga).

23 октября восстали хорватские регулярные войска в Фиуме; они разоружили венгерские гонведы и полицию, освободили заключенных и захватили в свои руки вокзал и все общественные здания. 27 октября началось восстание во флоте, на кораблях были образованы матросские советы. Матросы заявили, что дают срок до 1 ноября, после чего отправятся по домам.

30 октября император Карл после безуспешных попыток «договориться» с Югославским национальным советом был вынужден объявить о переходе в руки последнего всего военного флота Австро-Венгрии.

В Загребе и в ряде других городов Хорватии и Славонии были образованы советы рабочих депутатов. 29 октября Хорватия отделилась от Венгрии. Югославский национальный совет в Загребе официально декларировал отделение от Австро-Венгрии и объявил себя высшей властью вновь образуемого государства. В своей декларации Национальный совет заявлял, что «все существовавшие до сих пор связи между Хорватией, Славонией и Далмацией с одной стороны и Венгрией и Австрией — с другой порываются. Далмация, Хорватия, Славония и

[1] Цит. по Kerchnawe «Der zusammenbruch der Oesterreichischen Ungarischen Monarchie», S. 57.
[2] Ibidem, S. 56.

Фиуме объявляются совершенно независимыми от Австрии и Венгрии и превращаются в национальное и суверенное государство словенцев, хорватов и сербов»[1]. Позднее, 24 ноября 1918 г., Национальный совет вынес постановление об объединении с Сербией в одно государство.

Когда 23 октября венгерскому парламенту стало известно о восстании хорватских солдат в Фиуме, правительство Векерле немедленно подало в отставку.

25 октября 1918 г. был образован Венгерский национальный совет во главе с вождем буржуазной оппозиции Карольи. Поздно вечером появилась прокламация Национального совета, в ней выдвигались требования полной независимости Венгрии, немедленного окончания войны, разрыва союза с Германией, роспуска парламента и введения всеобщего равного избирательного права.

Между тем рабочие и широкие массы трудящихся выдвигали свои требования. Рабочие и солдаты требовали немедленного окончания войны, свержения ненавистной Габсбургской монархии и провозглашения республики. 25 октября в Будапеште был организован совет рабочих и солдатских депутатов. 28 октября рабочие оружейного завода захватили в свои руки склады оружия; на улицах Будапешта происходили многотысячные демонстрации рабочих и солдат, правительственные войска стреляли в демонстрантов. Император Карл назначил премьер-министром Венгрии графа Гадике.

Но в ночь с 30 на 31 октября в Будапеште началось восстание, рабочие и солдаты заняли мосты и ряд правительственных учреждений; восстал весь гарнизон, солдаты отказывались выполнять приказы правительства. В тот же день солдатами был убит Тисса, глубоко ненавистный трудящимся, являвшийся для них воплощением реакции и самого мрачного социального и национального гнета.

Император вынужден был согласиться на образование нового буржуазного правительства во главе с графом Михаилом Карольи. Венгерская социал-демократия поспешила ввести в состав правительства Карольи двух своих представителей: Гарами и Сигизмунда Кунфи.

1 ноября правительство Карольи заявило, что независимо от хода переговоров о перемирии, ведущихся общеимперским правительством, всякие военные действия прекращаются, и отдало приказ о возвращении всех венгерских солдат, еще находившихся на фронтах, в Венгрию. Однако, опасаясь измученных войной солдат, правительство потребовало, чтобы они оружие сдавали на месте и отправлялись в Венгрию безоружными. Новое правительство и не помышляло о свержении монархии, наоборот, оно присягнуло на верность эрцгерцогу Иосифу как наместнику императора Карла. Только под давлением восставших масс в Венгрии была провозглашена республика.

Очутившись перед фактом распада Габсбургской монархии, собрание австрийских депутатов рейхсрата вынуждено было 21 октября провозгласить себя Временным национальным собранием и прокламировать образование Австрии. 27 октября министерство Гуссарека получило отставку и организация нового министерства была поручена Ламмашу. Это было последнее министерство Габсбургской монархии.

30 октября в Вене начались бурные демонстрации с требованием свержения монархии и прекращения империалистической бойни; на происходивших массовых митингах солдаты срывали розетки с императорским вензелем со своих фуражек и с фуражек офицеров. Флоридорфские рабочие, выйдя на улицы, требовали провозглашения в Австрии социалистической республики.

31 октября власть перешла к Временному правительству, руководящую роль в котором играли социал-демократы.

---

[1] Цит. по «Arbeiterzeitung» от 30 октября 1918 года.

Уже в ходе революции, 3 ноября 1918 г., была основана коммунистическая партия Австрии. С первых же дней своего основания компартия выдвинула перед рабочим классом задачу борьбы за свержение Габсбургов, борьбы против буржуазии и помещиков, за социалистическую республику; однако она была еще слишком слаба и малочисленна, чтобы возглавить борьбу.

Правительство Габсбургской монархии отличалось в то время «той же беспомощностью, той же дикой растерянностью, той же полной потерей головы, которой отличалось в свое время к концу февраля 1917 г. правительство Николая Романова»[1]. Но руководители австрийской социал-демократии и не думали ставить вопрос о свержении Габсбургов и немедленном провозглашении республики.

Буржуазные партии (христианские социалисты, немецкие националисты) требовали образования конституционной монархии, и только под напором революционных выступлений в Вене, Будапеште и по всей Австро-Венгрии, усилившихся по получении известий о революции 9 ноября в Германии, Карл Габсбургский 11 ноября 1918 г. отрекся от престола. Габсбургская монархия пала, сметенная волной революции.

Между тем 24 октября началось генеральное наступление итальянской армии на австровенгерском фронте между Брентой и Пиавой. Силы итальянских войск, брошенных здесь в наступление, значительно превосходили силы противника: 780 батальонам со стороны Австро-Венгрии был противопоставлен 841 итальянский батальон.

Состояние австровенгерской армии, особенно ее славянских и мадьярских частей, было таково, что ни о каком серьезном сопротивлении наступлению нельзя было и думать.

Еще 20 октября восстали солдаты мадьярских частей на сербском фронте и отказались выполнить приказ об отправлении в поход. К ним присоединился ряд мадьярских и славянских частей, а затем движение перебросилось и на другие части австровенгерской армии.

24 октября 1918 г. подняли восстание венгерские полки, стоявшие у Азиаго, солдаты категорически потребовали немедленного отправления их в Венгрию.

Главному командованию в секретном донесении о положении в этих частях сообщалось: «Командование считает, что силой здесь ничего не поделаешь. Но, к сожалению, и уговоры до сих пор не имеют успеха. Положение очень серьезно. Не исключено, что это настроение распространится и на другие венгерские военные части»[2].

Когда эти части посетил по поручению кайзера эрцгерцог Иосиф, назначенный главнокомандующим венгерскими частями, солдаты встретили его чрезвычайно враждебно, угрожали ему ручными гранатами и заявили, что согласны ждать отправления с фронта домой не более 24 часов. Настроение солдат было настолько угрожающим, что эрцгерцог постарался незаметно скрыться и немедля послал секретное донесение о необходимости срочного заключения перемирия.

26 октября командование вынуждено было издать приказ об отправке мятежных частей на родину. В ночь на 28 октября они были сменены, но и новые части, занявшие их место, заявили, что отказываются оставаться на фронте. Вслед за венгерскими частями начались восстания в чешских, словакских, румынских, сербских, а затем и немецких частях австровенгерской армии.

27 октября произошел глубокий, катастрофический прорыв фронта итальянцами на левом берегу Пиавы. Уже накануне, 26 октября, импе-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 260.

[2] Цит. по Nowak «Chaos», S. 15. München. 1923.

ратор Карл телеграфировал Вильгельму о том, что Австро-Венгрия приступает к переговорам о сепаратном мире. 28 октября граф Андраши, назначенный после отставки Буриана министром иностранных дел Австро-Венгрии, обратился в Вашингтон с просьбой начать переговоры о немедленном заключении перемирия и сепаратного мира, независимо от хода других мирных переговоров. А через неделю, 3 ноября, в Падуе было заключено перемирие на условиях, означавших полную капитуляцию Австро-Венгрии.

Австровенгерские войска, еще остававшиеся на фронте, по приказу военного командования, приостановили военные действия утром 3 ноября. Итальянские же части продолжали наступление до 3 часов дня 4 ноября и успели захватить значительную территорию, множество пленных и оружия. Австровенгерской армии более не существовало; ее жалкие остатки в панике отступали, бросая оружие и штурмуя уходящие в тыл поезда.

Капитуляция австровенгерской армии и заключение перемирия в Падуе явились актом, завершившим разгром Австро-Венгрии. Многонациональная Габсбургская монархия, на протяжении многих веков являвшаяся тюрьмой народов, перестала существовать, свергнутая восставшими народами и разгромленная своими империалистическими противниками.

На ее развалинах при непосредственном содействии империалистических правительств Антанты был создан ряд буржуазных национальных государств: Австрия, Венгрия, Чехословакия, Югославия.

В этих, вновь созданных мелких буржуазных государствах царил социальный и национальный гнет; «независимыми» они были номинально, на деле же являлись вассалами империалистских правительств стран Антанты.

«Воссоединение искусственно разорванных наций отчасти соответствует выгодам пролетариата; но своей истинной национальной свободы и единства пролетариат может добиться лишь путем революционной борьбы и победы над буржуазией»[1]. Только пролетарская революция, только диктатура пролетариата могли бы обеспечить народам распавшейся Габсбургской монархии подлинное пролетарское разрешение национального вопроса: «В эпоху империализма не может быть иного с п а с е н и я для б о л ь ш и н с т в а наций мира, как революционное действие пролетариата великодержавных наций, выходящее за рамки национальности, ломающее эти рамки, свергающее интернациональную буржуазию»[2].

Пролетариат Австро-Венгрии, преданный социал-демократией, лишенный революционного партийного руководства (коммунистическая партия создалась только в ходе революции и была еще слишком слаба), оказался не в состоянии объединить вокруг себя широкие массы трудящихся и покончить со «своей» буржуазией и со «своими» помещиками, покончить со всеми видами национального и социального гнета.

---

[1] «Коммунистический Интернационал в документах». II конгресс: Национальный и колониальный вопрос, стр. 126.

[2] Л е н и н. Соч. Т. XVIII, стр. 164.

СССР И ИРАН
(1917 — 1940 гг.)

Г. Гельбрас

До Великой Октябрьской социалистической революции в России Иран представлял собой типичную полуколониальную страну.

Царская Россия и Англия захватили в свои руки внешнюю торговлю Ирана, банки, телеграфные, дорожные, сырьевые и прочие концессии. В начале XX столетия Иран был поделен на сферы влияния Англией и царской Россией. Этот раздел был оформлен договором между ними в 1907 году.

Ко времени первой мировой империалистической войны царская Россия и Англия туго затянули финансовую петлю на шее угнетенного иранского народа. В 1914 г. общая задолженность Ирана Англии и России достигла 6804 тыс. фунтов стерлингов, из них царской России Иран был должен 4750 тыс. фунтов стерлингов, а Англии — 2054 тыс. фунтов стерлингов. Одних процентов нищий Иран должен был ежегодно уплачивать 563 600 фунтов стерлингов.

Царская Россия хищнически эксплоатировала страну, в различные русские предприятия в Иране (дорожные, телеграфные, банковские и т. д.) было вложено примерно 160—170 млн. рублей. Вложения английского империализма составляли приблизительно 9500 тыс. фунтов стерлингов. Почти вся внешняя торговля Ирана находилась в руках царской России и Англии.

Перед мировой войной 1914—1918 гг. и во время ее резко усилилось проникновение в Иран германского империализма. Германия стремилась занять в Иране решающие позиции; это было частью всей ее восточной империалистической политики.

Империалистические державы насильственно задерживали политическое и экономическое развитие Ирана. Царская Россия при содействии «либеральной» Англии была палачом персидской революции 1906—1911 годов; она выполняла при помощи иранской казачьей бригады, подчиненной русскому командованию, функции жандарма, защитника интересов феодальной аристократии.

Хищническая политика царизма получила яркую характеристику со стороны товарища Сталина: «Царизм был вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д.». «Кому не известно, что в России, — указывал товарищ Сталин, — всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплоатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войною за захват» [1].

В результате хищнической эксплоатации и порабощения империалистическими государствами, а также вследствие своекорыстной политики

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 4—5. 11-е изд.

правящей феодальной клики Иран оставался аграрно-сырьевым придатком капиталистических стран, нищей, чрезвычайно отсталой, невежественной страной с господством азиатчины во всех областях политической и экономической жизни. Глухая реакция, беззаконие, произвол царили в стране.

I. ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ ИРАНСКОГО НАРОДА

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России вызвала коренной перелом и в истории иранского народа, началась новая эра в его существовании.

Великая Октябрьская революция навсегда освободила иранский народ от ужасов насилия и произвола царизма. Другой мировой хищник, партнер царизма по дележу Ирана, английский империализм, несмотря на попытки установить свой контроль над всем Ираном уже не мог хозяйничать там попрежнему, как только между Ираном и СССР установились нормальные, дружественные отношения. «Эра безмятежной эксплоатации и угнетения колоний и зависимых стран п р о ш л а» [1].

Персидская революция 1906—1911 гг. и мировая война показали, что Иран, зажатый в тиски империалистических государств, не в состоянии добиться национальной независимости и консолидироваться как национально единое государство. Иное положение сложилось для Ирана после Великой Октябрьской революции в России. Пример рабочих и крестьян Советской России, разгромивших полчища интервентов, пытавшихся закабалить советский народ, пробудил в иранском народе глубокую веру в свои силы, в возможность успешной борьбы против империализма и феодализма. В Иране поднялось широкое революционное движение за создание национально независимого, национально единого государства. Массы сделались активным фактором в политической жизни страны. Только после Великой Октябрьской социалистической революции Иран, насчитывавший до того десятки полунезависимых ханств, добился при поддержке СССР образования централизованного государства, пересмотра концессий и договоров, навязанных Ирану в дооктябрьский период. Перед страной открылась возможность самостоятельного, политически независимого существования.

В лице Советской России Иран получил мощную поддержку в борьбе за политическую и экономическую независимость страны. Образование Советского Союза, провозгласившего новые, пролетарские принципы внешней политики, создавало для Ирана непоколебимый дружественный тыл; уверенный в крепости этого тыла, Иран мог спокойно строить свою государственную жизнь. Царизм и английский империализм всячески поддерживали феодальную аристократию, помогали ей подавлять революционное движение, задерживали развитие промышленности в стране. Великая Октябрьская социалистическая революция ликвидировала «империалистскую политику полуфеодального типа» [2], проводившуюся царизмом. Она вдохновила массы на борьбу против империалистического гнета и феодального ига.

В громадной степени выросли и силы демократии в Иране. В стране образовался за последние годы и все более растет промышленный пролетариат. Значительно повысилось национальное самосознание широких масс.

Для иранских трудящихся СССР служит маяком, освещающим путь борьбы за подлинную политическую и экономическую независимость страны.

---

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 179

[2] Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 286.

II. УСТАНОВЛЕНИЕ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ИРАНОМ

Первые шаги советского правительства в отношении Ирана. С первых дней своего существования советская власть начала проводить в отношении Ирана ленинско-сталинскую национальную политику. В основе этой политики лежало: безоговорочное признание независимости Ирана, немедленный вывод царских войск из страны, решительная ликвидация царского наследия в Иране. Эта политика должна была помочь иранскому народу в его борьбе за политическую и экономическую самостоятельность страны, повести к сближению иранского народа с народами Страны советов, к установлению тесного союза национально-освободительного движения в Иране с пролетарской революцией в России.

26 октября 1917 г. II Всероссийским съездом советов был принят декрет о мире. Высший орган советской власти объявлял в этом декрете, что правительство считает величайшим преступлением против человечества продолжать империалистическую войну, направленную к разделу слабых народностей. Съезд заявлял о своей решимости немедленно подписать условия мира, прекращающие эту войну. В обращении Совета народных комиссаров РСФСР ко всем трудящимся мусульманам России и Востока от 24 ноября (7 декабря) 1917 г. говорилось: «Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы.

Пунктом 10-м договора о перемирии между РСФСР с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с другой стороны, заключенного в Брест-Литовске 22 ноября (5 декабря) 1917 г., было установлено: «Исходя из принципа свободы, независимости и территориальной неприкосновенности нейтрального персидского государства, турецкое и русское главнокомандования заявляют о своей готовности отозвать войска из Персии. Они вступят немедленно в сношения с персидским правительством, чтобы урегулировать подробности отозвания и те мероприятия, которые были бы еще необходимы для закрепления указанного выше принципа». Уже эти первые шаги, предпринятые Советом народных комиссаров РСФСР, были направлены к защите независимости Ирана.

В брестском мирном договоре (март 1918 г.) было записано: «Исходя из факта, что Персия и Афганистан являются свободными и независимыми государствами, договаривающиеся стороны обязуются уважать политическую и экономическую независимость и территориальную неприкосновенность Персии и Афганистана» (статья VII).

В дополнительном русско-турецком договоре, заключенном в Брест-Литовске 3 марта 1918 г., обе договаривающиеся стороны заявили, что они считают «уничтоженным и несуществовавшим всякий международный акт, который раньше был создан с целью установить в Персии зоны влияния и исключительные интересы». Обе стороны обязались вывести свои войска с иранской территории (статья VIII).

Еще до подписания брестлитовских соглашений Наркоминдел обратился 6 (19) декабря 1917 г. к поверенному в делах Ирана в Петрограде с предложением начать переговоры по вопросу о эвакуации русских войск из Ирана. 5 января 1918 г. (23 декабря 1917 г.) Наркоминдел опубликовал в «Известиях ВЦИК» заявление о выводе русских войск из Ирана.

Вывод русских войск из Ирана имел громадное политическое значение. Русские войска находились в Иране с 1909 г.; царские генералы зверски подавили революционное движение в северных провинциях Ирана; в глазах иранского народа русские войска были олицетворением всей колониальной политики царизма. Вывод из Ирана русских войск ярко характеризовал национальную политику советской власти. Товарищ

Сталин не раз указывал значение этого факта. Так, в статье «К постановке национального вопроса» товарищ Сталин писал: «Едва ли нужно доказывать, что русские рабочие не завоевали бы себе симпатий своих инонациональных товарищей Запада и Востока, если бы они, взяв власть, не провозгласили права народов на государственное отделение, если бы они не доказали на деле свою готовность проводить в жизнь это неотъемлемое право народов, если бы они не отказались от «права», скажем, на Финляндию (1917 г.), если бы они не вывели войска из Северной Персии (1917 г.), если бы они не отказались от притязаний на известную часть Монголии, Китая и т. д. и т. п.» [1].

14 января 1918 г. Наркоминдел обратился к иранскому правительству с нотой, в которой советское правительство торжественно сообщало иранскому народу, что все тайные договоры между Россией и Англией и другими державами, касающиеся Ирана и нарушающие его права как независимого государства, Советской Россией расторгаются; русский народ возвращает Ирану все то, что отняла у иранского народа царская Россия.

Но английский империализм принял все меры к тому, чтобы помешать установлению нормальных отношений между Советской Россией и Ираном. После вывода русских войск из Ирана вся страна была оккупирована английскими войсками. Английскому империализму удалось при поддержке реакционной правящей верхушки временно установить свое безраздельное господство в Иране. В своей речи на объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 г. Ленин отметил, что Англия «теперь скушала всю Персию» [2].

В то же время английский империализм использовал Иран в качестве плацдарма для борьбы с советскими республиками Закавказья и Средней Азии. Из Ирана банды Денстервиля и Малисона вторглись в Баку и Закаспий. В связи с этой интервенцией англичан Иран был временно отрезан от РСФСР.

В июле 1918 г. в Тегеран был отправлен первый дипломатический представитель советского правительства, тов. Коломийцев. Иранское правительство под давлением англичан отказалось принять Коломийцева в качестве представителя Советской России, ссылаясь на недостаточную оформленность его полномочий. Игнорирование советского представителя англофильским кабинетом Восуг-од-Довле и провокационная политика английского империализма в отношении советской миссии создавали для нее чрезвычайно напряженную обстановку. Остававшееся в Тегеране царское посольство вербовало при содействии англичан белогвардейцев для активной борьбы против Советской России и, в частности, для борьбы с советской миссией. Но советский дипломатический представитель Коломийцев мужественно разоблачал перед иранским народом контрреволюционную деятельность царских дипломатов.

В ответ на это белогвардейцы разгромили помещение советской миссии (2 ноября 1918 г.). Члены советской миссии были арестованы, подверглись избиениям и были высланы англичанами под усиленным конвоем в Индию. Коломийцеву удалось спастись. В июне 1919 г. он выехал в Москву.

Несмотря на это, советское правительство, возглавляемое Лениным, снова попыталось установить с Ираном дружественные отношения. 26 июня 1919 г. Наркоминдел обратился с нотой к иранскому правительству, где повторил основные принципы советской политики в отношении Ирана. Иранское правительство скрыло получение этой ноты от широких народных масс. По указанию Ленина, Коломийцев снова отправился

---

[1] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 111. 1939.
[2] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 155.

в Иран как советский полномочный представитель при иранском шахе с соответствующей верительной грамотой. Ввиду занятия Баку англичанами Коломийцеву пришлось добираться до Ирана окольными путями. 26 июля 1919 г. Коломийцев с группой сопровождавших его лиц прибыл на остров Ашур-Аде. Здесь он был задержан иранскими казаками. 14 августа Коломийцев под конвоем казаков, возглавляемым белогвардейским полковником Филипповым и иранскими офицерами Шир-Мамедагою и Шахзадэ Салар Аширафом, был отправлен из Карасу в Бендер-Гязь. По дороге Коломийцев был убит белогвардейским полковником Филипповым с ведома англофильского кабинета Восуг-од-Довле.

Кровь советского полномочного представителя, боровшегося за реализацию ленинско-сталинской национальной политики в отношении Ирана, была жертвой советского народа в борьбе за установление дружественных отношений с иранским народом.

Убийство Коломийцева произошло через несколько дней после подписания пресловутого англо-иранского договора от 9 августа 1919 года. Этим договором устанавливался фактический протекторат Англии над Ираном. Присутствие советского посланника в Тегеране, конечно, мешало бы английскому империализму реализовать договор. Этот договор — итог долголетней борьбы английского империализма за превращение Ирана в английскую колонию. Ленин называл Иран того периода «окраинным колониальным государством» [1].

В своей речи на конференции красноармейцев ходынских лагерей 15 июля 1919 г. о внешнем и внутреннем положении страны Ленин сказал: «Сейчас же после заключения мира империалисты занялись дележом колоний: Англия забрала Персию, делят Сирию, Турцию,— теперь для рабочих капиталистических стран открылись глаза, что это была война хищников» [2]; а в речи на совещании председателей исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. Ленин отметил: «Турция и Персия превращены в рабов» [3].

30 августа 1919 г. Наркоминдел опубликовал обращение к рабочим и крестьянам Ирана, в котором заявил: «Персия вычеркнута из числа независимых стран, персидский народ исключен из числа свободных народов, его собственные деспоты и угнетатели получают деньги от Англии и окончательно превращаются в ее слуг, состоящих у нее на жаловании, они остаются на шее персидского народа и будут продолжать его угнетать, но они сами будут лишь агентами и слугами более крупного мирового хищника английского капитала, который будет выжимать из персидских несчастных тружеников последние соки... В тот момент, когда торжествующий победитель, английский хищник, пытается набросить на шею персидского народа аркан окончательного порабощения,— советское рабоче-крестьянское правительство Российской республики торжественно заявляет, что оно не признает англо-персидского договора, осуществляющего это порабощение». В обращении напоминалось о посылке Наркоминделом ноты Ирану от 26 июня 1919 г. с изложением принципов политики советской власти в отношении Ирана и о том, что эту ноту «продажное персидское правительство скрыло от персидского народа». В заключение Наркоминдел писал: «Русский рабочий народ протягивает вам, угнетенным массам Персии, свою братскую руку, и близок тот час, когда мы на деле будем в состоянии осуществить нашу задачу совместной с вами борьбы против больших и малых хищников».

Решительное выступление советского правительства против британского протектората над Ираном и ряд других мероприятий советской власти (вывод русских войск из Ирана, ликвидация царского наследия в Иране) нашли широкий отклик в иранском народе.

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 351.
[2] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 400.
[3] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 418.

После заключения англо-иранского договора 9 августа 1919 г. гнет английского империализма в Иране еще более усилился. Англия провела ряд мероприятий для овладения государственным аппаратом Ирана и в целях пересмотра в интересах английского империализма прежних соглашений с Ираном.

В результате мировой войны и отсутствия связей с Советской Россией внешняя торговля Ирана резко сократилась; голод 1917—1918 гг. унес сотни тысяч населения, массовый падеж скота нанес громадный ущерб и без того нищему крестьянству Ирана. Страна оказалась в исключительно тяжелом хозяйственном положении.

Росла ненависть иранского народа к английскому империализму и к правящей верхушке иранского государства, доведших страну до катастрофического положения. Политические демонстрации, волнения в армии, многочисленные протесты против заключения англо-иранского договора были выражением мощного революционного движения, охватившего широкие массы Ирана.

Сильным толчком для развития революционного движения явились установление советской власти в Азербайджане (весной 1920 г.) и разгром советским флотом белогвардейцев, укрывшихся на захваченных ими советских судах в иранском порту Пехлеви (б. Энзели). Революционное движение угрожало смести и английский империализм и правящий класс феодалов.

Иранское правительство вынуждено было изменить свое отношение к советскому правительству. 20 мая 1920 г. в Москве была получена нота иранского правительства о признании Азербайджанской Советской Социалистической Республики. В ноте иранское правительство предлагало установить дипломатические, почтово-телеграфные и торговые отношения с РСФСР. Наркоминдел ответил согласием. 10 сентября 1920 г. в Москву прибыл чрезвычайный посол Ирана Али-Гули-хан Мошавер-оль-Мемалек.

Английский империализм попытался сорвать налаживавшиеся отношения между Ираном и Советской Россией. В этих целях в Тегеране был проведен искусно разработанный «переворот». Ставленник английской дипломатии Сейед-Зия-эд-Дин, издатель газеты «Раад», субсидировавшейся английской миссией, защитник англо-иранского договора 9 августа 1919 г., захватил 21 февраля 1921 г. власть в Тегеране. В целях дезориентации иранской общественности 26 февраля 1921 г. был аннулирован англо-иранский договор от 9 августа 1919 года. Аннулирование этого и без того провалившегося договора, по существу, являлось шагом для подготовки нового соглашения с английским империализмом в изменившихся условиях.

Англофильский характер деятельности после «переворота» нового кабинета, его попытки затормозить налаживание нормальных отношений с Советской Россией были настолько очевидны, что кабинет этот должен был вскоре уйти в отставку (24 мая 1921 г.). Революционные массы разоблачили «переворот», проведенный англичанами. Народ требовал действительной борьбы за образование национально независимого, национально единого государства. Однако народные массы оказались не в силах разрешить эту задачу революционным путем. Победил буржуазный национализм, а не революционные силы страны.

Интересы буржуазного национализма на данном этапе отражал военный министр Реза-хан, избранный позже, в 1925 г., Учредительным собранием иранским шахом.

Переговоры, которые велись в Москве чрезвычайным посланником Ирана Мошавер-оль-Мемалеком, закончились подписанием 26 февраля 1921 г. дружественного политического договора между РСФСР и Ираном.

Договор 26 февраля 1921 г. является классическим выражением ленинско-сталинской национальной политики. Статья первая договора гла-

сит: «Российское советское правительство в соответствии с декларациями своими, изложенными в нотах от 14 января 1918 г. и 26 июня 1919 г. об основах политики России в отношении персидского народа, еще раз торжественно заявляет о бесповоротном отказе России от насильнической в отношении Персии политики империалистических правительств России, свергнутых волею ее рабочих и крестьян. Согласно сему и желая видеть персидский народ независимым, процветающим и свободно распоряжающимся всем своим достоянием, российское советское правительство объявляет все трактаты, договоры, конвенции и соглашения, заключенные бывшим царским правительством с Персией и приводившие к умалению прав персидского народа, отмененными и потерявшими всяческую силу».

В последующих статьях советское правительство объявляло отмененными и потерявшими всяческую силу все конвенции и соглашения, заключенные бывшим правительством России с третьими державами относительно Ирана.

Не желая пользоваться результатами захватнической политики царского правительства, советское правительство отказалось от островов Ашур-Аде и других островов, расположенных у побережья Астрабадской провинции Ирана. Обе стороны договорились пользоваться пограничными реками и водами на равных правах.

Обе стороны обязались строго воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга.

Советское правительство заявило о своем отказе от финансовой политики царского правительства, направленной к политическому закабалению Ирана.

Советское правительство отказалось от всех концессий царского правительства в Иране и безвозмездно передало в полную собственность иранского народа русские сооружения: шоссейные дороги, железнодорожные линии, пристани, телеграфные и телефонные линии, порт Энзели.

Желая «положить конец миссионерской религиозной пропаганде в странах ислама, имевшей скрытой целью политическое воздействие на народные массы и поддерживавшей этим путем хищнические интриги царизма», советское правительство объявило закрытыми все религиозные миссии, учрежденные в Иране бывшим царским правительством.

Российские граждане, проживающие в Иране, равно как иранские граждане, проживающие в России, с момента подписания договора должны были пользоваться равными правами с местными гражданами и подчиняться законам страны их пребывания.

Статьи пятая и шестая договора обязывали РСФСР и Иран не допускать на своих территориях существования враждебных сил. Советское правительство при известных обстоятельствах, предусмотренных этими статьями, имеет право принять необходимые меры для уничтожения этих враждебных сил на территории Ирана.

Советско-иранский политический договор предусматривал заключение ряда соглашений для окончательного урегулирования отношений между РСФСР и Ираном (торговый договор, почтово-телеграфное соглашение, пограничное, и т. д., и т. п.).

15 декабря 1921 г. меджлис ратифицировал советско-иранский политический договор.

Договор от 26 февраля 1921 г. заложил фундамент прочных дружественных отношений между СССР и Ираном. С подписанием договора открылась новая страница в истории Ирана.

Иранский народ, бывший до того послушным рабом империализма, осознал свою силу. Англия, беспрепятственно эксплоатировавшая Иран, вынуждена была теперь считаться с иранским народом как с серьезным фактором. Послевоенная победа Англии в Иране оказалась временной, эфемерной. После мировой империалистической войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России господство английского

империализма, его авторитет, его сила, прочность его позиций в стране оказались подорванными; английский империализм должен был согласиться на отмену протектората и отказаться в отношении Ирана от старого метода открытого насилия.

III. ЗНАЧЕНИЕ СССР В БОРЬБЕ ИРАНСКОГО НАРОДА ЗА СВОЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Иран не сразу стал политически независимым государством. В письме к тов. Павловичу от 31 мая 1921 г. Ленин причисляет Иран к полуколониальным странам. Чем же определялась эта политическая зависимость Ирана от империалистических стран?

Территория Ирана была оккупирована английскими войсками, армия и финансы находились в руках английского империализма. Пользуясь феодальной раздробленностью страны, английский империализм «узаконил» свое вмешательство во внутренние дела Ирана: ограничивал права центрального правительства и умалял суверенитет иранского государства; между английским империализмом и крупнейшими феодалами Ирана существовали сепаратные договоры, в силу которых английский империализм поддерживал независимое положение этих феодалов в отношении центрального правительства (соглашения Англии с ханами Бахтиарии, Хузистана, Белуджистана, Луристана). Иран не мог стать политически независимым, централизованным государством при наличии феодального сепаратизма. Отношения между Ираном и империалистическими странами попрежнему базировались на неравноправных договорах; в основе этих договоров лежало вынужденное признание Ираном режима капитуляций в стране.

СССР поддерживал борьбу Ирана за политическую независимость, за создание централизованного государства.

Рассмотрим наиболее крупные моменты в борьбе Ирана за политическую независимость.

Эвакуация английских войск из Ирана, удаление английских инструкторов и образование национальной армии. Разгром в мае 1920 г. в Пехлеви советским военным флотом белогвардейцев, организовавших там вместе с англичанами военную базу для нападения на Закавказье, дал первый толчок к эвакуации английских войск из Ирана. Под давлением революционного движения в стране Англия вынуждена была в течение первой половины 1921 г. вывести все свои войска из Ирана. Только на юге страны остались небольшие отряды при английских консульствах, но в последующие годы и эти отряды были эвакуированы.

В 1921 г. военным министром Реза-ханом были уволены из армии английские и шведские офицеры, в этом же году Иран должны были покинуть и английские финансовые советники. Приказом от 5 января 1922 г. были ликвидированы жандармские и казачьи части. Одновременно Реза-хан, опираясь на установившиеся дружественные отношения с советским правительством, приступил к созданию единой национальной армии. Правительство Ирана начинает уделять большое внимание получению офицерами высшего военного образования в европейских учебных заведениях; молодежь посылают учиться военному делу во Францию, Англию и другие государства.

Создание национальной армии стало крупным фактором в борьбе Ирана за образование централизованного государства.

Ликвидация феодального сепаратизма. Одновременно была поставлена задача ликвидации феодального сепаратизма. Разоружение племен и феодальных ханств и подчинение их центральному правительству стало осью политической жизни страны на продолжительный период времени. Английский империализм единым фронтом с реакцией внутри страны выступил на защиту феодальных привилегий

и существования полунезависимых ханств, ибо они-то и составляли политическую опору английского господства в стране. Английский империализм сплачивал вокруг себя разрозненные силы феодалов.

Первые попытки правительства подчинить себе южных феодалов кончились неудачей. При содействии англичан бахтиары разбили правительственный отряд, направленный в Бахтиарию летом 1922 года. В 1922 г. англичане организовали союз южных племен. В Курдистане англичане помогали восстанию Смитко. В сентябре 1924 г. хузистанский шейх Хезаль, агент английского империализма, объявил войну центральному правительству. Англия открыто встала на защиту своего агента и, как сообщало 29 ноября 1924 г. Роста, вручила иранскому правительству две ноты, в которых требовала прекращения военных действий центрального правительства против шейха. Однако центральное иранское правительство вопреки протестам англичан ликвидировало мятеж шейха. Незадолго до восстания шейха Хезаля в Тегеране с провокационной целью был убит американский консул Иммери (18 июля 1924 г.), пытавшийся сфотографировать «чудотворный сакка ханэ» (источник воды). Английский империализм хотел использовать это убийство в целях создания единого фронта иностранных миссий против центрального иранского правительства, которое якобы не в состоянии обеспечить порядок в стране. Особая позиция, занятая советским посольством, разбила интриги англичан. Иранская печать и в дальнейшем не раз сообщала о попытках английского империализма поддерживать реакцию, чтобы сохранить власть в руках крупнейших феодалов.

Значительно возросшие силы иранского государства при дружественной поддержке его со стороны СССР привели в конечном счете к ликвидации феодального сепаратизма.

Создание централизованного государства явилось одним из важнейших политических событий в истории Ирана послевоенного периода. Ликвидация феодальной раздробленности страны укрепила иранское государство и облегчила ему борьбу за политическую независимость страны.

Ликвидация неравноправных договоров. Открылась возможность поставить вопрос и о ликвидации неравноправных договоров.

Под влиянием декларации советского правительства об аннулировании неравноправных договоров кабинет Самсам-ос-Салтанэ 27 июля 1918 г. принял решение об отмене режима капитуляций. Но английский империализм потребовал от шаха отставки кабинета. Шах удовлетворил требование англичан. Кабинет был разогнан казаками под командованием английских офицеров.

Положение существенно изменилось через несколько лет. Опираясь на советско-иранский политический договор от 26 февраля 1921 г., в котором СССР снова подчеркнул свой отказ от пользования режимом капитуляций, иранское правительство 10 мая 1927 г. объявило об аннулировании с 10 мая 1928 года режима капитуляций в стране. Иранское правительство сообщило империалистическим странам, что им предоставляется годичный срок для заключения с Ираном новых договоров на началах равноправия. Год почти истекал, но империалистические государства не спешили с заключением новых договоров: решение иранского правительства было встречено империалистами враждебно, особенно резко возражал против отмены режима капитуляций английский империализм. Тогда иранское правительство 3 мая 1928 г. провело закон о таможенной автономии. Этот закон в отношении государств, не подписавших с Ираном новых договоров, устанавливал максимальный тариф (в два раза выше нормального). Самая угроза применения максимального тарифа в отношении империалистических государств была характерна для той новой обстановки, которая сложилась для Ирана после Великой Октябрьской социалистической революции в России. В прежние годы Иран вынужден

был подписывать невыгодные для страны таможенные конвенции с царской Россией и Англией. СССР был первым государством, отказавшимся от права на конвенционные тарифы и предоставившим Ирану полную свободу в тарифно-таможенных вопросах (обмен нотами от 1 октября 1927 г.)

В результате и империалистические государства, в том числе Англия, вынуждены были перезаключить свои соглашения с Ираном. Англия добилась, однако, от иранского правительства ряда компенсаций за согласие на отмену режима капитуляций.

В результате создания национальной армии, ликвидации феодального сепаратизма и неравноправных договоров Иран стал политически независимым государством.

Ослабление позиций английского империализма в экономике страны. Достигнутая политическая независимость обусловила успешность борьбы иранского правительства за ликвидацию или пересмотр многочисленных английских концессий.

При содействии американских советников иранское правительство создало централизованный финансовый аппарат, реорганизовало архаическую налоговую систему, добилось создания Национального банка (1928 г.). До того шахиншахский (английский) банк выполнял казначейские операции и обладал монопольным правом эмиссии бумажных денег. 13 мая 1930 г. иранское правительство, сделав большие уступки этому банку, добилось пересмотра концессии: право эмиссии и казначейские операции перешли в руки Национального банка.

В течение десятилетий Англия и царская Россия тормозили железнодорожное строительство в стране, навязав Ирану запретительную конвенцию. Только в результате новой обстановки, сложившейся в Иране после Великой Октябрьской революции, к иранскому правительству полностью перешли все дорожные концессии, находившиеся в руках иностранцев, и иранское правительство построило, не прибегая к иностранным займам, Трансиранскую железную дорогу (1394 км). Русские телеграфные и дорожные концессии были переданы советским правительством Ирану добровольно и безвозмездно по договору от 26 февраля 1921 года. Дорожные и телеграфные концессии английского империализма постепенно также перешли в руки иранского правительства или вследствие аннулирования (дорожная концессия Линча) или путем выкупа (Дуздабская железная дорога).

Громадное значение для империалистической Англии имела и имеет нефтяная концессия. Англия монополизировала в отношении разведки и эксплоатации нефтяных источников $^{5}/_{6}$ территории Ирана. Нефтяная концессия стала одним из важнейших устоев британской колониальной политики в Иране. 27 ноября 1932 г. иранское правительство расторгло концессионный договор, чтобы добиться от Англии более приемлемых для Ирана условий. Угрозы английского империализма не помогли, и последний вынужден был пойти на уступки иранскому правительству.

Иран имел из году в год пассивный внешнеторговый баланс. За десятилетие — с 1921 по 1930 г.— пассив достиг громадной суммы — в 2700 млн. кран (без учета вывоза нефти с английской концессии). Пассивность внешнеторгового баланса тяжело отражалась на и без того отсталой экономике Ирана.

28 февраля 1931 г. меджлисом был утвержден «закон о монополии внешней торговли», а 11 марта 1931 г.—дополнительный к нему закон. Монополия внешней торговли в Иране имеет специфические особенности, принципиально отличающие ее от нашей социалистической монополии внешней торговли. Иранская монополия преследует в основном фискальные цели, она направлена к сбалансированию ввоза и вывоза и защите национальной промышленности от иностранной конкуренции. Этот закон имел крупное политико-экономическое значение: он затра-

гивал главным образом колониальные аппетиты английского империализма. Английская пресса, в том числе «Times», помещала резкие статьи, направленные против этого закона. Англичан поддержали другие империалистические государства. Только СССР занял в отношении Ирана дружественную позицию. СССР явился первым государством, признавшим новый режим внешнеторговых отношений с Ираном. Тем самым СССР дал возможность Ирану провести закон в жизнь. Положительное значение нового закона заключается в том, что он способствовал развитию национальной фабрично-заводской промышленности в Иране.

Ослабление экономической зависимости Ирана от империалистических государств ярко демонстрирует правильность указаний товарища Сталина о том, «что империалистская война и победа революции в СССР расшатали устои империализма в колониальных и зависимых странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах»[1].

IV. РАЗВИТИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ИРАНОМ

Развитие договорных отношений между СССР и Ираном после заключения политического договора 26 февраля 1921 года проходило в чрезвычайно сложной обстановке; на эти отношения влияли и международное положение, и внутренняя обстановка в Иране, и соглашательский характер политики правящих классов в отношении империалистических государств, и влияние крайних реакционных кругов в самой стране, и т. д. Все эти факторы, переплетаясь между собой, создавали не раз весьма напряженную обстановку во время обсуждения вопросов, касавшихся ирано-советских отношений.

Развитие торговых отношений между СССР и Ираном. Царская Россия и Англия в свое время превратили Иран в аграрно-сырьевой придаток к народному хозяйству своих стран. Англия и царская Россия монополизировали в основном в своих руках всю внешнюю торговлю Ирана. В 1913—1914 гг. удельный вес царской России во внешнем товарообороте Ирана составлял 60%, а удельный вес Англии — 21%. Царская Россия и Англия подчинили своему контролю все связи Ирана с мировым рынком. Борясь за монопольное господство в Иране, царская Россия до войны не разрешала транзита в Иран европейских товаров через территорию России. Исключение составляли почтовые посылки не тяжелее 5 килограммов. Запрещая транзит товаров из третьих стран, царская Россия широко практиковала экспортные премии в своей торговле с Ираном. Эти мероприятия сильно затрудняли иностранную конкуренцию с русскими товарами на иранском рынке.

Своими дорожными монополиями в Иране царская Россия еще более усиливала привилегированное положение там русских купцов и промышленников.

Торговые связи между СССР и Ираном построены на началах, принципиально отличных от тех, на которых царская Россия базировала свою политику в отношении Ирана. Торговые отношения между СССР и Ираном строятся на базе взаимной заинтересованности, на основе равноправия обеих сторон. В СССР Иран имеет прочный и постоянный рынок для сбыта своей продукции. Особенно показательны в этом отношении годы мирового экономического кризиса. Все основные сельскохозяйственные товары (хлопок, шерсть, рис и др.) в годы кризиса могли найти свой сбыт почти исключительно в СССР. При этом цены на товары, вывозившиеся из Ирана в СССР, почти удержались на докризисной высоте, в то время как цены на товары, вывозившиеся Ираном в капиталистические страны, резко упали.

---

[1] И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 352. 10-е изд.

В то же время Иран является потребителем промышленных товаров, производимых в СССР. Мощная индустрия, созданная в нашей стране, дает возможность Ирану все более расширять ассортимент товаров, которые Иран может закупать в СССР.

Торговые договоры между СССР и Ираном показывают, какой характер носят отношения между двумя странами. Вместе с тем эти договоры отражают также изменение методов торговли между СССР и Ираном на отдельных этапах.

Торговый договор 1924 года. Советско-иранская конференция по заключению торгового договора между СССР и Ираном впервые приступила к работе 16 июня 1922 года. Враждебное отношение к СССР со стороны тогдашнего премьера Кавам-ос-Салтанэ привело к срыву переговоров. Переговоры возобновились в Тегеране 9 марта 1923 г. и протекали в напряженной обстановке. Английский империализм всячески пытался укрепить свое пошатнувшееся положение и препятствовал налаживанию дружественных отношений между СССР и Ираном. Только 3 июля 1924 г. ирано-советский торговый договор был подписан в Тегеране.

Для экономики Ирана этот торговый договор мог иметь большое значение; он обеспечивал расширение хозяйственных и торговых связей между двумя странами на началах равноправного экономического сотрудничества; от перерыва и нарушения этих связей Иран весьма страдал в послевоенные годы.

Английский империализм попытался сорвать ратификацию договора меджлисом. В частности, восстание английского ставленника, хузистанского шейха Хезаля (сентябрь — декабрь 1924 г.), против центрального правительства было организовано не только для отрыва от Ирана нефтеносных земель: своим острием это восстание было направлено также и против ирано-советского договора.

Под давлением реакционных кругов, подстрекаемых империалистическими государствами, ирано-советский торговый договор от 3 июля 1924 г. меджлисом не был ратифицирован.

Торговый договор от 1 октября 1927 года. До конца 1922 г. в торговле с Ираном применялась та же самая разрешительная система, которая была установлена для торговли на нашей западной границе. В соответствии с основными принципами своей восточной политики СССР установил льготный режим в торговле с Ираном. В 1922 г. был разрешен безлицензионный ввоз товаров из Ирана на нижегородскую ярмарку. В дальнейшем приказами Наркомвнешторга от 29 марта 1923 г. и 12 июля 1924 г. по советско-иранской границе был введен бесконтингентный и безлицензионный оборот. Это привело к значительному увеличению советско-иранского товарооборота.

Недостаточность экспортных фондов у советского государства в тот период создавала для Советской страны пассивный баланс в торговле с Ираном.

Поэтому с 1 февраля 1926 г. в целях выравнивания советско-иранского товарооборота был временно восстановлен контингентированный и лицензионный оборот, свободный ввоз был сохранен лишь для хлопка, но с ноября 1926 г. и хлопок был включен в число лицензионных товаров. Весь товарооборот с Ираном должен был проводиться на началах нетто-баланса. При этой системе требовался обязательный вывоз из СССР иранскими купцами советских товаров на сумму, вырученную от реализации в СССР иранских товаров.

В конце лета 1926 г. в Москве открылись переговоры с Ираном по торговым вопросам. Впрочем, вскоре эти переговоры были прерваны, так как под влиянием империалистических государств и реакционных кругов иранское купечество в конце 1926 г. начало бойкотировать советские

хозяйственные организации, настаивая на сохранении бесконтингентной и безлицензионной торговли с СССР.

Однако наибольший ущерб от бойкота в первую очередь понесла экономика Ирана. Прерванные торговые переговоры возобновились в конце марта 1927 года. Английский империализм снова попытался помешать переговорам. В мае 1927 г. Англия, как известно, разорвала дипломатические отношения с СССР. Этот разрыв дипломатических отношений Англия пыталась использовать в своих интересах и в Иране, всячески настраивая последний против СССР. О приемах давления английского империализма на иранское правительство в «Известиях» от 10 июня 1927 г., в статье «Новый кабинет в Персии и советско-персидские отношения», рассказывалось следующее: «Явившись к шаху, г. Кляйв (английский посол в Тегеране.— *Г. Г.*) потребовал ухода в отставку Мустовфи-эль-Мемалека (тогда премьер в Иране.—*Г. Г.*), которому он инкриминировал: 1) отказ в разрешении английскому правительству устроить воздушную связь Египет — Индия через персидскую территорию и 2) неутверждение соглашения относительно так называемой касреширинской нефти. Этой, якобы недоброжелательной по отношению к английским интересам политике кабинета Мустовфи-эль-Мемалека г. Кляйв противопоставил будто бы проявляемое правительством внимание по отношению к советским интересам в Персии. Шах, не окончив разговора, вышел, а обиженный Кляйв просил напомнить ему, что он обязан Англии престолом и что на этот престол имеются и другие претенденты». Личные угрозы шаху, распространение всякого рода вымыслов о политике СССР, подготовка восстаний племен и т. д.— таковы далеко не новые методы колониальной политики английского империализма, от которых он не отказывается до самого последнего времени.

Вопреки проискам империалистов и реакционеров ирано-советские переговоры закончились подписанием 1 октября 1927 г. торгового соглашения (в форме обмена нотами). Это соглашение устанавливало смешанный метод торговли: при сохранении контингентирования иранского вывоза в СССР торговля в пределах контингентов была объявлена свободной. Соглашение активизировало участие в торговле между СССР и Ираном среднего и мелкого купечества, которое получало возможность непосредственно отправлять свои товары в СССР, минуя маклеров и крупных скупщиков.

Торговым соглашением от 1 октября 1927 г. годовой объем иранского вывоза в СССР был установлен в 250 млн. кран. Иранским купцам и организациям предоставлялось право свободной закупки на территории Союза и свободного вывоза в Иран всех произведений почвы и промышленности Союза, за исключением нефти и нефтепродуктов, хлеба в зерне и муке, а также товаров, в импорте которых нет нужды на иранском рынке (пушнина, ковры). Соглашение было построено на системе нетто-баланса по каждой сделке. Иранские купцы были обязаны на сумму, вырученную от проданных СССР товаров, обязательно вывезти советские товары. Соглашение от 1 октября 1927 г. предоставило Ирану право транзита через СССР в третьи страны.

Торговое соглашение от 1 октября 1927 г. было восторженно встречено в Иране, оно дало сильный толчок развитию экономических отношений между СССР и Ираном.

Вообще октябрь 1927 г. представляет крупную веху в развитии дружественных отношений между СССР и Ираном. Помимо торгового соглашения между Ираном и Советским Союзом 1 октября 1927 г. были подписаны акты большой политической и экономической важности: 1) договор о гарантии и нейтралитете, принадлежащий к числу основных договоров, определяющих политические отношения между СССР и Ираном; 2) таможенная конвенция; 3) соглашение об эксплоатации рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря; 4) соглашение о порте

Пехлеви; 5) договор об аренде пристаней, складочных помещений и других сооружений в порту Пехлеви. «Правда» в статье от 2 октября 1927 г. «К подписанию договора между СССР и Персией» писала: «Они (заключенные соглашения—*Г. Г.*) обеспечивают Персии возможность самостоятельного курса во внутренней и внешней политике, лишая Англию и другие крупные капиталистические державы возможности превращения Персии в плацдарм для своей империалистической игры, опасной для дела всеобщего мира».

Конвенция о поселении, торговле и мореплавании от 27 октября 1931 года. Торговое соглашение от 1 октября 1927 г. прекратило свое действие 1 октября 1929 г., между тем новое соглашение к этому времени еще не было заключено. Отсутствие торгового договора между СССР и Ираном было использовано частью купечества, не без влияния, конечно, империалистических стран, для пропаганды бойкота советских хозяйственных организаций. В иранской прессе выдвигался проект создания особого торгового синдиката для торговли с СССР. Благодаря этой неурегулированности отношений ирано-советский товарооборот за 1929—1930 и 1930—1931 гг. несколько снизился.

Хозяйственное положение Ирана в 1930—1931 гг. сильно ухудшилось. Мировой экономический кризис тяжело отражался на экономике Ирана. С середины 1930 г. иранская пресса была заполнена многочисленными статьями и сообщениями о разрушительном влиянии кризиса, о резком падении цен на сельскохозяйственную продукцию, о крайней затруднительности сбыта иранских товаров на внешних рынках и т. п.

СССР в это время победоносно выполнял первую пятилетку. За годы первой пятилетки был создан мощный фундамент социалистической экономики, колоссально выросли экспортные возможности нашей страны. Победы первой пятилетки требовали изменения и методов торговли СССР с Востоком. Методы этой торговли, практиковавшиеся со времени восстановительного периода (ярмарки, привлечение восточного купечества в СССР и т. п.), себя изжили, применение нетто-баланса по каждой отдельной сделке стало тормозом в развитии торговых отношений. Возникла необходимость замены его нетто-балансом по торговле между СССР и Ираном в целом. Торговые сделки были перенесены в основном в страны Востока, в том числе и в Иран. В 1931 г. торговля с Ираном была передана всесоюзным внешнеторговым объединениям, построенным по товарному признаку. Для торговли с Востоком и в частности с Ираном в 1931 г. СССР располагал значительно выросшим экспортным фондом; причем повышался экспорт промышленных изделий за счет продовольственных товаров.

Все это нашло свое отражение в заключенной 27 октября 1931 г. конвенции (ратифицирована 22 июня 1932 г.) о поселении, торговле и мореплавании, заменившей временное торговое соглашение от 1 октября 1927 года.

Подписание конвенции имело большое политическое значение для Ирана: СССР признал в силу этой конвенции так называемую «монополию внешней торговли» в Иране, сыгравшую крупную роль в развитии национальной промышленности.

Конвенцией и подписанными одновременно с нею нотами был урегулирован большой круг вопросов, касавшихся торговых и других отношений между двумя странами.

Учитывая экономические интересы Ирана, СССР предоставил ему, в согласии со статьей 20-й договора от 26 февраля 1921 г. и в целях уточнения его постановлений, свободный транзит произведений почвы и промышленности Ирана в любую третью страну. СССР получил аналогичные права в отношении территории Ирана. СССР предоставил кроме того иранским торговым обществам и купцам право свободно вывозить

в любом направлении произведения почвы и промышленности, привезенные из Ирана на советскую территорию и здесь не проданные. СССР предоставил свободный транзит через свою территорию в Иран указанных в конвенции категорий произведений почвы и промышленности из стран, имеющих с СССР торговый договор, соглашение или конвенцию.

Статья 16-я конвенции устанавливала, что в Каспийском море могут плавать только суда, принадлежащие СССР и Ирану или их гражданам и транспортным организациям.

Одновременно путем обмена нотами правительства обеих стран урегулировали ряд хозяйственных вопросов, в частности о представительстве хозяйственных организаций в иранском суде, о снижении цен на нефтепродукты, продаваемые Персазнефтью в Иране, о порядке транзита через территорию СССР иранского опиума и т. д. Конвенция предусматривала продажу Ирану необходимых ему товаров: сахара, спичек, нефтепродуктов в размере 100% иранского ввоза, калош—92%, фарфоро-фаянсовых и стеклянных изделий — 76%, цемента — 72,3%, металла — 65%, хлопчатобумажных тканей — 55%, бумаги и бумажных изделий — 66,3%, машин и оборудования — 53.6%. Конвенцией предусматривалась продажа Ирану также и ряда других товаров.

Т о р г о в ы й д о г о в о р о т 27 а в г у с т а 1935 г о д а. В 1932—1933 гг., вскоре после ратификации торговой конвенции 1931 г., отдельные группы иранского купечества попытались односторонне изменить установленный порядок торговли между двумя странами. Часть купечества, недовольная тем, что вся торговля должна была вестись через всесоюзные внешнеторговые объединения, бойкотировала советские хозяйственные организации. Это вызвало осложнение в торговых взаимоотношениях между СССР и Ираном и снижение в 1933 г. советско-иранского товарооборота.

В 1934 г. СССР посетила иранская экономическая делегация, состоявшая из представителей различных министерств; ей была предоставлена возможность широко ознакомиться с социалистическим строительством нашей стране. Это обстоятельство, а главное, тяжелое экономическое положение страны, вызванное мировым экономическим кризисом и отсутствием нормальных экономических отношений в этот период с СССР, ускорили переговоры с Ираном о заключении торгового договора.

27 августа 1935 г. между СССР и Ираном был подписан торговый договор, заменивший торговую конвенцию от 1932 года. Одновременно были заключены контракты на поставку Ирану советскими экспортными организациями различного промышленного оборудования. Вместе с торговым договором были подписаны ветеринарно-санитарная конвенция, конвенция по борьбе с болезнями растений и по борьбе с саранчой.

Победа социализма в нашей стране, создание мощной индустрии и передового, самого крупного в мире сельского хозяйства открывали широкие перспективы в развитии экономического сотрудничества между СССР и Ираном.

СССР начал оказывать Ирану широкую техническую помощь в создании им промышленности и транспорта: согласно контрактам, соответствующие советские организации должны были в трехлетний срок поставить Ирану оборудование для рисоочистительных и хлопкоочистительных заводов, шерстомоек, оборудовать мельничный комбинат в Иране и целую сеть элеваторов по всей стране; СССР оказывает также широкую помощь Ирану в борьбе с саранчой, причиняющей громадный ущерб сельскому хозяйству, в борьбе с болезнями растений, скота и т. п. Помощь Ирану в борьбе с саранчой оказывалась и ранее (начиная с 1924 г.), однако с 1935 г. эта помощь начинает носить более широкий и планомерный характер.

По договору, СССР не только брал на себя закупку в Иране наиболее важных сельскохозяйственных культур и сырья (хлопок, рис, кенаф,

шерсть, сухофрукты и кожевенное сырье), но и соглашался ежегодно увеличивать их закупку на 10—15%. К этому времени экспортный выход хлопка-волокна в Иране составлял примерно 20 тыс. тонн; шерсти — 7 тыс. тонн; кенафа — 1½—2 тыс. тонн; мелкого кожевенного сырья — 1½—2 млн. штук.

СССР, согласно контрактам, должен был взамен вывозимого сельскохозяйственного сырья продать непосредственно иранскому правительству хлопчатобумажные ткани, сахар, спички, цемент, железо, сельскохозяйственные машины. Иранское правительство в торговых отношениях между двумя странами впервые выступало в роли прямого покупателя советской продукции. Контракты монополизировали за правительствами 80% всего торгового оборота между двумя странами.

Торговые отношения между СССР и Ираном за последние годы показывают тенденцию к росту. Об этом говорит следующая таблица (в млн. риалов):

Годы	Вывоз из СССР в Иран	Ввоз в СССР из Ирана	Итого	Удельный вес СССР во всем товарообороте Ирана
1930—1931	230	159	389	37
1931—1932	268	251	519	39
1932—1933	201	117	318	28
1933—1934	145	90	235	22
1934—1935	193	203	396	34
1935—1936	241	186	427	29
1936—1937	277	270	547	36
1937—1938	315	235	550	34

Снижение советско-иранского товарооборота в отдельные годы является показателем неурегулированности в эти годы торговых взаимоотношений между двумя странами.

Особенно велико было для Ирана значение советского рынка по отдельным основным товарам. Так, за последний год действия договора (1937—1938) Иран импортировал из СССР в ценностном выражении 89,5% всего ввозимого им сахара, 62% хлопчатобумажных тканей, 64,5% шерстяных тканей и т. д. СССР экспортировал из Ирана 90% всего вывозимого Ираном хлопка, 99,6% риса, 87,7% мерлушки, 39% сухофруктов и т. д.

Из капиталистических государств за последние годы в торговле с Ираном резко усилилась роль Германии. Еще в 1934—1935 гг. удельный вес Германии в товарообороте Ирана равнялся 9%; Германия занимала четвертое место во внешней торговле Ирана после СССР, Англии, США. В 1937—1938 гг. Германия процент своего участия в торговле с Ираном повысила до 27, выйдя на второе место. Почти 64% всей стоимости машинного оборудования и инструментов, ввезенных Ираном в 1937—1938 гг., пришлось на долю Германии. Германия заинтересована в вывозе из Ирана шерсти, сухофруктов, ковров и других товаров. Прочие крупнейшие капиталистические страны, наоборот, систематически снижают свою долю во внешней торговле Ирана. Об этом говорит следующая таблица:

Годы	% участия во внешней торговле Ирана			
	Англия (без Индии)	США	Япония	Франция
1935—1936	15	11	6	3
1936—1937	8	10	3	1,5
1937—1938	7	8	4	2

Сопоставление данных о роли капиталистических государств и СССР во внешней торговле Ирана особенно подчеркивает наличие глубоких экономических связей между СССР и Ираном.

Договор о торговле и мореплавании от 25 марта 1940 года. Действие торгового договора от 27 августа 1935 г. окончилось в июне 1938 года. Наступил бездоговорный период. В правящих кругах Ирана определилась тенденция максимально развить торговые отношения с капиталистическими странами за счет сокращения торговли с СССР.

Бездоговорный период оказался чрезвычайно тяжелым для Ирана. Иран не смог найти другой такой разносторонний рынок, каким являлся СССР. Резко обозначилось сокращение внешней торговли страны. Торговый договор давал Ирану право транзита через территорию СССР. Теперь Иран лишался этой возможности. В бюллетене Национального банка сообщалось, что транзит тонны сухофруктов из Тегерана до Гамбурга через территорию СССР обходился в 340 риалов, а через Трапезунд (Турция)— в 1010 риалов и через Персидский залив — в 1330 риалов. Торговля с СССР давала работу десяткам тысяч населения северных провинций Ирана, теперь они ее лишались. Громадные обороты торговли с СССР давали сотни миллионов риалов в государственный бюджет Ирана. Резкое сокращение оборотов этой торговли обозначало дефицит и в бюджете. В 1930—1933 гг. Иран мог сравнительно менее болезненно переносить мировой экономический кризис только благодаря установлению широких экономических связей с СССР. Экономический кризис 1937—1939 гг. всей своей тяжестью ударил по Ирану. В бюллетенях Национального банка со второй половины 1938 г. систематически сообщалось о застое на крупных рынках страны, о падении цен на мерлушку, кожевенное сырье, миндаль и другие товары. Но и по низким ценам сделок не было.

Торговые отношения с Германией развивались напряженно. Лишившись советского рынка, Иран со второй половины 1938 г. усилил свой экспорт в Германию. К 1939 г. последняя задолжала Ирану по клирингу 120—150 млн. риалов, в то же время Иран не получал из Германии нужных ему товаров.

В результате всего за первый бездоговорный год (1938—1939) Иран импортировал товаров на 31,7% меньше в ценностном выражении чем в 1937—1938 годах. В то же время вывоз риса в 1938—1939 гг. уменьшился на 90%, хлопка — на 47% и т. д.

С началом второй империалистической войны трудности для Ирана резко увеличились. В иранской прессе помещались многочисленные статьи об изоляции страны, о громадном ущербе, причиняемом Ирану английской морской блокадой, о невозможности получения из Германии многочисленных товаров, заказанных еще в довоенное время.

В стране началась бешеная спекуляция, росли цены по всем импортным товарам. Заключение хозяйственного соглашения между СССР и Германией дало возможность последней возобновить торговлю с Ираном. Однако экономическое положение Ирана продолжало оставаться весьма напряженным.

10 марта 1940 г. был парафирован новый договор между СССР и Ираном о торговле и мореплавании. 25 марта в Тегеране этот договор был подписан обеими сторонами. В широких кругах Ирана подписание договора было встречено с исключительной радостью. 28 марта, представляя в меджлис для ратификации договор с СССР о торговле и мореплавании, министр иностранных дел Мозафар Аалям произнес речь, в которой, в частности, отметил: «С экономической точки зрения этот договор принесет такую большую пользу, которую трудно даже описать». Речь министра вызвала одобрение депутатов.

История еще раз дала возможность Ирану проверить на практике, какое значение имеет для страны наличие политически дружественных, экономически развитых отношений между СССР и Ираном.

Экономическая помощь Ирану. Торговыми отношениями не исчерпывается действительная роль СССР в экономике Ирана: помимо развития торговых отношений советскими хозяйственными организациями в Иране проведена большая работа в интересах развития сельского хозяйства.

Еще в 1923 г. в Иране было организовано советско-иранское торгово-производственное товарищество «Персшолк», которое восстановило шелководство в Гиляне и Мазандеране, погибшее в годы, последовавшие за первой мировой войной. Товариществом были выписаны фабричное оборудование и машины новейших конструкций, впервые в Иране была оборудована паровая кокономорильня, сушильня, построен ряд тиль-амбаров. В первый же год своей работы «Персшолку» удалось вовлечь в разведение коконов свыше 20 тысяч крестьянских хозяйств. Иранские работницы, незнакомые ранее с европейским способом обработки шолка, в результате советского инструктажа научились фабричному производству шолка.

Особенно крупную работу проделал в Иране «Персхлопок». Для улучшения качества хлопка товариществом были открыты хлопкоочистительные заводы в хлопковых районах; при его содействии значительно были расширены в Иране посевы американского хлопка. Если до первой империалистической войны площадь посевов хлопка американскими семенами не превышала 4200 га, то в 1936 г. американскими семенами хлопка было засеяно 58 666 га. «Персхлопок» впервые в Иране поставил селекционное дело и начал применять тракторную обработку полей под посевы хлопка. За время с 1923—1924 по 1932—1933 гг. были заложены сортоиспытательные и показательные участки в различных районах Астрабадской провинции; в ряде пунктов в стране впервые были организованы метеорологические станции.

Закгосторгом в Иране была введена калифорнийская сушка фруктов.

СССР принял активное участие в первой всеиранской выставке в Тегеране в ноябре — декабре 1923 года. Кстати сказать, Англия не участвовала в этой выставке. Советский павильон посетило свыше 45 тыс. человек. В декабре 1923 г. на территории сельскохозяйственной школы в Кередже впервые демонстрировались советские сельскохозяйственные машины.

Прочие соглашения экономического характера, заключенные между СССР и Ираном, также содействовали укреплению экономики Ирана. Советское и иранское правительства разрешили многочисленные вопросы ирано-советских отношений; соглашением от 20 февраля 1926 г. о взаимном пользовании пограничными реками и водами на протяжении границы от реки Герируд до Каспийского моря был урегулирован крупный вопрос о распределении вод пограничных рек; подписаны почтовая и телеграфная конвенции, соглашение о прямом железнодорожном сообщении между СССР и Ираном и т. д.

V. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ИРАНОМ

Последние годы показали, что при наличии дружественных отношений могут быть достигнуты большие результаты и в области культурного сотрудничества между СССР и Ираном.

В 1934 г. праздновалось 1000-летие со дня рождения величайшего иранского поэта Фирдауси.

СССР принял активное участие в этом праздновании. В марте 1934 г. при ЦИК СССР был создан специальный комитет по проведению празд-

нования юбилея Фирдауси. СНК ЗСФСР также вынес специальное постановление о проведении юбилея. Была создана среднеазиатская юбилейная комиссия. В СССР юбилей Фирдауси был отмечен многочисленными торжественными заседаниями и научными сессиями; в частности, 29 и 30 мая в Эрмитаже состоялась совместная сессия Института востоковедения Академии наук СССР и Эрмитажа. Во время сессии была организована выставка, посвященная Фирдауси. 20 сентября 1934 г. в Москве, в Большом театре, состоялся торжественный вечер, организованный комитетом по проведению празднования юбилея Фирдауси при ЦИК СССР. 12 октября Союз советских писателей организовал специальный вечер, посвященный Фирдауси. Многочисленные собрания, посвященные Фирдауси, состоялись также и в национальных республиках.

К юбилейным дням издательство «Academia» выпустило сборник избранных отрывков из «Шах-Намэ». Академия наук СССР выпустила также две юбилейных монографии. К юбилею Фирдауси во всех союзных республиках были переведены и изданы отрывки из его произведений и сборники статей о нем. Советская периодическая печать широко освещала празднование юбилея Фирдауси.

В Тегеран советским правительством была командирована делегация востоковедов, принявшая там активное участие в конгрессе. Члены делегации прочли шесть докладов, посвященных Фирдауси. Делегация эта передала иранскому правительству ценные подарки советского правительства: гальванопластические копии единственных в своем роде сассанидских серебряных блюд, принадлежащих государственному Эрмитажу, фотокопию одной из древнейших рукописей «Шах-Намэ», хранящейся в Государственной публичной библиотеке, а также ряд изданий произведений иранского искусства.

Другим примером культурного сотрудничества между СССР и Ираном может служить третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии, состоявшийся в Ленинграде и Москве 11—18 сентября 1935 года. В связи с конгрессом в Эрмитаже состоялось открытие большой выставки, посвященной иранскому искусству.

На этой выставке иранское искусство рассматривалось в общем плане искусства Востока. Впервые в СССР была сделана попытка представить искусство Ирана во всем его многообразии и в неразрывной связи с искусством других народов Востока. На выставке были помещены 25 тыс. редчайших произведений искусства и памятников культуры. Она была расположена в 80 залах и занимала площадь в 40 раз бо́льшую чем залы, в которых до того были размещены восточные собрания старого Эрмитажа.

Все вышеупомянутые факты наглядно показывают иранскому народу, что СССР на деле доказал, что он является подлинным сторонником политической и экономической независимости Ирана и его культурного роста.

О МАТЕРИАЛЬНЫХ ВЗЫСКАНИЯХ В ВАРВАРСКИХ ПРАВДАХ

Н. Грацианский

В исторической литературе неоднократно подчеркивалась и подчеркивается крайняя тяжесть материальных взысканий по Варварским правдам, пагубно отражавшихся на положении широких масс населения: не будучи в большинстве случаев в состоянии выплатить высокие виры и пени, свободные варвары теряли свое имущество и свободу. Подчеркивая это обстоятельство и отмечая его большую роль в процессе феодализации, представители исторической науки, насколько мне известно, до сих пор даже и не ставили вопроса о том, почему в демократическом обществе возникло явление, которое прямо отрицало принципы демократии, так как вело к разорению массы.

Что же представляли собой реально материальные взыскания по Варварским правдам в меровингскую и каролингскую эпохи? Виры и пени исчисляются в Правдах, как известно, на солиды и денарии. Солид эпохи меровингов — это римский золотой солид (aureus) Константина, сначала чеканившийся в количестве 72, а потом (приблизительно со времени Юстина) 84 штук из фунта золота. Золотые монеты Меровингов чеканились как подражание этому солиду, который был основою франкской, бургундской, алеманской и баварской монетной системы. Если солид, обычно чеканившийся ввиде его золотых «третей» (tremisses), был однообразною у разных варварских племен монетною единицею, то мелкая серебряная монета — денарий — таким однообразием не отличалась: у салических франков считали 40 денариев в солиде, у франков рипуарских, алеманов и баваров — 12 денариев в солиде. Малые серебряные денарии салических франков, повидимому, были видоизменением позднеримских полусиликв, которых считалось (со времени Юлиана) 48 в золотом солиде.

Большие денарии (или так называемые сайги) рипуаров, алеманов и баваров — это старые римские серебряные денарии, со времен Нерона чеканившиеся по 96 штук из фунта серебра. Денарии считались разменной монетой, основной же монетной единицей были золотые солиды и их трети. При Каролингах была проведена монетная реформа, в результате которой вместо золотых солидов стали чеканиться серебряные, по 22 солида из фунта. Эти серебряные солиды делились на серебряные денарии, по 12 денариев в солиде. Лишь у салических франков до начала IX века держалось старое деление солида—на 40 денариев [1]. Монетная реформа была вызвана истощением на Западе драгоценных металлов, особенно золота; новый, серебряный солид по своей номинальной ценности равнялся трети прежнего золотого солида, но был равен ему по своей реальной ценности благодаря вздорожанию денег в условиях натурального хозяйства. Поэтому, в конечном счете, не произошло никаких изменений в системе вир и пеней, выраженных в Варварских правдах в монетной единице. За преступления и проступки виновные должны были платить

столько же солидов, сколько платили и раньше, только теперь (при Каролингах) платили не золотыми, а новыми, серебряными солидами. В смысле реальной ценности, т. е. покупной силы, каролингский солид, в сущности, представлял собой то же, что и старый солид, эпохи Меровингов. Само собой разумеется, что в условиях натурального хозяйства в обществе раннего средневековья монета в огромном большинстве случаев была только мерилом ценности, а не платежным средством. И если в той или иной Правде мы читаем, что за данную вину платится столько-то солидов, то в действительности это значило, что вносился определенный натуральный эквивалент этих солидов, причем натуральные эквиваленты золотого солида Меровингов и серебряного солида Каролингов не могли в силу вышеуказанных соображений о реальной ценности солида резко разниться друг от друга.

Чему же реально равнялись материальные взыскания по Варварским правдам, определенные в них, как известно, в солидах и денариях? Ответ на этот вопрос прежде всего можно найти в Рипуарской правде. 12-й параграф XXXVI статьи этой Правды, относящийся к VI в., гласит следующее: «Если кто будет платить вергельд, быка рогатого, зрячего и здорового пусть отдает за два солида. Корову рогатую, зрячую и здоровую — за 3 солида. Коня зрячего и здорового — за 12 солидов. Кобылицу зрячую и здоровую — за 3 солида. Меч с ножнами — за 7 солидов. Меч без ножен — за 3 солида. Броню добрую — за 12 солидов. Шлем исправный — за 6 солидов. Поножи добрые — за 6 солидов. Щит с копьем — за 2 солида. Ястреба неприрученного — за 3 солида... Ястреба прирученного — за 6 солидов».

В параллель к этим данным Рипуарской правды можно привести данные Бургундской правды, в параграфе 1-м статьи IV которой раб расценивается в 25 солидов, конь лучший (caballus optimus) — в 10 солидов, конь средний (mediocris) — в 5 солидов, кобылица — в 3 солида, бык — в 2 солида и корова — в 1 солид. Для каролингского периода важны данные Алеманской правды, в которой конь расценивается не больше чем в 6 солидов [2], кобылица — не более чем в 3 солида [3], лучший бык (summus bos) — в 5 третей солида [4], средний бык — в 4 трети солида [5]. В Саксонской правде бык расценивается в 1 солид [6].

Возьмем некоторые, наиболее типичные денежные виры и пени Варварских правд и переведем их на соответствующие натуральные эквиваленты, чтобы получить приблизительное представление о реальной величине взысканий за разные преступления и проступки.

По Рипуарской правде, 200 солидов, т. е. приблизительно 100 быков (если руководствоваться тарифом 12-го параграфа XXXVI статьи той же Правды), полагалось за убийство свободного человека [7]. Такое же взыскание полагалось за оскопление свободного человека [8] и за ограбление могилы [9]. За убийство женщины возрастом до 40 лет, способной к деторождению, вира была определена в 600 солидов [10], т. е. приблизительно в 300 быков; такой же размер взысканий был определен за убийство антрустиона [11] и графа [12], за ночной поджог [13] и кражу стада животных [14]. 100 солидов, т. е. приблизительно 50 быков, полагалось за причинение глухоты на одно ухо [15], за вырванный глаз [16], отсечение носа [17], руки [18], ноги [19]. 50 солидов, т. е. приблизительно 25 быков, платилось за отрубленный большой палец руки [20], за удар с поломом кости [21] или с пролитием крови [22].

Если мы приложим тарифы XXXVI статьи Рипуарской правды к нормам взысканий другой франкской Правды — Салической, то получим следующие данные: 200 солидов, т. е. 100 быков, полагалось за убийство свободного варвара [23], втрое больше — за убийство женщины, способной к деторождению [24], несовершеннолетнего мальчика [25], королевского графа [26] или антрустиона [27]; 100 солидов, т. е. 50 быков, — за изувеченную руку или ногу, лишение глаза или носа [28]; 63 солида, т. е. 31½ быка, —

за ограбление свободного человека[29], поджог дома[30], покушение на убийство[31]; приблизительно столько же — за кражу стада[32]; 50 солидов, т. е. 25 быков, — за отрубленный большой палец на руке или на ноге[33]; 45 солидов, т. е. 22½ быка, — за кражу из дома со взломом[34], кражу быка — вожака стада[35], кражу дичи[36], а также рыболовной сети из реки[37] и за увоз сена с чужого луга[38]; 35 солидов, т. е. 17½ быков, — за кражу коровы с теленком[39] или нескольких свиней из стада[40]; 30 солидов, т. е. 15 быков, — за кражу раба, коня или упряжного животного[41]; 15 солидов, т. е. 7½ быков,— за потраву жатвы[42], кражу из сада[43], повреждение изгороди[44], неявку на суд по неуважительной причине[45].

Материальные взыскания в других Правдах меровингской и каролингской эпох приблизительно носят такой же характер и так же поражают своей величиной, как и взыскания во франкских Правдах.

Чтобы лишний раз подчеркнуть огромную величину всех этих материальных взысканий, отмечу такое обстоятельство: на основании Салической правды, стадà рогатых животных в 12 и 25 голов[46] можно считать обычными у франков. Между тем, если судить по тарифам Рипуарской правды, то стàда в 25 рогатых животных даже недостаточно для уплаты пени за некоторые виды членовредительства. Не надо еще забывать, что при всяком нанесении имущественного ущерба, кроме положенных пеней, требовалось еще полное возмещение самого ущерба (capitale et dilatura)[47], а в статьях, где идет речь о членовредительстве, упоминается особая плата на лечение[48].

Чрезмерная величина материальных взысканий Варварских правд, совершенно непосильная для рядового крестьянского хозяйства, может быть объяснена только тем, что эти виры и пени возникли еще в родовом обществе и платились родом роду.

Припомним, что сообщает Тацит о кровной мести и замене ее соответствующими материальными взысканиями у древних германцев. «Обязательно у них, — говорится у Тацита, — принимать как вражду, так и дружбу отца или родича. Вражда, однако, не остается вечно непримиримой: даже и убийство выкупается известным количеством крупного и мелкого скота, причем удовлетворение получает весь род»[49]. В другом месте своей «Германии», говоря о судебных функциях народного собрания племени и о наказаниях смертью за наиболее тяжкие преступления, Тацит замечает: «Но и более легкие проступки наказываются сообразно их характеру. Уличенные платят взыскания ввиде определенного количества коней и мелкого скота; часть пени идет королю или племени, часть уплачивается самому истцу и его родичам»[50]. Приведенные тексты Тацита определенно свидетельствуют, что междуродовая «вражда», которая могла «выкупаться» скотом, возникала у древних германцев не только в результате убийства. Поводом к ней могло быть также воровство и иные проступки *. Конечно, те виры и пени, которые платил род обиженному роду во избежание кровной мести, не могли не быть тяжелыми для плательщика, но во всяком случае они не вели к его разорению; в противном случае род обидчика не пошел бы на соглашение

* О том, как «вражда» и в более позднее время могла возникать даже по малозначительному, с нашей точки зрения, поводу, свидетельствует один любопытный пассаж из лангобардских законов короля Лиутпранда (начало VIII в.). Там приводится случай кражи одежды женщины во время ее купанья, в результате чего потерпевшая должна была возвратиться домой в обнаженном виде. Король распоряжается, чтобы виновник кражи, во избежание возникновения вражды между родичами, уплатил женщине за оскорбление сумму, равную вергельду свободного человека. «Потому мы выносим такое постановление,— говорит король,— что если разыщет его (т. е. вора) брат или муж или иной (близкий) родственник этой женщины, он заведет с ним драку, и тот, кто одолеет, убьет другого. Так уж пусть лучше живой заплатит свой вергельд во избежание в случае смерти (т. е. убийства) вражды между родичами и уплаты большей виры» (Liutprandi Leges annó XXI, c. 135, VI).

с родом обиженного. Платеж распределялся между отдельными семьями, на которые распадалось кровное сообщество, причем все семьи безропотно несли свою долю участия в платеже пеней. Наиболее состоятельные семьи, надо думать, платили охотнее других, так как они более других могли пострадать от кровной мести. Мало того, что они были более других уязвимы в имущественном отношении, самая их личность более других подвергалась угрозе: достаточно припомнить практиковавшийся в родовом обществе обычай, согласно которому родичи убитого, чтобы сделать месть более ощутимой для враждебного рода, мстили наиболее значительным его членам, а не самому убийце. Обстановка изменилась с разложением родовых отношений, образованием классов и нарождением государства. Получив возможность прибегать к защите короля и его служащих, отдельные семьи, входившие в состав кровного сообщества, стали тяготиться круговой порукой между родичами и стремились от нее освободиться. В данном случае стоит только припомнить титул LX Салической правды, рисующий церемонию «отказа от родства». Желающий порвать с родом и родичами являлся в маллюс «перед лицо тунгина», ломал там «три палки мерою в локоть» и, разбросавши в разные стороны обломки, заявлял, «что он отказывается от соприсяжничества, от наследства и всяких счетов с ними. И если потом кто-нибудь из его родичей или будет убит или умрет, он совершенно не должен участвовать в уплате виры, а наследство его самого должно отойти в казну».

Круговая ответственность при уплате виры за убийство родича очень хорошо описана в титуле LVIII Салической правды — «de chrenecruda» («о горсти земли»). «Если кто, — читаем в этом титуле, — лишит жизни человека и, отдавши все имущество, не будет в состоянии уплатить следуемое по закону, он должен представить 12 соприсяжников (которые поклянутся в том), что ни на земле, ни под землей он не имеет имущества более того, что уже отдал. И потом он должен войти в свой дом, собрать в горсть земли из четырех углов, стать на пороге, обратившись лицом внутрь дома, и эту землю левой рукой бросать через свои плечи на того, кого он считает своим ближайшим родственником. Если отец и братья уже платили, тогда он должен той же землей бросать на своих, т. е. на троих ближайших родственников по матери и по отцу. Потом в (одной) рубашке, без пояса, без обуви, с колом в руке, он должен прыгнуть через плетень, и эти три (родственника по матери) должны уплатить половину того, сколько не хватает для уплаты следуемой по закону виры. То же должны проделать и три остальные, которые приходятся родственниками по отцу. Если же кто из них окажется слишком бедным, чтобы заплатить падающую на него долю, он должен в свою очередь бросить горсть земли на кого-нибудь из более зажиточных, чтобы он уплатил все по закону. Если же и этот не будет иметь чем заплатить все, тогда взявший на поруки убийцу должен представить его в судебное заседание, и так потом в течение 4 заседаний должен брать его на поруки. Если же никто не поручится в уплате виры, т. е. в возмещении того, что он не заплатил, тогда он должен уплатить виру своею жизнью».

Из приведенного текста видно, что в уплате виры за убийство участвуют, кроме отца и братьев убийцы, «три его ближайших родственника по матери и по отцу», т. е., очевидно, члены кровного сообщества, которое мы называем «большою семьею». Можно думать, что ко времени редакции Салической правды круг родичей, ответственных за уплату виры, значительно сузился: то, что раньше падало на целый род, теперь стало падать на его подразделение — большую семью. С одной стороны, такое сужение круга лиц, ответственных за убийцу, а с другой стороны, имущественная диференциация внутри кровного сообщества приводили к тому, что обязанность платить виры становилась очень тя-

желой для родичей, обязанных это делать. В некоторых из позднейших рукописей Правды опускается весь приведенный титул «de chrenecruda» и говорится, что закон этот, соблюдавшийся во времена язычества, не должен иметь силу в дальнейшем — «quia per ipsum cecidit multorum potestas» [51]. Последнее выражение можно понимать лишь в том смысле, что практика chrenecruda приводила многих к разорению.

В VI в. практика эта еще держится у франков, хотя ответственность родичей за убийцу уже не является обязательной. В эдикте короля Хильперика значится: «Если какой-нибудь преступник, совершивши преступление, не имеет имущества, чтобы внести за него пеню графу..., надлежит на трех судебных собраниях выставлять его перед рахимбургами с тем, чтобы родственники выкупили его своим имуществом. Если же не пожелают выкупать, то в четвертый раз надлежит представить его перед ними, и мы повелим передать его истцу, и тот пусть делает с ним, что захочет» [52]. Декретом Хильдеберта II от 596 г. прямо запрещается родичам оказывать помощь убийце при уплате виры. «О человекоубийствах, — значится в этом декрете, — повелеваем... чтобы, если кто... убьет другого без вины, подлежал смертной казни... Если же будет соглашение о выкупе, никто из родичей или друзей пусть никак не приходит ему на помощь» [53].

Еще раньше Бургундская и Вестготская правды устанавливают индивидуальную ответственность преступника за убийство, решительно запрещая распространять эту ответственность на родичей преступника [54]. В общем, можно сказать, что уже с VI в. обязательная коллективная ответственность за убийство, как правило, прекращается, хотя в практике как исключение она встречается еще на Западе в IX в. и позднее [55].

Само собой разумеется, что прекращение круговой ответственности родичей при уплате пеней и вергельдов поставило плательщиков в крайне тяжелое положение. То, что раньше платил целый, сравнительно большой коллектив, теперь должна была платить индивидуальная семья виновного; отсюда и произошло то несоответствие размеров материальных взысканий и платежеспособности населения, которое мы наблюдаем в Варварских правдах. А так как эта система материальных взысканий распространялась и на галло-римское население, поскольку его представители совершали преступления и проступки по отношению к варварам, то и последнее попадало также в тяжелое положение.

Если в обстановке разложения родовых отношений уменьшилось количество плательщиков материальных взысканий, то одновременно уменьшилось и количество их получателей: известно, что у франков лишь треть виры поступала семье убитого; другая треть шла в пользу родичей, а третья — королевской власти [56]. Теперь, когда родичи перестали уплачивать соответствующую часть виры, естественно, они перестали и получать ее. Казалось бы, что и размер виры должен был бы уменьшиться на одну треть, а так как при этом последовало бы уменьшение и части короля (в связи с общим уменьшением виры), то в общем можно было бы ожидать уменьшения виры вдвое (вместо 200 солидов должно было бы остаться лишь $66^2/_3$ сол. $+ 33^1/_3$ сол. $= 100$ солидов). Однако такого уменьшения виры и вообще материальных взысканий не произошло: они остались в прежнем размере и даже имели тенденцию увеличиваться.

Чем объясняется такое, казалось бы, ненормальное явление в системе материальных взысканий, столь пагубно отражавшееся на положении массы свободного населения? Почему виры и пени, возникшие в родовом обществе и рассчитанные на платежеспособность целого коллектива родственников, нисколько не снизились после распадения родовых отношений и пришли, таким образом, в полное несоответствие с платежеспособностью массы свободного населения? При этом может даже возник-

[?]уть вопрос: действительно ли продолжали взиматься такие огромные [в]иры и пени, и не превратились ли они на практике в простые фикции? Такое предположение, однако, должно быть решительно отвергнуто. У нас есть определенные известия о том, что одни обогащались от получения огромных вир[57], другие, наоборот, разорялись при их уплате[58]. Надо принять во внимание, что с появлением частной собственности на землю пени и виры стали платиться не только движимым имуществом, но и недвижимым.

В свое время Вайц выставил даже теорию, что крестьянский надел древнего германца — гуфа — по своей ценности прямо соответствовал ценности вергельда[59]. Хотя мнение это и не может быть принято (между прочим, потому, что виры возникли ранее гуф, к тому же гуфы никогда не были равны и, таким образом, не могли соответствовать очень устойчивым вергельдам), но все же у нас есть определенные известия о том, что штрафы иногда уплачивались землей *. Таким образом, все крестьянское хозяйство подвергалось конфискации для покрытия штрафа; если же его не хватало для этих целей, то недостающее покрывалось личностью виновного, лишавшегося (частично или полностью) своей свободы.

Чтобы ответить на вопрос, почему с разложением родовых отношений виры и пени удержались на прежнем уровне, обратим внимание на те явления социального быта, которыми сопровождался процесс образования классов в варварском обществе.

Уже в основном тексте Салической правды, рисующем порядки конца V или начала VI в., отражается имущественная диференциация внутрикровного сообщества: здесь различаются «более состоятельные» (quicumque... plus habet) и «более бедные» (qui pauperior est) люди[60], причем вторые попадают в экономическую зависимость к первым. Салическая правда говорит о займах и очень строгом взыскании этих займов, сопровождаемом конфискацией имущества должников в пользу кредиторов[61]. Налицо начало классового расслоения, проявление классового антагонизма. Простому свободному франку или другому «варвару, живущему по салическому закону», вергельд которого равен 200 солидам[62], противостоит королевский приближенный, состоящий в свите короля или на королевской службе, вергельд которого втрое превышает вергельд простого свободного, т. е. равен 600 солидам[63]. Служба королю возвышает даже несвободного человека — последний в таком случае имеет больший вергельд чем простой свободный франк[64]. Хотя частная земельная собственность еще отсутствует, тем не менее представители власти все же владеют бо̀льшими земельными участками и ведут более крупное хозяйство чем простые свободные. Их благосостояние покоится не только на эксплоатации рабов, но и на эксплоатации свободных, что определенно вытекает из статей Правды, говорящих о задолженности свободных.

На протяжении VI в. во внутреннем строе франкского общества произошли большие изменения сравнительно с тем, что было во времена Хлодвига. С дальнейшим разложением родовых отношений появилась частная собственность на землю, давно уже существовавшая среди населения завоеванных франками галло-римских областей. Завоевание ускорило процесс перехода и самого франкского общества от родовой поземельной собственности к частной. Землю стали отчуждать и передавать по наследству не только по мужской, но и по женской линии; право родичей на выморочное имущество уничтожалось; последнее стало переходить к боковым родственникам, а за отсутствием таковых поступало

* См. Inama Sternegg «Deutsche Wirtschaftsgeschichte». Bd. I. S. 155. 2 Auflage. Определенный намек на возможность уплаты виры землей содержит Правда Тюрингов, 31-я статья которой гласит: «К кому переходит земельное наследство, тому же следует и военное одеяние, т. е. латы, и месть за родича, а также уплата виры».

в казну[65]. Родовая община превращалась в соседскую — марку, члены которой имели право собственности на усадьбу и пахотное поле, но сообща пользовались лугами, лесами, водами, считавшимися собственностью марки. Некоторые земли стояли как бы вне общины, вне марки. Это крупная собственность короля, его дружинников из франков, а также галло-римских помещиков и церкви. Эксплоатация этих поместий была основана на системе раздачи земли зависимым крестьянам (из колонов и рабов); здесь определенно намечались черты будущего феодального способа производства.

В результате индивидуализации земельная собственность становилась более подвижной. Она отчуждалась, дробилась, сосредоточивалась в немногих руках, имущественная диференциация все более и более углублялась, социальный вес крестьянской массы понижался. Уже в ранних капитуляциях франкских королей различаются во франкском обществе «лучшие» и «худшие» люди (meliores и minoflides)[66]. В декрете сына Хлодвига — Хлотаря I — упоминаются «могучие люди, владеющие землями по разным местам» (potentes qui per diversa possident)[67], а в эдикте внука Хлодвига—Хильперика — в качестве прямой противоположности этой категории выступают обездоленные бродяги, «скитающиеся по лесам и не имеющие ни места жительства, ни имущества, которым они могли бы заплатить пеню» (malus homo qui male in pago faciat et non habet ubi consistat nec res unde componat et per silvas vadit)[68]. Один ранний франкский капитулярий говорит о бедняках, собирающих колосья на чужих нивах без разрешения собственника; капитулярий угрожает этим беднякам за их действия большим штрафом — в 15 солидов[69]. Такие же бедняки, крадущие снопы с чужого поля, упоминаются в Бургундской правде[70], которая вообще свидетельствует о ранеей имущественной диференциации в бургундском обществе в связи с ранней его «романизацией». Такую же раннюю «романизацию» со всеми сопровождающими ее социальными последствиями можно заметить у вестготов. У более северных варваров родовые отношения, как известно, сохранялись дольше, но и у них уже в VII—VIII вв. развиваются процессы, аналогичные тем, которые в VI в. происходили у франков и еще ранее — у бургундов и вестготов.

В обстановке все более и более развивавшегося и обострявшегося классового антагонизма, естественно, учащались волнения народных масс и случаи посягательства со стороны малоимущих и неимущих слоев населения на чужое имущество. У Григория Турского не раз упоминается «меньший народ» (minor populus), который противостоит магнатам и поднимает восстания против них и королевских уполномоченных[71]. Вместе с тем в законодательных памятниках неоднократно в очень ярких выражениях говорится об участившихся случаях воровства и разбоя, которые очень беспокоят правительства варварских королевств и заставляют принимать решительные меры к их пресечению. Уже сыновья Хлодвига—Хильдеберт I и Хлотарь I — заключают в целях искоренения воровства и разбоя в своих владениях особое соглашение — так называемый pactus pro tenore pacis. В декрете Хильдеберта I читаем: «И так как увеличились злодеяния лихих людей, следует воздавать им должное за множество преступлений. Постановлено посему, что если кто будет после этого запрещения уличен в разбое, повинен смертной казни»[72]. Декрет короля Хлотаря I гласит: «Так как установленные ночные стражи не ловят воров и дело дошло до того, что по разным местам они издеваются над правосудием и несут охрану, потакая их преступлениям, постановлено образовать сотни»[73].

Далее следует известное предписание о сотнях как полицейской мере в целях поимки преступников. Сотня выступает и как отряд для преследования воров и как территориальная единица, выставляющая

отряд для преследования. Характерно, что правительство делает сотню ответственной за воровство, совершенное в ее пределах, обязуя жителей сотни не только преследовать воров, но и сообща возмещать ущерб потерпевшему от воровства в случае необнаружения вора. «Если в какой сотне что пропадет, потерпевший должен получать (от сотни) возмещение стоимости. И если разбойник появится в другой сотне и туда приведет при преследовании след, а (сотня) не обратит внимания на представления об этом, она присуждается к пене в размере пятикратной уплаты 15 солидов. Стоимость же похищенного для потерпевшего сотня эта пусть беспрепятственно получает со второй и третьей (сотни), если след обнаружит присутствие там вора» [74]. Для поощрения преследования воров вводится правило, согласно которому половина пени идет отряду, поймавшему вора. «И если при преследовании (потерпевший сам) поймает вора, пусть получает в свою пользу полную пеню. Если же вор будет пойман при преследовании его отрядом, половину пени получает отряд и стоимость надлежит взыскать с вора» [75]. Братья-короли договариваются, чтобы стоящие во главе отрядов сотники «имели право преследовать воров и идти по следам в области и того и другого государства» [76]. Воры, пойманные с поличным, а также и их укрыватели караются смертью [77].

Приведенное постановление о сотнях как специальном мероприятии против воровства свидетельствует, какие большие размеры приняло последнее и какой оно являлось угрозой для имущих слоев населения еще в первую половину VI века. Об участившихся случаях воровства и разбоя свидетельствуют также новеллы бургундских королей конца V и начала VI века. Новелла короля Гундобада, обращенная к графам, гласит следующее: «На основании многих донесений нам сделалось известным, что конокрады и погромщики (effractores domorum) столь обнаглели в своем неистовстве, что даже не скрытно, а прямо открыто учиняют (свои) преступления и всякого рода злодейства» [78]. Король предписывает своим графам повсеместно ловить воров и разбойников и казнить их с конфискацией имущества в пользу потерпевших [79]. В новелле сына Гундобада — короля Сигизмунда — читаем: «Хотя прежними законами установлено, как надлежит пресекать преступления разбойников, однако ввиду того, что упорство злодеев не могло быть до сих пор всецело обуздано ни наказаниями, ни взысканиями, настоящим законом определяем» (дальше перечисляются новые суровые меры для пресечения воровства и разбоя) [80]. Можно думать, что «воры и погромщики» из свободных людей в своих тайных и явных выступлениях не раз действовали заодно с несвободными элементами общества. Эдикт лангобардского короля Ротаря (половина VII в.) прямо говорит об отрядах рабов, организуемых людьми свободного состояния в целях грабежа и разбоя [81].

Спрашивается: в обстановке такой напряженной социальной борьбы, сопровождавшей разложение родовых отношений, могло ли произойти снижение взысканий за посягательства против личности и имущества? Могли ли состоятельные слои населения и в особенности группировавшаяся вокруг короля знать пойти на то, чтобы уменьшать пени и виры, что в первую очередь послужило бы на пользу тем самым беспокойным социальным элементам, которые постоянно угрожали безопасности имущих? Ведь было бы наивно думать, что воры и разбойники, с которыми так жестоко боролось правительство, чинили свои преступления просто из-за удали и жажды наживы. Самый тон королевских распоряжений говорит за то, что эти распоряжения имеют в виду определенные слои населения, мешавшие «миру» правящей верхушки. Речь идет о «лихих людях», о «погромщиках» и «злодеях», которые в массе, конечно, выходили из малоимущих и обездоленных элементов, в частности это были те самые бродяги, которые, не имея ни места жительства, ни имуще-

ства, по необходимости вынуждены были заниматься грабежами и разбоями. Правительство принципиально не могло пойти на какие-нибудь послабления этим беспокойным элементам. Преследуя таких лихих людей, оно имело определенную тенденцию не уменьшить, а усилить наказания за их проступки. Кстати, необходимо учесть и то обстоятельство, что народные массы в это время уже были отстранены от законодательства и захваченное королем (или герцогом) и магнатами законодательство, естественно, всей тяжестью своих кар обрушивалось на нарушителей «мира».

Выше было сказано, что франкские короли VI в. вводят за воровство смертную казнь, не отменяя, однако, при этом пеней, которые берутся из имущества казненных [82], а бургундские короли личную ответственность за воровство и разбои распространяют на семейства преступников. «Если кто из свободных, — читаем в новелле Сигизмунда,— украдет коней или быков и жена его немедленно не донесет об учиненном им преступлении, она сама после казни мужа должна быть лишена свободы и незамедлительно отдана в рабство тому, у кого учинено воровство, ибо нельзя сомневаться, и часто установлено было (на деле), что они (жены) — соучастницы преступлений мужей своих» [83]. Далее в новелле говорится, что тому же наказанию подлежат сыновья преступника, достигшие четырнадцатилетнего возраста [84]. Надо сказать по поводу этого мероприятия, что принцип личной ответственности семьи за преступления ее главы является новшеством: он был совершенно незнаком ни раннему германскому, ни римскому праву.

Тенденция не уменьшать, а, наоборот, усилить ответственность за преступления вообще очень ярко проявляется в варварском законодательстве VI и последующих столетий. Рипуарская правда за кражу табуна лошадей в 13 голов, стада рогатых животных в 13 голов или стада свиней в 7 голов назначает чудовищную пеню в 600 солидов, не считая уплаты стоимости похищенного и возмещения убытков [85]. При этом подчеркивается, что если в краже участвовало несколько человек, каждый из них платит по 600 солидов [86]. Та же пеня в 600 солидов назначается Правдой за ночные поджоги [87]. Ясно, что эти огромные взыскания рассчитаны на то, что виновные не в состоянии будут их заплатить и вследствие этого лишатся или жизни или свободы. Увеличение пеней, по сравнению с древней практикой, подчеркивается и в лангобардских законах короля Ротаря [88].

Надо сказать, что правительства варварских государств, все время остро нуждавшиеся в средствах для содержания администрации и дворца, не только в целях охраны «мира», но и из чисто фискальных соображений стремились к тому, чтобы пени и виры не снижались, а повышались. Получая в свою пользу часть материальных взысканий, королевская власть, естественно, не хотела допускать уменьшения этой статьи дохода. Характерно, между прочим, встречающееся в варварских законах запрещение соглашений потерпевших с лицами, причинившими им материальный ущерб. Очевидно, эти соглашения являлись, с одной стороны, попытками обойти строгость закона, а с другой — попытками лишить фиск причитающейся ему доли и тем самым облегчить потерпевшему скорейшее получение возмещения. Все такие соглашения рассматривались как тяжкие преступления и жестоко карались. «Если кто тайным образом возьмет с какого-либо вора пеню за украденное, оба подлежат наказанию как разбойники», — читаем в декрете короля Хлотаря I [89]. Еще ранее такое же правило было сформулировано в Бургундской правде [90]. По Рипуарской правде, лицо, связавшее вора и взявшее с него пеню без участия судьи, подлежало штрафу в 60 солидов [91]. Так возмещение ущерба потерпевшей стороне из сделки частного характера с разложением родовых отношений превратилось в публичный акт, строго регулируемый центральной властью.

Конечно, тяжелые материальные взыскания Варварских правд затрагивали не только интересы малоимущих, но и состоятельных слоев населения, поскольку и состоятельные люди тоже могли совершать преступления и проступки (убийства, ограбления, членовредительство и т. д.). Однако совершенно ясно, что чем строже были законы, охранявшие неприкосновенность собственности и безопасность личности, тем спокойнее чувствовали себя имущие слои населения, так как в огромном большинстве случаев закон карал не их, а преступления против них и имел своей основной целью охрану интересов имущих. Вся тяжесть материальных взысканий, конечно, падала на малоимущих людей, которых нередко нужда заставляла нарушать права частной собственности и посягать на чужую безопасность. В руках состоятельных людей, и прежде всего знати, большие виры и пени сделались средством обуздания и в то же время закрепощения массы. Королевская власть, естественно, всячески проводила и поддерживала эту тенденцию. Уже в VI в. рядовым свободным людям приходилось расплачиваться за свои проступки и преступления лишением собственности и свободы[92]. Правда, в некоторых случаях, при уплате особо тяжелых взысканий, давалась рассрочка платежей на несколько поколений[93], но это нисколько не облегчало положения массы, для которой уплата этих взысканий оставалась невозможной и при условии рассрочки. С дальнейшим развитием процессов феодализации тяжелые материальные взыскания все более и более становились в руках знати средством порабощения массы свободного населения. Формулы, грамоты и капитулярии времен Меровингов и Каролингов особенно ярко отражают течение этого процесса.

[1] См. об этом Soetbeer «Beiträge zur Geschichte des Geld—und Münzwesens in Deutschland». «Forschungen zur deutschen Geschichte», I, II; Inama Sternegg «Deutsche Wirtschaftsgeschichte». I, S. 338 ff. 2 Auflage; Winogradoff «Wergeld und Stand». Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschischte». Germ. Abth. Bd. 23, S. 123 ff. 1902.
[2] Leges Alamanorum, LXII, 1, 2.
[3] Ibidem, LXII. 2.
[4] Ibidem, LXXI, 1.
[5] Ibidem, LXXI, 2.
[6] Lex Saxonum, LXVI.
[7] Lex Ribuaria, VII.
[8] Ibidem, VI.
[9] Ibidem, LXXXV, 2.
[10] Ibidem, XII, 1.
[11] Ibidem, XI.
[12] Ibidem, LIII.
[13] Ibidem, XVII, 1.
[14] Ibidem, XVIII, 1.
[15] Ibidem, V, 1.
[16] Ibidem, V, 3.
[17] Ibidem, V, 2.
[18] Ibidem, V, 4.
[19] Ibidem, V, 8.
[20] Ibidem, V, 5.
[21] Ibidem, III.
[22] Ibidem, II.
[23] Lex Salica, XLI, 1.
[24] Ibidem, XXIV, 6.
[25] Ibidem, XXIV. 1.
[26] Ibidem, LIV, 1.
[27] Ibidem, XLI, 3.
[28] Ibidem, XXIX, 1.
[29] Ibidem, XIV, 1.
[30] Ibidem, XVI, 1.
[31] Ibidem, XVII, 1.
[32] Ibidem, II, 14, 16; III, 7; XXXVIII, 3, 4.
[33] Ibidem, XXIX, 3.
[34] Ibidem, XI, 5; XXVII, 23.
[35] Ibidem, III, 4.
[36] Ibidem, XXXIII, 1.

[37] Lex Salica, XXVII, 20.
[38] Ibidem, XXVII, 11.
[39] Ibidem, III, 3.
[40] Ibidem, II, 7.
[41] Ibidem, X, 1.
[42] Ibidem, XXVII, 5.
[43] Ibidem, XXVII, 6.
[44] Ibidem, XXXIV, 1.
[45] Ibidem, I, 1.
[46] Ibidem, III, 6, 7.
[47] См., например, Lex Salica, II, 4, 5, 7, 10, 11, 12, 15, 16 et passim.
[48] См., напр., Lex Salica, XVII, 4.
[49] Tacitus «Germania», c. XXI.
[50] Ibidem, c. XII.
[51] См. Behrend «Lex Salica», 2 Aufl., S. 123.
[52] Capit. VIII, 7 у Geffcken'a «Lex Salica», p. 86. Ср. Cap. VII, 2, p. 78.
[53] Boretius. Capitul., I, 16, c. 5.
[54] См. Lex Burgundionum, II, 6; Leges Wisigothorum, VI, 1, 7.
[55] См., например, Capit. Aquisgr, a. 810, c. 3.
[56] Lex Salica, LXII, 1; L. 3. Lex Ribuaria, 89. Ср. Capit. V, 3 у Geffcken'a. Hessels, t. CI.
[57] См. Greg. Turon «Historia Franc.», IX, 19.
[58] Ibidem, X, 8. Ср. Liutprandi Leges anno IX, c. 20, II; anno XII, c. 62, IX.
[59] Waitz D. «Verfassungsgeschichte», I, 127, 442 3 Auflage; Ср. II, 278 ff. 3 Auflage.
[60] Lex Salica, LVIII, 1.
[61] ibidem, L, LI, LII.
[62] Ibidem, XLI, 1.
[63] Ibidem, XLI, 3.
[64] Ibidem, LIV, 2.
[65] Capit. III, 1 у Geffcken'a, p. 66—67. Hessels, t. LXXIV.
[66] Capit. VII, 12 у Geffcken'a, p. 81.
[67] См. об этих порядках в гл. 3 эдикта Хильперика 561—584 гг.— Boretius «Capitularia», I, p. 8. Ср. Marculfi «Formulae», lib. II, № 12.
[68] Capit. VIII, 9 у Geffcken'a, p. 86.
[69] Capit IV, 10 у Geffcken'a, p. 70; Hessels, t. LXXXVIII.
[70] Lex Burgundionum. LXIII.
[71] См., напр., «Historia Franc.» VI, 31. Ср. III, 36; V. 28.
[72] Capit. VII, 1 у Geffcken'a, p, 78.
[73] Ibidem, 9, p. 80.
[74] Ibidem.
[75] Ibidem, 16, p. 82.
[76] Ibidem.
[77] Ibidem, 10, p. 80.
[78] Lex Burgundionum. Const. Extravagantes, XIX, 1.
[79] Ibidem, XIX, 1. Ср. XXIX, 1. Efractores omnes, qui aut domos aut scrinia expoliant, iubemus occidi.
[80] Ibidem, XLVII, 1.
[81] «Edictus Rothari», c. 279. De concilio rusticanorum.
[82] Capit. VII, 16 у Geffcken'a, p. 82.
[83] Lex Burgundionum, XLVII, 1.
[84] Ibidem, XLVII, 2.
[85] Lex Ribuaria, XVIII, 1.
[86] Ibidem.
[87] Ibidem, XVII, 1.
[88] «Edictus Rothari», c. 74.
[89] Capit.н VII, 13 у Geffcken'a, p. 81.
[90] Lex Burgundionum, LXXI.
[91] Lex Ribuaria, LXIII, 1.
[92] См., напр., Lex Burgundionum, XIX, 7. Ср. XII, 3, Leges Wisigothorum, VI, 5, 12; VII, 1, 5. Ср. Edictus Chilperici. Capit. VIII, 7 у Geffcken'a, p. 85—86.
[93] Lex Ribuaria, XII, 2.

РОЛЬ АНГЛИИ В «ВОСТОЧНОМ КРИЗИСЕ»

(Английская дипломатия и русско-турецкая война 1877—1878 годов)

Хас. Муратов

Известно, что агрессивная ближневосточная политика являлась той «традиционной политикой» [1], какую в течение столетий вела царская Россия в стремлении овладеть выходами в теплое море. Для осуществления своих стремлений царизм не останавливался ни перед методами прямых захватов, которые могли бы привести к разгрому и расчленению Турции, ни перед методами покровительства не только турецким христианам, на которых он опирался в своей антитурецкой агрессии, но и покровительства самой султанской Турции, достаточно ослабленной и обессиленной, чтобы казаться, как то было в дни Ункиар-Скелесси, желанным и покорным союзником и другом, выполняющим функции послушного вассала.

Та борьба, какую вела царская Россия на Ближнем Востоке, в различное время принимала различные формы и определялась прежде всего соотношением международных сил, складывавшимся на данном этапе на ближневосточном театре. Известно, что в течение первых трех четвертей XIX в. главным противником царской России на Ближнем Востоке выступала Англия, заинтересованная прежде всего в своем господстве на путях, ведущих к Индии, и заинтересованная, следовательно, в том, чтобы пресечь экспансию России на Ближнем Востоке, не дать последней, в частности, утвердить свое господство в водах Черного моря.

В настоящем очерке, посвященном дипломатической истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг., не преследуется задача — дать развернутую историю вопроса; автор ограничивается одной стороной дела—выяснением роли Англии в период дипломатического и военного кризиса 1877—1878 годов.

То некритическое отношение к положениям буржуазной западноевропейской историографии, какое характерно для школы Покровского, привело в конечном счете к тому, что роль Англии, главного противника России на протяжении всех первых трех четвертей XIX в. в ряде вопросов, где она выступала в качестве основного действующего лица, оказалась невскрытой, затушеванной. Усердно «разоблачалась» секретная дипломатия царизма, не оставлялась без внимания политика бисмарковской Германии, даже Австрии, Англии же не уделяли заслуженного ею внимания.

Автор ставил своей задачей прежде всего привлечь внимание читателей к этой стороне дела. Мы пользуемся для этой цели главным образом материалами архива царского дипломатического ведомства. Нужно иметь в виду, что русским посланником в Константинополе был в ту пору пресловутый Игнатьев, известный не только как ловкий, неразборчивый в средствах дипломат, но и как великий обманщик, получивший прозвище menteur-pacha. Разумеется, к его заявлениям приходится подходить с особой осторожностью. Но поскольку приводимые ниже его высказывания не предназначались для печати, а являлись секретными отчетами о его дипломатической деятельности,— их нельзя игнорировать. То же нужно сказать и относительно приводимых ниже материалов директивного характера, исходивших от Горчакова. Конечно, все материалы, отражающие точку зрения русской дипломатии, с неизбежностью так же односторонни, как и материалы дипломатии любой другой страны. Но поскольку в изучаемый период лейтмотивом всей работы русской дипломатии на Ближнем Востоке являлась борьба с ее главным противником — Англией,— материалы эти представляют исключительный исторический интерес. Основываясь на них, несмотря на всю их тенденциозность, можно придти и к некоторым общим, не лишенным объективного значения выводам о характере работы английской дипломатии и ее роли в «восточном кризисе».

*

«Английская буржуазия не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала войну чужими руками. И ей иногда действительно удавалось найти дураков, готовых таскать для нее из огня каштаны» [2],—писал товарищ Сталин в 1927 г., вскрывая традиционную сущность внешней политики Англии.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 439.

[2] И. Сталин «Об оппозиции». Статьи и речи, стр. 611. 1928.

Для разоблачения этой традиционной английской политики на Ближнем Востоке и на Балканах большое значение имеют события, относящиеся к периоду «восточного кризиса» 1875—1878 годов [1].

Поражение Франции в итоге франко-прусской войны, воссоединение Германии, а также Италии изменили всю международную обстановку в Европе. Объединенная Германия представляла мощную силу, враждебную Франции, лелеявшей идею реванша. Россия использовала франко-прусскую войну для отмены тех статей парижского договора, которые запрещали ей строить и содержать флот на Черном море.

Англия и Франция, являвшиеся вместе с зависимой от них Турцией главными поборниками парижского договора, не осмелились решительно выступить против одностороннего акта России: Франция была разгромлена, Англия без поддержки Франции и ее армии вступать в единоборство с Россией опасалась. Германия же ввиде компенсации за благоприятную позицию нейтралитета, занятую Россией во время австро-прусской и франко-прусских войн (1866 и 1870 гг.), поддержала требования России. Турция, лишенная поддержки Франции и без активной помощи Англии, была бессильна против России и отлично это сознавала

Напряженность во франко-германских отношениях, начавшееся новое обострение англо-русских отношений в связи с экспансией России в Средней Азии, необходимость единства действий в балканско-ближневосточных делах побудили Германию, Австрию и Россию заключить в 1872 г. так называемый «союз трех императоров». Это соглашение сводилось к обязательству прибегать к взаимной консультации и начать переговоры о совместной линии поведения в случае возникновения войны или осложнений в Европе, в частности в «восточном вопросе». Кроме того в 1873 г. Германия и Россия тайно от Австрии подписали двустороннее соглашение, предусматривавшее взаимную помощь в том случае, если на одну из них нападет какая-либо третья держава.

Сложившееся после франко-прусской войны положение, резко нарушившее «равновесие сил», явившееся результатом Крымской войны, заставляло Англию изменить несколько свою тактику, приспособив ее к новой обстановке.

К этому побуждала ее усилившаяся экспансия России в Средней Азии (хивинская экспедиция 1873 г., экспедиция в Фергану и Коканд и занятие последнего в 1876 г.), а также восстановление Россией утраченных позиций в Турции. С 1871 г., после смерти великого везиря, ярого англофила Али-паши, и образования руссофильского кабинета Махмуд-Недим-паши, преобладающее влияние в Турции принадлежало России.

«Во время войны (Крымской — *Х. М.*),— указывал Маркс, — Англия не блистала ни в совете, ни на поле битвы. Ее морские подвиги лишь позорят ее прошлое, ее правящий класс не пожинал лавров в боях... Тем не менее Англия, вытаскивая, согласно французской пословице, каштаны из огня руками Франции, добилась коекаких существенных успехов. Русский флот, ее самый страшный жупел, уничтожен по крайней мере на двадцать лет вперед в том месте, где его присутствие вызывало наибольшее беспокойство Таким образом, свободная торговля обеспечена Англии и впредь в Южной Азии и в Европейской Турции» [2].

Видя, что разгромленная Франция не может стать орудием ее «восточной политики», Англия всячески стремилась расстроить трехстороннее и двустороннее соглашение 1872—1873 гг. между Германией, Австрией и Россией. Одновременно она добивалась смены в Турции руссофильского правительства и образования в ней англофильского кабинета, руками которого она могла бы осуществлять свою «восточную политику», направленную против России. Сея смуту и раздоры на Балканах и Ближнем Востоке, Англия стремилась столкнуть лбами Турцию, Австро-Венгрию и Германию с Россией, чтобы этим путем восстановить свое преобладающее влияние в Европе и на всем Востоке. При наличии австро-германо-русского соглашения позиция Англии, игравшей на противоречии держав, после отхода Франции от активного участия в «восточных делах» оставалась шаткой. Раскрывая сущность английской политики во время «восточного кризиса» 1875—1878 гг., барон Жомини писал: «Английская политика более всего опасалась соглашения континентальных держав, так как для ее корыстолюбивых интересов необходимы соперничество и разлад держав» [3].

«Англия, — отмечал Ленин, — в войне употребляла европейские государства как

---

[1] Для данной статьи использованы следующие архивные материалы: 1) секретные депеши, телеграммы, письма сводки русского посла в Константинополе графа Н. П. Игнатьева министру иностранных дел Российской империи князю Горчакову; часть этих документов Игнатьев адресовал лично Александру II; 2) секретные депеши, телеграммы, письма и сводки поверенного в делах в Константинополе А. И. Нелидова в Петербург; 3) донесения русских консулов в Турции; 4) ответные письма и отношения Горчакова Игнатьеву, различные материалы Азиатского департамента министерства иностранных дел Российской империи и русского посольства в Константинополе. В Архиве революции и внешней политики все использованные для данной статьи дела значатся под общим шифром: МИД. К. Constantinople, д. № . . . (с указанием даты, названия документов и числа листов).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 599.

[3] Газета «Наблюдатель» № 1 за 1894 год. Статья Мале «Путь к берлинскому конгрессу», стр. 289.

«отличную пехоту» («по характеристике Бисмарка как «здоровенного дурня» всемирной политики»)[1].

Столкнув Австро-Венгрию и Германию с Россией, Англия намерена была ослабить их обеих, а затем выступить в роли арбитра и таким путем обеспечить свои, ущемленные Россией интересы во всей Передней Азии, в Афганистане и Средней Азии.

Эти цели Англия прикрывала «политикой невмешательства» в «восточный вопрос» и «внутренние дела Турции» и соблюдения установленного парижским договором статус кво.

М. Н. Покровский, приняв эту лицемерную политику Англии за чистую монету, ошибочно и без всяких оговорок утверждал, что Англия искренно и энергично поддерживала в этот период младотурок, стремившихся «к освобождению ее (Турции.—*X. М.)* от позорного вмешательства чужих держав в ее внутренние дела»[2].

I

Все попытки Англии вбить клин между Германией, Австро-Венгрией и Россией с одной стороны Турцией и Россией — с другой в течение целого пятилетия, начиная с Лондонской конференции и до «восточного кризиса» 1875—1878 гг., срывались. Однако, после того как утихла «военная тревога» 1875 г., возможности осуществления этой политики значительно возросли. В июле 1875 г. в турецких провинциях на Балканах, в Боснии и Герцеговине, населенных славянами, вспыхнуло восстание, направленное против турецкого абсолютистско-феодального гнета и усилившегося национально-религиозного притеснения турками славян[3].

Вслед за этими событиями, не без влияния услужливых советов Англии, еще со времен Крымской войны связавшей Турцию золотой цепочкой кабальных займов, Порта издала «декрет об облигациях займов». Этим декретом было положено начало финансовому закабалению Турции.

Все эти события еще более углубили «восточный кризис», затянувшийся почти на три года (1875—1878). Английская дипломатия во главе с ярым руссофобом Генри Эллиотом[4], английским премьер-министром Дизраэли и лордом Дерби в начале «восточного кризиса» заняла «нейтральную» позицию, ожидая дальнейшего развития событий на Балканах и Ближнем Востоке и тайно надеясь, что восстания в Боснии и Герцеговине создадут благоприятные условия для того, чтобы оторвать не только Турцию, но также Австрию и Германию от России.

В кругах французской дипломатии тайно лелеяли надежду, что в случае военного столкновения Германии и Австро-Венгрии с Россией у Франции может сложиться благоприятная обстановка для нанесения Германии удара с тыла.

Граф Андраши, министр иностранных дел Австрии, 31 января 1876 г. предъявил Турции ноту с требованием осуществления реформ в восставших областях. Россия первое время очень беспокоилась, что вспыхнувшим восстанием может воспользоваться Австро-Венгрия, чтобы присоединить Боснию и Герцеговину, в то время как на эти области претендовала дружественная России Сербия. Австро-Венгрия, наоборот, своим вмешательством стремилась предупредить присоединение Боснии и Герцеговины к Сербии, опасаясь образования «великой Сербии».

Кроме того Австро-Венгрия как многонациональное, лоскутное государство, на территории которого жили миллионы угнетенных славян, боялась, что заразительный пример славян — босняков и герцеговинцев — может вызвать подъем повстанческого движения среди славян в австрийских провинциях, находившихся по соседству с Турецкой империей. Требуя реформ в пользу повстанцев, Андраши стремился также усилить влияние Австрии в Боснии и Герцеговине, на захват которых она рассчитывала, стремясь пока что не допустить расширения восстания.

Посол царской России в Константинополе граф Игнатьев в ряде своих записок и донесений Александру II и князю Горчакову подчеркивал, что первоначально задача России заключалась в том, чтобы смягчить кризис в Боснии. Первое время Россия даже отговаривала болгар и сербов от выступления против Порты, обещая, что добьется удовлетворения требований славян «мирным путем»[5]. Игнатьев, считая, что не в интересах России раздувать конфликт, еще до официального вручения ноты Андраши рекомендовал Порте пойти на уступки повстанцам и дать им реформы, а чтобы не возбуждать славян других областей, он заодно рекомендовал сделать подобные же уступки и болгарам.

---

[1] В. Ленин «Тетради по империализму», стр. 69. М. 1939.

[2] Покровский М. «Дипломатия и войны царской России в XX в.», стр. 257. М. 1923.

[3] K. Cons-ple. Ad. № 279. 1875, ff. 273. Среди тринадцати главных руководителей инсургентов было трое гарибальдийцев. В отряд Голубь Богбичь были привлечены даже мусульмане.

[4] Английский посол в Турции.

[5] «Шифровано. Мы известились, — телеграфировал Игнатьев Зиновьеву в Румынию,— что болгарская молодежь в Румынии решила произвести восстание 4 сентября. Три отряда должны перейти Дунай. Выясните болгарам безумие и вред попытки, обреченной на неудачу. Ею воспользуются лишь греки для уничтожения экзархии. Сербия и Румыния не тронутся. Обстоятельства ныне неблагоприятны. Пусть поберегут средства и кровь свою для другой минуты. Действуйте безотлагательно для предупреждения несчастья и сообщите, верны ли сведения». K. Cons-ple. Télégramme secret de l'aide-de-camp général Ignatiew, adressé à m-r Zinowiew, le 1(13) septembre 1875. Зиновьев — дипломатический агент России в Румынии.

Первоначально война вовсе не входила в планы России, поэтому она выдвигала минимальные требования не только в боснийском, но и в болгарском вопросе. Это видно из инструктивного письма от 12 (24) ноября 1876 г., посланного министром иностранных дел Российской империи князем Горчаковым (даже после обострения русско-турецких отношений) Н. П. Игнатьеву: «Даже если бы наш минимум прошел, то и это было бы крупным результатом, который освободил бы нас от военной кампании, рискованной политически и материально и особенно губительной для нашего финансового положения» [1]. На полях пометка Александра: «Быть по сему» [2].

Первоначальное стремление России локализовать конфликт в Боснии и Герцеговине подтверждается и донесением русского консула в Боснии и Герцеговине Ястребова, который, исходя из инструкции Игнатьева, получившего, в свою очередь, директиву от Горчакова, пытался уговорить герцеговинцев сложить оружие. Ястребов, передавая содержание своей беседы (в сентябре 1875 г.) с инсургентами Мостара и Столацкого округа, отмечает: «В течение трех дней я напрягал все свои усилия убедить наших единоверцев, согласно данным мне вашим превосходительством инструкциям, оставить начатое ими восстание и вступить в переговоры с представителем Порты Сервер-пашою» [3].

О том же говорится и в проекте письма Горчакова от 27 февраля 1876 г., которое после одобрения его Александром II было послано затем Игнатьеву.

«Если несмотря на совместные усилия Европы (уладить конфликт.— *Х. М.)* борьба будет расширяться, т. е. если на арену выступят сербы, черногорцы и другие, мое мнение таково, что нужно тогда воздержаться» (на полях пометка Александра: «Быть по сему») [4].

Игнатьев откровенно признавал, что он до и после предъявления Порте ноты Андраши в целях локализации конфликта «советовал султану даровать льготы и зачатки самоуправления и децентрализации, не только герцеговинцам и боснякам, но и болгарам и всему христианскому населению в Турции. Султан приказал издать ираде (2 октября 1875 г.) [5] и разрешил русскому послу изложить свои замечания на потребные реформы и льготы верховному везиру (в Боснии и Герцеговине.— *Х. М.)* Махмуд-паше [6], для принятия их в соображение при составлении окончательных законов, в развитие основного ираде (султанского повеления)». Абдул-Азиз проявил готовность исполнить желания русского императора в этом отношении [7].

«Наши первые действия в Герцеговине,— пишет Игнатьев,— не были направлены против Турции [8]. Они были сверх того сображены и условлены предварительно непосредственно между Савфет-пашою и мною» [9]. Однако повстанцы, «зная по опыту вечное вероломство турок» [10], отказались сложить оружие, требуя удовлетворения всех своих требований и дачи твердых гарантий, что все обещанные реформы будут проведены в жизнь.

Нота Андраши, поддержанная официально Россией, Германией и другими державами, за исключением Англии, сделавшей к ней существенные оговорки (чтобы поощрить турок к сопротивлению), в феврале 1876 г. была принята Портой. В ответ на это младоосманцы — конституционалисты и националисты, боровшиеся с султанским абсолютизмом и недовольные уступчивостью султана, опубликовали свой знаменитый «мартовский меморандум», протестуя против принятия ноты Андраши и выдвигая программу борьбы с Абдул-Азизом и рус-

[1] К. 36. Cons-ple. 1876, ff 186—187. Projet du télégramme au général Ignatiew à Constantinople, 12 (24) novembre 1876.

[2] Несмотря на эти факты авторы учебника «Новая история», под редакцией акад. Е. В. Тарле, почему-то безоговорочно утверждают, что «русское правительство побудило Сербское княжество помочь герцеговинским повстанцам» («Новая история». Ч. 2-я, стр. 227. 1939).

[3] Cons-ple. 1875, д. № 29, стр. 238. Секретная телеграмма Ястребова Игнатьеву от 15 сентября 1875 года. Сервер-паша в августе 1875 г. был назначен султаном для подавления восстания и для переговоров с повстанцами об условиях прекращения начатого ими восстания. Вслед за этим, в сентябре 1875 г., для переговоров с повстанцами и посредничества была назначена консульская комиссия. От России в комиссию входил Ястребов, от Англии — Беринг, секретарь английского посольства.

[4] К. 36. Cons-ple. 1876. ff. 334. Projet de lettre particulière au général Ignatiew à Constantinople le 27 février 1876.

[5] Султан в своем ираде обещал списание недоимок и сокращение десятины с 12½% до 10% урожая, упразднение барщины. 12 декабря султан опубликовал фирман с обещанием новых реформ.

[6] Махмуд-паша — турецкий генерал, назначенный в конце 1875 г. на пост командующего турецкими войсками в Боснии и Герцеговине.

[7] «Исторический вестник» за февраль 1914 г. «Записки графа Н. П. Игнатьева», стр. 454.

[8] См. также К. 29. Cons-ple. 1875, ff. 290—293. Dépêche de l'ambassadeur à Constantinople au ministre des affaires étrangères prince Gortchakow, № 356. Péra, le 24 novembre — 6 decembre 1875; К. Cons-ple. Télégramme secret du général Ignatiew à m-r Yastrebow, le 20 septembre 1875. Ad. № 267 (1875). Игнатьев допускает неточность. Ираде было опубликовано не 2 октября, а 20 сентября 1875 года.

[9] «Исторический вестник» за март 1914 года. «Записки графа Н. П. Игнатьева», стр. 808. Савфет-паша был в 1876 г. министром иностранных дел.

[10] Cons-ple. Ad. № 251. Télégramme secret de m-r Yastrebow du général Ignatiew, le 11 (23) septembre 1875.

софильским кабинетом Махмуд-Недим-паши [1].

Внутриполитический и внешнеполитический кризис в стране, благодаря вмешательству держав и крайнему ухудшению положения других славянских народов, в последующем углубился еще больше. В апреле 1876 г. восстали болгары деревни Стрелицы. В мае восстание перекинулось во многие другие болгарские села и города. Повстанцы добивались распространения на них реформ, обещанных населению Боснии и Герцеговины, а также предоставления им автономии или независимости. В ответ на это реакционная, фанатичная мусульманская толпа устроила резню болгар. Десятки тысяч болгар были убиты, многие деревни были разгромлены дотла или сожжены. Некоторые болгарские деревни были превращены буквально в кладбища. По английским данным, в Болгарии было убито до 12 тыс. человек, по уверениям славянофилов,— 45 тысяч [2]. В это же время фанатичной толпой мусульман были убиты в Салониках немецкий и французский консулы (Абот и Мулен). В ответ на это державы устроили морскую демонстрацию у Салоник и добились сурового наказания участников погромов и убийства консулов.

Все эти события побудили Россию и Германию вместе с Австрией потребовать от Порты проведения реальных реформ в пользу славян. На совещании министров иностранных дел России, Германии и Австрии был выработан так называемый берлинский меморандум, в котором были сформулированы все основные требования этих держав к Порте, «для обеспечения» ликвидации кризиса на Балканах и удовлетворения требований христиан-славян. Инициатива созыва совещания принадлежала Германии.

Вручение берлинского меморандума было назначено на 30 мая. Чтобы предупредить принятие Портой этого меморандума, разжечь внутриполитический кризис и добиться свержения руссофильского кабинета Махмуд-Недим-паши, английский посол Генри Эллиот вступил в связь с младоосманцами; стремившимися свергнуть Махмуд-Недим-пашу и султана Абдул-Азиза — сторонников компромисса с тремя державами: Россией, Австро-Венгрией и Германией. Эллиот, заигрывая с либеральными, националистически настроенными кругами Турции, рассчитывал путем поддержки их и помощи им в достижении власти подорвать в Турции преобладающее влияние России и укрепить английское влияние в Порте.

Прикрываясь лицемерно-либеральной фразеологией о своем сочувственном отношении к установлению в Турции конституционной формы правления, Англия надеялась использовать младоосманцев против России [3].

В мае 1876 г., за несколько дней до предъявления Порте берлинского меморандума, младоосманцы, тайно поддержанные английскими либеральными кругами, приняли решение устроить против кабинета Махмуд-Недим-паши и султана Абдул-Азиза демонстрацию вооруженных софт (учащихся духовных семинарий); острие этой демонстрации одновременно было направлено против России и Австро-Венгрии. Это решение младоосманцев было благоприятно встречено Эллиотом. Английская дипломатия опасалась возможности использования Россией создавшейся ситуации для заключения русско-турецкого союзного договора, благодаря которому Турция могла бы оказаться полностью вовлеченной в орбиту влияния России.

Английская дипломатия для развертывания борьбы против России срочно направила в Константинополь Монроэ Бутлер Джонсона, члена английского парламента, специального эмиссара и особо доверенное лицо Дизраэли.

---

[1] К. 29. Cons-ple. 1876, ff. 183—184. Ad. № 125 (1876). «Le manifeste des patriotes musulmans». Constantinople, le 9 mars 1876. На русском языке манифест опубликован ввиде небольшого отрывка (одна страница из двенадцати) в «Турецком сборнике», под редакцией Г. М. Бикермана, стр. 175—176. Спб. 1909.

[2] Гирс А. «Россия и Ближний Восток». Материалы по истории наших сношений с Турцией, стр. 176. Спб. 1906. По сообщению даже секретаря английского посольства Беринга, в одном «лишь округе Филиппополя число убитых достигало до десяти тысяч». См. К. 35. Cons-ple. 1876. Секретная телеграмма Церетелева Гирсу из Филиппополя 25 июля (6 августа) 1876 г. Церетелев — дипломатический агент России в Болгарии.

[3] Младоосманцы, учитывая, что царизм поддерживал в Турции абсолютизм, были противниками России и искренно верили, что либерально-конституционная Англия является «бескорыстным другом Турции», что она заинтересована в установлении в Турции конституционного правления. Не решаясь в своей борьбе с абсолютизмом и иностранным засилием опереться на народные массы, они искали поддержку в либеральных кругах Англии, надеясь использовать противоречия держав для укрепления внешнеполитических позиций Турции. В последующем многие из них поняли, что Англия стремилась лишь использовать Турцию для своей корыстной борьбы с Россией. Но это горькое разочарование младоосманцев, пришедших к власти в декабре 1876 г., наступило позднее. Политику Англии в последующем понял и новый турецкий премьер-министр Мехмед-Рушди-паша, пришедший первоначально к власти в мае 1876 г. при сочувственном отношении английских либеральных кругов. Он считал, что Англия толкает Турцию на войну против России. Опасаясь последствий этой войны и считая ее авантюрой, он стал склоняться к необходимости ликвидировать напряженность в русско-турецких отношениях ценой компромисса и некоторых уступок в пользу России, Сербии и Болгарии.

Джонсон Бутлер, являвшийся основным посредником в переговорах между английским послом сэром Генри Эллиотом с младоосманцами и другими сторонниками укрепления дружбы с Англией, взялся даже оказать софтам помощь, облегчив снабжение их оружием.

Ружья и револьверы были закуплены не только в столице, но частично были завезены на пароходе одной англо-греческой компании [1].

По несколько преувеличенным данным русского дипломата Гирса, в апреле—мае 1876 г. софтами было закуплено до 15 тыс. ружей и пистолетов. «Посвященный во все проекты заговорщиков,— писал Гирс,—Джонсон Бутлер узнал о совершенном недостатке денежных средств и, счастливый сознанием, что принимает участие в движении, имеющем возродить этот достославный народ, взялся достать необходимые на вооружение софтов фонды. Прежде всего он сам внес на это доброе дело сумму в 4000 фунтов стерлингов, затем открыл подписку в Лондоне и в Константинополе, что и дало нужные деньги, поступившие прямо в карман счастливых софтов» [2].

Демонстрация вооруженных софтов состоялась 20 мая 1876 года. В демонстрации участвовало до 6 тыс. софтов. К ним присоединилось недовольное султаном городское население, и движение, начатое софтами, вылилось вопреки намерениям умеренных младоосманских лидеров в 40-тысячное стихийное народное выступление, направленное как против кабинета Махмуд-Недим-паши и абсолютизма, так и против иностранного вмешательства в турецкие дела.

Демонстранты добивались свержения кабинета Махмуд-Недим-паши и реакционного шейх-уль-ислама Хасана-Фехми-эфенди и требовали передачи власти Мидхат-паше, считавшему, что Англия является искренним сторонником укрепления Турции и установления в ней конституционной формы правления. Мидхат-паша считал, что в борьбе с абсолютизмом и иностранным засилием в стране необходимо использовать и взаимные противоречия держав.

Султан, не желая допустить образования кабинета конституционалиста Мидхат-паши, сделал шахматный ход: он поручил образование кабинета крайне умеренному Мехмед-Рушди-паше, соглашаясь ввиде уступки младоосманцам на привлечение Мидхат-паши в кабинет лишь в качестве министра без портфеля. Через несколько дней после прихода к власти нового кабинета Мехмед-Рушди-паша под давлением Мидхат-паши и военного министра генерала Хусейна-Авни вынужден был согласиться принять участие в свержении султана Абдул-Азиза, тайно ведшего в это время переговоры с Россией о заключении соглашения по внешнеполитическим вопросам и об оказании ему помощи в борьбе с конституционалистами. Еще задолго до этого по городу был пущен слух, что генерал Игнатьев от имени императора Александра II предложил Абдул-Азизу предоставить в помощь султану для разгрома софтов 40 тыс. солдат и моряков [3].

В ночь с 30 на 31 мая в результате государственного переворота Абдул-Азиз был свергнут с престола. Султаном был провозглашен принц Мурад V. «Причины низвержения Абдул-Азиза были сложны,— писал очевидец событий Теплов,— но главною, повидимому, было опасение некоторых западных держав, как бы султан, слывший за приверженца искреннего согласия с Россией, не принял каких-либо решений, напоминавших решения отца его, Махмуда, согласившегося поставить в 1833 г. Турцию под покровительство императора Николая I» [4].

Больше того, «сэр Генри Эллиот, не желая навлекать на себя упрека в том, что не устранил своевременно опасности, по телеграфу просил свое правительство прислать флот в Безикскую бухту, близ Дарданелл. Он уверил, что предстоит занятие Босфора русскими войсками и что было бы необходимо не дать себя захватить врасплох. Английский кабинет поверил на слово своему послу, и флот, собранный сначала в Пирее, с двойным экипажем на каждом судне для того, чтобы выставить, в случае нужды, турецкие броненосцы, прибыл в Безикскую бухту» [5]. Из Безика Эллиот намерен был затребовать корабли в Босфор. Тогда же на совещании у старшины дипломатического корпуса Эллиот под предлогом необходимости защиты интересов христиан и иностранцев заявил, что он уже вытребовал эскадру в Безику [6]. «Имея свои броненосцы в Босфоре, Англия тем самым приобретала преобладающее влияние на Порту и могла добиться назначения великим везирем своего сторонника Мидхата или Халил-Шериф-пашу. Ген. Игнатьев разгадал умысел великобританского посла и заранее отклонил возможность приглашения английских броненосцев, как противоречащего трактатам о закрытии Дарданелл» [7].

Сообщая о свержении Абдул-Азиза, воцарении Мурада V и об отношении к этим событиям Англии, Игнатьев 9 июня 1876 г.

[1] Теплов В. «Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе (записки очевидца)», стр. 16. СПБ. 1897.

[2] Гирс. А. Цит. соч., стр. 157, 158, 180.

[3] См. К. 29. Cons-ple. 1876. Обзор консульских донесений, приложенный к донесению Н. Игнатьева от 4 (16) июня 1876 г., ff. 439—445. См. также Гирс А. Цит. соч., стр. 163 и Теплов В. Цит. соч., стр. 2.

[4] Теплов. В. Цит. соч., стр. 2. Намек на возможность повторения ункиар-скелесского договора 1833 года.

[5] Гирс А. Цит. соч., стр. 164.

[6] Английская эскадра, которую Эллиот намерен был пригласить в Константинополь, прибыла в Безику 8 июня 1876 г. под командованием адмирала Друммона.

[7] Теплов В. Цит. соч., стр. 30. Халил-Шериф-паша после государственного переворота 30—31 мая 1876 г. был включен в состав нового кабинета в качестве министра юстиции.

писал Александру II следующее: «Главное преступление, которое вменяется в вину Абдул-Азизу, это — его склонность к России и поддержка у власти Махмуд-паши, который, как говорили, был подкуплен нами. Из желания создать оппозицию русскому влиянию сэр Генри Эллиот протянул руку вождям «младотурок»; для того чтобы подменить наше влияние влиянием Великобритании, он показывает предупредительность по отношению к новому султану и старается выставить на вид покровительство, которое он ему оказывает»[1] (пометка Александра II: «Все это вполне справдывает мои предположения»).

Высказывания Игнатьева основывались на данных, полученных им в течение июня от русских консулов из различных городов Турции.

Так, консул в Сараеве писал: «Переворот представляется как противодействие русской политике. Мусульмане рассказывают, что русский посол не допустил Турцию объявить войну Сербии и Черногории, а заставил султана издать благоприятный фирман для христиан—принять ноту графа Андраши, и уверял султана, что ему угрожает опасность, для предотвращения которой предлагал занять столицу 40-тысячной русской армией. Софты и министры, узнав обо всем этом, решились положить конец, низложив Абдул-Азиза».

Консул в Янине доносил: «Известие о появлении сильного английского флота принято в Янине как доказательство поддержки, которую хочет оказать Англия новому турецкому правительству, предупредив этим вмешательство прочих европейских держав в дела Турции»[2].

«Падение Абдул-Азиза есть вместе с тем и падение надолго русского влияния в Турции»,— писала проанглийски настроенная афинская газета «Меллон» в № 13811 от 16 мая 1876 года.

Высказывания Игнатьева подтверждаются и очевидцем майских событий 1876 г. В. Д. Тепловым. «Поддерживая движение конституционалистов,— писал Теплов,— и входя в открытые сношения с вожаками этой партии, сэр Генри Эллиот не забывал действовать и на самое правительство и успел уверить турок, что Англия — единственная защитница их интересов против трех союзных тогда империй, решивших-де обращаться с Турцией по-диктаторски»[3].

Англия, добавлял Теплов, «умышленно преувеличивала опасность переживаемого Константинополем положения»[4].

Для оправдания своей политики перед общественным мнением «либеральной» Англии английские правящие круги настаивали перед младоосманцами на ускорении провозглашения конституции.

[1] К. 29. Cons-ple. 1876, ff. 95—106. Dépêche № 18 de l'ambassadeur à Constantinople à l'empereur Alexandre II le 9 juin 1876.

[2] К. 29. Cons-ple. 1876. Из приложения к депеше посла Игнатьева в Петербург от 4 (16) июня 1876 г., стр. 439—445.

[3] Теплов В. Цит. соч., стр. 37.

[4] Там же.

Через несколько дней после воцарения султана Мурада V экс-султан Абдул-Азиз найден был в своем дворце убитым. Официально сообщалось, что Абдул-Азиз в припадке умопомешательства покончил жизнь самоубийством. Некоторые турецкие и западноевропейские газеты утверждали, что султан Абдул-Азиз был убит группой турецких офицеров, связанных с английской разведкой.

В ответ на убийство султана Абдул-Азиза сторонники убитого султана, группировавшиеся вокруг его сына, принца Юсуфа-Изеддина, решили разделаться с Мидхат-пашой и Хусейном-Авни, свергнувшим султана Абдул-Азиза. В начале июня 1876 г. черкес Хасан-эфенди, бывший адъютант принца Юсуфа-Изеддина и родственник экс-султана по линии одной из его жен, ворвался в зал заседания кабинета министров, происходившего во дворце Мидхат-паши, и убил Хусейна-Авни, Решид-пашу (министра иностранных дел), Ахмед-Кайсарли-пашу (морского министра) из состава вновь образованного кабинета и еще семь человек. После этого террористического акта политический кризис в Турции еще больше углубился, так как феодально-клерикальная реакция усилила свои гонения против славян в провинциях, устраивая резню против болгар, сербов и других христиан.

Это вызвало бурю возмущения в соседней Сербии, где в это время у власти стоял кабинет Ристича, сторонника разрешения боснийско-герцеговинского конфликта в пользу сербов, поскольку в восставших областях преобладало сербское население. Желая добиться независимости от Турции, воспользовавшись ее внутренними затруднениями, вассальные Сербия и Черногория в июле 1876 г. объявили войну султану. Ристич был сторонником объединения Боснии и Герцеговины с собственно Сербией. Как это подтверждают новые документы, неподготовленное выступление Сербии было ускорено вопреки советам посла Игнатьева и министра иностранных дел Горчакова, получившего на это санкцию от самого императора Александра II. Представители России опасались, что выступление сербов в защиту славян Боснии и Герцеговины может привести к вмешательству Австрии, внести разлад в союз трех императоров и, наконец, втянуть Россию в войну против Турции, чего русское правительство вплоть до Константинопольской конференции держав (декабрь 1876 г.) стремилось, по возможности, избежать, добиваясь «умиротворения» Боснии и Герцеговины и разрешения притязаний славян других областей без войны, ценой компромисса Порты с царизмом.

О том же говорит секретная телеграмма Игнатьева от 9 ноября 1876 г. Карцеву, русскому дипломатическому агенту в Белграде. «Мы,— телеграфировал Игнатьев,— отсоветовали войну, нас не послушались, а после мы давали деньги, помощь санитарную, и русские стояли грудью, проливая кровь свою за Сербию. Наконец, мой уль-

тиматум спас Сербию от конечного разорения, когда все пропало»[1].

Несмотря на эту позицию России в сербском вопросе во время объявления войны Сербией Турции, Покровский М. Н., извращая факты, утверждал, что Россия якобы уже с самого начала восстания в Боснии и Герцеговине усиленно провокационно толкала Сербию на войну с Турцией, хотя и знала, что это может привести к поражению Сербии, к осложнению русско-австрийских отношений и к войне России с Турцией

«Но энергичнее всех,— писал Покровский,—действовал генерал Игнатьев. Прямой войны России с Турцией он не желал; в возможность для сербов справиться с турками он довольно трудно верил. В результате он все делал, чтобы вызвать сербо-турецкую войну»[2].

Документы (донесения Игнатьева и письма Горчакова) свидетельствуют о том, что Россия не только с апреля 1875 по июль 1876 г., но вплоть до декабря 1876 г., т. е. до созыва Константинопольской конференции держав, стояла за смягчение конфликта в Герцговине, Сербии и Болгарии и за мирное урегулирование конфликта.

Первые неудачи сербов в войне с турками, угроза выступления Австрии против Сербии из-за попыток последней присоединить к себе Боснию и Герцеговину, желание добиться нейтрализации Австрии в сербско-турецком и могущем вспыхнуть турецко-русском конфликте побудили Россию в июле 1876 г. согласиться подписать рейхштадтское соглашение от 21 июня 1876 г., разрешавшее в принципе боснийский вопрос к выгоде Австрии.

Колебания и нерешительность, проявленные новым султаном Мурадом V в борьбе с восстаниями славян и в вопросе о предоставлении конституции, наконец, болезнь Мурада V побудили младоосманцев в самый разгар сербско-черногорско-турецкой войны дать свое согласие на свержение и этого султана; вместо Мурада султаном стал Абдул-Гамид II, обещавший незадолго до этого в случае воцарения даровать конституцию. Абдул-Гамид кроме того слыл сторонником войны с Россией.

Когда же Сербия вопреки предостережениям из Петербурга начала войну, то Россия была вынуждена оказать ей некоторую помощь посылкой добровольцев, оружия, боеприпасов, денег и офицеров. В то же время Россия после болгарской резни турок, с мая 1876 г., стала добиваться предоставления Болгарии широкой автономии и образования на этой базе автономного болгарского государства[3]. Сербы в неравной борьбе против численно превосходящих сил турок на всех фронтах терпели поражение. Англия тогда стала поощрять Турцию к захвату у сербов их столицы Белграда, что означало бы полный разгром Сербии. Угроза полного поражения и разгрома дружественной России Сербии, ее главной опоры на Балканах, побудила русского посла в Константинополе Игнатьева предъявить Порте 31 октября 1876 г. ультиматум о прекращении наступления против сербов и о заключении перемирия на один месяц. Перемирие было заключено и затем продлено еще на два месяца. Это было первое выступление России, сделанное самостоятельно, без поддержки и согласования с остальными участниками «союза трех императоров».

После вмешательства России в сербско-черногорско-турецкий конфликт новый великий везир Мехмед-Рушди-паша все более и более стал склоняться к необходимости добиваться соглашения между Турцией и Россией. Но этого не желала допустить Англия, что видно из письма Игнатьева Горчакову от 18 (30) ноября 1876 года[4].

«Несмотря на активность,— писал Игнатьев,— которую пытается развернуть Порта в своих военных приготовлениях, и в ущерб патриотическому энтузиазму, который младотурки хотят привить мусульманским массам, я узнал из достоверного источника, что великий везир так же, как и серьезные люди из правительства, убежден в абсолютной невозможности для Турции вести одними своими силами войну против России. Мехмед-Рушди-паша упрекает, как говорят, англичан в том, что они ободряли Порту речами своих агентов и сделали таким образом невозможным всякое соглашение между ею и могущественной соседней империей. По его словам, турецкое правительство вынуждено теперь, благодаря поддержке, которую ему обещает Англия, делать вид, что оно хочет действовать против нас вооруженной силой. Но нет никакого сомнения, думает он, что если даже эта поддержка будет оказана или по меньшей мере Порте будет оказана денежная помощь, можно будет самое большее дать два или три сражения русским войскам для того, чтобы снять с правительства ответственность и быть в состоянии с честью подчиниться условиям, которые императорский кабинет пожелает продиктовать Турции.

---

[1] К. 32. Cons-ple. 1876, ff. 243—244. Ad. № 446. Cons-ple. Copie d'un télégramme secret du général Ignatiew à m-r Kartzew le 27 octobre (9 novembre) 1876. См. также Гирс А. Цит. соч., стр. 182.

[2] Покровский М. «Дипломатия и войны царской России», стр. 259. К сожалению, это ошибочное утверждение Покровского, противоречащее фактам, в известной степени отражено и авторами «Новой истории» под редакцией акад. Е. Тарле. («Новая история». Ч. 2-я, стр. 227).

[3] К. 32. Cons-ple. 1876, л. 322. Копия с донесения коллежского асессора князя Церетелева г. генерал-адъютанту Игнатьеву в Константинополь от 1 (13) ноября 1876 года.

[4] Cons-ple. 34. 1876, ff. 254—258. Lettre particulière et très confidentielle de l'ambassadeur à Constantinople au ministre des affaries étrangères prince Gortchakow le 18 (30) novembre 1876, ff. 254—258.

Этот пессимизм сделал великого везира подозрительным для младотурок, которые хотели дискредитировать его в глазах султана, изображая его сторонником России».

Отмечая, что в серале имеются лица, которые «отдают себе отчет в последствиях авантюристической политики и хотят найти мирный выход из кризиса», Игнатьев в том же донесении добавлял: «Мидхат, младотурки и военная партия тем не менее продолжают говорить о гибельной войне с нами, о войне до последней крайности. Они надеются выставить против нас до 300 тыс. человек, получить деньги из Англии и привлечь в ряды мусульманских добровольцев всех стран, главным образом из Индии».

«Младотурки,— доносил Игнатьев 7 октября 1876 г.,— говорят о сопротивлении до крайности и даже о войне с Россией, рассчитывая на участие Англии и Австрии» [1].

«Некоторые министры,—сообщал Игнатьев в депеше от 13 (25) октября 1876 г.,— искренно желают договориться с нами и доверить нам спасение и покровительство над империей, противопоставляя нас англичанам, к которым никто, за исключением Мидхата и его партии, не питает доверия» (пометка Александра II: «Да») [2].

Под давлением младоосманцев и воинственно настроенного офицерства Мехмед-Рушди-паша 19 декабря 1876 г. был уволен в отставку и заменен Мидхат-пашой. Мехмед-Рушди-паша был уволен за то, что был сторонником соглашения с Россией, противником войны и задерживал опубликование конституции. Министром иностранных дел был оставлен англофил Савфет-паша.

В связи с твердой позицией, занятой Россией в сербско-болгарском вопросе, Англия решила прибегнуть к новым маневрам, чтобы внести еще больший разлад в отношения между Турцией, Россией и Австро-Венгрией. Когда между Турцией, Сербией и Черногорией было достигнуто перемирие, в турецко-сербско-черногорско-русские переговоры об урегулировании конфликта вмешалась и Англия, лицемерно выступавшая до этого все время за «политику невмешательства». По инициативе Англии в турецкой столице в декабре 1876 г. была созвана Константинопольская конференция [3] держав для «разрешения» «восточного кризиса» и обсуждения вопроса о проведении Портой реформ в пользу славян (Боснии, Герцеговины и Болгарии) и об уступках в пользу Сербии и Черногории. Конференция вначале заседала без участия представителей Турции, однако последние были полностью осведомлены о ходе переговоров между державами [4]. Английский посол несмотря на соглашение, достигнутое между державами (не сообщать ничего туркам о ходе переговоров держав), все время односторонне и тенденциозно информировал турецкого министра иностранных дел Савфет-пашу о ходе переговоров, побуждая его не принимать требования держав. При этом Эллиот выдвигал следующие соображения. Хотя на конференции им будут предъявлены требования от имени держав, турки не должны уступать; единства между державами не существует; Англия благоприятно встретит отказ турок от принятия этих требований и не окажет на Турцию никакого давления несмотря на внешнее единство, достигнутое между державами. Согласившись на предварительных заседаниях конференции держав на принятие проекта шести держав (России, Австрии, Германии, Италии, Франции и Англии) для вручения его Порте, сэр Эллиот в то же время предупредил тайно Порту, что Англия хотя формально и подписала это требование, однако его фактически не поддержит и не настаивает на принятии его Портой. Он заявил, что согласие среди держав, подписавших протокол для вручения Порте, мнимое и что при этих обстоятельствах Турция смело может их отвергнуть, тем более что Англия в случае русско-турецкой войны выступит в защиту Турции.

В своей секретной телеграмме канцлеру Игнатьев 19 (31) декабря 1876 г. писал: «Телеграфировал Шувалову: ...Мидхат и Эллиот распространяют мнение, что соглашение недействительно и что сама Россия отклонится от него, чтобы сговориться с Турцией непосредственно. Англия взяла на себя инициативу конференции, а Турция отвечает на европейские предложения насмешливыми обещаниями, которые не согласуются ни с английскими основами, ни с предложениями остальных,— это значит, что достоинство Европы скомпрометировано (пометка Александра II: «Да») и неизбежен разрыв сношений. Неуспех конференции падает на кабинет тори» [5].

---

[1] Cons-ple. 34. 1876, f. 191. Copie d'un télégramme du général Ignatiew au prince Gortchakow le 7 octobre 1876.

[2] Cons-ple. 32. 1876, f. 17. Dépêche de l'ambassadeur à Constantinople au ministre des affaires étrangères prince Gortchakow, № 459 le 13 (25) octobre 1876.

[3] Делегаты на конференцию съехались 5 декабря 1876 года. Предварительные заседания начались под председательством Игнатьева 11 декабря 1876 г. без участия представителей Порты. Уполномоченными Англии на конференции были Эллиот и маркиз Сольсбери, от России — Игнатьев, от Турции — Савфет-паша и Эдхем-паша, от Германии — барон Вертер, от Австрии — граф Зичи и барон Калис, чрезвычайный посланник, от Италии — полномочный министр Корти. Официальное открытие конференции с участием турецких представителей состоялось 23 декабря 1876 года.

[4] К. 22, Cons-ple. 1877, ff. 152—154. Dépêche de l'ambassadeur à Constantinople au ministre des affaires étrangères prince Gortchakow, № 4, Péra. 3 (15) janvier 1877.

[5] К. 35. Cons-ple. f. 701. Télégramme secret du général Ignatiew au chancelier de l'Empire. Péra, le 19 (31) décembre 1876. Граф Шувалов—русский посол в Лондоне.

II

Во время Константинопольской конференции, вплоть до момента ее провала 18 января 1877 г., Россия, исходя из своей позиции, занятой ею еще в начале возникновения «восточного кризиса», в 1875 г., всячески стремилась достигнуть соглашения с Турцией, и потому она приняла даже невыгодную для нее выработанную Англией программу работ этой «примирительной» конференции. В тот момент, когда представители держав передали турецкому министру иностранных дел Савфет-паше выработанный до этого текст постановлений и предложений конференции и когда на конференции (23 декабря 1876 г.) должно было начаться их обсуждение, Савфет-паша под звуки пушечного салюта торжественно заявил, что салют возвещает провозглашение конституции и наступление конституционной эры; затем он добавил, что провозглашение конституции делает беспредметным обсуждение предложений держав, требующих уступок и гарантий в пользу христианских областей, так как конституция и возвещаемые ею реформы якобы автоматически разрешают все спорные вопросы, в том числе болгарский, боснийский и другие. В тот же день Эллиот еще раз внушил султану и его представителям на конференции, что соглашение европейских держав кажущееся и что ни одна из них, за исключением России, не решится перейти от слов к делу, чтобы принудить Турцию принять требования, выработанные шестью державами. В результате этого в январе 1877 г. Константинопольскую конференцию держав постиг провал.

Даже после срыва конференции 5 января (старый стиль. — *Х. М.)* 1877 г. товарищ министра иностранных дел Н. К. Гирс «ввиде предупреждения» писал Игнатьеву: «Во избежание недоразумений считаю нелишним повторить Вам, что канцлер (Горчаков. — *Х. М.)* крайне желает избежать войны»[1]. И это несмотря на давление военных и славянофильских кругов, требовавших, чтобы Россия немедленно объявила Турции войну!

Этой линии с некоторым колебанием придерживалась Россия вплоть до того момента, пока Турция не отклонила требования держав, которые были выработаны еще на Лондонской конференции в марте 1876 года. Время между Константинопольской конференцией и вручением лондонского протокола Россия, потерявшая полностью надежду на мирное урегулирование конфликта, использовала для подготовки своих вооруженных сил на случай войны с Турцией.

Лорд Дерби использовал вооружения России как предлог для заявления, что Англия откажется признать лондонский протокол, если и Россия не разоружится. Граф Шувалов на это ответил, что Россия ставит свое разоружение в зависимость от подписания Турцией мира с Черногорией. 19 апреля, уже после совершившейся высылки заграницу ненавистного султану конституционалиста Мидхат-паши, состоялось открытие первого турецкого парламента. Этот парламент по представлению проанглийского кабинета Эдхем-паши и министра иностранных дел Савфет-паши, надеявшихся в случае войны с Россией на активную помощь Англии, одобрил решение султанского правительства продолжать войну с Черногорией и отверг основные условия лондонского протокола (21 апреля 1877 г.).

Поведение Англии вплоть до апреля 1877 г. попрежнему вызывало у турок надежду, что снова повторятся дни англо-франко-турецкого союза 1854—1856 годов[2]. Правящие круги Турции под влиянием наущений Эллиота надеялись, что как только вспыхнет война, на стороне Турции против России, помимо Англии и Австро-Венгрии, немедленно выступит и Германия. Джон Буль, этот любитель загребать жар чужими руками, считал, что не в его интересах удерживать Турцию от войны против России и Черногории, пока еще сохраняется надежда втравить в войну против России Австрию, интересы которой на Балканах противоречили русским. Но ставка Англии на возможность возникновения войны между Австро-Венгрией и Россией оказалась битой: России еще в январе 1877 г. удалось достигнуть соглашения с Австрией. По будапештскому договору, Россия соглашалась в случае возникновения русско-турецкой войны на занятие Австрией Боснии и Герцеговины. Это было компенсацией Австрии за соблюдение ею нейтралитета. Что касается Германии, которую Англия надеялась втянуть в борьбу против России, то она, поняв английские планы, устами Бисмарка открыто заявила: «В миссию Германской империи не входит предоставлять своих подданных другим державам и жертвовать их кровью и имуществом ради осуществления желаний наших соседей»[3].

---

[1] «Исторический вестник» за апрель — май 1914 г., стр. 468. После провала Константинопольской конференции Горчаков сделал запрос представителям шести держав, что намерены они предпринять в дальнейшем в связи с отклонением Портой предложений шести держав, выработанных на конференции.

[2] Ряд весьма ценных сведений о политике и маневрах английской дипломатии в 1875—1878 гг. содержится в воспоминаниях Карцева «За кулисами дипломатии» («Русская старина» за февраль 1908 г.) и в воспоминаниях Нелидова, опубликованных в «Revue des deux mondes» (vol. 30. Livre 2-me. 15 novembre 1915. Paris. «Souvenirs d'après la guerre de 1877—1878 par M. A. Nelidow»)».

[3] Бисмарк «Мысли и воспоминания». Т. II, стр. 298. Несмотря на эти факты, разоблачающие провокационную политику Англии, авторы «Новой истории» под влиянием традиционных концепций западноевропейских буржуазных историков замалчивают роль Англии в «восточном кризисе» 1875—1878 годов. Они утверждают, что «Бисмарк

Поощряемая Англией, Турция еще с осени 1876 г. начала активно готовиться к войне с Россией. В Турцию начали прибывать английские военные инструкторы-советники, техники и инженеры, которых направляли в укрепленные города: Эрзерум, Карс, Адрианополь, Плевну, Шумлу и др.[1].

«Военные приготовления Англии, — телеграфировал Игнатьев 6 (18) ноября 1876 г., — ободряют турок, которые решили не предоставлять автономии (Болгарии.— *Х. М.*)»[2].

«Распространяемые здесь новости о военных приготовлениях англичан,— телеграфировал Игнатьев 6(18) ноября 1876 г.,— опьяняют и создают уверенность, что Порта смело может рассчитывать на материальную поддержку, и это толкает турок на большие усилия. Мидхат имеет расчет на военную поддержку англичан, как только начнется война с нами»[3].

Эллиот и английские агенты типа Джонсона Бутлера с той же провокационной целью умышленно раздували переживаемые Россией трудности на Кавказе, в Польше, отмечая, что Россия отступит, если только Турция проявит твердость.

«Бутлер Джонсон, — доносил Игнатьев 8(20) декабря 1876 г.,— выдавая себя за агента Дизраэли, интригует против Сольсбери и сводит на-нет результаты конференции (Константинопольской. — *Х. М.*), заявляя, что, проехав через юг, мог видеть недостаточность наших сил и что мы отступим в последнюю минуту, ограничившись только угрозой. ...Дизраэли, действительно желает войны между Россией и Турцией, и Джонсон — опасный человек» (пометка Александра II: «Какой негодяй!»)[4].

Английские агенты старались создать впечатление, что против России имеется общий фронт держав, аналогичный тому, который был в 1853—1856 годах. После посылки английского флота в Безику Дизраэли выступил (10 ноября 1876 г.) с воинственной речью, в которой заявил, что в случае войны России с Турцией Англия выступит на стороне Турции. Английское военное командование по его указке инсценировало подготовку к войне. В действительности же Англия без поддержки французских континентальных солдат, после провала английских попыток втравить в войну против России Австрию и Германию, воевать с Россией не могла. Но она старалась впутать Россию в войну и в то же время поощряла Турцию к сопротивлению в надежде, что обострение конфликта неизбежно втянет в войну и Австрию. Английские и американские капиталисты уже предвкушали те барыши, которые они получат от снабжения Турции боеприпасами в случае войны. Американские торгаши предложили туркам купить торпеды, мины и другие военные материалы.

«Его семья (Эллиота. — *Х. М.*), — сообщал Игнатьев 11 (23) декабря 1876 г., — и все его окружение афишируют самые воинственные чувства. При таких предзнаменованиях левантийские англичане толкают турок на войну, с задней мыслью нажиться на ней, имея в виду, что большинство из них составили свое состояние во время крымской войны»[5].

«Все политические элементы, — доносил Игнатьев Горчакову 1 (13) ноября 1876 г., — как бы объединились для того, чтобы привести нас фатальным образом к войне с Турцией... Вы найдете здесь, князь, копию телеграммы, которую я послал графу Шувалову, чтобы указать ему на впечатление, произведенное здесь речью лорда Биконсфильда, содержание которой, опубликованное в местных газетах и разглашенное на улицах Константинополя, вызвало огромную сенсацию. После такой значительной демонстрации никто здесь больше не верит в возможность удовлетворительных результатов конференции (Константинопольской. — *Х. М.*), если даже удастся ее собрать...

Турки считают войну с Россией неизбежной и активно к ней готовятся. Они приводят следующие доводы: «Премьер-министр Великобритании, конечно, произнес эту речь для того, чтобы дать понять Порте, что ей нечего бояться, что она может и должна не уступать России, что Англия со своими неисчерпаемыми ресурсами всегда придет ей на помощь. Война входит и расчеты и интересы англичан»[6].

Военные страсти разжигались среди населения, особенно в провинциях, граничащих с Россией.

В упомянутой выше сводке русский консул из Трапезунда писал в июне 1876 г.: «Сам генерал-губернатор Ахмед-Расим про-

---

с самого начала герцеговинского восстания провокационно подталкивал Россию на войну с Турцией» («Новая история». Ч. 2-я, стр. 228). Авторы «Новой истории» ни слова не говорят о провокационном подталкивании Англией Турции, Австрии и Германии на войну против России.

[1] К. 35. Cons-ple. 1876, f. 427. Télégramme du général Ignatiew le 31 octobre — 12 novembre 1876.

[2] К. 35. Cons-ple. 1876, f. 444. Télégramme secret du général Ignatiew le 6 (18) novembre 1876.

[3] Cons-ple. 32. 1876, f. 361. Copie d'un télégramme secret adressé par le général Ignatiew au comte Chouvalov 6(18) novembre 1876. Ad. 514.

[4] К. Cons-ple. 35. 1876, f. 621. Télégramme secret du général Ignatiew au chancelier de l'Empire. Pèra, le 8(20) décembc 1876. № 11. Сольсбери в отличие от Эллиота, Дерби и Дизраэли на конференции внешне прикидывался сторонником удовлетворения требований России.

[5] Cons-ple. 32. 1876, f. 392. Dépêche de l'ambassadeur à Constantinople au ministre des affaires étrangères prince Gortchakow le 11 (23) novembre 1876. № 524.

[6] Cons-ple. 34. 1876, f. 222. Lettre particulière de l'ambassadeur à Constantinople au ministre des affaires étrangères au prince Gortchakow, Pèra, 1 (13) novembre 1876.

поведет войну с Россией, взваливая на нас все свои (Турции. — *Х. М.*) невзгоды и несчастья. В кофейнях читаются газеты, в которых бранят Россию и ее представителей, намереваются итти на нее священной войной, рассчитывая на помощь какого-то индийского государства, обещающего Турции войско, деньги и корабли. Турция, уверяет Ахмед-Расим-паша, непременно объявит войну Черногории, а так как Россия будет тому противиться, то вот и предлог к войне с Россией; на нашей стороне Англия, и дело Турции, значит, выиграно! Множество ружей, привозимых в город, доказывает, что мусульмане на всякий случай вооружаются»[1].

Интриги Англии не ограничивались пределами Турции: она пыталась привлечь на сторону турок, против России, Румынию и Грецию[2].

Английский посол Эллиот прилагал все усилия к тому, чтобы запугать Румынию угрозой русского нападения на нее, рекомендуя ей выступить на стороне турок, против России, или, в крайнем случае, не допускать перехода русских войск через Румынию на Балканы. Эти интриги Англии в Румынии раскрываются из беседы Эллиота с румынским представителем в Турции князем Гика, из откровенных признаний Братиану и донесений Стуарта[3].

Греция была склонна дать согласие выступить на стороне турок, но только в том случае, если Англия побудит турок уступить ей Крит, Фессалию и Эпир[4].

Отказываясь предоставить Болгарии широкую автономию, Порта в то же время, как это видно из донесения Игнатьева от 18 ноября 1876 г., пыталась привлечь на свою сторону некоторые слои болгарского населения[5].

После речи, произнесенной Дизраэли, турецкая столица стала убежищем для авантюристов всех стран и любителей легкой наживы типа польского эмигранта князя Четвертинского и ему подобных.

Чтобы побудить Турцию на объявление войны в угоду Англии, ей предложили заем.

Среди правящих кругов Турции точно так же, как и среди русских дипломатов, было много лиц, которые отлично понимали, что Англия, толкая Турцию на войну против России, не окажет ей необходимой помощи и что, в конечном счете, Англия, воспользовавшись истощением Турции в войне с Россией, захватит у Турции ее вассальное владение — Египет — и попытается ввести свой флот в проливы.

«В общем, — доносил Игнатьев 15 (27) ноября 1876 г., — слепая вера, которую турки проявляют в отношении Англии, кажется несколько поколебленной. Кроме «младотурок» все положительные люди начинают понимать, что, толкнув Турцию на гибельный путь, Великобритания будет заботиться главным образом о своих собственных интересах и что помощь, которую она окажет Порте, будет очень дорого стоить этой последней. Со своей стороны я убежден, что в случае вступления наших войск в Турцию англичане, не слишком занятые поддержкой Оттоманской империи, неминуемо завладеют Дарданеллами, введут затем свой флот в Босфор с корпусом для десанта и, наконец, оккупируют Египет, который всегда являлся предметом их вожделений (пометка Александра II: «Все это вполне вероятно»)[6].

Более дальновидные турецкие политики понимали, что ослабленная политическим и финансовым кризисом Турция должна воздержаться от войны, так как она не была к ней подготовлена. Эти круги и в том числе свергнутый под давлением военной партии младоосманцев и Англии премьер-министр Мехмед-Рушди-паша, Намык-паша и даже зять султана Махмуд-Дамад-паша, ставший во время русско-турецкой войны, как это ни удивительно, военным министром, считали, что все тяготы войны лягут на Турцию, а английская помощь может оказаться нереальной или малоощутительной; некоторые из них заранее полагали, что Турция обречена на поражение. Сам Мидхат-паша в январе 1877 г., за две недели до своей высылки, стал склоняться к мысли, что Турции в случае войны угрожают опасные последствия, так как анг-

[1] К. 29 Cons-ple. 1876, p. 439—445. 1876. № 258.

[2] К. 32. Cons-ple. 1876, ff. 306—307. Dépêche de l'ambassadeur à Constantinople au ministre des affaires étrangères au prince Gortchakow, № 507, Pèra, le 4(16) novembre 1876.

[3] Братиану — национал-либерал, премьер-министр Румынии; барон Стуарт — русский генеральный консул в Румынии. Упоминаемый же в документах Стюарт — английский посол в Афинах. См. К. 32. Cons-ple. 1876, ff. 366—367. Dépêche secrète de l'ambassadeur à Cons-ple au ministre des affaires étrangères au prince Gortchakow Pèra, le 8(20) novembre 1876. К. 35. Cons-ple. 1876, f. 669. Télégramme secret du général Ignatiew, le 13 (25) décembre 1876. К. 32. Cons-ple. 1876. ff. 423—425. Dépêche de l'ambassadeur à Cons-ple au ministre des affaires étrangères prince Gortchakow, № 530. Pèra, le 15(27) novembre 1876, très confidentielle.

[4] К. 32. Cons-ple. 1876. f. 387. Dépêche de l'ambassadeur à Cons-ple au ministre des affaires étrangères au prince Gortchakow, № 523. Confidentielle. Le 11(23) novembre 1876. К. 22. Cons-ple. 1877, ff. 394—396. Dépêche secrète de l'abassadeur au ministre des affaires, étrangères au prince Gortchakow, № 41, Pèra, le 22 janvier —3 février 1877.

[5] К. 22 Cons-ple. 1877, ff. 218—219. Dépêche de l'ambassadeur à Cons-ple au ministre des affaires étrangères au prince Gortchakow, № 14, Pèra, le 6 — 18 janvier 1877.

[6] К. 32. Cons-ple. 1876, ff. 430—431. Dépêche secrète de l'ambassadeur Constantinople au ministre des affaires étrangères prince Gortchakow. Péra. 15 (27) novembre 1876. № 531.

лийские гарантии могут оказаться блефом и перед Турцией могут возникнуть неразрешимые трудности. Это подтверждается его умеренной речью на расширенном заседании Государственного совета 18 января 1877 г. и другими его заявлениями, сделанными после провала Константинопольской конференции держав.

«Люди, стоящие у власти, — доносил Игнатьев 10 (23) января 1877 г., — и в том числе сам Мидхат-паша не кажутся вполне одураченными теми преувеличенными слухами, которые они распускают о турецких силах. Так я узнал, что великий везир недавно признался одному из своих доверенных лиц, что дела сейчас зашли слишком далеко для того, чтобы их можно было урегулировать дипломатическим путем»[1]. «Вы нас разобьете,— говорил господину Ону, первому драгоману русского посольства, Махмуд-Дамад-паша,— это возможно, но мы будем защищаться всеми силами, будьте в этом уверены; сам султан вынужден будет встать во главе войск. И, по крайней мере, мы будем иметь ясное положение, которого все требуют, вместо неуверенности, которая тяготит всех заинтересованных»[2].

Даже Мидхат-паша, с запозданием поняв корыстный характер всех маневров и заигрываний английской дипломатии с конституционалистами в 1876—1877 году, в письме к русской аристократке Рагозиной, вхожей в дипломатические круги, признавался, что посредничество Англии в 1876 г. в русско-турецком конфликте и в особенности во время Константинопольской конференции для Турции оказалось роковым, а «дружба» Англии — лицемерной, точно такой же, по его мнению, оказалась та роль «честного маклера», которую Англия взяла на себя при посредничестве в русско-турецком конфликте, во время которого она прикрывала свою корыстную политику фразами «невмешательства» в турецкие дела.

Письмо к Рагозиной Мидхат закончил афоризмом: «Мы (турки) говорим: не верь клятве женщины — она непременно обманет. А я скажу: не верь также дружбе рыжего (намек на англичан) и чести маклера»[3]. В беседе с корреспондентом английской газеты «Nineteenth Century» Мидхат-паша сказал об этом еще более откровенно: «Султан ни за что бы не отвергнул предложения держав и не стал бы рисковать войной с Россией, если бы он не рассчитывал конфиденциально на поддержку со стороны Англии»[4].

Что касается французской дипломатии, во главе которой стоял Деказе, то она действовала в угоду Англии, запугивая через своего посла в Стамбуле Россию угрозой захвата английским флотом Константинополя в случае, если Россия ради обеспечения автономии Болгарии займет ее[5]. Но в целом ее позицию можно было бы определить в двух словах — сохранять нейтралитет.

При этих условиях турки, отвергнув требования держав и поджигаемые Англией, решили даже взять на себя инициативу войны с Россией, несмотря на то что Россия первоначально проявляла мирные намерения. Как известно, инициатива переговоров с державами, завершившихся подписанием лондонского протокола 31 марта 1877 г., принадлежала России. В этом протоколе, подписанном и Англией, державы, принимая к сведению обещания реформ, данные Абдул-Гамидом II, обязывались следить за их выполнением и в то же время оставляли за собой свободу действий в случае, если Турция еще раз не сдержит своего слова и не осуществит обещанных в пользу боснийцев, герцеговинцев, болгар и других славянских народов реформ[6]. Протокол требовал от Турции проведения частичного разоружения турецкой армии, сосредоточенной на Балканах и направленной против сербов, Болгарии и Черногории[7].

После провала этой последней примирительной попытки война между Турцией и Россией стала неизбежной, и она вскоре (24 апреля 1877 г.) разразилась.

III

Как только раздались первые выстрелы, султан Абдул-Гамид, ссылаясь на статью 8-ю парижского договора, обратился к державам за помощью и поддержкой. Но это его обращение осталось гласом вопиющего в пустыне. Франция, еще полностью не оправившаяся со времени франко-прусской войны, не желая терять в лице России воз-

---

[1] К. 22. Cons-ple. 1877, ff. 299—300. Dépêche de l'ambassadeur à Constantinople au ministre des affaires étrangères prince Gortchakow, № 23. Péra, 10(22) janvier 1877.

[2] К. 22. Cons-ple. 1877, ff. 10—11. Dépêche de m-r Nelidow au ministre des affaires étrangères prince Gortchakow. 29 janvier — 10 février 1877. № 52 Нелидов — поверенный в делах русского посольства в Стамбуле.

[3] Рагозина «Из дневника русской в Турции перед войной 1877—1879 гг.», стр. 42. СПБ. 1878.

[4] Мак-Колль «Султан и державы», стр. 75. Перевод с английского. СПБ. 1897.

[5] См. К. 25. Cons-ple. 1876, f. 476. Télégramme secret du général Ignatiew. Péra, 21 novembre — 3 décembre 1871.

[6] К 60—70-м годам XIX в. относится возникновение афоризма «действовать» à la Turca», что означало: «все обещать и ничего не делать».

[7] Требования России в пользу славянских народов наталкивались не только на сопротивление Турции, но и Англии и даже союзной с Россией Австрии, являвшейся основным соперником ее на Балканах. Англия была решительным противником образования на Балканах федерации славянских государств, в том числе и крупного балканского государства — Болгарии, — дружественно настроенного по отношению к России. Не случайно в Болгарии Англия и до сего дня рассматривается как злейший враг славянства, срывавший дело национального воссоединения болгар.

можного союзника против Германии, заявила о своем нейтралитете. Австро-Венгрия, заключившая до этого с Россией будапештское соглашение[1], тоже заявила о своем нейтралитете. К этому ее склонила и нейтральная позиция Германии в разгорающемся конфликте. Таким образом, Англии удалось спровоцировать на войну против России только Турцию. Сама же Англия осталась опять в стороне. Увидев, что планы вовлечения Германии и Австро-Венгрии в войну против России сорвались, она поспешила заявить о своем нейтралитете. Турция же, как это показали события, вступила в войну не столько в своих интересах, сколько в угоду Англии, провокационную роль которой западноевропейская буржуазная историография, как правило, замалчивала или затушевывала[2].

На позицию Англии успокоительно подействовало заявление императора Александра II о русских планах в отношении Константинополя и Индии. В целях антирусской пропаганды в английских правящих кругах умышленно распускались слухи, что Россия «готовит поход на Восток и Индию» и намерена захватить Константинополь и Индию, хотя авторы этих слухов прекрасно знали, что перед Россией в тот период эти планы практически не стояли и не выдвигались. Для того чтобы рассеять подозрения о фантастических планах России в отношении Индии и Константинополя, Александр II вынужден был еще в октябре 1876 г. заявить английскому послу в Петербурге Лофтусу: «России приписывают намерение покорить в будущем Индию и завладеть Константинополем. Есть ли что нелепее этих предположений? Первое из них совершенно неосуществимо, а что касается до второго, то я снова подтверждаю самым торжественным образом, я не имею ни этого желания, ни этого намерения».

Россия всерьез не думала о завоевании Индии. Вопрос о принятии мер предосторожности на границах Индии всплывал лишь на случай нападения Англии (в союзе с Турцией) на Россию. Точно так же в качестве ближайшей задачи не ставился вопрос и о захвате Константинополя. Россия тогда ставила перед собой более умеренные задачи. Позиция же России в отношении проливов определялась в ту эпоху прежде всего желанием обеспечить укрепление обороноспособности России на Черном море от возможного вторжения со стороны нечерноморских держав. Россия была намерена только изменить невыгодный ей статут о проливах.

Это подтверждается запиской русского дипломата А. И. Нелидова 10 (22) ноября 1877 г. о проливах[3].

«Главной целью нашей морской политики в Турции было достижение свободного сообщения с Средиземным морем и **недопущение того, чтобы неприятельский флот мог угрожать нашим берегам Черного моря**,— писал Нелидов.— Нужно придумать такую комбинацию, которая бы обеспечила за одними нашими военными судами свободу плавания через проливы. Для нас существует настоятельная необходимость в том, чтобы могли проходить отдельные суда, а в особенности, **чтобы проникали в Черное море суда, приобретенные нами заграницей или построенные нами на наших верфях в северных морях**. Что же касается Турции, то хотя ее флот остается и после войны по численности сильнее нашего, она не может нам нанести серьезного вреда, как это доказано настоящей войной. Таким образом, мы могли бы предложить существующие постановления о проливах изменить в том смысле, что нам бы предоставлялось право пропускать через проливы с разрешения султана военные суда поодиночке.

Проливы остаются закрытыми для иностранных военных судов. Прибрежные государства Черного моря имеют, однако, право просить султана о пропуске военных судов поодиночке»[4].

---

[1] Оценку этого договора см. В. И. Ленин «Тетради по империализму», стр. 620.

[2] Это смазывание провокационной роли английской дипломатии в 1875—1878 гг. бросается в глаза даже в недавно появившейся статье Waddington F. «La politique de lord Beaconsfield dans ses rapports avec la Russie», опубликованной в «Revue d'histoire diplomatique», Avril — juin — juillet — septembre 1939. Весьма подробно оценка западноевропейской историографией политики держав в период «восточного кризиса» 1875—1878 гг. отражена в следующих трудах: Miller W. «The Ottoman Empire and ist successors (1801—1927)», Cambridge, 1936; Seton Watson «Dizraeli, Gladston and the Eastern question». London, 1935. Взгляды западноевропейской историографии на «восточный вопрос» изложены в следующих трудах, считающихся «об'ективными»: Driault E. «La question d'Orient». Paris, 1920; Marriott J. «The Eastern Question». Oxford, 1923. Ошибочная концепция антиленинской школы Покровского относительно «восточного вопроса», явно извращающая взгляды Маркса — Энгельса, была изложена в статье «Восточный вопрос», написанной самим «основоположником» М. Н. Покровским (см. «Большая советская энциклопедия», т. XIII). Не чужды вредному влиянию этой ошибочной концепции и труды некоторых советских историков.

[3] А. И. Нелидов, пробывший до марта 1877 г. в качестве поверенного в делах русского посольства в Стамбуле, в 1882 г. был назначен послом в Стамбул.

[4] Горяинов С. «Босфор и Дарданеллы», стр. 327—328. СПБ. 1907. «Записка составлена незадолго до победы русских при Плевне. Она намечала желательные условия мира: автономия Болгарии, Боснии и Герцеговины (последних — под покровительством Австрии), возвращение России части Бессарабии, уступка ей Карса и порта на Черном море. Специально Нелидов остановился на вопросе о проливах» (Шебунин «Россия и Ближний Восток», стр. 65).

Англия еще в начале возникшей русско-турецкой войны за спиной той же Турции успела договориться с царской Россией о том, что царизм не будет противодействовать ее интересам в Египте, а в Константинополе и проливах будет сохранен статус кво[1]. Таким образом, интересы Турции были превращены в разменную монету в торге Англии с противницей Турции — царской Россией[2]. Когда успешно наступающие русские войска оказались у ворот Константинополя — в Адрианополе,— то Англия, грубо попирая суверенные права Турции, провела свои эскадры без согласия султана к проливам. Дизраэли дал стянутому в проливы флоту приказ в случае продвижения русских войск к Константинополю подойти к Дарданеллам и Босфору, шантажируя при этом Россию войной, к которой Англия в действительности не была готова.

Россия тогда пригрозила двинуть свои войска прямо на Константинополь. Только эта угроза и робко произнесенные формальные протесты султана побудили Англию убрать из проливов свой флот, который 2 февраля 1878 г. успел уже стать на якорь у Принцевых островов.

Как же оценить позицию Англии во время войны? «Политика Дизраэли во время русско-турецкой войны была политикой вооруженного вмешательства. Он охотно побил бы русских в союзе с турками. Если бы возможно было, он возмутил бы одновременно Туркестан против русских для успокоения опасений Англии относительно ее индийской границы; с этой целью обсуждались, если не подготовлялись, мероприятия. Дизраэли считал политику свою хорошей, потому что она укрепляла Британскую империю, и поступал он таким образом не ради поддержания Турции, а с целью подавления России»,— писал 16 сентября 1896 г. в «Pall Mall» хорошо осведомленный английский журналист М. Ф. Гринвуд[3].

«В послании, продиктованном Сервер-пашой для напечатания в Англии,— писал Мак-Колль,— когда Турция лежала у ног России, заявлялось, что Англия вполне ответственна за войну. А один из турецких агентов, бывших при нем, добавил: «Нас побудила воевать Англия и даже продолжать войну тогда, когда здравый разум говорил нам, что лучше бы заключить мир на каких-нибудь условиях. Мы заключили бы мир до взятия Плевны, чем бы Россия удовлетворилась, если бы мы не послушались советов английского правительства. Я не ссылаюсь на официальные ноты Дерби. Если бы мы им верили, то нам нечего было бы рассчитывать на Англию, но дипломаты доверяют более всего неофициальным нотам. Они доверяют «официозным» нотам, словам, которые передаются шопотом на ухо. То были частые беседы лорда Биконсфильда с Муссурусом-пашой, мистера Лайярда[4] с Сервер-пашой и с султаном, которыми мы руководились, и они-то ввели нас в обман. У Сервер-паши есть документы, которые докажут, что все сказанное мною — сущая правда».

Лайярд и Дизраэли опровергали это в свое время. Но Сервер-паша предпочел скорее уйти в отставку, чем отказаться хотя бы от одного слова[5].

Вскоре после захвата Плевны и Адрианополя Россия, не занимая Константинополя, у самых его стен, в местечке Сан-Стефано, заключила с Турцией договор. В ходе войны вассальная султану Румыния, поддержанная Россией, объявила свою полную независимость от Турции. Бессарабия, переданная державами после Крымской вой-

---

[1] 18 мая 1877 г. Горчаков в ответ на ноту Дерби от 6 мая сообщил, что Россия ни в коем случае не допустит захвата Египта. В этом же ответе на вопрос о нерушимости режима в проливах было указано, что этот вопрос признан подлежащим рассмотрению всех держав (Горяинов. Цит. соч., стр. 316—317).

[2] Когда расчеты Англии на то, что против России наряду с Турцией выступит и Австрия, не оправдались, это вызвало у Дерби очень большое беспокойство, и он снова решил принять ряд профилактических мер, пытаясь привлечь на свою сторону Германию. Но Германия, опасаясь нападения на нее с тыла Франции, предложила Англии заключить антифранцузский союз, что было тогда отвергнуто Дерби. Только тогда Дерби в мае 1877 г. поспешил договориться по «восточному вопросу» с Россией. «Согласно донесениям графа Шувалова (1877, Londres 11. Res. tel. 7 (19) février; Lettres 8 févr.),—пишет Горяинов,— Бисмарк предложил лорду Дерби заключить оборонительный и наступательный союз с Англией, против Франции. Когда же Дерби отклонил это предложение, Бисмарк стал пугать английский кабинет тем, что Германия поддержит Россию в ее войне с Турцией. Возможность войны, в особенности отдельной войны между Россией и Турцией, очень тревожила лорда Биконсфильда, так как он опасался, что она повлечет за собой преждевременное крушение Турецкой империи, к какому событию Англия не была подготовлена. Лорд Биконсфильд искал на этот случай соглашения с нами, вовсе не заботясь о судьбе христиан. Но уже с того времени Англия замышляла захватить Дарданеллы, коль скоро мы подступим к Адрианополю» (Горяинов С. Цит. соч., стр. 310—311; Londres 11. Res. tel. 8 (20) février; Lettres 9 (21) février, 11 (23) février 1877; Ignatiew. Lettres 14 (26) mars 1877).

[3] Цит. по Мак-Колль «Султан и державы», стр. 75. Перевод с английского. СПБ. 1897.

[4] Чайльз Лайярд — английский посол в Константинополе, сменивший Эллиота в январе 1877 года. Муссурус-паша — турецкий посол в Лондоне.

[5] Цит. по Мак-Колль, стр. 70, см. также стр. 122.

ны Румынии[1], возвращалась России, взамен чего Румыния получала от Турции северную Добруджу, к которой она после второй балканской войны 1913 г. насильно присоединила еще и южную Добруджу.

Из весьма секретного донесения Игнатьева от 15(27) ноября 1876 г. видно, что уже с осени 1876 г., в предвидении возможности развития кризиса, по поручению Горчакова были начаты предварительные переговоры с представителями Румынии о дальнейшем укреплении русско-румынских отношений. Нелидов, согласно инструкциям, данным ему Игнатьевым, в беседе с Братиану заявил, что «война между Россией и Турцией пресечет ipso facto Парижский договор со всеми его гарантиями и что Румыния, следовательно, приобретет новое, более солидное положение, заслужив наше (России.— *X. М.)* расположение». Затем Братиану выдвинул в качестве основных условий для заключения договора между Румынией и Россией следующее: 1) обеспечение территориальной неприкосновенности Румынии; 2) оказание поддержки Румынии в случае объявления ее независимости от Турции; 3) предоставление Румынии особого театра военных действий в Добрудже, «как если бы румынская армия составляла левое крыло русской армии», если русско-турецкая война станет неизбежной; 4) некоторая территориальная компенсация Румынии, в частности позволение ей «занять на левом берегу Дуная две крепости, которые будут указаны заранее»; 5) снабжение оружием, боеприпасами и другими материалами румынской армии за счет фондов, «предназначенных для распространения среди болгар».

Все эти пункты были выдвинуты Братиану в беседе с Нелидовым, последний имел «распоряжение только выслушать то, что ему скажет г. Братиану, но он не мог обсуждать ни одного вопроса». Что касается возвращения Бессарабии, то в этом вопросе вполне трезвый политик Братиану занял следующую позицию: «г-н Братиану много раз возвращался в своем разговоре к тому впечатлению, которое он получил в Ливадии (при встрече с Александром II.— *X. М.)* относительно необходимости рано или поздно уступить нам часть Бессарабии, которой мы были лишены в 1856 году. Он мне сказал,— сообщает о разговоре Нелидов Игнатьеву,— что пытался подготовить к этому общественное мнение, но до сих пор встречал живую оппозицию как со стороны палаты депутатов, так и сената и всего общества в целом. Он не теряет, тем не менее, надежды на то, что ему удастся преодолеть это сопротивление, когда наступит решающий момент»[2].

При поддержке России, согласно сан-стефанскому договору, на Балканах создавалось крупное новое славянское государство — «Болгарское княжество»,— зависимое от султана только номинально. В Азии Россия получала крепость Карс, Ардаган, Батум, Артвин и Баязид. Англия и Австро-Венгрия, недовольные созданием на Балканах крупного славянского государства, дружественного России, потребовали пересмотра условий Сан-стефанского мира на международном конгрессе. Их поддержала союзница Австрии, Германия. Россия вынуждена была согласиться на созыв конгресса. Русская дипломатия через своего посла в Лондоне графа Шувалова еще до конгресса решила предварительно договориться с Англией относительно пересмотра условий сан-стефанского договора. В результате переговоров Шувалова с лордом Биконсфильдом и маркизом Сольсбери, ставшим в это время уже министром иностранных дел, 30 мая 1878 г. было заключено англо-русское соглашение по основным вопросам, подлежавшим обсуждению на конгрессе. По этому договору, Россия вынуждена была согласиться на уменьшение территории Болгарского княжества до одной трети первоначально намеченной в Сан-Стефано территории и отказаться от претензий на Баязид. Между Россией и Болгарией искусственно была создана весьма невыгодная для их сообщения граница.

Имея уже с мая 1878 г. договоренность с Россией и зная, что последняя не начнет новой войны против Турции, премьер Дизраэли и министр иностранных дел Сольсбери, пугая турок угрозой нового русского нападения, в начале июня 1878 г. заставили султана подписать весьма выгодный им англо-турецкий «союзный» договор. По этому договору, Англия обязалась «защищать» азиатские владения Турции, в случае если они подвергнутся нападению со стороны России. В награду за эти будущие, так и не осуществленные, «призрачные услуги» Турция обязалась уступить Англии остров Кипр, что укрепляло английские позиции в восточной части Средиземного моря. Таким образом, и в 1877—1878 гг. Англия, не пожертвовав ни одним человеком, не истратив ни одного снаряда, используя русско-турецкие и австро-русские противоречия, сумела извлечь для себя на Ближнем Востоке и Балканах крупные выгоды. Она добилась того, что Россия не стала хозяином проливов. Кроме того она укрепила свои позиции в восточной части Средиземного моря, впротивовес Франции и России. После прорытия Суэцкого канала (1869 г.) Средиземное море стало для Англии, прибравшей к рукам в 1876 г. почти все акции Суэцкого канала, кратчайшим путем в Индию.

Через девять дней после заключения англо-русского соглашения открылись заседания берлинского конгресса, санкционировавшего по болгарскому вопросу предварительные условия англо-русского соглаше-

---

[1] Бессарабия, согласно парижскому договору, была передана княжествам Молдавии и Валахии, на базе которых образовалась Румыния. Англо-французские союзники рассматривали тогда Румынию как форпост против России на юге и Балканах.

[2] К. 29. Cons-ple. 1876, ff. 423—425. Dépêche de l'ambassadeur à Cons-ple au ministre des affaires étrangères prince Gortchakow. № 530. Très confidentielle. Péra, le 15—27 novembre 1876.

ния. Первоначально намечавшаяся «великая Болгария» была расчленена на три части. Восточная Румелия и болгарская Македония были отрезаны от основной части Болгарии. Восточная Румелия получила лишь широкую автономию. Босния и Герцеговина не были воссоединены с Сербией, а переданы Австрии. В результате национальный вопрос на Балканах был разрешен лишь частично; балканский узел все еще оставался запутанным в угоду любителям политики «разделяй и властвуй».

Конгресс подтвердил независимость Сербии и Румынии, установленную еще в Сан-Стефано. Бессарабия была возвращена России. Добруджа была передана Румынии. Хотя русско-турецкая война 1877—1878 гг. была захватнической, однако ее косвенное объективно-историческое значение, как и балканских войн 1912—1913 гг., заключалось в том, что она частично помогла национальному освобождению ряда народов, ибо в итоге этой войны Сербия и Румыния, а частично и Болгария избавились от турецкого ига и получили независимость.

«Основным,— писал Ленин,— объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—7 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»[1].

Кроме того берлинский конгресс предписал Турции вступить в переговоры с Грецией и державами об уступке Фессалии и Эпира Греции. Таким образом, на берлинском конгрессе при участии Англии и Австрии произошел первый официально организованный раздел Турции. После берлинского конгресса и в результате реставрации абсолютизма в Турции последняя при абдул-гамидском режиме была превращена в полуколонию империализма.

Вот как оценивает Ленин итоги русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и берлинского конгресса: «1877—1878: (Освобождение национальных государств на Балканах.) Грабят («делят») Турцию (Россия + Англия + Австрия)»[2].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 109.

[2] Ленин «Тетради по империализму», стр. 620. О причинах поражения Турции в войне см. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. I (VI), стр. 381—382. Что касается английской дипломатии, то ей на берлинском конгрессе удалось впервые внести серьезный разлад в австро-германо-русские отношения. «Союз трех императоров» получил первую и серьезную трещину именно на берлинском конгрессе.

О ЗНАКОМСТВЕ БЕЛИНСКОГО С РАБОТАМИ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА

В. Шульгин

I

Ни в письмах, ни в статьях Белинский не называет ни одного из произведений Маркса и Энгельса, не упоминает и их имен. А между тем нет никакого сомнения в том, что Белинский был осведомлен не только об их теоретических работах, но и об их политической борьбе. Белинскому о Марксе и Энгельсе рассказывали его друзья, лично знавшие основоположников марксизма (Боткин, Анненков, Бакунин и др.); некоторые из них переводили для Белинского ранние работы Маркса и Энгельса. Белинский впервые познакомился с этими работами, повидимому, в самом начале 40-х годов, когда Марксом и Энгельсом были только что написаны первые произведения. Статьи Маркса и Энгельса производили на Белинского огромное впечатление.

Это был знаменательный период в жизни Белинского. «Примирение с действительностью» кончилось. «Нет, пока рука держит перо, пока в душе еще не остыли ни благородное негодование, ни горячая любовь к истине и благу,— не прятаться, а итти навстречу этой гнусной действительности буду я» [1],— пишет Белинский Бакунину 26 февраля 1840 года. Тогда же он писал Боткину: «Родная действительность ужасна» [2]. Белинский горит нетерпением переделать эту действительность. Ему не по пути с либералами: «Наши либералы ужасные подлецы: они не умеют быть подданными, они холопы: за углом любят побранить правительство, а в лицо подличают не по нужде, а по собственной охоте» [3].

В его письмах звучит революционный демократизм. Белинский становится утопическим социалистом. «Я все думал,—пишет он Боткину 8 сентября 1841 г., — что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают» [4].

«Я начинаю любить человечество маратовски» [5],— пишет он Боткину в другом письме.

И через два месяца снова тому же Боткину: «Ты знаешь мою натуру: она вечно в крайностях и никогда не попадает в центр идеи. Я с трудом и болью расстаюсь со старою идеею, отрицаю ее до-нельзя, а в новую перехожу со всем фанатизмом прозелита. Итак, я теперь в новой крайности,— это идея с о ц и а л и з м а, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она— вопрос и решение вопроса» [6].

Но, увлекаясь французским утопическим социализмом, и в первую очередь Луи Бланом, Белинский продолжает внимательнейшим образом следить и за философией. На него, как и на его друзей, огромное впечатление производит Фейербах; хотя Белинский находит теперь ряд аргументов против Гегеля, но гегелевская диалектика продолжает привлекать его внимание. Он следит с напряженнейшим вниманием за развертывающейся в Германии борьбой гегельянцев. Он радуется, когда Бакунин переходит к левым.

В 1843 г. в первом номере «Отечественных записок» была напечатана статья «Германская литература» за подписью «В. Б-н». Так подписывал свои статьи В. П. Боткин, друг Белинского и Герцена. Она была посвящена тому вопросу, который молодежь Питера и Москвы волновал не меньше чем молодежь Берлина. Автор рассказывал в ней о той борьбе, которая развертывалась на берегах Шпре против младогегельянцев. Боткин писал: «Никогда еще Германия не разделялась на столько ученых партий, как в настоящее время, никогда еще не было такой ожесточенной борьбы между этими партиями, как ныне. На первом плане этой борьбы стоит так называемая «молодая гегелевская школа». Она, собственно, пробудила эту борьбу, сосредоточив в ней все современные вопросы Это критическое движение в основах своих имеет много общего с характером французской литературы XVIII века; разница только в том, что все вращавшееся там более в чувстве, предположениях, мнениях, основанных на внутренней достоверности,— в Германии, в продолжение 100 лет, выработалось в определенное,

[1] Белинский В. Письма. Т. II, стр. 81. 1914.

[2] Там же, стр. 56.

[3] Там же, стр. 44.

[4] Там же, стр. 269.

[5] Там же, стр. 247.

[6] Там же, стр. 262.

логическое знание, основанное на исторической критике, вооруженной всеми результатами исследований германских наук. Немцы, доселе смотревшие с презрением на писателей французских XVIII века, теперь не только с жадностью читают, но снова переводят их и указывают на них» [1].

Боткин не объясняет, почему именно теперь, в 40-х годах, явилась тяга к французской материалистической философии XVIII века, почему с такой ожесточенностью развертывалась борьба вокруг философских проблем в Германии. Читатель догадывался об этом сам: Германия была беременна революцией.

Боткин такими словами описывает один из этапов этой борьбы: «Чтобы парализовать движение гегелевой философии, начали приглашать в университеты профессоров противоположного направления и, наконец, чтобы нанести окончательный удар учению Гегеля, пригласили в Берлин самого Шеллинга» [2]. Н о «д е л о, н а п р о т и в, п р и н я л о н е о ж и д а н н ы й о б о р о т. Г е г е л е в а ф и л о с о ф и я п р о д о л ж а е т с е б е ж и т ь п о п р е ж н е м у и н а к а ф е д р е, и в л и т е р а т у р е, и в ю н о ш е с т в е, с п о к о й н о п р о д о л ж а е т с в о е в н у т р е н н е е р а з в и т и е, з н а я, ч т о в с е э т и у г р о з ы, э т и м н и м ы е р а з р у ш е н и я — н и с к о л ь к о н е к о с н у л и с ь е е. Ш е л л и н г н е о п р а в д а л н а д е ж д с в о и х п о с л е д о в а т е л е й» [3].

Статья произвела большое впечатление. Белинский соглашался с позицией автора, он писал Боткину: «Твоя статья о «Немецкой литературе» в 1 № мне чрезвычайно понравилась — умно, дельно и ловко» [4].

В статье нет ссылок на других авторов, нет текстов, поставленных в кавычки. На первый взгляд она представляется вполне оригинальной. Но подчеркнутые выше строчки и еще целые две страницы текста, напечатанные в две колонки мелким шрифтом, были не чем иным, как почти буквальным переводом незадолго перед тем вышедшей в Лейпциге анонимной брошюры «Шеллинг и откровение», автор которой, стоя на позициях левых гегельянцев, защищал Гегеля. Автором этой брошюры был, как известно, Ф. Энгельс [5].

В «Былое и думы» Герцен писал: «Все ничтожнейшие брошюры, выходившие в Берлине и других губернских и уездных городах немецкой философии, где только упоминалось о Гегеле, выписывались, зачитывались до дыр, до пятен, до падения листов в несколько дней... Все эти забытые Вердеры, Маргейнеке, Михелеты, Отто, Вадке, Шаллеры, Розенкранцы и сам Арнольд Руге, которого Гейне так удивительно хорошо назвал «привратником Гегелевой философии», заплакали бы от умиления, «если бы они знали, какие побоища и ратования возбудили они в Москве между Маросейкой и Моховой, как их читали и как их покупали» [6].

Следовательно, можно предполагать, что и названная брошюра Энгельса читалась в России. Знали ли Белинский и Герцен, кто ее автор?

И это возможно, так как в м е с т е с Энгельсом слушали лекции Шеллинга в Берлине и русские, что сам Энгельс отмечает в другой своей брошюре — «Шеллинг о Гегеле»,— написанной до брошюры «Шеллинг и откровение». Кто же были эти русские?

Мы не можем назвать всех фамилий, но среди них, несомненно, были Катков и Бакунин. Но как бы ни был решен этот вопрос, бесспорно то, что позиция Энгельса, тогда левого гегельянца и революционного демократа, разделялась Боткиным, Белинским и Герценом. Таким образом, первое знакомство Белинского со статьей Энгельса состоялось повидимому в первую половину 40-х годов, когда и Энгельс, и Боткин, и Белинский, и Герцен поддерживали младогегельянцев.

Интересно проследить, с какой тщательностью Герцен изучает эту литературу. Так, он записывает в дневнике: «1842 г., август месяц 15 — «Deutsche Jahrbücher». Им философия германская выступает из аудитории в жизнь, становится социальна, революционна, получает плоть и след., прямое действие в мире событий» [7].

«1843 г., январь месяц 7 — «Deutsche Jahrbücher» запрещены в Саксонии. Ввоз лейпцигских газет запрещен в Пруссии за крупные слова между королем прусским и Гервегом» [8]:

«Об «D. Jahr.» жалеть особенно нечего, потому что полные энергии издатели не сядут сложа руки, а так, как переехали из Галле в Лейпциг, так переедут в Цюрих; Женеву, пожалуй, в Бельгию» [9].

Такое же отношение к младогегельянской литературе можно проследить и по письмам Белинского. Он знает уже «Hallische Jahrbücher», отрывки из которых ему переводил Боткин; «Отрывок» «Hallische Jahrbücher» меня очень порадовал, — пишет Белинский Боткину 1 марта 1841 г., — и даже как будто воскресил и укрепил на минуту — спасибо тебе за него, сто раз спасибо» [10].

Не удивительно после этого, что «Deutsch-französische Jahrbücher» тотчас же по выходе попали в руки Белинского и были прочитаны им с большой тщательностью.

II

«Кетчер писал... о парижском Ярбюхере, и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого

---

[1] «Отечественные записки». Т. 26 за 1843 г., отдел VII, стр. 1—2.

[2] Т а м ж е, стр. 3.

[3] Т а м ж е, стр. 2, Разрядка моя.—*В. Ш.*

[4] Б е л и н с к и й В. «Письма». Т. II, стр. 334.

[5] См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч. Т. II, стр. 115 и «Отечественные записки». Т. 26 за 1843 г., отдел VII, стр. 2—7.

[6] Г е р ц е н А. Соч. Т. XIII, стр. 12, под ред. Лемке.

[7] Г е р ц е н А. Соч. Т. III, стр. 37—38.

[8] Т а м ж е, стр. 87.

[9] Т а м ж е, стр. 88.

[10] См. Б е л и н с к и й В. «Письма». Т. II, стр. 212, а также стр. 306, 317, 334.

тетрадка может удовлетворить. Два дня я от нее был бодр и весел,—и все тут. Истину я взял себе,— и в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре»[1].

Так писал Белинский Герцену 26 января 1845 года. Некоторые исследователи ставят на этом точку. Факт знакомства Белинского со статьями Маркса и Энгельса доказан. Что надо еще? Но приведенное письмо свидетельствует не только об этом: оно говорит, что и другой член кружка — Кетчер — знал «Deutsch-französische Jahrbücher». Письмо написано Герцену, который уже до того получил письмо от Кетчера о том же; следовательно, и Герцен знал «Ярбюхер». Но и это—еще не все. Белинский отрицает в письме только размер влияния, но самое влияние признает. Это признание Белинским влияния «Ярбюхера» истолковывают как влияние Маркса и Энгельса на Белинского. Но в «Ярбюхере» были напечатаны не только статьи Маркса и Энгельса, но и статьи Гесса и Руге, стихи Гейне. Где доказательства того, что именно статьи Маркса и Энгельса произвели большое впечатление на Белинского? Сам Белинский не называет ни авторов, ни статей; письма Кетчера, в котором говорится о влиянии «Ярбюхера» на Белинского, у нас нет, его надо еще отыскать. Нет и письма Герцена, посланного Белинскому в ответ на его рассказ о «Ярбюхере». И все же можно с полной достоверностью сказать, что именно статья Маркса произвела на Белинского то впечатление, которое он формулирует так: «Два дня от нее был бодр и весел». Но для того, чтобы это доказать, не надо делать того, что делает Реуэль[2]. Реуэль выкидывает из письма Белинского к Герцену именно те строки, которые рассказывают о том, какую истину из «Ярбюхера» взял Белинский.

Вот эти выкинутые Реуэлем строки: «Истину я взял себе, — пишет Белинский,— и в словах бог, религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре».

Но кто же писал об этой истине в «Ярбюхере» и как называлась эта статья? Писал об этом К. Маркс. А статья называлась «К критике гегелевской философии права». Именно в этой статье, помещенной в «Deutsch-französische Jahrbücher», Маркс писал: «Религия — это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, дух бездушного безвременья. Она — опиум народа. Упразднение религии, как призрачного счастья народа, есть требование его действительного счастья»[3]. Вот эту-то истину у Маркса и взял Белинский, вот в этом и сказалось влияние на него Маркса. Но это — не все. Белинский так продолжает письмо: «Все это так, но ведь я попрежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и как я думаю. А чорт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и сбнародовать? — мертвый капитал!»

Эти строчки вызваны следующими яркими словами Маркса: «Надо сделать действительный гнет еще более гнетущим, присоединяя к нему сознание гнета; позор — еще более позорным, разглашая его. Надо изображать каждый круг немецкого общества как partie honteuse немецкого общества, надо заставить плясать эти окаменелые порядки, напевая им их собственные мелодии! Надо, чтобы народ испугался себя самого, чтобы вызвать в нем отвагу. Тогда осуществится непреодолимая потребность немецкого народа, а потребности народов являются сами последними причинами их удовлетворения»[4].

Но ограничился ли этим Белинский или сумел найти, увидеть в статьях Маркса и Энгельса и другие истины? Ведь «Deutsch-französische Jahrbücher»—веха в развитии миросозерцания Маркса.

Не случайно через 15 лет в предисловии к «К критике политической экономии» Маркс называет гениальной помещенную в «Ярбюхере» работу Энгельса «Очерки критики политической экономии», не случайно о своей, так понравившейся Белинскому статье «К критике гегелевской философии права» Маркс говорит: «Первой работой, предпринятой для разрешения осаждавших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в издававшихся в 1844 г. в Париже «Deutsch-französische Jahrbücher». Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа; наоборот, они коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, объединил под названием «гражданского общества», а анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии»[5]. Сумел ли Белинский почувствовать эти новые мелодии и как он к ним отнесся?

А. Реуэль в своей книге «Капитал» Карла Маркса в России 1870-х годов» говорит, что просветительная деятельность Белинского «была проявлением возмущения и протеста крестьянства против цепей крепостничества»[6]. Это верно. Стоит только вспомнить его бичующее письмо к Гоголю, чтобы сказать: это так. Но все ли это? Ленин называл Белинского одним из «предшественников русской социал-демократии»[7]. К такой же оценке Белинского неуверенно подходил и Плеханов. У него в конспекте речи о Белинском читаем: «Славянофилы смотрят на народ как социалисты. Как же? «Спасительная неподвижность». Взгляд

[1] Белинский В. «Письма». Т. III, стр. 87.

[2] См. Реуэль А. «Капитал» К. Маркса в России 1870-х годов». 1939.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 385. 1938.

[4] Там же, стр. 388.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 6.

[6] Реуэль А. «Капитал» Карла Маркса в России 1870-х годов», стр. 42.

[7] Ленин. Соч. Т. IV, стр. 381.

социалистов на капитализм. Замечание Маркса. Белинский замечает этот недостаток и выдвигает элемент развития: буржуазия. Ошибка и правда Белинского».

Комментатор дает пояснение: «В этом понимании значения буржуазного развития — «правда» Белинского, «ошибка» же его в том, что, подобно социалистам-утопистам, он не понимал всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и его роли как руководителя революционной борьбы всех трудящихся классов».

У Плеханова читаем дальше: «Маркс развивает идею отрицания и несет в народ. Рабочие — наследники философии. Как дело у нас. Если бы Белинский был жив — страстные, сочувственные вдохновенные слова.

Истинное значение Белинского не критика, а указание недостаточности «абстрактного идеала», необходимости обосновать идею отрицания с точки зрения законосообразности. Белинский — предшественник русского марксизма» [1].

А через несколько страниц читаем: «Белинский был гегельянцем, но это не значит, что он был предшественником русской социал-демократии» [2].

Плеханов колебался в оценке Белинского. «Белинский одновременно держался диалектического взгляда — там, где дело касалось общественного развития Западной Европы,— и просветительского взгляда—в тех случаях, когда у него заходила речь о развитии России» [3], — таков окончательный вывод, к которому, повидимому, пришел Плеханов.

Вопрос о том, был ли Белинский предшественником социал-демократии в России, Плехановым поставлен, но он не решился открыто на него ответить, хотя склонялся, повидимому, к отрицательному решению.

III

Пути Белинского в последние годы его жизни разошлись с путями его друзей. Об этом пишут все. Но причин расхождения его друзья тогда не поняли, повидимому, до конца не понимал и он сам. Но ни он, ни они не могли не видеть фактов. А факты были налицо, и они состояли не только в обостряющейся дискуссии, но и в отходе друзей Белинского от «Современника». Последний был приобретен для Белинского друзьями. Теперь, казалось, наступил момент, когда Белинский, освободившись от мелочной опеки, от необходимости тратить себя на пустяки, на чтение десятков, сотен второстепенных книг и на писание рецензий на них, наконец-то получал возможность сосредоточить все свои силы на основных работах, придать «Современнику» то направление, которое считал верным, сплотить вокруг него коллектив. Но этому помешала не только болезнь Белинского и глухая николаевская реакция, но и друзья. Белинский попытался убедить их в необходимости писать только в «Современнике», он уверял, что линия его будет их линией,— но они не верили этому. Он попытался разоблачить издателя «Отечественных записок» Краевского, вскрыв всю его подноготную, он пытался на примерах отдельных статей показать, что они могли бы с тем же успехом печататься в «Современнике», как и в «Отечественных записках», — ничто не помогло. Друзья не рвали с Белинским открыто, но тем не менее продолжали давать свои статьи в «Отечественные записки».

Впрочем, от времени до времени друзья присылали свои статьи и Белинскому, и тогда вновь возгорались между ними споры. Так было со статьями Анненкова, Боткина; загорелся спор о статье Герцена, на которую так резко нападали друзья и которую во многом защищал Белинский. Споры не примиряли, а углубляли разрыв. Белинский все больше и больше отходил от друзей. Об этом говорит в своих воспоминаниях и Анненков: «Белинский становился одиноким посреди собственной партии, несмотря на журнал, основанный во имя его» [4]. Причин одиночества Белинского Анненков не вскрывает, хотя в его воспоминаниях разбросан материал, позволяющий понять их.

«Мысль его (Белинского — *В. Ш.*) уже обращалась в кругу идей другого порядка и занята была новыми нарождающимися определениями прав и обязанностей человека, новой правдой, провозглашаемой экономическими учениями, которая упраздняла все представления старой, отменяемой правды о нравственно добром и благородном на земле и ставила на их место формулы и тезисы рассудочного характера. Белинский давно уже интересовался, как мы видели прежде, этими проявлениями пытливого духа современности, но о каком-либо приложении их к русскому миру, где еще не существовало и азбуки для разбора и разумения их языка, никогда не помышлял» [5].

Анненков не называет этой «правды», не приводит имен авторов «экономических учений», которые вдохновляли Белинского, но читатель догадывается, о ком ведет речь Анненков. Французский утопический социализм тогда кружил головы. Прудон и Луи Блан были в моде. Но почему же возникло тогда одиночество, борьба с друзьями? Разве «правда» утопического французского социализма не была их правдой?

Начнем с Тургенева. Анненков рассказывает о частых спорах между Тургеневым и Белинским, но о сути споров молчит.

«Мальчик-Тургенев» (так в шутку Белинский называл Тургенева.— *В. Ш.*) однакоже высказывал ему,— говорит Анненков,— подчас очень жесткие истины, особенно по отношению к неумению Белинского обращаться с жизнью и к его непониманию первых реальных ее основ» [6].

---

[1] «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Т. VI, стр. 135. 1938.

[2] Там же, стр. 177.

[3] Плеханов. Соч. Т. XXIII, стр. 208.

[4] Анненков П. «Литературные воспоминания», стр. 342. СПБ. 1909.

[5] Там же, стр. 341.

[6] Там же, стр. 352.

Что это за первые основы, которых не понимал Белинский, Анненков так и не сказал. И все же можно уловить, в чем смысл разногласия: «Тургенев хладнокровно обошел и все идеи и доктрины тогдашней русско-парижской колонии: они истекали из других источников, чем те, в которых он полагал настоящую целебную силу» [1]. Не в этом ли таились причины разногласия? Эти основы были «правдой» утопических социалистов. Анненков продолжает: «Тургенев овладевал вполне своими темами и становился убедительным только тогда, когда разъяснял предметы и самого себя на арене художественного творчества. Русская литература, прикрепленная тогда исключительно к этой арене и к разным обширным и мелким ее отделам, становилась таким важным жизненным явлением, что за нею в глазах Тургенева должно было пропасть и пропадало все, что делалось другого на родине» [2].

И Белинский видел в художественной литературе огромнейшую силищу; но теперь, может быть, как никогда раньше, для него «за нею не пропадало все, что делалось на родине». Наоборот, ее недостаточность для уничтожения зла была очевидна. Вся его предыдущая деятельность, вся протекшая литературная борьба казалась ему бледной в свете новых задач, маленькой, незначительной. И не только потому, что она не помогла разрешить основного вопроса (отмену крепостного права в России), но и потому, что то, что путем литературной борьбы можно было сделать для разрешения этого вопроса, с точки зрения Белинского не было сделано.

«Белинский думал, что пришло время для литературы взять на себя всю ту работу, которую другие деятели откладывали именно под предлогом безвременья, и произвести за них тот следственный процесс над старыми условиями русского существования, какой должен предшествовать окончательному их устранению и осуждению» [3]. Белинский не видел у Тургенева ни воли, ни желания произвести этот «следственный процесс». Не случайно, что через ряд месяцев, перед смертью, Белинский, будучи уже не в состоянии писать, диктует письмо к тому же Анненкову. В нем читаем: «С чего вы это, батюшка, так превознесли «Лебедянь» Тургенева? Это один из самых обыкновенных рассказов его, а после ваших похвал он мне показался даже довольно слабым. Цензура не вымарала из него ни единого слова, потому что решительно нечего вычеркивать. «Малиновая вода» мне не очень понравилась, потому что я решительно не понял Степушки. В «Уездном лекаре» я не понял ни единого слова, а потому ничего не скажу о нем; а вот моя жена так в восторге от него — бабье дело! Да ведь и Иван-то Сергеевич бабье порядочное! Во всех остальных рассказах много хорошего, но вообще они мне показались слабее прежних» [4].

В этих немногих словах: «цензура не вымарала из него ни единого слова, потому что решительно нечего вычеркивать» — таилось осуждение, разрыв. Дело было не в резкости тона, не в брани, не в хлестких словах, не в выкриках — Белинский считал, что такие приемы только портят дело, что это к лицу «либералишкам» — дело шло о самой трактовке вопроса. Многомиллионная крестьянская масса, разоренная, забитая, бесправная, говорила устами Белинского в письме к Гоголю властно, требовательно, негодующе. Белинский прекрасно понимал, что так в подцензурной печати сказать нельзя. Но можно было с этих позиций писать рассказы. А они писались друзьями с иных позиций. В этом таился разрыв. Белинский хотел сделать свой журнал рупором масс.

«Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по лисьи» [5].

Ужас этого положения Белинский больше чем когда-либо чувствовал именно в последние годы жизни.

В Зальцбрунн, где с Анненковым жил Белинский, пришло письмо от Гоголя. Гоголь просил Анненкова высказать свои мысли о «Переписке с друзьями», а Белинского в письме упрекал за сердитый разбор. «Белинский вспыхнул и промолвил: «А! он не понимает, за что люди на него сердятся — надо растолковать ему это».

И Белинский засел за письмо к Гоголю. Он писал его несколько дней. Это было то самое письмо, которым с беспощадной силой ударил Белинский по царизму и крепостничеству. Недаром за распространение этого письма сажали в тюрьмы, оно послужило поводом для вынесения смертного приговора Достоевскому.

Белинский писал: «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди, довольно она слышала их, не молитвы, довольно она твердила их, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков попираемого в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их исполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны, где нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и по-

---

[1] Анненков П. «Литературные воспоминания», стр. 339.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 348.

[4] Белинский В. «Письма». Т. III, стр. 337 (разрядка моя.— *В. Ш.*).

[5] Там же, стр. 184.

лицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение, по возможности, строгого исполнения хотя тех законов, которые уже есть»[1].

Такова была программа-минимум Белинского. Но она не только не снимала вопроса о том, что же дальше, после освобождения крестьян от крепостной зависимости, но заставляла все больше и больше сосредоточивать внимание на нем[2].

Что же дальше? После освобождения крестьян — капиталистическая каторга, вымирание? Что ждет эти миллионы, «освобожденные от крепостной зависимости»? Вот что мучило Белинского. Еще в статье, напечатанной в № 4 «Отечественных записок» за 1844 г., Белинский писал о Франции: «Аристократия пала окончательно; мещанство твердой ногой стало на ее место, наследовав ее преимущества, но не наследовав ее образованности, изящных форм ее жизни, ее кровного презрения, высокомерного великодушия и тщеславной щедрости к народу. Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом, тот и другой судится одинаким судом и по вине наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берет 99 процентов на сто... Хорошо равенство»[3].

«Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода»[4]. Таково братство. Такова же и буржуазная свобода.

«Вся власть, все влияние на государство сосредоточены в руках владельцев, которые ни единой каплей крови не пожертвовали за хартию, а народ остался совершенно отчужден от прав хартии, за которую страдал»[5].

Больной, доживающий последние месяцы жизни, Белинский всматривался в западноевропейскую жизнь, чтобы отыскать в ней решение. Он был поглощен этим, расспрашивал друзей, пытался вычитать решение в книгах.

Друзьям казалось, что Белинского перестали интересовать и произведения природы и шедевры человеческого гения в области изобразительного искусства, они отмечали возрастающую нелюдимость Белинского, они утверждали, что ему «не под силу Париж» с его бурной жизнью, что Белинский стремится замкнуться в «личное», что только дети привлекают его внимание. Дело было не в этом. Мимоходом Анненков бросает луч света на то, чем был захвачен Белинский: «Всего более интересовался он вопросом, какого результата в будущем следует ожидать от всех этих начинаний и к каким положительным выводам можно притти относительно дальнейшего развития цивилизации уже и теперь, на основании существующих данных,— словом, как велика сумма общечеловеческих надежд, носимых в себе всей этой видимой культурой»[6].

Для Белинского было ясно, что от капиталистической каторги крестьянину не уйти, другого пути развития у России тогда не было. Но тем сильнее его интересовал вопрос о будущности буржуазного общества. Его диалектический ум с прозрачной ясностью говорил о том, что буржуазия *тоже* должна развиваться, что «буржуазия, борющаяся за власть, и буржуазия торжествующая не одно и то же». А что дальше, куда, к чему дальше идет логика развития? Он хотел знать не фантазии, не мечты, не желания, а законы развития, неизбежные, «положительные выводы» из хода развития. Он пытался понять логику развития человеческого общества.

Что могли сказать ему об этом парижская колония, друзья: Боткин, Анненков, Герцен, Сазонов, Бакунин и др.?

Они говорили по-разному, но никто из них не удовлетворял Белинского. Он с новой силой набрасывался на социалистов-утопистов, но и они не удовлетворяли его.

---

[1] Белинский В. Соч. Т. IV, стр. 1108. Изд. Павленкова. 1907.

[2] Сакулин, никогда ничего не понимавший в социализме, писал о Белинском: «Понять марксизм ему, пожалуй, было бы нетрудно при тогдашних его воззрениях на историю и социологию. Но марксистом Белинский сделаться не успел. Слишком томила его мысль, что русский крестьянин, изнывая в крепостной неволе, нуждается еще в улучшении элементарных условий своего правового экономического и культурного быта» (см. «Социализм Белинского». Статьи и письма. Редакция и комментарии П. Н. Сакулина. М. 1925).

Таким образом, с точки зрения Сакулина, понять Маркса Белинскому помешала его любовь к крестьянству, забота о его раскрепощении. Это вздор, конечно. Это могли утверждать те, кто думал, что марксистам нет никакого дела до крестьянства. Именно любовь к крестьянству должна была толкать Белинского к овладению марксизмом, так как, только овладев им, можно было верно вскрыть закономерность развития человеческого общества, ясно видеть пути, успешно вести борьбу. Сакулин не понимал этого.

[3] Белинский В. Соч. Т. III, стр. 233. Изд. Павленкова. 1905.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 234.

[6] Анненков П. «Литературные воспоминания», стр. 361.

IV

7(19) июля 1847 г. Белинский писал из Дрездена: «Скука мой неразлучный спутник, и жду не дождусь, когда ворочусь домой. Что за тупой, за пошлый народ немцы — святители! У них в жилах течет не кровь, а густой осадок скверного напитка, известного под именем пива, которое они лупят и наяривают без меры. Однажды за столом был у них разговор о штендах. Один и говорит: «я люблю прогресс, но прогресс умеренный, да и в нем больше люблю умеренность, чем прогресс» [1]. Это бесило Белинского. Белинский горел. Никогда, может быть, он не видел лучше весь ужас не только крепостничества, царского самодержавия, но и буржуазного мира; никогда с такой жаждой он не чувствовал необходимости кардинального его переустройства. Но как это могло понравиться Боткину, которому было адресовано это письмо, тому самому Боткину, который так недавно писал Анненкову, вернувшись в Россию из-за границы: «Умеренность и терпимость, которые так привлекательны во французском обществе, здесь это — не добродетели, это — презренные ереси» [2].

В этих письмах получили отражение не только два разных темперамента, но и две политических линии. Боткин был одним из самых ярких людей 40-х годов. Он усиленно занимался изучением политической экономии, французского социализма и немецкой классической философии. Его интересовали художественная литература и живопись. Он внимательно следил за современной ему литературой и один из первых в России обратил внимание еще в 1842 г. на статьи Энгельса, отголосок чего можно легко найти в его статье в «Отечественных записках» (январь 1843 г.). В 1844 г. Боткин познакомился с Марксом. В письмах, статьях Боткина звучат такие ноты: «Ничто не служит таким верным барометром ступени просвещения, на какой находится общество, как его политико-экономическое устройство и его политико-экономические понятия, меры и распоряжения, и самое верное изображение цивилизации какой-либо страны было бы описание ее экономических отношений и учреждений» [3].

В письме к Анненкову 20 ноября 1846 г., по приезде в Россию, Боткин писал: «Пока промышленные интересы у нас не выступят на сцену, до тех пор нельзя ожидать настоящей деятельности в русской литературе. Но я вру. Тогда как в Англии и Франции литература есть зеркало нравов, у нас она наставительница. Вот почему вся сила ее заключается в идеологии. Двигают массами не идеи, а интересы, но просвещают их идеи» [4].

[1] Белинский В. «Письма». Т. III, стр. 243.

[2] Письмо Боткина к Анненкову от 20 марта 1847 г. См. «П. В. Анненков и его друзья». Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 гг., стр. 535. СПБ. 1892.

[3] Боткин В. Соч. Т. I, стр. 160. 1890.

[4] «П. В. Анненков и его друзья», стр. 521.

Но чем ближе был 1848 г., тем быстрее менялись позиции Боткина. Правда, и теперь он продолжал ненавидеть крепостничество, продолжал считать, что Россия пойдет по капиталистическому пути развития, но теперь он смотрел на это, или, вернее, *начинал* смотреть глазами буржуа, ждущего капиталистического господства с восторгом и нетерпением.

Здесь и была пропасть между Боткиным и Белинским. Белинский с позиций революционного демократа оценивал все эти явления.

В цитированном письме к Боткину от 7 (19) июля 1847 г. Белинский писал: «Только здесь я понял ужасное значение слов: *пауперизм, пролетариат*... Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать—и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат! Здесь еще счастлив тот, кто может, с своею собакою и своими малолетними детьми, запрячь себя в телегу и босиком возить из-за Зальцбрунна во Фрейбург каменный уголь. Кто же не может найти себе места собаки или лошади, тот просит милостыню. По его лицу, голосу и жестам видно, что он не нищий по ремеслу, что он чувствует весь ужас, весь позор своего положения: как отказать ему в зильбер-грошe, а между тем, как же и давать всем им, когда их гораздо больше, нежели сколько у меня в кармане пфенигов. Страшно!» [5].

Боткин не был согласен с Белинским ни в оценке положения рабочего класса в буржуазном обществе, ни в оценке буржуазии, ни в оценке самого буржуазного общества. Он считал, что то, о чем пишет Белинский, продиктовано ему ложной «партийностью». У Боткина была другая «партийность».

Здесь пролегает грань. С различных позиций борются Белинский и Боткин. Боткин тоже против крепостничества. Боткин также считает, что России не миновать капиталистического пути развития, он считает, что всячески должна быть расчищена дорога к приходу капитализма, но он боится, как бы резкая, принципиальная критика буржуазного общества, как бы страшные картины язв капиталистического общества не затормозили самый приход капитализма в России. Да и критику эту он считает преувеличенной. В его статьях, письмах все резче звучит голос поднимающейся буржуазии.

Еще через несколько месяцев Боткин будет писать Анненкову: «Я вовсе не поклонник буржуазии, и меня не менее всякого другого возмущает и грубость ее нравов и ее сальный прозаизм; но в настоящем случае для меня важен факт. Я скептик; видя в спорящих сторонах, в каждой, столько же дельного, сколько пустого, я не в состоянии пристать ни к одной, хотя в качестве угнетенного

[5] Белинский В. «Письма». Т. III. стр. 244.

класса рабочий, без сомнения, имеет все мои симпатии. А вместе с тем не могу не прибавить: дай бог, чтобы у нас была буржуазия» [1].

Чем ближе к 1848 г., тем сильнее звучат у Боткина ноты сочувствия буржуазии, тем больше и больше приближаются они к крику «На выучку к буржуазии!» Недаром Струве считал Боткина гениальным и готов был даже ему уступить авторство лозунга «На выучку к буржуазии!» Никого так не испугала революция 48-го года, как Боткина,— вспоминает Анненков [2]. Но не он один поспешно бросился в сторону от того, чему раньше симпатизировал, и примкнул к лагерю ультраконсервативной партии. Впрочем, это случилось несколько позже.

Страх Боткина перед революцией подтверждают все. Панаева рассказывает в связи с этим целый ряд фактов [3]. Этот страх перед революцией еще ярче подчеркивает различие позиций Боткина и Белинского. Белинский не боялся революции, он ждал ее. Это подтверждают такие люди, как Достоевский, как Тургенев, как Герцен.

В «Дневнике писателя», печатавшемся в «Гражданине» [4], рассказывая об огромном влиянии, которое оказал на него в молодости Белинский, помогая выработать социалистическое мировоззрение, Ф. М. Достоевский пишет: «О! напрасно писали потом, что Белинский, если бы прожил дольше, примкнул бы к славянофильству. Никогда бы не кончил он славянофильством. Белинский может быть кончил бы эмиграцией, если бы прожил дольше, если бы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь, маленьким и восторженным старичком, с прежней теплой верою, не допускающей ни малейших сомнений, где-нибудь по конгрессам Германии и Швейцарии...» Читатель прекрасно поймет, на что намекает Достоевский здесь, если припомнит, что статья Достоевского начинается с обвинения Интернационала! Вот чем должен был кончить, с точки зрения Достоевского, Белинский.

Царские опричники верно угадали позицию Белинского, когда во время революции 48-го года хотели упрятать его в казематы Шлиссельбургской крепости. Смерть, только смерть, избавила Белинского от этого.

«Он умер кстати и во-время! Перед смертью (Белинский скончался в мае 1848 г.) он еще успел быть свидетелем торжества своих любимых надежд, и не видел их окончательного крушения... А какие беды ожидали его, если бы он остался жив» [5],— так писал Тургенев через 20 лет после смерти Белинского. У людей, близко знавших Белинского, не было никаких сомнений в вопросе о том, как бы он встретил движение масс — революцию. Он был бы с массами, с восставшим народом.

«Весть о февральской революции еще застала его в живых; он умер, принимая зарево ее за занимающееся утро» [6],— писал в «Былое и думы» о Белинском Герцен.

Так единодушно эти разные люди отзываются об отношении Белинского к революции 48-го года.

V

В эти же годы и по тем же причинам расходились пути Белинского с Анненковым.

Еще в 1846 г. Анненков, приехав заграницу, через Толстого знакомится с Марксом; он присутствует в качестве гостя на заседании коммунистического комитета связи. Об этом позже в своих воспоминаниях он рассказывает так: «Сам Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения — тип, крайне замечательный и по внешности. С густой, черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискость — он имел, однакоже вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны, все приемы шли наперекор с принятыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучавший как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые произносил» [7].

Маркс дает Анненкову рекомендацию к Гейне, и когда рвет с Вейтлингом, то рекомендует вместо него Анненкова.

Связь между Анненковым и Марксом продолжалась и дальше, она прекратилась после 1848 года. «С возвращением моим в Россию, в октябре 1848 г.,— пишет Анненков,— прекратились и мои сношения с Марксом и уже не возобновлялись более. Время надежд, гаданий и всяческих а с п и р а ц и й тогда уже прошло, а практическая деятельность, выбранная затем Марксом, так далеко убегала от русской жизни вообще, что, оставаясь на почве последней, нельзя было следить за первой иначе, как издали, посредственно и неполно, путем газет и журналов» [8].

Но Анненков ошибается, считая, что причиной разрыва его отношений с Марксом послужило то, что Маркс после революции 48-го года выбрал себе «другую практическую деятельность». Это было не так.

---

[1] «П. В. Анненков и его друзья», стр. 551.

[2] См. А н н е н к о в П. «Литературные воспоминания», стр. 330.

[3] См. П а н а е в а А. «Воспоминания 1824—1870», стр. 200. Academia. 1933.

[4] См. «Гражданин» № 1 за 1873 год, стр. 15.

[5] Т у р г е н е в «Воспоминания о Белинском». «Вестник Европы» за 1869 год. Т. IV, стр. 724.

[6] Г е р ц е н А. Соч. Т. XIII, стр. 27.

[7] А н н е н к о в П. «Литературные воспоминания», стр. 306.

[8] Т а м ж е, стр. 310.

«В своих статьях в этом журнале («Deutsch-französische Jahrbücher».—*В. Ш.*) Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего», и в частности «критику оружия», апеллирующий к массам и к пролетариату»[1]. Это было в 1844 году.

Этого не сумел увидеть тогда Анненков. Элементы научного социализма еще более ярко были изложены в том самом письме, которое было послано Марксом Анненкову в декабре 1846 г., а также в книге Маркса против Прудона, вышедшей летом 1847 года. Учение научного социализма было обрисовано с «гениальной ясностью и яркостью» (Ленин) в «Манифесте коммунистической партии», вышедшем до революции 1848 г. и написанном по поручению «Союза коммунистов», к которому еще весною 1847 г. примкнули Маркс и Энгельс. Таким образом, Анненков ошибался, утверждая, что после революции 1848 г. Маркс изменил «практическую деятельность». Но Анненков был совершенно прав, видя одну из причин разрыва в изменении позиций Марксом. Это изменение позиций Маркса Анненков усмотрел много позже, чем оно произошло на самом деле. Но не одному Анненкову революция 1848 г., подтвердившая правильность теории пролетарского социализма, дала возможность понять глубже смысл теории пролетарского социализма. И не для него одного вместе с революцией 1848 г. прошло «время надежд... всяческих аспираций».

«Революционность буржуазной демократии уже умирала в Европе»[2].

Для Анненкова Маркс и Энгельс были интересны и приятны, пока они были революционными буржуазными демократами, и стали неприемлемы в тот момент, когда он увидел в них основоположников научного социализма. Он увидел это позже чем Боткин и поэтому позже порвал с ними связь. А суть была одна и та же, суть была именно в этом. Буржуазные демократы, перестававшие быть революционерами, рвали с основоположниками научного социализма, с представителями партии пролетариата.

Разногласия, казавшиеся частичными, превратились в пропасть.

Рассказывая о реакции своей на письмо Маркса от декабря 1846 г. с разоблачением Прудона, Анненков писал: «Признаюсь, я не поверил тогда, как и многие со мною, разоблачающему письму Маркса, будучи увлечен, вместе с большинством публики, пафосом и диалектическими качествами прудоновского творения»[3].

Анненков не говорит, кто было это меньшинство, соглашавшееся с Марксом, не говорит, в частности, и о позиции, занятой Белинским.

[1] Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 6.

[2] Ленин. Соч. Т. XV, стр. 465.

[3] Анненков П. «Литературные воспоминания», стр. 310.

Белинский не мог не знать об этом письме Маркса. В 1847 г. в Зальцбрунне Анненков жил вместе с Белинским. Между Белинским и друзьями тогда происходили самые оживленные споры. В них принимал участие и Анненков. Споры касались тех же вопросов, которые были затронуты в письме Анненкова к Марксу и в ответе Маркса. Как же при этих условиях Анненков мог не показать Белинскому письма Маркса, присланного за несколько месяцев перед тем, да еще тогда, когда с письмом были знакомы друзья Анненкова?

Трудно представить, чтобы Белинский не познакомился и с книгой Маркса против Прудона, вышедшей в это же время. Во всяком случае, известно, что в борьбе с Анненковым Белинский отстаивал мысль о том, что «народ освободит себя»; не отголосок ли это письма Маркса к Анненкову, в котором говорится: «Вы понимаете теперь, почему г-н Прудон такой решительный противник всякого политического движения. Разрешение современных проблем заключается для него не в общественной деятельности, а в диалектических круговращениях его собственной головы»[4].

Увлеченного Прудоном Анненкова Белинский называл «консерватором» и негодовал на него за переоценку буржуазии и за непризнание политического движения масс.

VI

Самым близким человеком Белинскому в это время был Герцен. Герцен приветствовал революцию 1848 г., он с большой симпатией относился к восставшему народу, он ненавидел буржуазию, он доходил порою до понимания того, что именно рабочему классу принадлежит будущее. Он писал: «Что за мощный народ, который, несмотря на то, что просвещение не для него, что воспитание не для него, несмотря на то, что сгнетен работой и думой о куске хлеба, силою выстраданной мысли до того обошел буржуазию, что она не в состоянии его понимать, что она со страхом и ненавистью предчувствует неясное, но грозное пророчество своей гибели — в этом юном бойце с заскорузлыми от работы руками»[5].

Это было созвучно настроению Белинского. Еще в 1844 г. в статье, посвященной разбору романа Евг. Сю «Парижские тайны», Белинский писал: «Он еще слаб, но он один (разрядка моя.— *В. Ш.*) хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного» общества»[6].

Близость между Белинским и Герценом подчеркивает и яркая борьба, завязавшаяся в связи со статьями Герцена в «Современнике». Против них с резкой критикой выступили «друзья» и с не менее резкой защитой их выступил Белинский. Суть этих

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 292.

[5] Герцен А. Соч. Т. VI, стр. 623.

[6] Белинский В. Соч. Т. III, стр. 234.

споров через несколько месяцев в письме к друзьям Герцен формулировал так: «Все защитники буржуазии, как вы, хлопнулись в грязь» [1]. Герцен был прав в том смысле, что именно в этот период ряд друзей сменил вехи, перешел в лагерь буржуазных либералов. И среди них первым был Боткин. Для них линия Белинского в «Современнике» была неприемлемой — они уходили в «Отечественные записки», которые в этот период — что тоже очень характерно — в рецензиях на статьи Герцена и Боткина подвергли резкой критике первые и восхваляли вторые. Так, «Отечественные записки» писали: «Следовательно, взгляд его (Герцена — *В. Ш.*) заимствованный. Заимствовал же он его из мнений той категории, которая в истории видит борьбу пролетариата с буржуазией, бедного и богатого класса народа. Нам было странно, по крайней мере бесполезно, встретить в словах автора подтверждение слов Луи Блана и компании...»

«Есть же во Франции, имеющей слишком 30 миллионов жителей, что-нибудь другое кроме пролетариата: отчего же этого другого нет в «письмах». Оттого, что автор пошел по следам н е д а в н о в ы ш е д ш и х т в о р е н и й, п о л у ч е н н ы х, в п р о ч е м, и в П е т е р б у р г е и в М о с к в е».

«Отечественные записки» готовы были Герцена причислить чуть ли не к последователям Маркса и Энгельса, чья книга «Манифест коммунистической партии» вышла в начале 1848 года. Для «Отечественных записок» неприемлема была его позиция. «Нам гораздо больше нравятся письма из Испании В. П. Боткина. Если нет в них того остроумия, которым отличается Искандер, то в них более правдоподобного, добросовестного изучения предмета» [2]. Белинский думал по-иному. Он считал, что в письмах Боткина нет самого существенного и самого нужного читателю России — рассказа о революционной борьбе. «Жаль только, что уничтожение монастырей и истребление монахов у тебя являются как то вскользь, а об андалузках и обожании тела подробно» [3].

Белинский защищал Герцена и от Боткина, и от Грановского, и от Корша, и от других. Но и он видел у Герцена уязвимые моменты, но совсем не в том, в чем видели их другие. Герцен писал в «Письмах»: «Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакого будущего». Такая формулировка была неприемлема для Белинского и в первую очередь по отношению к России... «Теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуази» [4] Белинский считал необходимым подчеркивать п р о г р е с с и в н о с т ь капитализма в России по сравнению с крепостничеством. Но он не был согласен с формулировкой Герцена и о том, что «буржуазия не имеет великого прошедшего» на Западе.

Еще раньше, когда при нем писались Герценом эти «Письма» и когда Белинский читал в Зальцбрунне Луи Блана, 7 июля 1847 г., он писал Боткину: «Прочел я книгу Луи Блана... О, лошадь! Буржуази у него еще до сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния, тогда как по его же книге выходит, что без нее не было бы той революции, которою он так восхищается и что ее успехи — ее законное приобретение. Ух, как глуп — мочи нет» [5]. Теперь, через несколько месяцев, защищая Герцена от нападок друзей, Белинский пишет: «Если и есть в письмах Герцена преувеличение — боже мой — что ж за преступление — и где совершенство? Где абсолютная истина? Считать же взгляд Герцена неоспоримо ошибочным, даже не стоящим возражения — не знаю, господа, может быть, вы и правы, но я что-то слишком глуп, чтобы понять вас в вашей мудрости» [6].

Но защищая Герцена от друзей, Белинский здесь же подчеркивает и свое несогласие с Герценом. Он пишет: «Я понимаю, что буржуази — явление н е с л у ч а й н о е, а вызванное историей, что она явилась не вчера, словно гриб выросла, и что, наконец, она имела свое в е л и к о е п р о ш е д ш е е, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги» [7].

Белинский упрекал Герцена за то, что он говорит о буржуазии «вообще». Это для Белинского было неприемлемым. Буржуазия «вообще» — это горожане, лавочники, мелкий хозяйчик, фабрикант. О ком идет речь? — спрашивал Белинский и приходил к выводу, что «не на буржуази вообще, а на больших капиталистов надо нападать, как на чуму и холеру современной Франции. Она в их руках, а этому-то и не следовало быть» [8]. Белинский требовал от Герцена дать определение буржуазии как класса.

«Будущности для буржуазии, повторяю, нет» [9], — писал Герцен. Против этого не возражал Белинский. Но он подчеркивал: «Пока буржуази есть и пока она сильна, я знаю, что она должна быть и не может не быть» [10].

Белинский считал, что в 1847 г. буржуазия еще не изжила себя. Но он требовал доказательства от Герцена тезиса, что нет будущности для буржуазии. И так как этих доказательств Герцен не давал, он считал его позицию уязвимой. В его кри-

[1] «Письмо к друзьям» от 2 августа 1848 года. См. Г е р ц е н А. «Новые материалы». Труды Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, стр. 45. М. 1927.

[2] «Отечественные записки». Т. 56 за 1848 г., отдел V. Критика, стр. 22.

[3] Б е л и н с к и й В. «Письма». Т. III. стр. 333.

[4] Т а м ж е, стр. 339.

[5] Т а м ж е, стр. 245—246.

[6] Т а м ж е, стр. 326.

[7] Т а м ж е, стр. 327—328 (разрядка моя.— *В. Ш.*).

[8] Т а м ж е, стр. 328.

[9] Г е р ц е н А. Соч. Т. V, стр. 166.

[10] Б е л и н с к и й В. «Письма». Т. III, стр. 331.

тике позиции друзей можно уловить аргументы, «навеянные» статьей Маркса «К критике гегелевской философии права» и его письмом к Анненкову. Белинский улавливал диалектику развития буржуазии. Возражая Луи Блану, Белинский писал; «Кроме того, он (Луи Блан. — *В. Ш.*) выпустил из виду, что буржуазия в борьбе и буржуазия торжествующая — не одна и та же, что начало ее движения было непосредственное, что тогда она не отделяла своих интересов от интересов народа. Даже и при Assemblée Constituante она думала вовсе не о том, чтобы успокоиться на лаврах победы, а о том, чтобы упрочить победу. Она выхлопотала права не одной себе, но и народу: ее ошибка была сначала в том, что она подумала, что народ с правами может быть сыт и без хлеба; теперь она сознательно ассервировала народ голодом и капиталом, но ведь теперь она — буржуази, не борющаяся, а торжествующая» [1].

В письме к Анненкову Маркс писал: «Г-н Прудон не утверждает прямо, что буржуазная жизнь представляется ему вечной истиной, но он это говорит косвенно, обожествляя категории, являющиеся в форме мысли выражением буржуазных отношений. Он принимает продукты буржуазного общества за существа спонтанейные, одаренные самостоятельной жизнью, вечные, как только они встают перед ним в виде категорий, в виде мысли. Он, следовательно, не поднимается выше буржуазного горизонта» [2].

Прудоновская постановка вопроса была в данном случае чужда Белинскому. Он поднимался «выше буржуазного горизонта». Не признавая буржуазных отношений «вечными», он искал настойчиво тех сил, которые с неизбежностью уничтожают их. «Все они,— говорит далее Маркс в письме Анненкову,— одинаково не понимают, что буржуазная форма производства есть форма историческая и преходящая в такой же мере, как была форма феодальная» [3]. Белинский подходил вплотную к пониманию этого.

В феврале 1848 г. вышел «Манифест коммунистической партии». «В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» [4].

Белинский не мог изучить «Манифест коммунистической партии». Он был уже настолько слаб, что не мог самостоятельно и писать. Он не мог следить за развертыванием революции 1848 г., так ярко подтвердившей правильность выводов научного социализма. А между тем, наблюдая революцию 1848 г., Белинский мог бы получить ответ на тот вопрос, который он с такой настойчивостью пытался разрешить. Смерть ему помешала.

Мы видели, что еще в первую половину сороковых годов Белинский впервые познакомился с брошюрой Энгельса «Шеллинг и откровение». Знакомство с работами Маркса и Энгельса продолжалось и далее. Белинский читал «Deutsch-französische Jahrbücher», они произвели на него сильное впечатление. Белинский не ограничивается теперь замечанием «умно, дельно и ловко», он признает влияние этой «тетради». Из «К критике гегелевской философии права» Белинский берет «истину» о религии и тем самым идет дальше Фейербаха, вслед за Марксом.

Социалист-утопист, революционный демократ, устами которого кричало задавленное крепостничеством крестьянство, Белинский прекрасно понимал неизбежность капиталистического пути развития России; он признавал прогрессивность капитализма по сравнению с крепостничеством, но он видел и неизбежность и капиталистической каторги. В последние годы жизни он мучительно искал ответа на вопрос, куда ведет логика развития капиталистический мир. Он великолепно понимал, что буржуазия борющаяся и буржуазия победившая — не одно и то же, он подходил к пониманию того, что победа буржуазии невечна. Он шел ощупью, спотыкаясь, неуверенно. В борьбе с друзьями, тащившими его к буржуазному либерализму, в спорах с самым близким тогда ему человеком — Герценом — Белинский пытается опереться на письмо Маркса к Анненкову. Белинский умер во время революции 48-го года. Болезнь помешала ему познакомиться с революцией, она не дала ему возможности изучить «Манифест коммунистической партии» — этот ярчайший документ, в котором впервые было изложено новое миросозерцание, научный социализм.

---

[1] Белинский В. Соч. Т. III, стр. 328—329.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 291.

[3] Там же, стр. 292.

[4] Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 6.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ АВАНТЮРА ТАТАРСКОЙ БУРЖУАЗИИ (1918 год)

А. Тарасов

I

В первые же дни после победы Октябрьской социалистической революции партия большевиков наряду с другими всемирноисторического значения мероприятиями приступила к немедленному осуществлению своих решений по национальному вопросу.

В «Декларации прав народов России», составленной товарищем Сталиным и опубликованной 16(3) ноября 1917 г. за подписями В. И. Ленина и И. В. Сталина, были провозглашены следующие основные начала разрешения национального вопроса: «1. Равенство и суверенность народов России. 2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [1].

Обращение Совнаркома РСФСР и Народного комиссариата по делам национальностей «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря (20 ноября) 1917 г. и обращение Народного комиссариата по делам национальностей к «Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбурга, Совнаркому Туркестанского края» в апреле 1918 г. сыграли исключительно большую роль в революционизировании раскрепощенных Великой Октябрьской социалистической революцией народов России, в ликвидации национального гнета.

После февральской буржуазно-демократической революции среди восточных народов наметились два основных течения в национальном движении: унитаризм и национал-федерализм. Мусульманская, преимущественно татарская, торговая буржуазия и националистически настроенная интеллигенция возглавили движение за унитаризм, т. е. движение, ограничивавшееся требованием объявления лишь «культурно-национальной автономии» [2].

Такой лозунг был провозглашен татарской буржуазией на объединенном заседании трех съездов в Казани в середине июля 1917 г.: II всероссийского мусульманского съезда, I всероссийского мусульманского военного съезда и съезда мулл.

Татарская буржуазия после февральской революции создала свои националистические организации. В мае 1917 г. на Всероссийском мусульманском съезде был создан Милли-шуро (Национальный совет), а в июле 1917 г. на Всероссийском мусульманском военном съезде в Казани — Харби-шуро (Военный совет).

Милли-шуро, спекулируя на национальных и религиозных чувствах, стремился подчинить влиянию татарской буржуазии тюрко-татарское население России и Сибири. Харби-шуро стремился сколотить в Казани, Уфе и Оренбурге национальные мусульманские военные части под буржуазно-националистическими лозунгами.

Милли-шуро и Харби-шуро — эти якобы «общенациональные институты» — являлись до конца контрреволюционными организациями.

Несмотря на противоречия, которые существовали на первых порах между татарской буржуазией и империалистическим Временным правительством, организации татарской буржуазии пресмыкались перед русской буржуазией. Они неоднократно оказывали свои услуги Временному правительству. Во время событий 3—5 июля 1917 г. в Петрограде Всероссийский мусульманский совет (Милли-шуро) обратился к Временному правительству с предложением услуг. Татарские эсеры лакействовали перед русской буржуазией, клеветали на большевиков. В сентябре 1917 г. Харби-шуро включает в состав карательного отряда, направленного Временным правительством для подавления выступления трудящихся в Ташкенте, своих представителей — подпрапорщика Альмяшева и штабс-капитана Рафикова.

---

[1] «История советской Конституции в декретах и постановлениях советского правительства 1917—1936», стр. 32. 1936.

[2] См. «Историю гражданской войны». Т. I, стр. 210.

Страх перед победившей Октябрьской социалистической революцией ослабил трения, существовавшие между двумя течениями в лагере татарской буржуазии: унитаристы (сторонники «культурно-национальной автономии») объединяются с национал-федералистами для борьбы против советов под лозунгами национал-федералистов. Татарские националисты на национальном собрании татарской буржуазии России и Сибири в Уфе в декабре 1917 г. провозгласили своей задачей создание «Урало-волжского штата».

С этого времени лозунг создания «Урало-волжского штата» стал общим лозунгом всей татарской контрреволюционной буржуазии и националистически настроенной интеллигенции.

Татарская буржуазия наметила широкий план борьбы за свержение советской власти — план создания буржуазного государства («Урало-волжский штат»), обнимающего огромную территорию между Южным Уралом и районом среднего течения Волги, включая всю Уфимскую губернию, бо́льшую часть Казанской губернии, уезды Бузулукский, Бугульминский, Самарской губернии, южную часть Пермской губернии и часть Оренбургской и Симбирской губерний. На национальном собрании в Уфе лидеры татарской буржуазии открыто выступают против советского правительства. Так, Г. Баттал и Фатых Сайфи, кадет Садри Максудов и другие вожаки националистов призывали народ к борьбе против советской власти.

Национальное собрание в Уфе избрало руководящую коллегию из восьми членов и национальное управление из трех министерств: духовного, просвещения и финансов—для практической работы по созданию «Урало-волжского штата». Ко времени созыва национального собрания в Уфе из пожертвований крупной татарской буржуазии был создан «национальный» фонд для борьбы с советами. Коллегия по образованию «Урало-волжского штата» в январе 1918 г. переезжает из Уфы в Казань и вместе с Харби-шуро выдвигает руководящую головку в составе И. Алкина (председатель) и членов Г. Шарафа, С. Атнагулова, Ф. Сайфи, Ш. Мухамедьярова, чтобы возглавить националистическую контрреволюцию в Казани.

Харби-шуро принимал меры к тому, чтобы стянуть в Казань мусульманские военные части из других городов и районов России.

На первых порах в результате сильной националистической агитации агентов Харби-шуро обманутой оказалась значительная часть татарских солдат.

Харби-шуро с первых дней Октябрьской социалистической революции разместил своих агентов на почте, телеграфе и вокзале, пытаясь с их помощью контролировать работу советских комиссаров. Казанскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было предъявлено требование, чтобы на сейфы банка наряду с печатью совета накладывалась печать Харби-шуро и чтобы в банк был назначен наряду с комиссаром совета и комиссар Харби-шуро.

Милли-шуро и Харби-шуро направляли своих агентов также и в деревни для организации и там борьбы против местных советов. Местные шуро, возглавляемые татарским кулачеством, муллами и националистической интеллигенцией, развили яростную агитацию против советской власти и большевиков.

В борьбе против советской власти татарская буржуазия объединилась с русской контрреволюцией, с националистической буржуазией окраин России (Крыма, Украинской рады, Польши и т. д.) и иностранными интервентами.

В январе 1918 г. в Казани был созван II мусульманский военный съезд, который в подавляющем большинстве состоял из представителей крупной татарской буржуазии, дворян, царских офицеров, военных мулл и буржуазной интеллигенции. Руководство съезда было в руках дворян Алкиных, офицеров Музафаровых, Токумбетовых и т. д. На съезде присутствовали официальные представители контрреволюционной Украинской рады, правительства Польши и контрреволюционного правительства Крыма.

Съезд вынес решение о немедленном стягивании в Казань татарских военных частей, находящихся вне пределов «территории предполагаемых штатов и с фронта» [1].

II

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов после Великой Октябрьской социалистической революции, укрепляясь с каждым днем, сплачивали вокруг себя широкие массы трудящихся угнетенных национальностей. Трудящиеся массы угнетенных народов освобождались из-под влияния «своей» буржуазии и становились под знамя пролетарского интернационализма, под знамя советов. Советы своей повседневной работой среди трудящихся выбивали почву из-под ног татарской буржуазии, разоблачали ее классовую политику, прикрытую националистическими лозунгами.

Положение в Казани и Казанской губернии в этот период осложнялось тем, что разгромленные в центре контрреволюционные организации, возлагая на Казань большие надежды, сконцентрировали там значительные силы. Одного черносотенного офицерства в то время в Казани насчитывалось более 5 тысяч человек. Немало офицеров работало в мусульманских военных частях в качестве военных специалистов. Бывший помощник казанского губернского комиссара при Временном правительстве правый эсер Бартольд принимал активное участие в формировании военных сил Харби-шуро.

В Казани полулегально, под видом различных «благотворительных» обществ, существовал ряд белогвардейских организа-

[1] Газета «Известия мусульманского военного шуро» № 14 от 17 февраля 1918 года.

ций. Они скрывались под вывеской «столовых», «чайных», «мастерских дамских нарядов» и т. д., имели разветвленную сеть филиалов и вели широкую работу по сколачиванию контрреволюционных сил, подготовляя восстание.

Контрреволюционная деятельность нелегальных белогвардейских организаций в Казани особенно оживилась в январе — марте 1918 года. В начале января был произведен погром цейхгаузов 240-го полка, по городу разбрасывались погромные прокламации. «Известия ВЦИК» сообщали: «Контрреволюционные силы в Казани ютятся главным образом в местных военных «благотворительных» «беспартийных» организациях. В последнее время удалось в Казани напасть на следы начавшейся там организации белой гвардии. Надиях в Казани обнаружен склад пироксилиновых шашек» [1].

Парторганизации и совету удалось перехватить нити заговора. Революционно-следственной комиссией совета были арестованы главные вдохновители заговора: Бать (лидер казанских кадетов), Иванов (лидер меньшевиков), Покровский, Пинегин и другие [2].

7 февраля 1918 г. Исполнительное бюро Казанского совета предложило комиссару почты и телеграфа немедленно удалить с почты агента Харби-шуро. Притязания мусульманского продовольственного комитета на назначение агентов комитета на ст. Казань и Красная Горка (ныне Юдино) были Казанским советом решительно отвергнуты [3].

«Что касается «левых» эсеров, то, желая сохранить влияние в крестьянских массах, определенно сочувствовавших большевикам, они решили не ссориться с большевиками и сохранить пока что единый фронт с ними»... «Однако, это соглашение просуществовало лишь до подписания брестского мира и образования комитетов бедноты, когда в крестьянстве произошло глубокое расслоение и когда «левые» эсеры, все больше отражая интересы кулачества, подняли мятеж против большевиков и были разгромлены Советской властью» [4].

В первой половине 1918 г. положение в Казани и Казанской губернии осложнялось засильем и предательской работой «левых» эсеров в губсовете крестьянских депутатов, в ряде уездных советов, в военных частях. «Левые» эсеры дезорганизовали работу советов, они вносили анархию в военных частях и подбивали их на антисоветские выступления.

В конце марта 1918 г. левоэсеровское руководство Казанского губернского совета крестьянских депутатов во время IV губернского съезда крестьянских депутатов под видом «обсуждения» вопроса о брестском мире развернуло широкую антисоветскую агитацию среди крестьянства. С этой целью на места, во все волостные центры и уездные города были командированы специально обработанные эсерами в антисоветском духе делегаты IV губернского крестьянского съезда и весь актив казанской организации «левых» эсеров. Татарские эсеры выступали против советских мероприятий вместе с русскими эсерами.

Несмотря на отъявленную демагогию «левых» эсеров подавляющая масса крестьянства Казанской губернии высказалась за мир и одобрила политику советского правительства. Это подтверждается материалами опроса об отношении к брестскому миру: из всех опрошенных волостей и уездов бывшей Казанской губернии 37 волостей высказались за брестский мир, 31 волость признала неизбежность брестского мира, в 40 волостях так или иначе согласились с его необходимостью и лишь в 32 волостях «левым» эсерам с помощью наглой демагогии удалось протащить свои антисоветские предложения против заключенного советской властью мира с Германией.

Казанские «левые» эсеры захватили в свои руки ряд уездных советов и возглавили ряд контрреволюционных восстаний кулачества под лозунгами борьбы против «продовольственной политики», против комбедов.

Пособничество казанских «левых» эсеров муравьевской авантюре, созыв антисоветских съездов в Чистополе, Мензелинске, Тетюшах и в целом ряде волостей, создание левоэсеровской боевой дружины в Казани, в Уфе, борьба на V губернском крестьянском съезде в Казани с целью захватить власть — все это в достаточной мере характеризует контрреволюционную работу левоэсеровских заговорщиков.

С «левыми» эсерами смыкались «левые» коммунисты во главе с Грасисом. Большинство Казанского комитета высказалось против заключения мира с немцами. Грасис был отъявленным противником заключения брестского мира и ленинской национальной политики. Он был одним из инициаторов посылки телеграммы в феврале 1918 г. на имя ЦИК и СНК с наглым предложением прекратить мирные переговоры с Германией и созвать съезд советов в Казани. Больше того, после заключения брестского мира Грасис предпринимает антисоветское выступление. За его подписью как председателя Временного революционного комитета в Казани 15 марта 1918 г. была послана телеграмма в адрес одиннадцати губернских советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов с предложением обсудить вопрос о войне и мире, делегировать на съезд в Казани по пяти представителей от каждой губернии [5].

---

[1] «Известия ВЦИК» № 55 (318) от 22 марта 1918 года.

[2] Татарский центральный архив, дело № 39 Исполнительного бюро Казанского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918.

[3] Там же.

[4] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 202.

[5] Татцентрархив, дело № 19 Казанского совета РСКД за 1918 год.

«Все контрреволюционеры, начиная от меньшевиков и эсеров и кончая самыми отъявленными белогвардейцами, вели бешеную агитацию против подписания мира. Их линия была ясна: они хотели сорвать мирные переговоры, спровоцировать наступление немцев и поставить под удар неокрепшую еще Советскую власть, поставить под угрозу завоевания рабочих и крестьян. Их союзниками в этом черном деле оказались Троцкий и его сподручный Бухарин, который вместе с Радеком и Пятаковым возглавлял враждебную партии группу, именовавшую себя для маскировки группой «левых коммунистов»[1].

Такова была обстановка, в которой рабочие и трудящиеся Казани вели упорную борьбу под руководством партии против татарской буржуазии в период январь — март 1918 года.

III

Казанская большевистская организация вела большую работу по сплочению трудящихся татар, чувашей и других национальностей вокруг лозунгов партии. Большевистская организация подчеркивала, что только на путях укрепления советов можно добиться освобождения трудящихся от гнета капиталистического и национального.

Важнейшим практическим шагом в деле осуществления национальной политики партии явился созыв в Казани в феврале 1918 г. областного съезда советов Поволжья и Южного Урала, на котором участвовали представители советов семи губерний.

Тов. Шейнкман Я. С., председатель Казанского губкома партии и председатель Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (РСКД), в своей речи на этом съезде ознакомил делегатов с принципами большевистской национальной политики и отметил, что съезд должен выразить волю пролетариата и революционного крестьянства по вопросу о самоопределении народов: «Один из главных лозунгов русской революции это — самоопределение народов. Для воплощения этого лозунга в жизнь, для того, чтобы формулировать волю поволжского пролетариата и революционного крестьянства по вопросу о самоопределении народов, и нужно было созвать этот съезд. Казанский совет, верный лозунгам революции, решил созвать областной съезд с целью разъяснения крестьянству о самоопределении, чтобы это не попало в руки господствующих (классов.— *А. Т.*), которые свои интересы выдают за интересы нации.

С этой целью Казанский совет волею (народов.— *А. Т.*) Поволжья, которая ясно выражается в советских организациях, решил созвать областной съезд. Причем Казанский совет полагает, что первый съезд Поволжья и Южного Урала будет иметь важное историческое значение в том, что он даст возможность организоваться по вопросу самоопределения народов»[2].

Съезд прошел под идейным руководством Казанской большевистской организации. Съезд избрал комиссию, которой поручил выработать конкретные формы самоопределения народов Среднего Поволжья и Южного Урала и порядок созыва учредительного съезда советов этой территории.

В первые дни на II всероссийском мусульманском военном съезде участвовала группа большевиков-татар, образовавшая там большевистскую фракцию. Руководимая Казанским губкомом партии, большевистская фракция выступила на съезде с разоблачением контрреволюционных действий правой фракции съезда, а затем 17 февраля покинула съезд, огласив следующую резолюцию:

«Созванный Всероссийским мусульманским военным шуро II всероссийский мусульманский военный съезд в первые же дни своего заседания показал свою политическую физиономию, выразившуюся в узко национальном движении и определенном настроении против рабоче-крестьянской власти. Все приветственные речи представителей оборонческих, буржуазных и явно враждебных к рабоче-крестьянской революции организаций были встречены съездом громовыми аплодисментами, и, наоборот, приветственные речи представителей большевиков, левых эсеров и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов съезд встретил враждебно, возгласами резких возражений.

Съезд фактически сделался послушным орудием в руках авантюристов и врагов рабоче-крестьянской революции, чему служило ярким доказательством, что представителя контрреволюционной (ныне свергнутой революционной демократией) Украинской рады съезд встретил бешеными овациями, тогда как представитель Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был принят враждебно.

Малочисленная левая фракция резко осуждала такую политическую линию съезда, но все же оставалась на нем, питая себя надеждой, что левой фракции удастся сорвать маски с лица лжесоциалистов — врагов революции.

Энергичная деятельность левой фракции дала желанные результаты: при обсуждении вопроса о текущем моменте по отношению к учредительному собранию съезд принял резолюцию, предложенную левой фракцией

Но этот успех оказался весьма кратковременным, ибо на следующем же заседании съезда по адресу левой фракции посыпались незаслуженные оскорбления, как например «предатели нации», «изменники» и т. д. и т. п.

Исходя из вышеизложенного, фракция большевиков находит, что съезд далеко не выражает мнения солдат, которые всюду выносят резолюции, выражающие полное

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 206.

[2] Газета «Знамя революции» № 33(79) от 23 февраля 1918 года.

доверие рабоче-крестьянской власти и Совету народных комиссаров.

Съезд, опьяненный национальным угаром, может привести к кровавому столкновению мусульманской демократии с русской.

Поэтому фракция большевиков не может больше остаться на съезде и покидает его.

Исполнительное бюро фракции большевиков 2-го всероссийского мусульманского военного съезда»[1].

Уход со съезда левой фракции встретил полное одобрение со стороны татарских рабочих и солдат.

В связи с открытым призывом на II мусульманском военном съезде свергнуть советскую власть и с оживлением деятельности нелегальных белогвардейских организаций Казанский совет еще 26 февраля 1918 г. организовал революционный штаб в составе тт. Шейнкмана, Якубова, Гинзбурга, Димитриева и других. Город Казань и губерния были объявлены на военном положении.

Революционный штаб обратился к русским и татарским рабочим, солдатам и крестьянам с воззванием, в котором разоблачал контрреволюционные планы татарской буржуазии и русской белогвардейщины. 3 марта, в 12 часов ночи, революционный штаб принял решение: «1. Организовать боевые отряды из рабочих заводов. 2. Усилить Красную Армию и послать агитаторов в ближайшие деревни»[2].

Одновременно было установлено, что Харби-шуро связался с нелегально существовавшими в Казани белогвардейскими организациями. В связи с этим органы советской власти произвели аресты свыше 200 белогвардейцев. Среди арестованных было 4 члена шуро — это были лидеры правой фракции съезда: И. и Д. Алкины, Музафаров и Токумбетов.

Изоляции татарской буржуазии от масс способствовали практические мероприятия большевистской партии и советского правительства.

Еще в конце января 1918 г. декретом Совнаркома РСФСР и Народного комиссариата по делам национальностей был создан Центральный комиссариат по делам мусульман внутренней России. Тогда же были приняты постановления Совнаркома и Наркомнаца об организации при местных советах РСКД мусульманских комиссариатов и даны были директивы местным советам об оказании всяческого содействия немедленной организации мусульманских комиссариатов.

В осуществление этой директивы был создан 21 февраля 1918 г. комиссариат по мусульманским делам при Казанском совете из представителей большевистской фракции II мусульманского военного съезда, покинувшей съезд 17 февраля, и из представителей мусульманского социалистического комитета.

Мусульманский комиссариат при Казанском совете РСКД под непосредственным руководством казанского губкома большевиков и Казанского совета провел значительную работу по борьбе с татарской буржуазией и разоблачению ее контрреволюционных замыслов.

Комиссариат в течение месяца сумел организовать 4 добровольческих роты, которые принимали совместно с отрядами из русских рабочих и моряков активное участие в ликвидации «Забулачки» и в разоружении татарской буржуазии.

Исключительное значение в разгроме татарской буржуазии сыграл декрет Народного комиссариата по делам национальностей о немедленной ликвидации контрреволюционной организации Всероссийского Харби-шуро и связанных с ним окружных и гарнизонных комитетов. Декрет был опубликован 24 марта 1918 г., в момент острой борьбы рабочих и красноармейских частей гарнизона Казани с националистической контрреволюцией.

В этом декрете говорилось: «Всероссийское военное бюро и связанные с ним гарнизонные и окружные комитеты и всякие другие военные организации, под каким бы наименованием ни значились, настоящим упраздняются.

Все дела, документы, имущество, капиталы передаются в распоряжение местных мусульманских советских комиссариатов, кои ответственны перед Комиссариатом по делам мусульман внутренней России при Народном комиссариате по национальным делам.

Лица, виновные в расхищении имущества во время ликвидации означенных комитетов, будут преданы суду революционного трибунала.

Всякие самочинные организации, являющие попытку вырвать власть из рук мусульманских комиссариатов при Совете, объявляются контрреволюционными и подлежат к немедленной ликвидации.

Комиссар по делам мусульман внутренней России Мулла[3] Нур Вахитов.

Народный комиссар по национальным делам — И. Сталин.

Москва, 26 марта 1918 г.»[4].

IV

После ареста лидеров татарской буржуазии Харби-шуро перешел на полулегальное существование и заседания II мусульманского военного съезда были перенесены в одну из мечетей, находящихся в татарской части города, за рекой Булаком.

На территории забулачной части города татарская буржуазия стала лихорадочно подготовлять вооруженное выступление против Казанского совета РСКД. Был соз-

---

[1] «Знамя революции» № 39 от 2 марта 1918 года.

[2] Татцентрархив, дело № 5. Протокол заседания ревштаба при Казанском совете РСКД от 3 марта 1918 года.

[3] Приставка «мулла» в данном случае является частицей сложного имени, а отнюдь не означает духовного звания.

[4] «Известия ВЦИК» № 59 (323) от 28 марта 1918 года.

дан оперативный центр — штаб в составе Г. Манасыпова и др. Спешно формировались «железные» дружины, шло военное обучение. В начале марта эти дружины произвели налет на осокинские казармы, откуда вывезли на 28 подводах оружие. Это оружие было роздано татарской буржуазной молодежи и русским белогвардейцам.

28 февраля на утреннем заседании II мусульманского съезда лидер правой фракции Манасыпов призывал съезд к решительным действиям. Он предлагал на этом же заседании объявить создание «штата», избрать секретариат, издать приказ о мобилизации всех мужчин от 18 до 40 лет, арестовать членов совета РСКД и членов мусульманского комиссариата при Казанском совете РСКД и объявить город на военном положении [1].

Съезд под диктовку правой фракции вынес резолюцию с требованием немедленного освобождения арестованных членов Харби-шуро [2].

Революционный штаб, чтобы избежать кровопролития, освободил арестованных членов Харби-шуро на поруки мусульманского социалистического комитета на следующих условиях:

«Революционный штаб, обсудив требование военного мусульманского съезда об освобождении руководителей правой части съезда и всероссийского военного шуро: Ильяса Алкина, Юсуфа Музафарова, Токумбетова и Джангира Алкина, постановил: предложить мусульманскому военному шуро, мусульманскому гарнизонному и военноокружному комитетам следующие условия освобождения арестованных лиц:

1) Все мусульманские организации обязуются никаких выступлений и действий по организации «Урало-волжского штата» не предпринимать до созыва учредительного съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов данной области, каковой является правомочным органом для разрешения национального вопроса и в каком будут представлены рабочие и крестьяне всех национальностей данной области.

2) Вся полнота власти как по гражданским, так и по военным делам в г. Казани и Казанской советской рабоче-крестьянской республике принадлежит исключительно Казанскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и комиссариату по мусульманским делам. Все остальные мусульманские военные организации упраздняются. Никакие другие организации кроме мусульманского комиссариата не имеют права посылать своих комиссаров и уполномоченных делать распоряжения для какой бы то ни было части населения.

3) Все военные мусульманские силы поступают в распоряжение комиссариата по мусульманским делам, образованного при Казанском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [3].

В момент этой ожесточенной борьбы советское правительство 24 марта 1918 г. опубликовало положение о Татаро-Башкирской республике. Этот декрет выбил почву из-под ног татарской контрреволюции, лишив ее повода для выступлений, но, разумеется, она не прекратила свою борьбу против советской власти.

В декрете говорилось:

«Исходя из принципа национального самоопределения трудовых масс, утвержденного III всероссийским съездом советов, Народный комиссариат по делам национальностей в согласии с Комиссариатом по делам мусульман внутренней России выработали следующее положение о Татаро-Башкирской советской республике: 1) Территории Южного Урала и Среднего Поволжья объявляются Татаро-Башкирской советской республикой Российской советской федерации. 2) При определении границ в основу кладется проект, разработанный башкирскими и татарскими революционными организациями (вся Уфимская губерния, башкирская часть Оренбургской губ., Казанская губерния за исключением чувашско-черемисской части и прилегающие мусульманские части Пермской, Вятской, Симбирской и Самарской губерний). Окончательное установление границ республики предоставляется Учредительному съезду советов этой республики. 3) Политические и экономические взаимоотношения западной части республики и Башкурдистана определяются Учредительным съездом советов Татаро-Башкирской республики. 4) Организация комиссии по созыву Учредительного съезда советов поручается Комиссариату по делам мусульман Средней России» [4].

Этот акт советского правительства как крупнейшее мероприятие по осуществлению ленинско-сталинской национальной политики, а также декреты Народного комиссариата по делам национальностей о ликвидации Харби-шуро явились могучим средством для сплочения трудящихся татар и башкир вокруг органов советской власти.

28 марта, в 6 часов утра, в Казань прибыл отряд моряков Красной Балтики в количестве 300 человек, направленный туда на основании распоряжения Совнаркома РСФСР для помощи местным организациям в ликвидации забулачного контрреволюционного гнезда. Прибытие этого отряда внесло панику и растерянность в ряды «забулачников».

Тотчас же по прибытии отряда моряков состоялось экстренное заседание Казанского совета РСКД и Комиссариата по мусульманским делам совместно с представителями отряда моряков. На заседании было решено предъявить от имени Комис-

---

[1] Газета «Курултай» (орган крупной татарской буржуазии) № 62 от 5 (18) марта 1918 года.

[2] «Знамя революции» № 39 от 2 марта 1918 года.

[3] С фотокопии, хранящейся в историко-революционном секторе Центрального музея АТССР. Документ датирован 1 марта 1918 года.

[4] «Известия ВЦИК» № 56 от 24 марта 1918 года.

сариата по мусульманским делам ультиматум центральному штабу районов милиции и «железным» дружинам «Забулачки».

28 марта Комиссариат по мусульманским делам предъявил Харби-шуро следующий ультиматум:

«Комиссариат по мусульманским делам при Казанском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являясь единственным выразителем воли организованного мусульманского пролетариата, считает невозможным далее терпеть существование в г. Казани вооруженных контрреволюционных банд, свивших себе гнездо в татарской части города и прикрывающих фразами о национальном самоопределении свою буржуазную сущность.

Комиссариат по мусульманским делам предлагает центральному штабу районов милиции и «железным дружинам» не позже чем по истечении 4-х часов с момента получения настоящего постановления приступить к сдаче оружия (пулеметов, винтовок, патронов, штыков, гранат и т. п.), как розданного мусульманской буржуазией по рукам, так и находящегося в складах татарской части города, и выдать главарей, организаторов «железной дружины» комиссариату. Оружие должно сдаваться в Военный отдел комиссариата (Лобачевская ул., д. Стахеева). В случае неисполнения или какого-либо отступления от настоящего приказа комиссариат по истечении указанного срока приступит к разоружению татарской части города («Забулачной республики»).

Ответственность за возможные последствия комиссариат возлагает на «железную дружину» и на центральный штаб районов милиции татарской слободы, как главного организатора контрреволюционных сил. Мусульманский комиссариат предупреждает, что в его распоряжении имеется достаточное количество вооруженной силы, артиллерии, пулеметов и пехоты, которые по первому приказу готовы исполнить свой революционный долг и не остановятся ни перед чем в случае, если последует отказ со стороны штаба районов милиции выполнить ультиматум» [1].

28 марта, по истечении указанного срока, территория «Забулачки» была оцеплена со всех сторон войсками революционной армии казанского гарнизона.

Отряд моряков оцепил «Забулачку» со стороны города, а красноармейские части казанского гарнизона, в том числе татарские красногвардейские роты и отряды рабочих Казани, оцепили с другой стороны. В приказе четко были определены задачи и участок действий каждой части, приступавшей к ликвидации вооруженных сил контрреволюционной «Забулачной республики».

Значительная часть обманутых своей буржуазией татарских солдат, благодаря агитационной работе большевиков, перешла на сторону революционной армии. Поэтому оказать серьезное сопротивление националистическая контрреволюция не смогла. Лишь около дома Каримова и на Юнусовской площади раздавались выстрелы с мечетей. Еще в одном доме засада в количестве 20 человек открыла стрельбу, но после выстрела из броневика они разбежались, оставив винтовки. В этой перестрелке был ранен один моряк. В доме Каримова был обнаружен склад оружия: бомбы, порох, много винтовок и полевых телефонов. При обыске на вышках мечетей также было обнаружено много винтовок и пулеметов.

29 марта 1918 г. является концом «Забулачки»: националистическая контрреволюция была вынуждена сдать оружие и подчиниться совету.

Так кончилась авантюра татарской буржуазии, так называемая «Забулачная республика» — гнездо татарской контрреволюции.

А через месяц была ликвидирована еще одна контрреволюционная националистическая организация, так называемое Национальное управление внутренней России и Сибири — Милли-идяря.

В телеграмме от 1 мая 1918 г. на имя Уфимского совдепа, подписанной товарищем Сталиным, сообщалось о ликвидации так называемого Национального управления внутренней России и Сибири «Милли-идяря» и всех связанных с ним контрреволюционных националистических организаций и о ликвидации «Милли-фонда», «национального фонда» татарской буржуазии.

В этой телеграмме предлагалось Уфимскому мусульманскому комиссариату при Уфимском совете РСКД временно принять под свою ответственность все имущество и документы «Милли-идяря» и «Милли-фонда» до прибытия в Уфу специальной комиссии Центрального мусульманского комиссариата, в распоряжение которого передавались имущество, капиталы и документы ликвидируемых «Милли-идяря» и «Милли-фонда» [2].

Это важнейшее мероприятие советского правительства имело исключительно большое значение в разгроме националистической контрреволюции. Оно лишило татарскую буржуазию своего руководящего центра в лице Национального управления внутренней России и Сибири.

Трудящиеся Татарии на своем опыте убедились, что татарская буржуазия, в какие бы национальные одежды она ни рядилась, как и всякая буржуазия, является их врагом. Социальное и национальное освобождение возможно только в условиях победы пролетарской революции под знаменем ленинско-сталинской национальной политики.

Во главе с Султан-Галеевым националисты, часть членов мусульманского социали-

---

[1] «Знамя революции» № 58 от 29 марта 1918 года.

[2] Центральный архив Октябрьской революции, фонд 1318, дело № 2, л. 10 за 1918 год.

стического комитета, в момент ликвидации «Забулачки» выполняли роль агентуры татарской буржуазии в советских организациях. Так, несколько членов мусульманского социалистического комитета и Комиссариата по мусульманским делам во главе с Саид-Галеевым вошли в соглашение с контрреволюционной организацией татарской буржуазии — комитетом по осуществлению «штата Идель-Урала» — и без санкции Комиссариата по мусульманским делам при Казанском совете РСКД организовали так называемый «Временный революционный штаб» татарской части города Казани и противопоставили его революционному штабу при Казанском совете РСКД.

Казанский совет немедленно ликвидировал эту организацию. По этому поводу комиссариат по мусульманским делам при Казанском совете РСКД принял следующее постановление:

«Сим доводится до сведения населения, что мусульманский революционный штаб татарской части города Казани в составе нескольких членов комиссариата казанской советской рабоче-крестьянской республики [1] и областного комиссариата по осуществлению «Идель-Уральского штата» образован без санкции советского комиссариата по мусульманским делам. Такого соглашения отдельных членов советского комиссариата с членами областного комиссариата «Идель-Урала» как организации, возглавляющей собою ликвидируемую советским комиссариатом «Забулачную республику», не могло быть допущено, так как имелись налицо определенные постановления комиссариата о том, чтобы не считаться с областным мусульманским комиссариатом «Идель-Урала», как с организацией, выделенной правой частью II всероссийского мусульманского военного съезда, а, напротив, ультимативно требовать от него упразднения. В виду изложенного советский комиссариат Казанской советской рабоче-крестьянской республики в экстренном заседании своем 31 марта постановил: упразднить образованный из представителей контрреволюционного по своему существу областного комиссариата «Идель-Урала» и отдельных членов советского комиссариата революционный штаб татарской части города и образовать новый временный пролетарский революционный штаб.

Окончательную ликвидацию контрреволюционного движения Забулачной части города комиссариат по мусульманским делам поручает указанному революционному штабу» [2].

С 10 по 16 мая 1918 г. в Москве под председательством товарища Сталина происходило совещание представителей местных советов по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики.

В заключительной речи на этом совещании товарищ Сталин говорил: «Чтобы разбить национализм, нужно прежде всего поставить и разрешить национальный вопрос. Но, чтобы разрешить национальный вопрос открыто и социалистически, нужно его поставить на советские рельсы, подчинив его целиком и окончательно интересам организованных в советы трудовых масс. Так, и только так, можно выбить у буржуазии ее последнее духовное оружие. Создаваемая ныне автономная республика татаро-башкир является практическим разрешением этого общего и важного для всей нашей революции вопроса. Пусть же эта автономная республика послужит народам мусульманского Востока живым маяком, освещающим путь к освобождению от гнета» [3].

Но гражданская война задержала осуществление положения о Татаро-Башкирской республике. Территория Башкирии и Татарии сначала была захвачена чехо-учредиловцами, а позднее бандами Колчака.

По освобождении Южного Урала и Среднего Поволжья от белогвардейских армий при разрешении вопроса об автономии для татар и башкир В. И. Лениным и товарищем Сталиным были внесены изменения в первоначальный проект: были созданы отдельные, самостоятельные и автономные республики. 20 марта 1919 г. была образована Башкирская АССР, а 27 мая 1920 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР опубликовали декрет об образовании Автономной Татарской Советской Социалистической Республики и о создании Временного революционного комитета Татарской АССР.

Исключительно большая роль в создании Татарской республики наряду с В. И. Лениным принадлежит и товарищу Сталину. Все документы ВЦИК и СНК об организации Татарской АССР были разработаны под руководством и при непосредственном участии товарища Сталина.

При разрешении национального вопроса В. И. Ленин и И. В. Сталин вели ожесточенную борьбу против многочисленных врагов: правых, «левых», буржуазных националистов и великодержавных шовинистов, которые под разными предлогами сопротивлялись осуществлению ленинско-сталинской национальной политики.

В мае 1920 г., когда Ленин и Сталин решительно поставили вопрос об образовании Татарской АССР, группа казанских работников во главе с Ходоровским (в то время председателем Казанского губисполкома) выступила против образования Татарской АССР, заявляя, что среди татар якобы нет проверенных и подготовленных коммунистов, что якобы с образованием Татарской АССР задержится развитие народного хозяйства. Товарищ Сталин вскрыл великодержавную сущность взглядов этой группы, в основе которых лежало пренебрежительное отношение к татарскому народу. Таким образом, Татарская АССР является подлинным детищем Ленина и Сталина.

---

[1] Термин «Казанская советская рабоче-крестьянская республика» — результат широкого развития в то время автономистских, местнических стремлений.

[2] «Знамя революции» № 65 от 6 апреля 1918 года.

[3] «Правда» № 101 от 24 мая 1918 года.

СТОЛЕТИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ *

Е. Косминский

Празднуя со всем Московским университетом 185-летнюю годовщину его основания, мы не должны забыть еще об одном, более скромном юбилее, приходящемся также на эти дни. Сто лет тому назад Тимофей Николаевич Грановский, вернувшись из заграничной командировки, прочел свой первый курс по истории средних веков. 1839—1840 учебным годом мы можем датировать начало преподавания и изучения истории средневековья в Московском университете.

Вспомним имена и заслуги тех, кто работал на этом поприще в течение истекших ста лет.

Имя Т. Н. Грановского хорошо известно каждому образованному человеку в нашем Союзе. О нем читался специальный доклад на юбилейных торжествах Университета, мною Грановскому был отведен большой раздел в курсе историографии средних веков. Поэтому здесь я ограничусь немногими замечаниями.

Средневековье было основным предметом в научной и преподавательской деятельности Грановского. Средневековью были посвящены его вдохновенные и тщательно продуманные курсы, из средневековой истории были взяты темы обеих его диссертаций. Почти все его публичные лекции, сыгравшие такую крупную роль в истории русского просвещения, были посвящены вопросам средневековья. История средних веков была для Грановского орудием «пропаганды» (как называл его преподавательскую деятельность Герцен) — пропаганды гуманности в жестокие времена крепостного права, пропаганды достоинства человеческой личности во времена величайшего бесправия, пропаганды свободы во времена свирепого самодержавия. Конкретной и живой историей средних веков, а не отвлеченными формулами Грановский «делал пропаганду», на лекциях по истории средних веков он передавал своим слушателям «алгебру революции» (как говорил тот же Герцен) — гегелевскую диалектику,— подводил их к манифесту реалистического понимания истории, каким была его актовая речь 12 января 1852 г., которую так горячо приветствовал Чернышевский. Полная горечи и желчи характеристика средневекового крепостничества, данная им в университетском курсе, была вызовом крепостническому государству Николая I. Рисуя облик измученного и затравленного средневекового крестьянина, Грановский

> «...брата узнавал в рабе иноплеменном
> От нас веками отделенном» (Некрасов).

При Грановском кафедра всеобщей истории была центром Московского университета. Когда в 1855 г. Университет праздновал свой юбилей, съехавшиеся на этот праздник русской науки многочисленные делегации хотели прежде всего видеть Грановского, говорить с Грановским. Для них он был олицетворением всего лучшего, что давал России Московский университет.

Но Грановский был не только замечательным лектором и «пропагандистом». Это был глубокий ученый, прекрасно знакомый с источниками, великолепно ориентировавшийся во всех новейших течениях литературы. Он мало писал — нелегко было писать и печатать в то тяжелое время,— но он умел мастерски передавать знания своим ученикам. Он был незаменим как руководитель начинающих ученых, он сообщал им не только методы научной работы, но и прививал широкие взгляды на науку, учил их любить науку.

Грановский читал свои лекции в Московском университете с 1839 по 1855 год. В цвете лет, на 43-м году жизни, этот блестящий ученый, гордость русской науки и русской общественности, сошел в могилу. Ближайшим учеником, товарищем, а потом и преемником Грановского был Петр Николаевич Кудрявцев. Он был лишь немногим моложе Грановского и также умер в расцвете сил (он родился в 1816 г., умер в 1858 г.). Кудрявцев уступал талантом, влиянием на окружающих, значением в истории русского общества своему учителю, память которого он чтил благоговейно. В отличие от мало писавшего Грановского Кудрявцев оставил значительное научное наследие. На первом месте надо поставить его большое исследование «Судьбы Италии от падения Западной Римской Империи до восстановления ее Карлом Великим» (М. 1850). По отзыву Грановского, это исследование «может стать наряду с классиче-

---

* Доклад, прочитанный на торжественном заседании кафедры истории средних веков истфака МГУ 7 мая 1940 года.

скими произведениями иностранных литератур». Главная задача этой работы, основанной на изучении первоисточников,— уяснить образование итальянской национальности; проблеме единства Италии отводится здесь центральное место. Вслед за Макиавелли Кудрявцев думает, что лангобарды могли объединить Италию, виновником ее раздробления является папство, призвавшее иностранных (франкских) завоевателей. Нетрудно видеть связь этого специального исследования с актуальнейшими проблемами тогдашнего времени. Кудрявцев дает в своей книге преимущественно политическую историю, использует как источники главным образом хроники. Кудрявцев не последовал за Грановским в его исканиях реалистической науки. В своей статье «О современных задачах истории» (1853 г.), являющейся ответом на речь Грановского, Кудрявцев решительно расходится со своим учителем. Он высказывается против провозглашенного Грановским сближения истории с естествознанием, против статистического метода в исторической науке: «Где числитель, которым можно было бы измерить силу и влияние народного духа?» Он настаивает на эстетических и нравственных задачах истории и развивает чисто идеалистическую концепцию. Это шаг назад по сравнению с Грановским. Вопросам средневековой истории посвящен ряд других работ Кудрявцева («Осада Лейдена», «Дант, его век и жизнь», «Каролинги в Италии», «Карл V» и др.).

С 1850 до 1860 г. профессором всеобщей истории в Московском университете был Генрих Викентьевич Вызинский, также работавший преимущественно в области истории средних веков. И теперь с интересом читаются его лекции по политической истории Англии в XVIII веке. Более заметный след в науке оставил Степан Васильевич Ешевский, ученик Грановского и Кудрявцева, как и они, рано умерший (родился в 1829 г., умер в 1865 г.). Ешевский дал замечательное исследование по истории переломной эпохи между античностью и средневековьем, напечатанное в год столетнего юбилея Московского университета и посвященное памяти его великого основателя. Это исследование называется «Аполлинарий Сидоний. Эпизод из политической истории Галлии V века» (М. 1855). В этой книге содержится интересный анализ социальной истории падения Западной Римской империи, внимательному рассмотрению подвергаются положение масс и их революционные движения. Ешевский развенчал Аполлинария Сидония, превознесенного западными исследователями. Другие исследования Ешевского посвящены той же переходной эпохе, а также истории раннего средневековья («Женщина в средние века», «Эпоха переселения народов — Меровинги и Каролинги», «Очерки язычества и христианства»). Он читал ряд специальных курсов по истории перехода от античности к средним векам, по отдельным эпохам средневековья. Раньше Моммзена он заинтересовался историей римских провинций во времена империи. Четкая критическая, самостоятельная мысль, ясное изложение, простой и выразительный язык отличают лекции и сочинения Ешевского. Он преподавал в Москве с 1858 до 1865 года. Умер он 36 лет. Чахоточный, полуживой, он продолжал чтение лекций до последних дней жизни. Вспомним, что и Грановский еще работал утром того дня, когда прервалась его жизнь!

Многие из нас еще помнят Владимира Ивановича Герье, который в противоположность своим предшественникам прожил долго (1837—1919). Он застал еще в Московском университете Грановского и учился у Кудрявцева и Ешевского. Его долгая жизнь представляет как бы мост, связывающий начальные годы медиевистики в Московском университете с нашим временем. Подобно своему учителю Кудрявцеву он был чистой воды идеалистом. Главными источниками для историка, говорил он, всегда останутся произведения человеческого слова, и главным предметом его изучения — события, совершавшиеся внутри человека и поэтому доступные психологическому анализу. Идеи двигают историю. Поэтому история идей — основная тема историка. Герье считал, что работы историка всегда субъективны, и предостерегал от всякого рода «теорий». История, по его мнению, не может стать точной наукой: она близка к искусству. Истории идей посвящены главные труды Герье. Важнейшие его произведения объединены характерным заглавием: «Зодчие и подвижники божьего царства» («Августин», «Западное монашество и папство», «Франциск, апостол нищеты и любви»). Его основная идея: чем больше католическая церковь осуществляла «божье царство» на земле, тем больше она становилась земным царством, удаляясь от своего первоначального идеала. Герье написал ряд работ о Лейбнице и его времени, об отношениях между Лейбницем и Петром I.

Весьма велики заслуги Герье в области преподавания. Он первый ввел исторические семинарии в Московском университете. Темы для своих семинариев он брал иногда из социальной и даже экономической истории. Ему были обязаны своим возникновением Высшие женские курсы в Москве — Курсы Герье, как их называли. Лекции Герье всегда были очень содержательны, хотя и суховаты. Диапазон его чтений был очень велик. Он читал и о римской истории, и об истории средних веков, и о французской революции. Сначала очень отрицательно относившийся к Тэну и к его оценке французской революции Герье под влиянием роста революционного движения в России все больше переходил на позиции этого реакционного историка. Вначале умеренный прогрессист, Герье все более делался консерватором. Он начинал видеть якобинцев даже в кадетах.

Большой заслугой Герье является то, что он воспитал целую плеяду выдающихся ученых. Учениками Герье были Вино-

градов, Карелин, Кареев, Виппер, Щепкин.

Одним из крупнейших медиевистов Московского университета был, несомненно, Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925). Он начал работать над средневековой историей еще на студенческой скамье, когда написал работу о землевладении у меровингов, за которую получил золотую медаль. По окончании Университета Виноградов работал заграницей. Семинарии Моммзена и Бруннера выработали из него мастера исследовательской техники. Широко знакомый с исторической литературой Запада, он испытал влияние ряда различных школ. Виноградов считал задачей истории объективную реконструкцию исторических фактов в их органической, причинной связи. Иногда его исследовательский талант и исключительное историческое чутье приближали его к историческому материализму, но лишь стихийно и никогда до конца. При всем своем исключительном таланте и чувстве действительности он всегда оставался буржуазно-ограниченным ученым-эклектиком.

Уже первая диссертация — «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии» — выдвинула двадцатишестилетнего Виноградова в первые ряды европейских ученых. Эта работа, написанная на основании изучения итальянских архивов, не потеряла значения и до настоящего времени. Дальнейшие работы Виноградова посвящены главным образом социальной истории Англии, преимущественно истории английского крестьянства. Его толкал на этот путь живой интерес к русской действительности после крестьянской реформы 1861 г., интерес к роли крестьянской общины и ее судьбам в России. Исконность свободной общины как основы общественного строя Европы, ее необычайная живучесть даже в условиях крепостного права — вот основная тема его работ по истории английской деревни. Достаточно назвать его докторскую диссертацию «Исследования по социальной истории Англии в средние века», его «Villainage in England», его «Growth of the Manor», его «English Society in the XI century». Виноградов основывал свои исследования на богатейшем архивном материале, разысканном им главным образом в Лондонском государственном архиве. По словам одного из крупнейших английских историков, Мэтланда, Виноградов открыл для английских историков сокровища Государственного архива.

Круг интересов Виноградова был очень широк. Он читал лекции по истории Греции, по историографии, по истории общественных течений в России (славянофилы и западники), писал по истории права: древнеанглийского, скандинавского, римского в средние века. Много он сделал и для преподавания. Его семинарии были великолепной школой исторической техники. В девяностых годах в его небольшом домике близ церкви Успенья на Могильцах собирались московские историки, там обсуждались очередные проблемы исторической науки, новые исторические работы, читались доклады. Превосходная для своего времени коллективная «Книга для чтения по истории средних веков», вышедшая под редакцией Виноградова, еще и теперь не утратила своего педагогического значения. Менее удачен был его слишком сжатый и сухой учебник всеобщей истории для средней школы.

В 1901 г. Виноградов из-за столкновения с министерством народного просвещения вышел в отставку и уехал в Англию, где скоро получил кафедру в Оксфорде. Оксфордские семинарии Виноградова приобрели мировую известность. К нему съезжались ученые со всех концов земли. За ним была закреплена репутация первого среди историков Европы. Пиренн называет его «наиболее известной фигурой в ученом мире континента». В 1908 и 1910 гг. Виноградов приезжал в Москву, читал здесь лекции и вел семинарии. Потом он порвал с родиной. Уже с 1905 г. он начал отход с прежних, либеральных позиций на консервативные, что вызвало в свое время резкую отповедь со стороны Ленина.

Максим Максимович Ковалевский (1851 — 1916) не был, собственно говоря, историком-медиевистом по специальности: он был профессором юридического факультета, социологом, историком права, историком-экономистом. По своим теоретическим воззрениям он был позитивистом, последователем Канта, но испытал также известное влияние Маркса, с которым был знаком лично и который его высоко ценил и называл одним из своих «друзей по науке». Либеральный преподаватель, пользовавшийся большим влиянием на слушателей, М. М. Ковалевский после десятилетней профессорской деятельности был уволен министерством без прошения за то, что «действовал на умы молодежи растлевающе» (1887). Ковалевский переселился заграницу, где читал лекции в разных научных центрах, много занимался научной работой. В 1905 г. он вернулся в Россию и отдался политической деятельности, но эта деятельность уже ничем не связана с Московским университетом, и на ней останавливаться не будем.

Большинство работ М. М. Ковалевского относится к проблемам средневековой истории. Ряд ранних его работ посвящен социально-политической истории Англии («История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III». Прага. 1877; «Общественный строй Англии в конце средних веков». М. 1880). В них поставлена весьма актуальная в то время проблема местного самоуправления и его развития, а также распределения земельной собственности и влияния этого распределения на образование классов. Другой ряд работ М. М. Ковалевского посвящен проблеме первобытной общины и ее разложения — проблеме не меньшей актуальности. В разрешении этих вопросов Ковалевский в основном стоит на позиции Маурера и Моргана и широко использует сравнительно-исторический метод («Общинное землевладение, причины и ход его раз-

ложения», «Древнегерманская марка», «Сельская община в Закавказье», «Закон и обычай на Кавказе»). Крупное значение имеют его работы по экономической истории средних веков («Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства»), в которых использован огромный материал источников и затронут чрезвычайно широкий круг вопросов: генезис средневекового поместья и сельская община, процесс феодализации, характеристика поместного хозяйства в главных странах Западной Европы, цеховой строй, движения крестьян, ремесленников и плебеев, черная смерть.

В основе концепции Ковалевского лежит неверная мысль, что основным фактором экономического развития является увеличение плотности населения, но собранный им фактический материал чрезвычайно ценен. Ряд работ М. М. Ковалевского посвящен вопросам политической истории, особенно истории политических идей («Происхождение современной демократии», «От прямого народоправства к представительному»). М. М. Ковалевский работал много, жадно, торопливо. В его работах можно найти немало промахов, небрежностей, недодуманного, недоделанного и недоказанного. Его справедливо обвиняли в «импрессионизме». И несмотря на это его бурная, необычайно насыщенная содержанием научная деятельность оставила глубокий след.

Виноградов и Ковалевский — историки-позитивисты с преобладающим интересом к проблемам истории хозяйства, права и учреждений. Традиции идеалистической историографии продолжал любимый ученик Герье — К а р е л и н (1855—1899), подобно своему учителю посвятивший себя истории идей. Его капитальный труд «Ранний итальянский гуманизм и его историография» содержит анализ мировоззрений, но Карелин не пробует искать основы этих мировоззрений в социально-экономических сдвигах, происходивших в это время в Италии. Он резко критикует все попытки экономического объяснения истории и полагает, что история гуманизма не может быть понята с позиций исторического материализма. Идеи гуманизма для него являются лишь «результатом культурного развития личности». Основное содержание гуманизма — индивидуализм (в этом он идет за Буркгардтом). На тех же, идеалистических позициях Карелин стоит и в других своих произведениях: «Культурный кризис в Римской империи» (потом был издан под заглавием «Падение античного миросозерцания»), «Важнейшие моменты в истории средневекового папства». Выходец из крестьянской среды, Карелин видел «нравственный долг и общественное служение ученого» в широкой популяризации знаний, и сам обладал исключительным талантом популяризатора.

Здесь надо упомянуть имя Р. В. В и п п е р а, талантливого ученого широчайшего диапазона, охватывавшего в своем преподавании и в своих трудах огромный период — от первобытной культуры и истории древнего Востока до современности,— распространявшего свои интересы и на вопросы русской истории. Средние века были, как кажется, наименее привлекавшим его периодом, хотя из этой области взята им тема для его большой диссертации «Церковь и государство в Женеве в эпоху Кальвина» (М. 1894). Ему же принадлежит изящно написанный, хотя и несколько расплывчатый учебник по истории средних веков. Достаточно известен путь Виппера от материализма к эмпириокритицизму и идеализму, от радикализма к реакции.

Ярким представителем виноградовской школы является Д м и т р и й М о и с е е в и ч П е т р у ш е в с к и й. Подобно Виноградову он главное внимание уделяет вопросам социально-экономического развития средневековой Европы. Этим вопросам посвящены его диссертация, его лекции по истории раннего средневековья («Очерки из истории средневекового общества и государства»), большая часть его семинариев. О взглядах Петрушевского, в частности тех, которые он высказывал в более поздний период своей научной работы, много и говорилось и писалось. Критику взглядов Петрушевского можно найти в предисловии к последнему изданию его «Очерков из истории английского государства и общества в средние века».

Огромными достоинствами семинариев Петрушевского были ясно и четко поставленная тематика, прекрасно подобранные источники и внимательнейшее отношение руководителя к каждому докладу. Петрушевский требовал, чтобы каждое положение было твердо обосновано ссылками на источники, он не терпел поспешных, широких, но по существу очень часто дешовых обобщений, не поддержанных конкретным материалом, «кавалерийских наездов на науку», как он выражался. Его семинарии были школой серьезной, вдумчивой, осторожной и точной научной работы. Петрушевский умел выращивать кадры, умел отмечать способных к научно-исследовательской работе учеников, умел поощрять их к дальнейшему труду в избранной области. Большая часть московских медиевистов может быть названа учениками Петрушевского. А. Д. Удальцов, Е. А. Косминский, В. В. Стоклицкая-Терешкович, А. О. Неусыхин были участниками его семинариев. Н. П. Грацианский, В. М. Лавровский, С. Д. Сказкин ближайшим образом связаны с его школой.

Петрушевский не был марксистом, но его преподавание, его семинарии подводили многих из его учеников к марксизму. Его внимание к социально-экономическим явлениям, его строгие приемы научного исследования воспитывали у его учеников привычку к строгому научному мышлению в области истории, что в конечном счете приводило к единственно научному методу — марксизму. Конечно, этому способствовали и другие влияния. Петрушевский начал свою профессорскую деятельность в Московском университете в 1906 г., когда еще свежа была революционная атмосфера и идеи революционного марксизма тысячами путей проникали в сознание уча-

щейся молодежи. Но и лекции и семинарии Петрушевского шли навстречу этим веяниям, насыщали богатым историческим содержанием.

Одним из лучших учеников Виноградова был Александр Николаевич Савин (1873—1923). Он занимался и средневековьем и новым временем. Савин первый объявил в Московском университете семинарий по истории Парижской коммуны. Но большая часть его работ относится к области средневековья: обе его диссертации («Английская деревня в эпоху Тюдоров» и «Английская секуляризация»), большая часть его курсов и исследований. Отличительной чертой Савина были исключительная научная добросовестность и щепетильность, доходившая до скептицизма, до нерешительности перед обобщениями, которые делались им всегда крайне осторожно, со множеством оговорок. Но зато спокойно можно было доверяться фактам, добытым им путем долгих исследований, тщательных подсчетов, исчерпывающего изучения литературы. Савин принадлежал к тем немногим ученым, о которых можно без преувеличения сказать, что в своей области они знают все. Не было вопроса в области истории, в котором он не был бы вполне компетентен, не было книги, брошюры, статьи, которой бы он не читал. Он поражал удивительной начитанностью и осведомленностью даже в таких далеких от его специальности областях, как например история древности.

Учеником Виноградова был Дмитрий Николаевич Егоров, автор большого исследования о колонизации Мекленбурга в XIII веке. Это исследование подверглось весьма суровой критике. Выставленные им там взгляды не привились в науке. Сильной стороной Егорова было особое внимание, которое он уделял мало разрабатывавшимся московскими историками-медиевистами вопросам источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии. Он первый объявил курс по источниковедению и историографии. В его курсе «Введение в историю средних веков» большое место было отведено вопросам вспомогательных исторических дисциплин. В его семинариях можно было познакомиться с интересными образцами научной критики источников.

Византиноведение мало привилось в Москве; оно разрабатывалось главным образом в Петербурге. Но среди московских византиноведов надо назвать рано умершего К. Н. Успенского. Его оригинальные и самостоятельные построения шли вразрез с установившимися в официальном византиноведении мнениями. Он был представителем радикального и критического направления в этой консервативной дисциплине.

Мне остается еще сказать несколько слов о московской медиевистике в советское время. Великая социалистическая революция создала в нашей стране исключительно благоприятные условия для научной работы, для университетского преподавания, для подготовки новых научных кадров. Но влияние той исторической «школы», которая одно время определяла учебные планы, особенно отрицательно сказалось на нашей дисциплине. Начиная преподавание истории в лучшем случае с французской буржуазной революции, представители этой «школы» подменяли конкретное изложение истории средних веков бескровными социологизаторскими схемами, средним векам отводились лишь краткие разделы во всевозможных «обществоведениях», «историях развития общественных форм» и т. д., пока, наконец, не додумались совершенно упразднить гуманитарный факультет в Московском государственном университете.

Постановления партии и правительства о преподавании истории в школах и о создании исторических факультетов в университетах покончили с этим ненормальным положением. В составе исторического факультета Московского университета была создана кафедра истории средних веков, объединившая большую часть московских медиевистов. Наша великолепная молодежь широкой волной хлынула на студенческие скамьи истфака, в аспирантуру. Быстро развернулась научная работа, стали создаваться учебники и учебные пособия нового типа. Поставлен был ряд новых специальных курсов и семинариев. В последнее время кафедра истории средних веков расширила рамки своей работы, включив в них и восточное средневековье.

Сейчас кафедра истории средних веков в Московском университете насчитывает в своих рядах шесть докторов и четырех кандидатов исторических наук. Ничего подобного никогда не знал дореволюционный университет. Растут молодые кадры. В прошлом году истфак МГУ дал первый выпуск медиевистов, которые почти все попали в число аспирантов. Мы можем гордиться, видя, с каким энтузиазмом и неслабеющим упорством наше студенчество и аспирантура преодолевают все технические трудности изучения истории средних веков. Тот научный запас, те навыки научной работы, которые мы получили от наших учителей, особенно от Петрушевского, Савина, Виноградова, мы перерабатываем и дополняем на новой, марксистско-ленинской методологической основе и уверены, что передадим нашу дисциплину в надежные руки молодых кадров, которые будут развивать ее дальше и поднимут на еще большую научную высоту.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Новая история. Ч. I-я. От Французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской коммуны (1789—1870). Под редакцией акад. Е. В. Тарле, члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова и Ф. А. Хейфец. М. 1939. 571 стр. + карты. 75 000. 8 р. 45 к. (Академия наук СССР. Институт истории) [1].

Первая часть учебника по новой истории, написанного группой сотрудников Института истории Академии наук, входит в состав издаваемой Институтом серии учебников по истории для высшей школы (ранее вышли две части учебника истории средних веков). Авторы учебника не имели перед собою никаких готовых образцов. Их опыт — первый опыт изложения для студентов истории «периода побед и утверждения капитализма в передовых странах» с марксистско-ленинской точки зрения. Это обстоятельство должно, конечно, учитывать при оценке книги.

Структура книги определяется программой, утвержденной Комитетом по делам высшей школы для исторических факультетов. К сожалению, авторы не решились выйти за пределы этой программы даже тогда, когда расширение известных ее частей явно было необходимо для полноты изучения истории 1789—1871 годов. На наш взгляд, одним из самых крупных недостатков плана книги (очевидно, и программы преподавания) является крайняя скупость данных по истории культуры XVIII и особенно XIX веков. Литература и искусство полностью остаются за пределами плана. Развитие науки дано лишь немногими чертами в связи с развитием техники. Исключение составляют науки социальные, о которых читатель получает известное представление, хотя, как увидим ниже, и не всегда достаточное. В результате мы имеем историю XIX в. без Байрона и Диккенса, без Бальзака и Жорж Занд, без Гельмгольца и Дарвина, без Бетховена и Вагнера. Без буржуазной культуры со всеми ее противоречиями, но и со всеми ее достижениями картина жизни буржуазного общества в период, когда оно идет «по восходящей линии», остается неполной, лишенной черт, очень существенных для ее понимания.

Указанный недостаток плана может быть только частично отнесен за счет авторов и редакторов книги. В большей мере отвечают они за то, что им не удалось построить изложение так, чтобы у читателя без подсказа, в результате ознакомления с конкретными событиями складывалась общая картина изображаемого периода, как периода мощного роста капитализма и роста его внутренних противоречий. Эта общая концепция как-то теряется в массе фактического материала. Не вполне поправляют дело введение и заключительная глава. Введение вообще в этом смысле мало удовлетворительно. Оно начинается с характеристики первого периода новой истории, как она дана в «Замечаниях» тт. Сталина, Кирова и Жданова. Это хорошо. Но читатель, естественно, ждет более детального раскрытия сжатых формул «Замечаний» применительно к периоду, излагаемому в книге. А введение, как бы забыв, к чему оно служит введением, сразу перескакивает к Парижской коммуне, т. е. к началу следующего периода. Неплохо, конечно, дать некоторую перспективу, показать, что выросло в дальнейшем из данных рассматриваемого периода. Но все же первая задача введения — дать читателю основные указания по периоду, изображаемому в предлагаемой читателю книге. И этой задачи введение не выполняет.

Больше дает заключительная глава. Но и она не оставляет в уме читателя яркой и четкой общей картины периода. Прежде всего поражает в ней самое распределение материала: фритредерство, аграрный вопрос, кризисы, классы, завоевания техники и т. д. Почему аграрный вопрос дан сейчас же за фритредерством, кризисы — за аграрным вопросом, техника — после классов, остается неясным. Это еще полбеды. Беда в том, что по этим вопросам в соответственных параграфах главы в ряде случаев даются лишь самые общие формулы. Возьмем параграф о классах: что в нем сказано об основных классах буржуазного общества? Во-первых, они «появляются» (что не совсем точно); во-вторых, буржуазия «приобретает все большее влияние»; в-третьих, пролетариат «возникает» и «ведет борьбу» против буржуазии. Вряд ли сообщение этих истин может дать что-либо студенту исторического факультета. Такими общими

---

[1] Редакция разделяет основные положения, высказанные акад. В. П. Волгиным. С целью ознакомить читателей редакция печатает ниже отчет об обсуждении 1-й части учебника «Новой истории» на заседании кафедры новой истории истфака МГУ.

местами переполнена заключительная глава. А картины роста капиталистических отношений и буржуазной культуры, роста противоречий буржуазного общества, роста пролетариата, роста его классового самосознания, различных форм его борьбы не получается.

Переходим к частностям. Мы уже говорили, что программа освободила авторов от забот о культуре. Те главы учебника, которые трактуют об истории идей, пожалуй, в наименьшей степени удовлетворят читателя. Относительно повезло буржуазной идеологии XVIII в.: ей посвящена целая глава, в которой вскользь упомянуто даже о пьесе Бомарше. Но и здесь не обошлось без промахов. Монтескье не только не стремился к отмене привилегий дворянства, как может подумать читатель (стр. 51), но кое-какие из привилегий стремился даже обосновать исторически и логически. Монтескье стремился установить «законы» человеческого общества, но не «законы развития». Отсутствие понятия развития общества как раз составляет основной недостаток его социологического учения. Основным принципом монархии является у Монтескье честь (притом, с философской точки зрения, ложная честь), а не честь и умеренность. Вряд ли можно назвать точным утверждение, что теорией Монтескье руководилась во время революции либеральная буржуазия (стр. 54). Известно, что даже в Учредительном собрании создание верхней, аристократической палаты, столь горячо защищаемой Монтескье, не нашло поддержки большинства. Есть мелкие неточности и в других разделах главы. Мы не будем на них останавливаться. Укажем лишь на то, что мы считаем основным дефектом главы: в ней совершенно не показаны зачатки социалистической критики растущих буржуазных отношений, в ней нет даже упоминания о Морелли и Мабли, которых весьма ценили основоположники научного коммунизма. Без этого картина развития идеологии остается односторонней, неполной. А вследствие этого в дальнейшем Бабеф оказывается связанным с «бешеными» (что верно), но никак не связанным с идеологическим развитием предреволюционной Франции (что неверно: сам Бабеф ссылался на «Кодекс природы» Морелли).

Дальнейшее развитие социально-политических идей дано очень бегло и неполно. Несоответственно мало сказано о Фурье (стр. 237); между прочим, опущены те черты в характеристике «фаланги», которые высоко ценил в ней Энгельс: идея привлекательного сменного труда, уничтожение старого разделения труда; нет ни слова и о трудовом соревновании в системе Фурье. Чрезвычайно бледны и примитивны характеристики Смита и Рикардо (стр. 24 и 270). Совершенно непонятно, почему же они считаются классиками буржуазной политической экономии, почему Маркс и Энгельс оценивали их произведения так высоко, почему Ленин считал английскую политическую экономию одним из источников марксизма. О теории стоимости Рикардо мы узнаем лишь то, что она «оказала влияние»; теория ренты отражена, очевидно, в несколько наивном замечании: «Он отрицательно относился к крупным землевладельцам, живущим на ренту со своих поместий».

В характеристике Оуэна опущена его связь с рабочим движением 30-х годов, его роль в «Великом союзе производств», его идеи преобразования производства. А между тем все это необходимо знать, чтобы правильно оценить и то, о чем сказано в учебнике, — меновые базары, которые Оуэн никогда не рассматривал как панацею от всех зол капитализма. О всем революционном коммунизме 40-х годов дано лишь три строки, ровно ничего не говорящие по существу (стр. 251).

Социальная и политическая история периода изложена в учебнике более детально, иногда, может быть, с излишней детальностью. Все же и в этих частях учебник далеко не свободен от недостатков. Изложение не всегда последовательно, формулировки не всегда точны, попадаются и фактические ошибки. Между тем, если требования последовательности, точности в формулировках и передаче фактического материала необходимо предъявлять ко всякой научной работе, то отнюдь не в меньшей, если не в большей степени они должны быть предъявляемы к учебнику.

Приведем примеры непоследовательности изложения, логических пропусков, нецелесообразного распределения материала. На стр. 22 говорится, что 1784—1801 гг. в истории Англии были периодом господства «новых тори», а дальше поясняется, что «новые тори» были подобны старым. У читателя неизбежно возникнет вопрос: почему же они называются «новыми»? Правда, дальше идет фраза о связях «новых тори» с финансовой аристократией и колониальной торговлей. Но о том, является ли это их отличительной чертой или и в этом они «подобны» старым тори, остается неясным. На стр. 31 говорится, что Декларация независимости заимствовала одну формулировку из виргинской Декларации прав. Виргинская декларация имеет значение как образец и для французской Декларации прав. Однако о ней до приведенного упоминания ничего не было сказано. В таком случае, какой же смысл имеет это упоминание? На стр. 41—43 последовательность изложения непонятна: стр. 43 в значительной части является повторением текста стр. 41. В главе о германской революции 1848 г. для читателя остается неясным, откуда же, собственно, возникли Прусское национальное собрание и Франкфуртский парламент. О них говорится как о чем-то всем известном, а между тем о том, кто, как и когда решил их созвать, ничего не сказано. Национальное собрание «открылось» совершенно неожиданно, как неожиданно «был созван» парламент (стр. 332). На стр. 517 столь же внезапно читатель, ничего еще не слыхавший об Альянсе, узнает о пропаганде «взглядов» этого неизвестного ему учреждения.

Один из наиболее ярких примеров причудливой запутанности изложения дают стр.

419—420. Здесь факты даны в такой хронологической последовательности: 1852, 1846, 1840, 1837, 1848 годы. Конечно, в сознании автора эта хронологическая путаница оправдана логически. Но смеем его уверить: это логическое оправдание остается тайной даже для самого внимательного читателя. На стр. 337 мы находим явное недоразумение, свидетельствующее о невнимательном отношении к тексту: в изложение пражских событий 1848 г. незаконно вторглись три строки из другого раздела (о министерстве Ауэрсвальда).

Наибольшим недостатком учебника является все же не то, что излагаемые им исторические факты не всегда даны в надлежащей последовательности (это для учащегося — тоже не пустяк), а то, что очень большое число явлений характеризовано неточно (а неточность сплошь и рядом перерастает в ошибку или предрасполагает к ошибке читателя). Когда, например, сказано, что в Габсбургской монархии «ничтожное меньшинство немцев-помещиков господствовало над 20 с лишним миллионов мадьяр» и т. д., — это неточно. Но в уме читателя возникает уже неверная картина: немцы — только помещики, и от них зависит только непривилегированная масса других национальностей; между тем были немцы-крестьяне, немцы-ремесленники, немцы-купцы, как были мадьяры-помещики, поляки-помещики, чехи-помещики. Точно так же ложное представление неизбежно вызовет у читателей сообщение (стр. 10): «Почти во всех государствах Европы шла ожесточенная борьба между буржуазией — владельцами крупных торговых предприятий и мануфактур— и все еще господствующим классом помещиков-феодалов». Речь идет о XVIII веке. Даже по отношению к Франции это выражение очень неточно. А уж по отношению к германским государствам, к Италии, к Польше — это просто неверно. Неточна формулировка (стр. 14—15), характеризующая последствия расслоения крестьянства. Она может быть понята как оправдание всех жестокостей процесса обезземеления и как идеализация положения пролетариата на ранних стадиях капитализма. Читатель не обязан догадываться, что автор имел в виду вовсе не непосредственные последствия пролетаризации, а некоторые отдаленные исторические перспективы. Он просто подумает, что положение трудящихся масс в результате аграрного переворота стало «относительно менее тяжелым». И ему будет очень трудно согласовать это с тем описанием положения рабочих, которое он находит на стр. 21, 196 и, наконец, 276, где дана цитата из Маркса: «Всемирная история не дает более ужасающего зрелища» и т. д.

Более чем неточна характеристика расслоения французского дворянства накануне революции. Она сводит все дело к майорату: старшая линия дворянских родов — аристократия, полунищее провинциальное дворянство — младшие сыновья младших сыновей. Это, конечно, упрощает и искажает реальную картину (стр. 42). Неполно объяснение хлебной политики феодально-абсолютистского режима (стр. 59). Здесь было бы уместно характеризовать меркантилизм как экономическую политику. Как это ни странно, такой характеристики нет вообще в учебнике, хотя это — явление для XVIII в. весьма значительное.

Немало нечетких формулировок и в главах, посвященных французской буржуазной революции. Удивительно, что не раз встречается неправильное употребление такого, казалось бы, недвусмысленного термина, как «собственники». Так, в борьбе Законодательного собрания против Коммуны, вокруг собрания объединились, оказывается, «собственники всей Франции». Затем термин «собственники» расшифровывается как крупная буржуазия и землевладельцы. Если только эти категории являются собственниками, очевидно, остальное население — пролетариат или предпролетариат. А где же мелкая буржуазия, столь многочисленная во Франции XVIII в., где крестьяне-собственники? И это не случайная обмолвка: на стр. 135 мы узнаем, что «вся Франция собственников» была враждебна «народной диктатуре». Очевидно, и здесь или в категорию несобственников попадают мелкобуржуазные элементы общества или «народ» сводится к пролетариату и предпролетариату. Ни то, ни другое, конечно, неверно. В связи с этим отметим, что о мелкой буржуазии вообще автор данного раздела как будто избегает упоминать.

Очень трудно будет читателю разобраться в социальных характеристиках и социальных тенденциях различных групп во время якобинской диктатуры. На стр. 111 говорится, что якобинцы — «блок передовой революционной буржуазии... и плебейских масс». Это не вполне ясно, и читатель, только что прочитавший (стр. 110), что революция 31 мая — 2 июня устранила от власти «крупную торгово-промышленную буржуазию», будет склонен понять «передовую буржуазию» как мелкую буржуазию. Но автор главы тут же дополняет свое определение словами: «в том числе и мелкой буржуазии»,— предоставляя самому читателю догадываться, что же еще ему должно включить в «передовую буржуазию». Учебник не должен ставить своего читателя в такое положение.

Но пойдем дальше. Как бы то ни было, якобинцы — блок некоторой части буржуазии с плебейством. Но на стр. 118 читатель узнает, что якобинцы — представители только «революционной буржуазии», которых лишь опасность заставляет принять требования «бешеных» и эбертистов. Это новый оттенок в понимании якобинцев (из которых, кстати сказать, здесь исключены эбертисты, обычно рассматриваемые как левая группировка среди якобинцев). Посмотрим теперь на якобинцев с другой точки зрения: к чему они стремились? На стр. 107 мы узнаем, что якобинцы видели задачу революции «т о л ь к о в прочном завоевании политической свободы». А на стр. 101 сказано, что якобинцы требовали «перераспределения земельной собственности в интересах широких крестьянских масс» (что, по меньшей мере, неточно). Совершенно

запутавшийся читатель идет все же дальше и читает на стр. 130, что единственными представителями того взгляда, что одна политическая свобода не может коренным образом улучшить положение масс, были «бешены». А на стр. 138 вопреки этому утверждению оказывается, что эбертисты тоже требовали раздела имуществ: они видели цель революции в социальном равенстве. Легко ли будет читателю создать себе ясное представление о якобинцах и характере их диктатуры? Я не утверждаю, что у автора неправильное представление о якобинской диктатуре. Но вследствие нечеткости некоторых характеристик, вследствие их несогласованности читатель может легко придти к неправильным выводам.

Нелегко будет читателю разобраться и в американских партиях 30—40-х годов. Демократическая партия «превратилась в партию блока рабовладельцев Юга, западного фермерства, а также части северной буржуазии» (стр. 418). Виги — «партия блока буржуазии и плантаторов», «в частности текстильных фабрикантов северо-востока и плантаторов юга». К тому же в ней «имелось крыло... фермеров и частью буржуазии Запада» (стр. 419). Везде «блоки», а по существу везде они состоят из одних и тех же элементов. Следовательно, уже в 40-х годах обе партии по социальному составу идентичны? Если это хотел сказать автор, то это надо было сказать прямо и не путать читателя «блоками». Если же он хотел подчеркнуть известные оттенки в социальном составе партий и их руководства, то это ему не удалось. Точно так же, когда автор говорит на стр. 432, что акт о гомстедах — первый шаг к уничтожению рабства, это неточно и совершенно непонятно для читателя.

При излишней подробности изложения в отдельных частях по некоторым вопросам учебник не дает необходимого. О прудонизме говорится в трех местах, но достаточно полной и ясной его характеристики в книге нет. Слишком сжато дан и анархизм, притом его характеристика весьма неточна: разве дело в том, что анархисты «относятся враждебно» к роли государства в «истории человечества»? И разве марксисты спорили с анархистами по вопросам философии истории? Недостаточно сказано о «феодальной реакции» накануне революции и о политических настроениях дворянства. Нет ничего о росте революционного настроения масс, об их выступлениях в предреволюционную эпоху. Как это ни странно, нет даже «дела Ревейона». Очень бегло и очень обще характеризовано лионское восстание 1831 года.

Неточные формулировки очень легко могут перерасти в формулировки неверные. Примером может служить рассуждение о «прогрессивном» характере присоединения Екатериной белорусских областей (стр. 540) — ведь это присоединение привело к тому, что мы имеем теперь Белорусскую советскую республику. Это рассуждение может быть распространено на все завоевания царизма. Остается лишь пожалеть, что царизм не покорил всей Европы. Очевидно, авторы забыли определение царизма как тюрьмы народов.

Не вполне свободен учебник и от прямых фактических ошибок. В перечислении владений Швеции в XVIII в. нет Финляндии (стр. 9), в перечислении территорий Турции нет балканских земель. Отчет Неккера отнесен к 1787 году (стр. 62). О вето короля по конституции 1791 г. не сказано, что оно не было абсолютным, что создает ложное представление (стр. 73). Кондорсэ был избран в Законодательное собрание не от Жиронды (стр. 87), а от Парижа. Явным ляпсусом является утверждение, что после сентябрьских событий 1793 г. «во главе» комитета общественного спасения стояли Билло-Варенн и Колло д'Эрбуа (стр. 119). Нельзя видеть недостаток проповеди «бешеных» в том, что они будто бы требовали распределения не по труду, а по потребностям (стр. 130). Принцип распределения по потребностям есть принцип высшей фазы коммунизма, и его признание никак не может служить доказательством грубой уравнительности. Вообще применять слова «распределение по потребностям» не к коммунистам, а к сторонникам дележа можно только с соответствующим разъяснением. Неверно, что Россия получила в 1793 г. Украину, Подолию и Волынь (стр. 190), ибо Галиции она не получила, а прочие части Украины (исключая Подолию и Волынь) уже ранее принадлежали России. Непонятно, как в 1812 г. могут выноситься приговоры по закону 1813 г. (стр. 197). Маркс переехал в Париж в 1843 г., а не в 1844 г. (стр. 291). Неправильно, что в «Философии нищеты» Прудон выдвигает план преобразования капиталистического общества в социалистическое (стр. 295): если уж применять здесь термин «социализм», то следовало оговорить, что это был за «социализм». Не следует идеализировать то применение, которое «в наши дни» американские империалисты дают доктрине Монро (стр. 411).

В стиле учебника очень ясно чувствуются различия в индивидуальностях авторов и недостаточность редакционной работы. Попадается немало нескладных фраз.

Очень досадно, что приходится отмечать такое количество недостатков в прекрасном по замыслу труде. Очень досадно, что эти недостатки могут помешать правильной оценке значительных достоинств книги. Авторы учебника мобилизовали и ввели в обиход читателя-студента очень большой фактический материал. Они дают этому материалу в основном правильное марксистско-ленинское освещение. Для достижения этих результатов они должны были проделать очень большую работу. Если эта работа все же не полностью отвечает своим целям, то необходимо вскрыть причины этого явления, чтобы устранить их при переработке книги.

Мне представляется, что наличный состав авторов и редакторов при иных условиях мог бы справиться со своей задачей гораздо лучше. Их полному успеху препятствовали два обстоятельства. Книга составлялась в совершенно исключительной спешке.

Штурмовщина в научной работе, к сожалению,—явление у нас обычное. Но она может приводить к удовлетворительным результатам лишь при исключительно хорошей организации. Второй причиной недочетов учебника и должно считать недостаточную организованность работы. Ясно, что квалифицированный авторско-редакторский коллектив должен был заметить все перечисленные выше «огрехи» и устранить их. Но редакторы не проявили необходимой жесткости в отношении авторов, не подвергли взаимной проверке друг друга. Твердой редакторской руки в учебнике не чувствуется.

Пожелаем, чтобы коллектив авторов учебника смог спокойно и без спешки выправить все недочеты книги для ее второго издания. Пожелаем, чтобы редакторы проявили в этой работе необходимую бдительность и строгость.

В. Волгин

ОТЧЕТ

об обсуждении 1-й части учебника для вузов по «Новой истории» на заседании кафедры новой истории исторического факультета Московского государственного университета

Выход в свет учебника «Новой истории» для вузов вызвал большой интерес, в частности в широких научных и студенческих кругах. Кафедра новой истории исторического факультета МГУ обсуждала первую часть учебника 3, 9, 15 и 16 марта 1940 года. Обсуждение собрало значительную аудиторию, состоявшую главным образом из студентов, а также аспирантов. Присутствовали работники и ряда других вузов и научных учреждений. Ниже дается краткий отчет состоявшегося обсуждения.

Первым на совещании получил слово один из редакторов учебника, академик Е. В. Тарле. Он заявил: «Я лично смотрю на это первое издание, как на такое, которому пришлось, к сожалению, играть роль макета, потому что Соцэкгиз торопился выпустить книгу и не дал макета. Конечно, если бы во-время был выпущен макет, редакция могла бы использовать критику уже для первого издания». Ряд недостатков учебника акад. Тарле об'ясняет крайней спешкой, при которой делался учебник, и ограниченностью его размеров. Второе издание должно быть значительно улучшено, тем более что, по словам акад. Тарле, Соцэкгиз увеличивает размеры учебника.

Вслед за этим заведующий кафедрой проф. М. Зоркий сделал краткое введение к предстоящему обсуждению учебника. Тов. Зоркий указал на то, что редакторы и составители нового учебника находились в особо благоприятных условиях, так как их задача была с предельной ясностью сформулирована в замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника новой истории и в ряде работ товарища Сталина. Таким образом, говорит тов. Зоркий, и при обсуждении учебника у нас есть совершенно отчетливый критерий: наше обсуждение должно в первую очередь разрешить вопрос о том, в какой степени учебник отвечает требованиям современной науки, т. е. тем требованиям, которые были выдвинуты товарищем Сталиным, нашей партией и правительством.

Затем тов. Зоркий предоставляет слово члену редакторского коллектива тов. Ф. А. Хейфец.

Тов. Ф. Хейфец отметила, что авторский коллектив, отправляясь от указаний товарища Сталина, стремился показать на конкретном историческом материале противоположность между буржуазной революцией конца XVIII столетия и Великой Октябрьской социалистической революцией; показать, как идеология марксизма, вытесняя все мелкобуржуазные сектантские теории, стала к концу 60-х и началу 70-х гг. XIX в. ведущей в рабочем движении. Это были основные проблемы, которые авторы ставили перед собой. В то же время авторы стремились, как отмечает тов. Хейфец, чтобы учебник был доступен массовому читателю и в то же время был написан на высоком теоретическом уровне.

Указав на трудности, которые встретили составители учебника: отсутствие в прошлом подобных учебников, неразработанность ряда основных исторических проблем, сильная спешка,— тов. Хейфец подчеркивает, что, работая над учебником, авторам и редакции пришлось пересмотреть большой исторический материал и поставить ряд новых проблем. Тов. Хейфец считает, что работа, проделанная над учебником, по существу, имеет научно-исследовательский характер, в частности постановка таких проблем, как вопрос о якобинском блоке, о характере гражданской войны в США и т. д. Ряд вопросов в учебнике разработан на конкретном материале впервые, например вопрос о народном характере французской буржуазной революции. Обсуждение учебника в МГУ должно явиться, по мнению тов. Хейфец, первым шагом к подготовке 2-го издания учебника.

Выступивший затем аспирант Георгиев, отметив, что 1-я часть «Новой истории»

является весьма ценным вкладом в учебную литературу, подверг критике отдельные стороны учебника. Академичность, сухость преобладают в учебнике, заявил тов. Георгиев. Это особенно касается личных характеристик; например характеристики Дантона и Пальмерстона даны слишком бегло. Недостаточно внимания уделено вопросу о международных отношениях. Указание товарища Сталина о контрреволюционной, грабительской роли английской буржуазии начиная с французской революции и вплоть до наших дней должно было лечь в основу всего изложения международных отношений этого периода. Эта задача, по мнению оратора, выполнена лишь частично и далеко не достаточно: не выпячена роль Англии как вдохновителя всех коалиций против французской республики, слабо освещена позиция Англии в связи с восстанием в Польше в 1831 г., политика Англии в период 1848 г., в период гражданской войны в США и т. д. Тов. Георгиев предлагает во 2-м издании дать отдельную главу о международных отношениях. В заключение он отмечает диспропорции в отдельных частях учебника. Например лионским восстаниям уделено чересчур мало места, всего полстранички.

Доцент Шнейдер отмечает то место в учебнике, где авторы утверждают, что «Декларация прав» возвестила начало эпохи капитализма (стр. 70), тем самым они как бы отрицают капиталистический характер мануфактуры. Между тем на стр. 158 в учебнике приведены слова товарища Сталина о том что «буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества»[1]. В учебнике, по мнению тов. Шнейдера, необходимо было указать, что абсолютная монархия во Франции развилась на основе юридического института: «Нет земли без сеньера». Тов. Шнейдер считает, что следовало дать более четкую характеристику Дантона и оценку его деятельности современной историографией. Наконец, он считает, что в учебнике недостаточно места уделено Австро-Венгрии.

Аспирант Дудель полагает, что в учебнике достаточное число исторических фактов, но они недостаточно обобщаются. В учебнике для вузов, говорит тов. Дудель, должны быть даны хотя бы самые основные черты экономической истории Европы. Между тем вот что, например, говорится в этом отношении о Германии начала XIX в. (стр. 197): «Под влиянием французской революции и ее революционных войн, а затем наполеоновских, в Германии произошли крупные изменения». Остается неясным, какие изменения. Что же представляла собой Германия в этот период? Этого в учебнике нет. Надо поставить вопрос и о конструкции учебника. Из-за неправильной расстановки материала получается, например, что характеристика отдельных представителей утопического социализма дана в трех местах; нельзя писать о французских великих утопистах в одной главе, а об Оуэне — в другой, это неправильный методологический подход к вопросу. Не приходится доказывать значение утопического социализма в подготовке идей научного социализма. По мнению тов. Дудель, вопрос об утопическом социализме надо выделить отдельно и вообще подумать о структуре глав в учебнике.

Доцент Конюшая делает замечания о главе «Французская революция XVIII в.». Самое изложение французской революции, особенно раздел о якобинцах и о «бешеных», в общем оставляет неплохое впечатление, а раздел о борьбе внутри якобинского блока просто показался интересным и важным. Главы 4, 5, 6-я написаны слабее. Главы, посвященные описанию Франции накануне революции, должны были вскрыть, почему революция стала неизбежной именно к концу XVIII века. Это показано в учебнике недостаточно. Ни словом не упомянута в учебнике «русская школа», так много сделавшая для разрешения вопроса о характере земельной собственности во Франции. В учебнике недостаточно ярко обрисовано положение крестьян; имеется голое перечисление повинностей и налогов, но не дано конкретного и живого представления о положении крестьянства. Следовало бы показать нагляднее процесс диференциации крестьянства, тем более что наукой собран уже на эту тему значительный материал. Было бы интересно, говорит далее тов. Конюшая, показать особенности французской буржуазии в тот период, ее отличие от английской. Наконец, недостаточно в учебнике показаны и народные волнения. Отметив в учебнике отдельные ошибки, например встречающееся в ряде случаев несоответствие заголовка и текста, некоторые неудачные выражения, тов. Конюшая заканчивает пожеланием в будущем в библиографии указывать не только исследования, но и документы, в особенности, конечно, издания, имеющиеся в СССР. Это стимулировало бы самостоятельную работу студенчества.

Аспирант Сурат считает общим недостатком учебника то, что авторы часто избегают точных и конкретных определений и обобщений, ограничиваясь констатацией. Между тем это учебник, на котором будут воспитываться тысячи советских учителей. Далее, по мнению оратора, в учебнике очень плохо обстоит дело с историей идей. Ничего не сказано о физиократах, нет даже пояснения, кто это такие; дата смерти Монтескье указана неверно; говорится, что «Персидские письма» Монтескье написаны под влиянием Вольтера, что неверно. Тов. Сурат указывает, что в учебнике Оуэн оторван от Сен-Симона, идеи и облик этих двух гениев человечества даны совершенно неудовлетворительно. При изложении «Коммунистического манифеста» пропущена третья глава «Манифеста» — глава об идеях. Далее тов. Сурат останавливается на вопросе о якобинской диктатуре. На стр. 111 учебника сказано: «Якобинцы представляли блок передовой революционной бур-

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 111. 11-е изд.

жуазии, в том числе и мелкой буржуазии, и плебейских масс Франции». Это противоречит неоднократным указаниям В. И. Ленина и указаниям Маркса о том, что якобинская диктатура была диктатурой низов, что якобинская диктатура была диктатурой революционных плебейских слоев и якобинцы выражали интересы лучшей, наиболее крайней части французского общества того времени. Далее, на стр. 146, сказано: «Гибель эбертистов и дантонистов и вся политика робеспьеристов... сузили социальный базис якобинской республики»; на стр. 141 также говорится, что «гибель эбертистов и дантонистов сузила социальный базис якобинской республики и была прологом событий 9 термидора». На основании этих мест можно сделать неверный вывод, что дантонисты были опорой якобинской диктатуры.

Только небрежностью автора, по мнению тов. Сурата, можно объяснить, что на стр. 501 в связи с вопросом о целях и задачах I Интернационала неверно пересказано место из «Учредительного манифеста»: «Рабочие ведут борьбу... «за уничтожение всякого классового господства», за экономическое освобождение трудящихся, задачам которого должна быть подчинена политическая борьба». В конце этой фразы опущены слова «как средство», т. е. те именно слова, которые всегда опускались оппортунистами. Далее автор главы указывает, что «марксизм со времени I Интернационала завоевывает господствующее положение в рабочем движении», упуская из виду, что это противоречит ленинской оценке. Ленин говорит, что марксизм завоевывает господствующее положение в рабочем движении «со времени Интернационала и Парижской коммуны». Наконец, на стр. 69 автор допустил фактическую ошибку, указав, что 4 августа «собрание приняло решение о национализации церковной земельной собственности», что, по существу, неверно.

Студентка Зорина говорит, что студенты с большим нетерпением ждали выхода учебника и что он удовлетворяет их. Тов. Зорина считает, что в учебнике необходимо пополнить портрет Наполеона одним очень важным штрихом: несмотря на защиту им интересов буржуазии он был и оставался всегда корсиканским дворянином. Известно, что он в 1812 г. не решился поднять в России крестьянство против помещиков. Он нередко кокетничал с легитимистами и старой, титулованной аристократией. Наконец, такой факт: в своем предсмертном завещании Наполеон рекомендует брату Жозефу выехать из Америки, поскольку ему в Америке не удастся выдать замуж своих дочерей за представителей аристократических фамилий.

Доцент Белкин считает, что ряд вопросов в учебнике разработан неплохо, например вопрос о справедливых и несправедливых войнах, о термидорианском перевороте и ряд других. Но основная слабость учебника — некоторая боязнь делать выводы, давать марксистские обобщения. В учебнике очень много мелких фактов, которые перегружают его, за их счет можно было бы дать больше теоретических обобщений. Основными недостатками учебника являются, во-первых, неправильное разрешение ряда существенных проблем; во-вторых, то, что ряд важных проблем не поставлен; в третьих, в учебнике часто нет выводов или даны неправильные выводы. И, наконец, в учебнике большое количество фактических ошибок. Автор главы о французской революции идеализирует якобинцев, его изложение дает возможность сделать вывод, что якобинская диктатура будто бы вышла за рамки буржуазной революции. Это глубоко неверно. Говоря об отношении якобинской диктатуры к аграрному вопросу, автор на стр. 101 пишет, что «они требовали перераспределения земельной собственности в интересах широких крестьянских масс». Эта характеристика не верна: якобинцы были против конфискации земли, против ее передела, а когда стояли у власти, и не думали о конфискации дворянских земель. Авторы учебника дали неверные характеристики ряду политических партий. По мнению тов. Белкина, из того, что говорится в учебнике о жирондистах, можно сделать вывод, что жирондисты весной 1793 г. стремились опереться на массы. Это неверно. Неправильна в учебнике и характеристика «болота».

Если бы автор соответствующей главы учебника взял третий том сочинений Маркса и просто списал бы оттуда,— было бы лучше. Маркс пишет: «Жирондисты всегда имели большинство, когда дело касалось партийных споров... Гора имела большинство в важных, общего интереса вопросах». «Болото», как и Дантон, который, сидя на скамьях Горы, «до известной степени был вождем Болота», считало, что «вместо того, чтобы вести войну с жирондистами, необходимо заставить их поддержать Гору для того, чтобы общими усилиями спасти Республику», т е. у «болота» была своя линия [1].

Неправильно охарактеризованы и дантонисты. На стр. 142 говорится: «После гибели эбертистов и дантонистов, робеспьеристы остались единственной монтаньярской группировкой, отражавшей в революционном правительстве народные интересы и демократические задачи революции». В этой фразе три ошибки: дантонисты не были в составе революционного правительства, не отражали народных интересов, они не отражали демократических задач революции.

Далее тов. Белкин отмечает, что в целом ряде глав в учебнике не соблюдена хронологическая последовательность изложения — это большой минус учебника. Описание экономического состояния Франции накануне революции дано статично, не видно нарастания противоречий; это относится и к характеристике положения крестьянства; во время кризиса 1776 г. было всего 1100 тысяч бродяг, а накануне революции — до 3 миллионов человек. В учебнике плохо разработаны такие мо-

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. III, стр. 609—610.

менты, как феодальная реакция, раскол в среде дворянства и др. Наконец, учебник изобилует фактическими ошибками и неточностями, которые можно отнести лишь к небрежности; только небрежностью можно объяснить, например, то, что в тексте три раза употребляется термин «старый режим».

Проф. Хвостов считает, что 1-я часть учебника «Новой истории» является серьезной марксистской книгой, в которой правильно разрешены основные проблемы. Однако многие существенные вопросы все же остались неразрешенными. Основной недостаток книги: Франция, несомненно, «съела» все другие страны; все вращается вокруг Франции. Очевидно, тут требуется весьма существенная переработка.

В учебнике слишком слабо отражена история общественной мысли, а история утопического социализма является одним из самых слабых параграфов книги. В целом основные проблемы эпохи в учебнике разрешены правильно.

Аспирант Санин считает, что вопросам культуры в учебнике уделено очень мало места: деятели культуры в учебнике называются лишь в связи с теми или иными их меткими афоризмами. Так, Кант в учебнике упомянут не потому, что он написал «Критику чистого разума», а потому, что он видел во французской революции торжество разума. Гете попал в учебник лишь за свои слова о Вальми, а Байрон — за то, что ему посчастливилось умереть в Греции. О базельском мире в учебнике говорится, что Пруссия, по этому миру, признала права Франции на левый берег Рейна. Это не совсем правильно. Первоначально вопрос шел о признании Батавской республики, но в силу тайных соглашений Пруссия при заключении мира дает свое согласие на присоединение к Франции левого берега Рейна. Это существенным образом меняет дело, потому что заключение мира могло идти не на пользу Франции. Есть еще одно неверное место: на стр. 174 говорится, что Англия была вынуждена пойти на заключение амьенского мира из-за опасения высадки французского десанта. Это неверно: после неудачи Гоша в 1796 г. такого опасения не было. Основной причиной поворота Англии к миру являлось ее внутреннее положение: в это время в Англии не прекращались бунты и восстания. Кроме того английские правящие классы надеялись, что Наполеон, став властителем, восстановит во Франции прежние, дореволюционные отношения. Неточно формулирован и вопрос о венском конгрессе; в учебнике говорится, что решения конгресса были опрокинуты под ударами революционной волны и просуществовали недолго; это неверно: во-первых, они просуществовали очень долго, оказав свое влияние на весь последующий период истории; во-вторых, решения венского конгресса пали не только под ударом революционной волны: сами государи и правительства — участники трактата — постоянно его нарушали: русский царь уничтожил польскую конституцию, присоединил Краков и т. д.

Доцент Андич указывает, что авторы 1-й части учебника «Новой истории» находились в более благоприятных условиях чем авторы, работавшие над 2-й и 3-й частями, прежде всего уже потому, что этот период разработан значительно полнее как буржуазной, так и марксистской исторической наукой. Поэтому мы вправе требовать от авторов 1-й части «Новой истории» более глубокого и четкого освещения проблем. Следует иметь в виду, что именно в этот период произошли большие революционные потрясения, которые определили в известной мере характер дальнейшего развития европейских стран.

Глава об Англии, по мнению тов. Андич, страдает схематизмом. В ней не отмечена особая роль и положение этой страны на основе высказываний Маркса и Энгельса. Тов. Андич считает вопиющим пробелом, что в учебнике ничего не сказано об особенностях экономического развития Англии в первой половине XIX в.; между тем именно в этот промежуток времени Англия стала крупной капиталистической державой. Вообще вопросы экономики, по мнению тов. Андич, освещены в учебнике довольно слабо. Если взять политическую историю Англии, то она дана тоже неудовлетворительно. Нет необходимой характеристики английского либерализма, ничего нет о борьбе между аристократией и буржуазией, не выявлено отношение отдельных буржуазных партий к чартизму. Говоря о рабочем движении Англии в 50-х — 60-х гг., автор соответствующей главы ограничился несколькими словами о возникновении рабочей аристократии и не привел замечательную ленинскую характеристику этой аристократии. Наконец, крайне поверхностно освещен ирландский вопрос. Общим недостатком главы тов. Андич считает схематизм, недостаточное подчеркивание того, что специфично, что свойственно именно данному периоду, именно данной стране.

Студент Тартаковский заявил, что, по его мнению, на учебнике лежит печать той самой нехорошей «социологизации», на которую в свое время конкретно указывало правительственное постановление. Это отразилось, в частности, на построении учебника: из 550 страниц Франция занимает 233, Англия — 60, Германия — 58, Италия — 30, США — 46. Такое распределение материала, по мнению тов. Тартаковского, является повторением схемы, укоренившейся в прежних учебниках, в которых излагалась только история революционного движения. Печать схематизма лежит и на том, как излагаются в учебнике отдельные вопросы. В частности об ухудшении положения рабочего класса почти в одних и тех же штампованных выражениях говорится и на стр. 234, и на стр. 300, и на стр. 484. Между тем голой формулой в таком вопросе ограничиваться нельзя, и необходимо было этот тезис наполнить конкретным содержанием. Неудовлетворительно, по мнению Тартаковского, обстоит дело в учебнике не только с характеристиками вообще, но даже и с характеристиками Маркса и Энгельса, которые написаны крайне бледно и небрежно. Тов. Тар-

таковский цитирует ряд мест из учебника, которые он считает очень неясными или путаными: о восстании янычар, о ходе военных действий во время войны за независимость Северной Америки и пр. В учебнике совершенно недостаточно говорится о русском походе Наполеона и о дипломатической подготовке похода. Тов. Тартаковский предлагает хронологию в учебнике дать по странам, чтобы облегчить пользование ею. Совершенно неправильным и неоправдываемым тов. Тартаковский считает отсутствие в учебнике библиографии.

Доцент Зинич кратко отмечает некоторые пробелы в учебнике: нет разделов о культуре, нет библиографии, нет истории малых стран и др. Тов. Зинич подчеркивает широкий характер происходящего обсуждения и плодотворность критики учебника. Он полагает, что учебник надо расценивать как положительное явление.

Аспирантка Тодер посвятила свое выступление 27-й главе учебника — «Революция и реформы Мейдзи в Японии». Она отмечает некоторый схематизм и путаницу в тексте этой главы. О крестьянских восстаниях в учебнике нет ничего, кроме статистики. Есть путаница в транскрипции. Вывод тов. Тодер: фактический материал изложен в этой главе неудовлетворительно, ее надо полностью переработать.

Доцент Рубинштейн отмечает положительные стороны учебника. В нем дано связное изложение гражданской истории в хронологической последовательности, имеется довольно значительный фактический материал; слабым местом в учебнике остается обобщение фактического материала. На качестве учебника сказалось то, что редакционная работа была недостаточно углубленной; выразилось это в следующем: в учебнике ряд неточностей и ошибок, разнобой между главами, недостаточно увязан он с учебником средних веков и со 2-й частью учебника «Новой истории». Ряд периодов просто выпал из изложения: Вторая империя во Франции за период 1860—1868 гг.; германское рабочее движение 1863—1870 гг. и т. д. В учебнике имеется ряд нечетких формулировок, например на стр. 521 говорится, что «лассальянцы в 1870 г. скатились на путь сотрудничества с Бисмарком». Это неверно: их сотрудничество с Бисмарком началось гораздо раньше. Тов. Рубинштейн высказывает пожелание: поскорее исправить все, что необходимо, и выпустить учебник 2-м изданием: его с нетерпением ждут широкие массы педагогов и пропагандистов, так как 1-е издание вышло слишком незначительным тиражом.

Доцент Луцкий говорит, что наличие трудностей, которые стояли перед авторами учебника, не может служить оправданием большого числа ошибок, имеющихся в учебнике. Так, в главе, посвященной восточному вопросу, тов. Луцкий насчитывает на 6 страницах до 40 фактических ошибок. Например в учебнике говорится, что кучуккайнарджийский договор давал России право защиты всего православного населения Турецкой империи — в действительности в тексте договора об этом ничего не сказано. На стр. 377 говорится, что «Турция лишилась части своих владений: Бессарабия была закреплена за Россией, Далмация и Иллирия — за Австрией». Между тем Далмация и Иллирия не были турецкими владениями. На стр. 382 говорится, что «после 11-месячной осады героически оборонявшийся Севастополь прекратил сопротивление. В то же время русские войска под давлением Австрии и Пруссии вынуждены были очистить дунайские княжества». На самом деле эти события происходили в разное время: дунайские княжества были очищены в 1854 г., а Севастополь сдался осенью 1855 года. В 1-й главе, где говорится о политической карте мира, неверно дано географическое описание Османской империи: из ее состава выпали европейские владения. Там же Месопотамия и Ирак фигурируют как две разные страны. На стр. 376 арендаторы изображены как классовая группировка. Турция XVIII в. якобы делилась на вилайеты, тогда как в действительности вилайеты были образованы лишь в 1864 году.

Ошибкой является утверждение, что данничество — характерная черта турецкого феодализма, ибо данничество было введено только в отдельных провинциях Турции: в Валахии, Молдавии, Египте; в период автономии платила дань Сербия. В большей же части Турции существовало не данничество, а военно-ленная система. По мнению тов. Луцкого, глава по восточному вопросу должна быть написана заново.

Аспирант А. Хейфец говорит, что идеи «Краткого курса истории ВКП(б)» не нашли должного отражения в учебнике. Хотя в учебнике и говорится о том, как возникла социалистическая теория Маркса и Энгельса, как эта социалистическая теория соединилась с рабочим движением, как возникли первые партии рабочего класса, но говорится обо всем этом поверхностно.

Не дано в учебнике развернутой характеристики марксизма как стройного научного мировоззрения. А ведь всем известно, что на стр. 11 «Краткого курса истории ВКП(б)» в сжатой, но ясной форме, на ¾ страницы, такая характеристика дана.

Из оценки на стр. 336 тактики Маркса и Энгельса в 1848 г. следует, что решающим условием победы пролетарской революции в 1848 г. могла быть только война Германии против России. Верно, что Маркс и Энгельс выступали за революционную войну против царской России. Но они не связывали вопроса о революционной войне против России с вопросом о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Это два разных вопроса, в тот период еще не было основных предпосылок для перерастания революции в пролетарскую.

Относительно восточного вопроса авторы учебника ограничиваются заявлением, что «четкую характеристику восточного вопроса мы находим у Маркса и Энгельса». Попытка выяснить существо этого важного вопроса дается, но как-то изолированно от Крымской войны, от революцион-

ной ситуации. Остается неясным, почему Англия была сторонницей сохранения статус кво в восточном вопросе.

Турции даны две исключающие друг друга характеристики. На стр. 375 говорится: «В то время как в западноевропейских феодальных государствах процесс разложения феодализма уже зашел далеко, в Турции покоренные области, обложенные данью, обессиливались непрерывными поборами. Их развитие задерживалось». А несколькими строчками ниже сказано: «К тому же окраины Турции, в особенности Египет и Балканы, опережали в своем развитии коренные турецкие области». Недостаточно развернуто показано изменение международного положения в итоге Крымской войны.

Студент Ольшанский отмечает появившуюся недавно в «Известиях» рецензию на первую часть учебника «Новой истории». «Мне кажется,— говорит тов. Ольшанский,— что та критика учебника, которая была в «Известиях», не способствовала и не помогла развитию исторической мысли дальше, не помогла студентам как следует разобраться в учебнике». Далее тов. Ольшанский указал, что характеристика крестьянства в Японии в период «революции Мейдзи» дана в учебнике в слишком общих выражениях, что нет ни слова о расслоении крестьянства. Недостаточно четко в учебнике характеризуются революция 1868 г. и ее причины. Относительно культуры Японии в учебнике отмечается, что Япония много позаимствовала у других стран; попутно следовало бы показать, что создал и сам японский народ. Не указаны также специфические черты исторического развития Японии, например «живучесть» самурайства и т. д.

Проф. Старосельцев указывает, что в учебнике очень много фактических ошибок и вообще нечетких формулировок. Приводя доказательства этого утверждения, тов. Старосельцев ссылается не только на учебник, но и на пример из методического пособия, изданного под редакцией также проф. Ефимова, в котором отмечает ряд ошибок, аналогичных учебнику.

Далее тов. Старосельцев считает, что наличие множества ошибок, которые перечислялись выступавшими товарищами, можно объяснить только методами работы авторского коллектива: авторский коллектив недостаточно привлекал актив историков-специалистов и, в частности, молодых историков; в процессе работы над учебником отсутствовала должная критика и самокритика. Основные проблемы авторский коллектив не ставил на широкое обсуждение. Это, несомненно, сказалось на качестве учебника в целом и, в частности, привело к массе ошибок в главах о Востоке и о колониальных странах. Что касается главы о Японии, то в ней не дано четкого анализа японского феодализма и даже не приведена исключительно яркая характеристика Маркса по этому вопросу. Имеется разнобой между 1-й и 2-й частями учебника. Так, на стр. 452 1-й части указано, что за десятилетие с 1868 г. в Японии было 130 крестьянских восстаний, а в некоторых из них участвовало до 300 тысяч человек. А во 2-й части учебника «Новой истории», редактором которой также является проф. Ефимов, на стр. 353, говорится, что «с 1868 по 1878 г., т. е. в течение первого десятилетия после событий 1868 г., было зарегистрировано 185 крупных крестьянских восстаний. В некоторых из них участвовало по 200—250 тыс. человек». Я лично считаю и те и другие цифры неверными. Говоря о крестьянских восстаниях, автор не дает характеристики ни одного из них.

На стр. 447 говорится, что конфуцианство есть религия, которую китайцы исповедывали до прихода европейцев. Конфуцианство — не религия, и это хорошо известно любому студенту истфака.

Тов. Старосельцев, приведя цитату со стр. 397 учебника о разрешении тайпинами земельного вопроса, указывает, что тайпины не только разрешили земельный вопрос: они требовали, как говорил Маркс, полного уничтожения частной собственности. Был издан закон о земле, и во многих районах, занятых тайпинами, он проводился в жизнь. Закон этот предусматривал земельное равенство и принцип подушного наделения землей.

В учебнике уделено крайне мало внимания историческим деятелям, а в Японии их почему-то вообще не оказалось. Характеристика видного вождя тайпинского движения Ян Сю-цина дана в духе буржуазных авторов; эта оценка немарксистская.

По мнению тов. Старосельцева, главы по истории Японии и колониальных стран Востока требуют переработки. Учитывая, что по нашим учебникам будут учиться миллионы молодежи, тов. Старосельцев считает, что авторы этих глав не справились со своей задачей.

Преподавательница Гейликман (Саратов) говорит, что вопросу развития идей в учебнике уделено мало внимания. Глава «Маркс и Энгельс», по мнению тов. Гейликман, нуждается в основательной переработке, так же как и глава «Венский конгресс». Последняя по своему содержанию мало чем отличается от соответствующей главы учебника Кареева. По мнению тов. Гейликман, нужно было бы показать отчетливее расстановку сил на венском конгрессе и после него и подчеркнуть, что Англия была заинтересована в раздроблении Германии, так же как Австрия — в раздроблении Италии.

В вопросе о воссоединении Италии допущена фактическая ошибка: указывается, что 11 июля 1853 г. на свидании Наполеона III с австрийским императором Франция получила Ниццу и Савойю. Это неверно. Учебник не показывает позицию Маркса и Энгельса в вопросе о воссоединении Италии.

Преподаватель Нарочницкий признает, что в учебнике есть немало ошибок в отдельных главах, однако это не дает оснований для отрицательного вывода об учебнике.

К числу недостатков учебника следует отнести разрыв между ним и учебником средних веков. Чтобы заполнить этот разрыв, авторы учебника вынуждены были

пускаться в экскурсы, а это привело их к неудачным формулировкам и неточностям. Во II и III разделах учебника есть только история Франции, история других стран фактически отсутствует. Следовало бы выделить в особую главу международные отношения, в частности в период французской революции конца XVIII в. и в 50—60-е гг. XIX века. В учебнике необходимо переделать некоторые главы и даже целые разделы, например разделы II и III, которые неудачно сконструированы. В них надо поместить ряд материалов по другим странам, кроме Франции. Серьезной переработке подлежит также и глава о Франции перед революцией.

К числу фактических ошибок в учебнике принадлежат утверждения, что в Пильнице и Рейхенбахе были заключены союзы Австрии и Пруссии против Франции (стр. 80 и 88). В учебнике поверхностно освещена роль царизма в отношении французской революции. Тов. Нарочницкий считает желательным в новом издании после каждой главы давать ее резюме. В стиле и языке учебника, написанного группой авторов, надо добиться большего единообразия. В заключение тов. Нарочницкий назвал целый ряд глав, которые, по его мнению, написаны хорошо и нуждаются лишь в незначительных изменениях.

Доцент Эггерт считает, что учебник перегружен в некоторых местах фактами; это лишь затрудняет усвояемость его. Например в главе о Реставрации есть раздел «О политической борьбе». Здесь голое перечисление министерств периода Реставрации. Это совсем излишне. С другой стороны, в учебнике недостаточно обобщений, а даже зачастую и объяснений. Например на стр. 465 написано: «Законом 2 марта 1850 г... были определены отношения между помещиками и крестьянами». Но почему был принят этот закон, что заставило прусское правительство пойти на урегулирование отношений между помещиками и крестьянами,— об этом не сказано ничего. Недостаточно развит вопрос о таможенном союзе; необходимо в главе о воссоединении Германии поставить вопрос о причинах возобновления таможенного союза. Недостатком учебника является и непродуманная периодизация, благодаря чему изложение некоторых процессов, как например воссоединения Германии, останавливается на полпути. В заключение тов. Эггерт отмечает, что авторским и редакторским коллективами, составлявшими учебник, была проделана большая работа.

Аспирант Косорез в своем выступлении остановился на главе, посвященной Испании. Он считает, что конкретная история Испании в учебнике не показана. Неверно изображена роль Англии, которая только на словах выдавала себя за друга испанского народа, а на деле стремилась прибрать к рукам испанские колонии.

Студент Поспелов подверг критике главу о I Интернационале; он считает ее одной из самых слабых в учебнике и полагает, что в новом издании эту главу необходимо будет написать заново.

Аспирант Меламед указывает ряд упущений и неточностей в учебнике.

Доцент Веббер считает, что учебник подводит итог достижениям советских историков. Расширение учебника он считает нежелательным: это превратит его в многотомник Всемирной истории.

Проф. Авербух в своем выступлении ответила на ряд замечаний, сделанных по поводу написанных ею глав учебника.

Проф. А. Ф. Кон указывает на ряд ошибок и упущений в учебнике, связанных с историей хозяйства и историей техники. Он подвергает критике также главу «Маркс и Энгельс».

Проф. А. В. Ефимов отметил огромное значение участия широкой общественности в обсуждении учебника, особенно активного участия молодых кадров — аспирантов и студентов. Из всех замечаний о периодизации тов. Ефимов считает правильным одно, относящееся к Франции: в 1-й части учебника изложение доводится до 1864 г., а 2-я часть начинается с крушения Второй империи; получается разрыв в несколько лет, который должен быть заполнен. Правы товарищи, указывавшие на необходимость дать историографию, и во 2-м издании ее надо будет дать.

Возражая товарищам, которые требовали дать в книге историю культуры, тов. Ефимов аргументирует тем, что культура нового времени чрезвычайно диференцируется и усложняется и обо всем рассказать просто невозможно. Однако тов. Ефимов считает, что во 2-м издании учебника, кроме глав по экономике и технике, необходимо будет дать параграф о развитии экспериментальных наук. Важнейшие же явления из области литературы и философии должны быть отражены в главах по отдельным странам, причем нужно ярче показать активную роль идей в историческом процессе.

Останавливаясь на выступлениях отдельных товарищей, тов. Ефимов отмечает ошибочность утверждения тов. Шнейдера, будто абсолютная монархия во Франции возникла из принципа «Нет земли без хозяина». В действительности же она образовалась в результате борьбы феодального класса против крестьян, борьбы среди господствующих классов на базе формирования национального рынка и борьбы короля против крупных феодалов.

Упрек тов. Дудель в том, что уделено недостаточно внимания вопросам экономики, тов. Ефимов считает неосновательным. Данные об экономике имеются в учебнике в достаточной мере.

Возражая тт. Дудель и Сурату, которые утверждали, что помещение характеристики Сен-Симона в одной главе, а Оуэна—в другой является немарксистским подходом к вопросу об утопическом социализме, тов. Ефимов ссылается на работу Ленина «Три источника и три составных части марксизма», где говорится о том, что одним из источников марксизма был французский утопический социализм, и где ничего не говорится об английском утопическом социализме. Признавая правильным указание, что на стр. 501, при пересказе одного из

мест «Учредительного манифеста», пропущены слова «как средство», тов. Ефимов говорит, что в данном месте это не цитата, что это место процитировано несколько дальше, на стр. 507, где оно приведено полностью и совершенно точно.

Упрек тов. Сурата в том, что в учебнике Луи Блан зачислен в социалисты-революционеры, необоснователен. В учебнике сказано, что социалисты-революционеры повторяли предательскую тактику Луи Блана, а это — не одно и то же. Утверждение, что в учебнике выпала 3-я глава «Коммунистического манифеста», неверно: вкратце о ней говорится в главе 20-й учебника, а основные ее положения изложены в ряде предыдущих глав. Тов. Ефимов отвергает и утверждение тов. Сурата о том, что якобинцы не представляли собой блока революционной буржуазии и плебейства. В. И. Ленин говорит, что именно в период якобинской диктатуры, в 1793 г., программу якобинской диктатуры «осуществляли наиболее революционные элементы буржуазии и плебейство»[1]. Приведя ряд цитат из учебника, тов. Ефимов доказывает необоснованность критики тов. Андич, заявившей, будто в учебнике нет ни одной строчки об экономическом развитии Англии и о борьбе аристократии с буржуазией.

Тов. Луцкий пытался найти в учебнике много ошибок. Некоторые его замечания правильны, но весьма многие неосновательны. Так, право России держать флот на Черном море было признано по адрианопольскому миру, вопреки утверждению тов. Луцкого. Европейские владения Турции не выпали из ее географического описания в учебнике, о них в тексте говорится.

Факты, связанные с походом Бонапарта в Египет, изложены в учебнике, по мнению тов. Ефимова, абсолютно правильно.

Тов. Старосельцев подверг критике главу учебника о Японии, но никаких конкретных дефектов, кроме замечаний относительно характеристики японских деятелей, не указал, между тем об этой главе имеется хороший отзыв такого специалиста по истории Японии, как тов. Е. Жуков.

Методы критики тов. Старосельцевым страниц, посвященных истории Китая, поистине удивительны. Тов. Старосельцев указывает на то, что в буржуазной литературе дается немарксистская характеристика Ян Сю-цина. Можно подумать, что эта характеристика повторена в учебнике. Между тем в учебнике о Ян Сю-цине говорится следующее: «Большую роль в восстании (тайпинов) играли и рабочие: одним из его военных вождей был поденный рабочий, сын угольщика Ян Сю-цин». Затем говорится о том, что по приказу помещиков Ян Сю-цин и многие из его сторонников были убиты. Вот все, что говорится о Ян Сю-цине. Причем же тут извращения буржуазных историков? Тов. Старосельцев пробует уверить, что все тайпины были коммунистами и что об этом писал Маркс. Между тем, как известно, Маркс этого не писал.

Тов. Старосельцев заявил: «На стр. 497 говорится, что конфуцианство есть религия, которую китайцы исповедывали до прихода европейцев. Это неверно,— утверждает тов. Старосельцев,—конфуцианство— это не религия». Но в учебнике и не говорится, что конфуцианство—это религия, там сказано, что конфуцианство — «религиозная идеология», а это правильно.

Аспирант А. Хейфец, резко критикуя учебник, по мнению тов. Ефимова, исказил его текст. Тов. А. Хейфец неправильно думает, что у Маркса и Энгельса была теория перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Как известно, эта теория разработана Лениным. Что же касается революционной войны с Россией, то Маркс успех такой войны действительно считал необходимым условием для развития буржуазной революции в пролетарскую.

Тов. Ефимов рядом цитат из учебника опровергает утверждение аспиранта А. Хейфеца, что в учебнике поверхностно показано, как социалистическая теория соединилась с рабочим движением.

Тов. Ефимов отмечает, что дискуссия принесла большую пользу, она дает возможность внести ряд существенных корректив в учебник и уточнить ряд формулировок. Вместе с тем высокий теоретический уровень ряда выступлений показал, что молодые научные кадры историков (доценты, аспиранты и студенты) серьезно работают над историческими проблемами.

Проф. М. С. Зоркий расценивает обсуждаемую книгу как первый шаг на пути к созданию марксистско-ленинского учебника «Новой истории». К сожалению, в ней немало ошибок принципиального и фактического порядка, ляпсусов и искажений. Авторам пока что не удалось дать цельной картины новой истории как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса. Освещение и объяснение событий даны во многих случаях правильно, в других — неверно, а в большом количестве случаев — вовсе не даны. Но объяснить неправильно или вовсе не объяснить некоторые стороны истории 1789—1870 гг.— значит допустить существенное искажение картины в целом.

На стр. 17 дана характеристика мануфактуры, противоречащая азбуке марксизма. Нигде в учебнике не разъяснено, какой капитализм мы называем старым, свободным; формулировка на стр. 3 неправильна: империализм совсем не является последней стадией этого старого (т. е. домонополистического) капитализма, а является последней стадией капитализма вообще. Формула «период победы и утверждения капитализма в передовых странах» из замечаний товарищей Сталина, Кирова, Жданова на стр. 537 учебника, а также в программе Комитета по делам высшей школы, составленной тем же проф. Ефимовым (стр. 31), подменена формулой о победе

[1] Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 187.

и утверждении промышленного капитализма. Это только вносит путаницу.

Глава 1-я учебника «Новой истории» представляет собой неряшливый набор плохо связанных между собой справок. Во 2-м издании главу эту необходимо заменить марксистским введением в курс новой истории, которое должно содержать отсутствующую в учебнике характеристику уровня капиталистического развития и соотношения классовых сил в важнейших странах Западной Европы к концу XVIII в., а также обоснование ленинско-сталинской периодизации новой истории, в частности разъяснение учащемуся понятия «старый, свободный капитализм».

В главах, посвященных отдельным странам, надо ярче и глубже показать своеобразие разных типов капиталистического развития, вскрыть исторические причины этого своеобразия. Проф. Зоркий напоминает письмо Ленина Степанову-Скворцову, в котором блестяще поставлен вопрос о разных типах капиталистического развития.

Англия не выступает в учебнике как «метрополия капитала», «деспот мирового рынка», какой она была в те времена. Между тем без правильной оценки роли Англии мало понятно не только развитие международных отношений, но и целый ряд крупнейших событий в истории европейского континента.

Идея противоположности буржуазной и социалистической революций должна быть осью учебника, чего отнюдь нельзя достигнуть, ограничившись одними цитатами об этой противоположности. Надо было на конкретно-историческом материале показать, как изменялись позиции и объективная роль всех классов на протяжении 1789—1870 годов. Надо было показать, как противоположность буржуазной и социалистической революций отразилась в истории идей. Надо было в свете этой противоположности шире показать роль народных масс в истории и роль прогрессивных идей, в том числе в первую очередь идей марксизма. Глава «Маркс и Энгельс» очень слаба и подлежит коренной переработке.

На стр. 541 идея непрерывной революции толкуется так: буржуазно-демократическая революция побеждает, затем превращается в перманентную, которая в свою очередь переходит в социалистическую! Этот ляпсус необходимо устранить: ни о каком промежуточном революционном звене между буржуазно-демократической и социалистической революциями Маркс, Ленин и Сталин не говорили, не это они называли непрерывной революцией, не это Ленин назвал перерастанием буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Ряд ошибок в учебнике является известной отрыжкой антиисторического стремления перекраивать факты в угоду ложно понятой «актуализации» истории, в духе пресловутой «школы» Покровского. Таково, например, утверждение о мнимой «прогрессивности» доктрины Монро в наши дни (стр. 411), трактовка японской культуры в 27-й главе, преувеличение уровня индустриального развития Чехии XVIII в. (стр. 12) и в особенности утверждение, будто насильственное расчленение Польши в XVIII в. было исторической предпосылкой того, что «теперь Белоруссия — свободная, счастливая советская федеративная (?) республика», в то время как часть белорусского народа (до сентября 1939 г.) оставалась под гнетом панской Польши (стр. 540).

В учебнике мало использован ценнейший материал по истории XIX в., который содержится в произведениях классиков марксизма, в частности в статьях и письмах Маркса и Энгельса.

М. С. Зоркий настаивает на необходимости расширить объем учебника и обратить большее внимание на литературную обработку текста. Не надо бояться широкого обсуждения и критики учебника. В результате товарищеской критики и творческой помощи всех советских историков наше студенчество в недалеком будущем, несомненно, получит полноценный советский учебник по первому разделу новой истории.

Тов. Ф. Хейфец в заключительном слове заявила, что результаты дискуссии оказались гораздо более разносторонними, чем можно было предположить. Тот широкий отклик, который вызвало появление учебника, и, в частности, данное творческое обсуждение его, организованное кафедрой новой истории истфака МГУ, весьма благотворны для роста нашей исторической науки. При обсуждении учебника был выдвинут ряд новых вопросов, не связанных непосредственно с целями, которые ставились организаторами этого обсуждения.

Обсуждение было как бы некоторым смотром наших сил на историческом фронте; оно показало, что самый выход учебника поставил в порядок дня вопрос о перестройке лекционных курсов по новой истории. Читать эти курсы так, как мы их читали до сих пор, больше нельзя. В учебнике подведены итоги большой работы, проделанной историками. Появление учебника толкнуло вперед нашу научную мысль в области истории, обсуждение же его выявило, какие проблемы требуют дальнейшей кропотливой научно-исследовательской работы. Обсуждение учебника показало также, что на истфаке МГУ имеется талантливая молодежь, она сумеет двигать вперед нашу историческую науку. Выступления некоторых аспирантов, их замечания окажут большую помощь авторам учебника; учет всех этих замечаний поможет устранить из 2-го издания учебника имеющиеся в нем недостатки.

К сожалению, говорит тов. Хейфец, наряду с дельными, правильными замечаниями делались и такие, которые не выдерживают никакой критики. К их числу следует отнести выступления тт. Белкина, Сурата, Поспелова, А. Хейфеца. Тов. Белкин обвинил автора главы о французской революции и редакцию учебника в том, что в учебнике не показана буржуазная ограниченность якобинской диктатуры, для доказательства он сослался на то, как в учебнике освещено

законодательство якобинцев. Между тем в учебнике говорится: «Революционное законодательство по крестьянскому вопросу в июле 1793 г. не уничтожило безземелья и нищеты во французской деревне; оно только покончило с феодальной эксплоатацией крестьян и устранило препятствия на пути капиталистического развития сельского хозяйства во Франции» (стр. 114). И дальше: «Таким образом, якобинцы, последовательные буржуазные революционеры конца XVIII в., уничтожив феодальный гнет, проложили путь для капиталистической эксплоатации крестьян» (стр. 114). О конституции 1793 г. в учебнике сказано, что она была демократичней конституции 1791 г., что она признавала частную собственность священной и неприкосновенной (стр. 115). И дальше сказано: «Конституция 1793 г. превратила бы Францию того времени в самую свободную буржуазно-демократическую республику в мире, но ее ограниченно буржуазный характер становится особенно понятным в свете великой Сталинской Конституции, которая гарантирует трудящимся не только политическую свободу, но также материальное благосостояние» (стр. 115). Тов. Белкин уверял аудиторию, что в 4-й главе учебника, где объясняются причины кризиса абсолютистско-феодального строя, не показаны причины, мешавшие развитию промышленности. На самом деле в учебнике указываются причины, мешавшие развитию промышленности во Франции во второй половине XVIII века. После общего замечания, что развитие промышленности задерживалось господствовавшим «в стране политическим строем и всей системой феодальных отношений», дается следующее разъяснение: «Цеховые корпорации запрещали организацию мануфактур в городах. Создание крупных капиталистических предприятий из-за этого задерживалось». И дальше: «Цеховое устройство мешало развитию промышленности. Против него была буржуазия; против него были рабочие... В существовании цехов были заинтересованы только мастера, полиция... и королевская власть... Развитие промышленности задерживала также сохранившаяся мелочная правительственная регламентация, созданная еще Кольбером» (стр. 46—47). Дальше приводятся факты, характеризующие гибельную роль правительственной регламентации для развития промышленности. Таким образом, эти утверждения тов. Белкина, по мнению тов. Ф. Хейфец, являются необоснованными. Тов. Белкин утверждает также, что учебник обходит молчанием вопрос о том, что якобинцы реквизировали рабочих для сельского хозяйства. А на самом деле на стр. 145 сказано: «Политика Комитета общественного спасения по отношению к сельскохозяйственным рабочим часто принимала характер реквизиции рабочей силы». Тов. Белкин несогласен с характеристикой в учебнике «болота», о котором сказано, что оно всегда примыкало к той партии, которая была сильней в данный момент. Тов. Белкин утверждает, что «болото» «имело свою линию». Получается, что «болото» имело свою принципиальную политику. «Болото» и принципиальность?!

Тов. Хейфец считает, что выступление тов. Белкина не было ни деловым, ни принципиальным.

Тов. Ф. А. Хейфец признает, что тов. Конюшая сделала ряд важных и ценных замечаний.

Некоторые из отмеченных ее неточностей в учебнике произошли от того, что глаз пригляделся к тексту,— в результате досадные ошибки так и остались незамеченными. Но не со всеми замечаниями тов. Конюшей можно согласиться. Нельзя согласиться с тем, что недостаточно полно показано положение крестьян накануне революции. Правда, в учебнике нет описания крестьянских восстаний во второй половине XVIII в., о них только упоминается в тексте; объясняется это тем, что авторы были очень ограничены размерами учебника.

Отвечая аспиранту Хейфецу, тов. Ф. Хейфец говорит, что с его точки зрения, глава «Маркс и Энгельс» плоха потому, что не излагается подробно содержание 3-й главы «Манифеста Коммунистической партии» (о всех направлениях домарксовского социализма). Автор данной главы учебника и редакция считают, что их задача заключалась в том, чтобы показать всемирноисторическое значение «Коммунистического манифеста», формулировку в «Манифесте» идеи о неизбежности гибели капитализма на основе изучения Марксом внутренних противоречий капитализма, показать, как изображается в «Манифесте» историческая миссия пролетариата, необходимость создания рабочим классом своей партии и неизбежность диктатуры пролетариата. Все это дано в главе «Маркс и Энгельс».

В заключение тов. Ф. А. Хейфец снова указывает на то, что обсуждение учебника даст большой толчок для дальнейшего развития нашей исторической науки; оно поможет авторам учебника и редакции сделать учебник во 2-м издании совсем хорошим.

Подводя вкратце итоги обсуждения 1-й части учебника «Новой истории», заведующий кафедрой М. С. Зоркий выразил удовлетворение активностью участвовавших в обсуждении, товарищеским характером критики и, в частности, активной ролью аспирантской и студенческой молодежи в этом обсуждении. Тов. Зоркий выразил уверенность, что недочеты учебника, о которых шла речь в прениях, будут полностью устранены во 2-м издании. Нельзя сомневаться в том, что в ближайшем будущем советская высшая школа будет располагать учебниками, вполне отвечающими тем высоким требованиям, которые предъявлены советской исторической науке партией, правительством и лично товарищем Сталиным.

Н. Ерофеев, М. Осипов

РАЗВАЛ АНГЛИИ

Мысли вслух и про себя доктора Инга, настоятеля собора св. Павла в Лондоне

WILLIAM RALPH ING. England. London. 1933. X + 306 p.
ВИЛЬЯМ РЕЙФ ИНГ. Англия[1].

Страх потерять свои сказочные богатства, исчисляемые многими миллиардами золотых рублей, преследует в XX в. всякого английского буржуазного политика, покорно служащего божеству золотого тельца. Впрочем, этот страх определял ход политики Англии издавна!

Кульминационной точкой успеха Англии в XX в. был версальский мир (1919 г.), заключенный после поражения ее серьезнейшего конкурента — Германии.

Но успех 1919 г. был «пирровой победой» — хуже иного поражения! Борьба надорвала гигантский, но уже глубоко пораженный социальным склерозом организм английской буржуазии, в течение двух столетий прибравшей к рукам почти целую четверть суши земного шара.

Угрожающе стала расти безработица в самой метрополии, в атмосфере кризиса зашевелилась парламентская интрига, замелькали недолговечные министерства, хотя и не с такой быстротой, как в Бурбонском дворце в Париже. В журнальных обозрениях и на прилавках магазинов запестрели книги и статьи с многозначительными заголовками о так называемом английском кризисе, который правильнее назвать «развалом Англии». Сколько появилось статей и книг на эту тему, и кто только не писал их то под настоящим именем, то под маской анонима или псевдонима! Тут и «благожелательный» к Англии француз Зигфрид и надменный вице-король Индии, а потом министр иностранных дел лорд Керзон, скрывший под псевдонимом «Картхил» свою фамилию на обложке книги, посвященной им «Погибшей империи», и многие другие авторы. Укажем в этой богатой литературе на книги: Фримена «Социальный упадок и возрождение», Филиппа Гибза «Пути спасения», М. Гранта «Исчезновение великой расы», Хёршо «На перекрестке», Мак-Дугала «Национальный упадок», Солтера «Выздоровление», Стрейчи «Экономика наших дней», Уэлза «Ожидания», Райта «Население», и т. д., и т. д.[2].

Изо всей этой литературы книгу Инга следует выделить как вследствие ее характерности, так и благодаря ее шумному успеху. Она вышла в первый раз в 1926 г., а затем с некоторыми дополнениями и видоизменениями переиздавалась, как было сказано, много раз и успела вызвать большое количество и положительных и отрицательных английских отзывов, свидетельствующих о том, что автор попал в цель. Интересен в данном случае не только успех книги, но и социальное положение ее автора. Он настоятель знаменитого лондонского собора св. Павла, почетный доктор церковного права университетов Оксфордского и Эбердинского, почетный доктор литературы университетов Дарамского и Шефилдского, доктор права университетов Эдинбургского и св. Андрея, член Британской академии, почетный член трех крупнейших колледжей Кембриджа и Оксфорда. Кому же верить, как не ему?.. Любопытной чертой труда почтенного ученого богослова, юриста, политика, литератора и т. д. является его специфическое, почти диккенсовское простодушие, переходящее местами даже в наивность.

---

[1] К сожалению, автору данной статьи приходится цитировать шестое издание книги Инга (1933 г.), в котором, конечно, не могли быть учтены события последних лет. С 1933 по 1939 г. вышло еще несколько изданий рецензируемой книги; в 1938 г., кроме обычного в Англии шестишиллингового издания книги почтенного доктора Инга, одновременно вышли два удешевленных многотиражных ее издания: в Англии и в Соединенных штатах — таков успех данного своеобразного труда английского духовного публициста.

[2] Sir Philip Gibbs «Ways of Escape» (1933) и «The Day after To-morrow», Madison Grant «The Passing of the Great Race» (1919); Hearnshaw F. J. «Democracy at the Crossways» (1918) и «Democracy and Labour», Mc Dougall «National Welfare and National Decay» (1921) и «Ethics and Some Modern World Problems (1923); Sir A. Salter «Recovery» (1932); St. L. Strachey «Economics of the Hour» (1923). H. G. Wells «Anticipations»; H. Wright «Population» (1923) и многие другие.

*

По конструкции книга Инга несложна: посвятив четыре десятка страниц общему историко-географическому очерку Англии, автор переходит к характеристике, как он выражается, «души Англии», затем — к очеркам ее имперской структуры, положения английской промышленности и «демократической» организации страны.

«Душа Англии» — таким несколько странным для нашего уха названием Инг обозначает то, что проще и реальнее можно назвать английским национальным характером.

Традиционный и много раз описанный в литературе характер английского народа изменился, по мнению Инга, к нашим дням так же, как меняется характер отдельного человека, когда он почувствует, что достиг вершины успеха, и заметит, что удачное стечение обстоятельств, способствовавшее его жизненным удачам, подходит к концу. Некогда, в царствование Елизаветы (1558—1603 гг.), совершилась крупная перемена если не в английском характере, то в английском темпераменте. При вступлении этой королевы на престол, пишет Джон Сили (J. Seeley), цитируемый Ингом, англичанин был настроен тревожно и угрюмо. Народ привык быть свидетелем того, как епископов жгут на кострах, а королевам рубят головы на плахе. Немного позднее англичанам пришлось иметь дело с опасностями войн, со внешними врагами, с испанской армадой. Но в царствование Елизаветы от своей прежней меланхолии англичане исцелились. Угрюмость сменилась жизнерадостной самоуверенностью и шумной национальной гордостью.

Другой подъем английская нация пережила по окончании наполеоновских войн, когда, подобно эпохе XVI в., возобновилась самоуверенная и торжествующая экспансия.

Но «результатом недавнего (1918 г.) освобождения от германской опасности уже не был и не мог быть кипучий оптимизм, подобный оптимизму эпохи Елизаветы и эпохи посленаполеоновской. Причина в том, что период европейской экспансии пришел к концу и перед Англией стала трудная задача приспособления к условиям стабильным или даже идущим вниз. Поскольку английская культура опирается на традицию, она подвергается опасности со стороны огромного количества людей, традиции лишенных, оторванных от почвы и скученных в условиях, вызывающих раздражение и даже революционное настроение при отсутствии в современном английском обществе «органических тканей», связующих всех членов «здорового» (термин доктора Инга.— *А. Я.*) общества. Во всех странах, развивших индустриализацию в большом масштабе, цивилизация встречается с новым и опасным человеческим типом, характер которого еще не достаточно известен»,— пишет автор (стр. 85—87).

Инг — горячий империалист, и его очерк развития Британской империи дышит подлинным пафосом убежденного поклонника так называемой «Большой или Великой Англии» («Greater England»).

Но «Великая Англия», т. е. мировое расширение английского господства, скопление еще бо́льших богатств, еще бо́льших объектов колониальной эксплоатации и т. д., означает и возрастание количества врагов, завистников, недоброжелателей и интриганов, как квалифицирует совокупность противников Англии Инг. Отсюда постоянный страх Англии за свою империю, за свое за последние три столетия нажитое «добро». Вот поэтому-то Англии, по словам Инга, приходится жить в постоянном страхе перед враждебными коалициями. «В течение более чем ста лет мы избегали опасности коалиций главным образом потому, что наше морское господство было гарантией благополучия для всех (!) других наций. Разделение морского и сухопутного могущества делало для всякого честолюбивого континентального правительства почти невозможным господство над в с е й Европой. Британскую империю терпели в силу молчаливо признанных условий: 1) британская армия будет численно слишком незначительной, чтобы угрожать нациям Европы, и 2) британский флот не будет использован для помехи торговле какого-либо конкурента Англии. Падение Англии низвело бы все другие нации, кроме одной (т. е. Германии.— *А. Я.*), до положения второразрядной державы. Но эта гарантия английской гегемонии была условной и непрочной. Нация, одновременно и очень богатая и сравнительно слабая в военном отношении, почти наверняка подвергнется нападению и будет ограблена,— пишет Инг.— Попытки образовать коалицию против нас, делавшиеся еще во время Южноафриканской войны (1899—1900), выявили опасность «блестящей изоляции», которой мы гордились, и союз с Японией стал выражением решительного отказа от этой долголетней политики. Несколько раз нам грозила война и с Францией и с Россией, и политика этих двух держав часто бывала столь недружелюбной, что наши государственные люди серьезно начинали подумывать о соглашении с державами центральной европейской группы (т. е. Германией и Австро-Венгрией.— *А. Я.*), с которыми у Англии традиционной вражды не было. С Италией Англия всегда была в дружбе; австрийцы и англичане от века жаловали друг друга, а что Германия может стать опасным соседом,— это мы соображали очень туго. Будь у руля германской политики государственный человек калибра Бисмарка, со стороны Германии были бы, вероятно, приняты меры, направленные к тому, чтобы не тревожить Великобританию соперничеством в программе морского строительства. Германия соблюдала бы видимость дружбы с Англией, пока она не свела бы счетов со своими врагами на западном и восточном фронтах. Но наши государственные люди, как ни неприятно им это было, убедились в том, что соглашение с Германией невозможно, поскольку эта держава не хочет воздерживаться от морского соперничества с нами и поскольку нельзя положиться на капризную

политику германского императора, демонстративно бросившего в 1898 г. Англии перчатку законом о кораблестроении. Единственным выбором для Англии тогда стало присоединение ко враждебной комбинации Франции и России. Такую политику диктовали именно соображения самосохранения, так как наши отношения с этими двумя державами были почти всегда недружелюбными. Соответственно с этим, при содействии короля Эдуарда VII, личное обаяние и такт которого делали из него ценного посредника, наши разногласия с Францией и Россией были поочереди устранены и наладились переговоры (без посвящения в это дело публики.— *А. Я.*) о кооперации Англии и Франции в случае возникновения европейской войны» (стр. 117—119).

Впрочем, по мнению Инга, были люди, думавшие и тогда, что сделка с Германией возможна. Но как могла Англия вступить в сделку с державой, систематически бросавшей вызов нашему морскому господству, на котором висит наше существование?!

«Забывают иногда,— сожалеет автор,— что большая промышленная нация не может существовать только с чьего-то милостивого разрешения. Кредит страны, столь важный для промышленности и торговли, был бы безнадежно подорван, если бы мир узнал, что Англия бессильна противостоять нападению, могущему обрушиться на нее в любой момент. Кроме этих соображений нейтралитет был невозможен или даже опасен еще и потому, что французам уже д а л и право рассчитывать на помощь Англии. Отступи правительство Англии назад, когда опасность войны надвинулась на Европу, ей пришлось бы считаться с озлоблением против нее Франции, а разве можно было быть уверенным в том, что Франция в этом случае отвергла бы предложение Германии присоединиться к ней для раздела Британской империи?

Может быть, Англии следовало высвободиться из запутанных европейских отношений и заключить союз с Америкой? Нет нации, более заинтересованной в том, чтобы высшая власть на море и на суше не попадала в одни руки, чем Соединенные штаты. Сокрушение Британской империи Германией заставило бы Америку содержать ценою огромных расходов могущественные армию и флот и готовиться к возможной войне в Южной Америке для защиты доктрины Монро. Честолюбивые притязания Германии на Южную Бразилию хорошо известны. Ни одна нация не получила благодаря Pax Britannica и охране Англией океанских путей в течение ста лет до 1914 г. больших благодеяний чем Соединенные штаты. Никакое нападение на Америку не могло быть сделано без британской помощи, а возможности нападения на Америку со стороны самой Великобритании устранялись беззащитностью Канады и чувствами кровного братства, имеющими много веса в Англии, хотя и невысоко ценимыми в Америке. Но события показали, что полагаться на помощь Соединенных штатов значило бы опираться на надломанный тростник. Сердечная дружба, связующая многих англичан с отдельными американцами, и многочисленные брачные связи с американскими семействами не должны заставлять нас закрывать глаза ни на поглощение внимания американцев только тем, что они считают своим собственным интересом, ни на господствующее в Америке недружелюбие к Англии, часто выражаемое ее политическими деятелями и журналистами. Можно считать доказанным, что американское правительство в начале великой войны серьезно думало даже о выступлении против Англии. Если в последующие расчеты американцев и вошла некоторая доля чувства, то чувство это относилось к Франции, а не к Англии. Обрушься в будущем на нас европейская коалиция, англичане должны считать вероятным, что Соединенные штаты предоставят их своей собственной участи, за исключением того случая, когда на Англию произвели бы нашествие чернокожие армии. Трудно найти хорошо осведомленного американца, как бы благожелательно он ни был настроен к Англии, который стал бы утверждать, что дружба с Америкой может в какой-нибудь степени содействовать нашей безопасности и что при теперешних условиях Англии н е в о з м о ж н о высвободиться из пут европейской политики. Наше островное положение, от которого мы так много выиграли в прошлом, имеет гораздо меньшее значение в наши дни.

Великая война 1914—1918 гг. была решена,— полагает Инг,— как и прежние войны, морскими силами, хотя уже тогда обозначились зловещие для англичан признаки, говорящие о том, что это, вероятно, последняя война, решаемая на море. Если бы мы не помогли союзникам, борьба на Западе закончилась бы, как в этом едва ли можно сомневаться, в течение очень немногих месяцев, а Россия, потеряв надежду на победу, покорилась бы Германии еще в 1915 г. (? — *А. Я.*). Долгую войну, войну на истощение, сделала возможной только морская сила, и именно благодаря этой силе ресурсы Германии и сдали быстрее чем ресурсы союзников. Если мы учтем, что от исполнения своих обязательств придти на помощь Германии и Австрии Италию удержал страх перед английским флотом, что снабжение из Америки поступало правильно к западным союзникам благодаря защите английского флота, что германская заграничная торговля была этим флотом сразу задушена, что германская военная организация была связана отсутствием некоторых нужных материалов и что гражданское население доведено было блокадой до серьезных лишений,— то не останется и тени сомнения в том, что британский флот, хотя он и дал только одно серьезное морское сражение, не увеличившее к тому же нашей морской славы, был решающим фактором войны».

«Когда я был в Берлине,— пишет Инг,— в гостях у очень крупного германского публициста, года за 3, за 4 до войны (1914 г.), я удивился странному забвению моего хозяина об опасности, грозящей Европе со стороны Соединенных штатов. Я пытался доказывать ему, что для эпохи преобладания Европы остается срок лет в

50, до тех пор пока центр власти и богатства не передвинется окончательно за Атлантический океан. Если разразится большая европейская война, то срок этот еще сократится. Америка будет tertius gaudens[1] и окажется единственным настоящим победителем. Германия не сможет удержать в своих руках меча, а Англия — трезубца, и Европа совершит тем самым свое политическое самоубийство. Ход событий оправдал мое предсказание,— прибавляет Инг.— Британское морское преобладание пришло к концу, ибо исчезло оружие, при помощи которого мы строили и поддерживали нашу империю. Морское могущество зависит главным образом от национального богатства. Ныне мы уже не настолько богаты, чтобы строить корабли против всех возможных соперников, а американцы требуют от нас выплаты огромного долга, принятого нами на себя во имя интересов Франции и необдуманно скрепленного нашей подписью. Этим мы обеспечили за собой положение, при котором мы окажемся перманентными плательщиками Америки, неспособными сделать ей вызов на море. Нашему правительству пришлось фактически выбирать между принятием вильсоновского пункта о свободе морей, понимаемого во враждебном для Британии духе, и между соглашением относительно численного равенства британского и американского флотов.

Наше правительство разумно приняло последний вариант, потому что неограниченные ресурсы Соединенных штатов сделали бы соревнование с ними невозможным. Таким образом, положение Англии как мировой державы неудержимо клонится к худшему. Случая для военного столкновения между Британской империей и Соединенными штатами нет только потому, что наше правительство неизменно уступает Америке... В великую войну свой меч Англия обнажила формально, да, пожалуй, и в действительности (?? — *А. Я.*), во имя Бельгии, потому что раз навсегда принятым принципом британской политики был тезис, согласно которому Англия не может допустить переход гаваней Бельгии и Голландии под власть большой военной державы. Мы вели несколько войн, главным образом против Франции, дабы предупредить такой оборот дел, а теперь принуждены допустить союз между Францией и Бельгией, подчиняющий меньшую страну в случае новой войны государству более сильному. Таким образом Англия утратила гарантию безопасности, считавшуюся нами всегда первостепенной по значению»,— тоскливо заключает Инг (стр. 148 — 149).

«Надо ли рассказывать,— продолжает он,— историю плачевного мира, навязанного Францией не только Германии, но и ее собственным союзникам? Версальские фокусы невыгодно сравнивать даже со всеми дружно поносимым Венским конгрессом (1815) потому, что на Венском конгрессе распоряжалась Англия, имевшая возможность заставить всех подчиниться принципам умеренности и справедливости (!? — *А. Я.*), принципам, всегда руководившим нашими государственными деятелями по окончании всякой большой борьбы» (стр. 149—150).

А в наши дни преобладающим партнером в Версале (1919 г.) была именно Франция, поэтому-то и возобладала политика, продиктованная неумолимым Клемансо. «Клемансо,— говорит Кейнз,— смотрел на Францию, как Перикл на Афины: важна и ценна только Франция, а над другими народами нечего задумываться». Словом, «политическая теория Клемансо была теорией во вкусе Бисмарка». «Но это замечание Кейнза, — пишет Инг,— несправедливо по отношению к Бисмарку, никогда не забывавшему, что ни дружба, ни вражда не вечны в подлунном мире и что произвол грубой силы имеет свои пределы. Клемансо более чем презирал идеализм, внесенный в деятельность Версальской конференции американским президентом Вильсоном и частично усвоенный уже на самых ее заседаниях даже Ллойд Джорджем. Наши государственные люди напоминали французам, что, по английской поговорке, нельзя зараз и «съесть свой пудинг и в то же время сохранить его в целости». Разоренная Германия не может заплатить контрибуции, а Германия, способная заплатить контрибуцию в предлагаемых фантастических размерах, не может быть слабой нацией. Эта дилемма не была понята!

Не удивительно, что согласие между обоими народами было напряжено в такой степени, что дело дошло почти до разрыва. Французы не постеснялись погубить греков, заключив в 1921 г. за спиной Великобритании сепаратный мир с Мустафой Кемалем. Указанный акт предательства не только вызвал падение Ллойд Джорджа, но и повлек за собою истребление греческого населения Малой Азии, области «Семи церквей» апостола Иоанна и родины греческой философии. Этот удар по христианской религии, как я могу утверждать на основании своих личных, но очень надежных сведений, последовал за неудачной попыткой Ватикана убедить вселенского патриарха Мелетия подчиниться папскому престолу» (стр. 151).

«Попытка разорить Германию вначале очень удалась. Инфляция денежного обращения — современное средство, равносильное прежнему обесценению монеты,— была введена Германией в качестве военной меры, но после заключения мира инфляция в Германии совершенно вышла из-под власти государства и продолжалась до тех пор, пока в сентябре 1923 г. четыре миллиона марок не стали стоить один цент. Результатом этой системы было то, что древние называли novae tabulae, т. е. полная отмена всех долговых обязательств. Все накопления капитала, включая и военные займы правительства, были сметены одним ударом. Разорение и нужда интеллигенции и мелких рантье были прискорбны, но ненормальные условия производства позволяли зато продавать германские товары заграницей по очень низким ценам. Это был второй удар по Германии: новый французский наполеонизм не забывал континентальной

[1] «Третий радующийся», т. е. удачный конкурент враждующих сторон.

системы Наполеона. Концерн Комитета железоделательной промышленности (Comité des forges), державший в руках и железные рудники Лотарингии и вестфальские каменноугольные копи, мог обеспечить Франции столь же значительное промышленное превосходство (supremacy), сколь значительно было ее превосходство военное. Отсюда вытекает решение произвести незаконную оккупацию Рурской области. Экономическое обессиление Англии, вызванное такой политикой французов, было в глазах Франции дополнительным аргументом для ее проведения. Так безрассудно была посеяна эта новая жатва драконовых зубов, — пишет Инг, пользуясь этим образом из греческой мифологии,— и была проделана систематическая работа нарушения равновесия сил в пользу одной воинственной и весьма честолюбивой нации» (стр. 152).

«Но новый наполеонизм имеет еще меньше шансов на успех чем старый! Французский народ не хочет и, быть может, не в силах оплачивать его... Огромная сила Франции в настоящий момент покоится на очень непрочном основании.

Чудовищные и невыполнимые условия версальского договора Германия приняла с протестом. Это были не условия, предложенные Вильсоном, статьи версальского договора были посмеянием (stultification) всех тех целей, о которых союзники трубили во время войны. В своем несчастье немцы выказали чувство большого достоинства и сдержанности. Революция в Германии произошла с незначительным кровопролитием, хотя в течение двух следующих за ней лет были совершены убийства двух самых способных и самых бескорыстных государственных деятелей Германии — Эрцбергера и Ратенау. Ныне можно быть уверенным в экономическом возрождении страны, а устойчивость политическая, вероятно, будет достигнута, как и в Италии, открытым отказом от демократических учреждений. Длительная диктатура в Германии вероятнее чем восстановление монархии» (стр. 152—154).

«Польша и Малая Антанта Чехословакии, Румынии и Югославии являются французскими протеже, поддерживаемыми на французские займы, как раз в то время, когда Франция объявила о неспособности платить собственные долги союзникам, ею же вынуждаемым поддерживать свои военные силы в масштабе почти гигантском! Главной целью их союза является не дать возродиться Венгрии, но это новый источник беспокойства в будущем, так как патриотизм венгров, тяжело переносящих причиненные Венгрии жгучие обиды, затронут очень болезненно» (стр. 155).

«Война, цель которой была сделать мир безопасным для демократии, заставила большую половину Европы придти к заключению, что демократия вообще ненадежна как форма политического устройства. Принцип единоличного управления не только не умер, как иногда наивно полагают, но нельзя отрицать даже и того, что диктатура как политический тип неблагоприятна для дела мира, особенно в первое время по ее установлении. Ее охотно поддерживают солдаты и шовинисты, но всегда трудно поддерживать власть, опирающуюся на одни штыки, если подвластный ей народ нельзя убедить в том, что штык нужен еще для какой-то другой цели, кроме его собственного усмирения. Нельзя утверждать и того, что демократии вообще миролюбивее монархий. Ни одной нации в наши дни враги не грозят извне менее чем Франции и Соединенным штатам, однако оба эти государства упорно содержат громадные силы: Франция — большую армию, а Соединенные штаты — величайший флот» (стр. 155—156).

«Будущий историк назовет, вероятно, кульминационной точкой истории Англии как мировой державы год юбилея (1897 г.) королевы Виктории, конец XIX в., или год кончины старой королевы. Прошло немного времени, и колосс зашатался» (стр. 157).

«События развиваются не в пользу преобладания морского могущества, в старом смысле. Нация, владеющая Черным и Балтийским морями, в которые не может проникнуть наш флот, имеет преимущество и на море, а наша сухопутная база, опасная для нас по своему ничтожному размеру, не может идти в сравнение с огромными пространствами Северовосточной Европы: Россия и Германия, начав действовать совместно, смогут распоряжаться Старым светом, как хотят.

Новейшие территориальные приобретения Англии ни в каком смысле не являются для нее источником силы. Англия аннексировала значительные пространства в Африке главным образом для того, чтобы предупредить их использование Францией в качестве источника для рекрутирования черных армий... Мы поступили бы, вероятно, умнее, оставя Турецкую империю в покое, но этому помешал страх, как бы тогда ее не захватила какая-либо другая европейская держава... Что касается Месопотамии, то ее может завоевать враг, наступающий с севера, что, конечно, и произойдет, если по ходу событий такая задача окажется стоящей решения.

Все указывает на то, что приближается время испытания и для британской нации и для Британской империи, и вопрос только в том, сумеют ли они пройти через это испытание с честью» (стр. 158—159).

Не будучи экономистом по профессии, Инг дает беглую, но яркую и довольно беспристрастную характеристику английской экономики на разных этапах ее истории, но мы не станем здесь останавливаться подробно на его наблюдениях и заключениях и возьмем из этой главы только общие итоги и главные выводы.

События второй половины 20-х и начала 30-х годов XX в. были столь странны и неожиданны, что экономисты теряются в них. Оглядываясь на промежуток времени между версальским миром и 1929 г., мы можем теперь сказать, что мир удивительно быстро оправился и выздоровел после военных опустошений, но за этим выздоровлением последовал столь же удивительный упадок всего хозяйства. Выздоровление было обусловлено большими усовершенство-

ваниями в механическом производстве, замаскировавшими и глубокий внутренний разлад и смещение соотношений (dislocation), вызванное тяжелой борьбой.

Благополучие, скорее воображаемое чем действительное, продолжалось, пока реставрация опустошенного континента требовала больших усилий. Но в 1929 г. последовала катастрофа, которая представила собой нечто новое. Производство товаров настолько превысило спрос, что понижение цен вследствие конкуренции, не увеличивая емкости рынка, только разоряло предпринимателей и выбрасывало новые и новые массы рабочих на улицу. Даже на пониженные цены покупателей не было, и начался общий процесс приостановки производства, ускоренный естественным отвращением владельцев капитала к риску, когда общее положение стало неустойчивым (стр. 218).

Этой неустойчивости положения, к сожалению, суждено, вероятно, остаться перманентной. Кредит может быть восстановлен, торговый оборот, без сомнения, улучшится, а вместе с подъемом торговли сократится и безработица. Но процесс механизации производства должен продолжаться. Всякое улучшение в экономическом положении рабочего делает все менее и менее выгодным или менее возможным использование его рабочей силы. Каждый год совершенствуются методы сокращения живой рабочей силы, каждое новое изобретение выбрасывает все бо́льшие и бо́льшие количества рабочих рук из производства.

«Могут сказать, что это проблема не скудости, а избытка и что такая проблема не может быть неразрешимой. Но решения ее до сих пор еще не нашли! Я,—пишет Инг,—высказывал мнение, что мы, перестав быть мастерской для всего мира, уже оказались перенаселенными. Мы не можем надеяться найти работу для всего сгустка населения, выросшего или оказавшегося на нашей территории за столетие нашего господства над миром. Однако пример Соединенных штатов показывает, что перенаселенность не может быть единственной или даже главной причиной безработицы. И если бы придирчивый критик возразил мне: «Итак, ваше средство против перепроизводства состоит в уменьшении количества потребителей», — мне,—с грустью пишет Инг, — очень нелегко было бы ответить на его недоумение. Тем не менее, когда некоторые авторы утверждают, что перенаселения в Англии не может быть потому, что масса продуктов питания ее жителей производится вне Англии, мы должны ответить им, что продукты питания ее жителей, произведенные вне Англии, будут доступны нам, если мы сможем выменивать их на продукты нашего собственного производства, и что содержание, хотя бы частичное, двух или трех миллионов людей, не по своей вине принужденных жить за счет труда других лиц, должно неизбежно понизить жизненный уровень всей страны» (стр. 218—219).

«Безработица,— цитирует Инг статью экономиста Алфреда Юнга,— рак, которого не исцелит никакая паллиативная медицина. Она будет не только продолжаться, она будет упорно возрастать, ибо проистекает от неизбежного поступательного движения прикладной науки, с каждым годом увеличивающей роль автоматических приборов, расширяющей круг их приложения и поднимающей их техническое совершенство. Прибор все более и более заменяет не только искусство мастера, но и труд чернорабочего. Этот процесс пойдет безостановочно в периоды и подъема и упадка промышленности. Вот где величайшая экономическая проблема нашего времени, и значение ее важнее, чем значение вопросов денежного обращения, военных долгов, тарифов, репараций и т. д., как бы существенны они сами по себе ни были» (стр. 219).

«Если мы хотим попытаться предсказать, что должно случиться с демократией в Англии, — пишет Инг, — мы должны учесть законы, управляющие развитием революций вообще. Несмотря на нелепость нашей избирательной процедуры у нас обычно член парламента — человек с почтенной репутацией и с известными способностями, хотя, конечно, в палате общин всегда есть некоторое число представителей, не заслуживающих положительной характеристики. В целом наша палата общин представляет собою очень работоспособную организацию из людей с богатым и ценным опытом и с разнообразными индивидуальными достижениями. Если бы они были объединены так же, как были объединены члены парламента в царствование королевы Виктории (за исключением ирландских депутатов), желанием использовать доверие своих избирателей в интересах (пользуясь выражением Бёрка)[1] «целого», то это была бы самая продуктивная в работе корпорация, какую только можно было организовать при любой избирательной системе. Но парламентской системе угрожает крушением все возрастающая тенденция к секционализму (или, употребим русское выражение,— к фракционности. — *А. Я.*). Всякая крупная и организованная корпорация, признающая обязанности и долг не по отношению к государству, как целому, а только по отношению к одному классу, делает народное демократическое правительство,—как полагает Инг,— невозможным». «Мы видели выше,— продолжим его изложение,— как парализуется английский парламент антисоциальными и антипатриотическими действиями какой-нибудь властной и беззастенчивой парламентской клики. Члены таких парламентских клик не могут быть названы свободными деятелями: их вотум предопределен заранее. Это обстоятельство сводит парламентские дебаты до уровня фарса: речи говорятся не для убеждения слушателей, но либо для помещения в газетах либо для помех правительственному законодательству. Присутствие при дебатах начинает все более и более расцениваться как простая трата времени, и репутация парламента падает ниже и ниже. Утрата избранной палатой влияния и достоинства еще отчетливее заметна в других

[1] Бёрк (Burke) — знаменитый политический деятель конца XVIII века.

странах. В Америке, как известно, звание члена конгресса само по себе не дает ничего, «босы»[1] гораздо могущественнее, а, по словам лиц, знающих американские настроения, преобладающее чувство публики по отношению к конгрессу есть чувство «отвращения».

В Германии до войны парламент был просто фарсом, а во Франции бюрократия остается прочной и незыблемой в то время, как министерства сменяются. Французское правительство, как правило, не распоряжается всерьез ни законодательством, ни финансами. Каковы же результаты?.. Когда парламент перестает править, открывается путь для солдата и террориста. Высказывалось мнение, что первое британское лейбористское министерство сделало очень многозначительное нововведение при образовании Рамзеем Макдоналдом Комиссии 12 в качестве «органа связи» парламента с лейбористскими руководителями вне парламента. По нашим сведениям, эта организация значительно повлияла на действия кабинета министров. Совершенно очевидно, что такая комиссия — шаг к низвержению зараз и кабинета и Палаты общин» (стр. 268—269).

Палата общин была спасаема несколько раз традиционным уважением к ее величию и почтенному облику, сообщавшему политической карьере в Англии больший престиж чем в какой-либо другой стране. Но престиж этот, как мы можем судить по впечатлениям от газетной печати, очень и очень сократился. Типичный британский глава семьи пятьдесят лет тому назад прочитывал каждое утро парламентские дебаты с почтительным вниманием, а газеты печатали их как самый важный отдел номера. Теперь газетная печать — пестрая смесь занимательного материала, в который политика входит, в лучшем случае, в качестве одной из статей дивертисмента среди других сюжетов. Парламентских дебатов газеты полностью не печатают, да если бы они и были напечатаны, их никто не стал бы читать. В управление при помощи красноречия мы теряем веру, особенно теперь, когда дебаты стали притворными, а жалованье членам парламента не только не сделало политиков более независимыми, а, скорее, оказало противоположное действие. И, тем не менее, мы, вероятно, удержим теперешнюю форму правления, подпираемую долгой традицией достоинства, хотя бы даже только потому, что иного выбора у нас и нет.

«Многие консерваторы мечтательно надеются на то, что Англия «найдет своего Муссолини», но контрреволюция по этому образцу будет возможной только после испытаний, об избежании которых все патриоты должны молиться. Созревание синдикалистского восстания мне не представляется вероятным. Главное оружие, на которое рассчитывают революционеры, всеобщая стачка, было испробовано и сломалось в их руках» (стр. 270).

«Иной тип правительства, кажущийся мне возможным, — бюрократический государственный социализм. Пока (1933) еще незаметно движения в эту сторону, но нет ничего невероятного в том, что оно разовьется после новой европейской войны. Если Англия будет вовлечена в войну за свое существование, подобную войне 1914—1918 гг., то будет введена не только принудительная военная служба, будут мобилизованы все нужные для войны ресурсы страны и наступит то, что иногда называют конскрипцией богатства. На военное время, другими словами, будет спешно введен и спешно организован бюрократический государственный социализм. Состояние страны к концу такой войны, независимо от того, будем мы иметь в ней успех или нет, станет таким, что самовластное правительство военного типа сделается необходимостью. Тогда-то и придут к заключению, что иного способа обеспечить нормальный ход государственной машины и подавить революционные замешательства не существует. Таким путем и может быть введена система государственного социализма, а, раз введенная, она окажется, вероятно, долговечной... Тип правительства, который может быть навязан нам как следствие большой войны, конечно, может и не повлечь за собой полного уничтожения частной собственности. Разумное правительство сумеет расшевелить в населении необходимые стимулы энергии, бережливости и честолюбия. Существенным будет то, что такое правительство окажется в силах сокрушить и подавить антисоциальную фракционность (sectionalism) и прекратить непроизводительные расходы в администрации. Сделать это сможет только коллективистическое государство или военный деспотизм, — и в том и в другом случаях большая регулярная армия станет необходимой» (стр. 270—272).

Инг считает невозможным дальнейшее существование ничем не связанного индивидуалистического хозяйства, и его программа предусматривает ограничение прибылей, государственный надзор за большими амальгамированными группами капитала, «освобождение» рабочего установлением «приличного жизненного минимума», специальное обложение прибылей, ограничение «роскошного и безнравственного расходования денег» и т. д. «Можно ли помочь этому злу, без вреда для доходности предприятий и без понижения заработной платы, — вопрос серьезный, это одна из самых острых проблем нашего времени. Социальная система в наши дни работает негладко, и нависшая над нами опасность есть не столько опасность общего краха (culbute générale), сколько опасность потерять нашу политическую свободу» (стр. 274—275).

Какой же общий вывод автора, если откинуть все утешения, рассыпанные Ингом в его книге, и все полудетские меры, предлагаемые им на страницах своего труда? Вывод этот, с точки зрения старого империалистического понимания судеб Англии, очень печален.

«Вопрос о том, сохранит ли Англия свое положение одной из самых могучих стран

---

[1] Хозяева предприятий, капиталисты.

мира или нет, надо отделить от вопроса о том, идет ли наша промышленность ко внутреннему распаду. Внутренний упадок и развал сделали бы, конечно, безнадежной для нас конкуренцию с нашими соперниками, но, независимо от прискорбных субверсивных движений в Англии предстоит, возможно, изменение в центре тяжести цивилизации, неминуемо и в близком будущем низвергающее Англию с ее теперешнего пьедестала» (стр. 278).

«Хотя книгу мою в целом и нельзя по справедливости назвать пессимистической, но я направил внимание на несколько неприятных истин, которым разумный англичанин должен смотреть в глаза. Одна из этих истин состоит в том, что положение Великобритании как одной из великих держав должно если и не абсолютно, то относительно начать падать. Будущее, поскольку речь идет о силе и богатстве, принадлежит крупным странам, еще не вполне насыщенным населением и обладающим неисчерпанными природными ресурсами. Главные из этих стран — Россия, Соединенные штаты, Аргентина, Бразилия и наши собственные доминьоны — Канада и Австралия. Перспективы будущего благоприятны для английского языка и благоприятны для британской расы, но они неблагоприятны для страны-матери, взятой отдельно от ее государств-дочерей, которые могут и не пожелать поддерживать Англию так горячо, как они сделали это в 1914—1918 годах. К относительному упадку английского могущества мы должны быть готовы. История Голландии и Испании (автор имеет в виду XVI—XVIII вв.— *А. Я.*)—предупреждение Англии, указующее на то, что небольшие по территории страны имеют свой день славы, а затем должны сокращаться до положения, пропорционального ограниченной площади, ими занимаемой... Во всяком случае, в ближайшие 50 лет (напомним еще раз, что автор писал это в 1933 г.— *А. Я.*) для Англии наступит весьма критическое время» (стр. VI—IX Введения).

«Моя позиция,—меланхолично прибавляет Инг,— позиция человека, с недоумением взирающего на громадный знак вопроса, обрисовывающийся на экране будущего. Я пытался установить задачи и дать к ним комментарий, казавшийся мне полезным. Но мы, пожилые люди, должны предоставить решение этих задач молодому поколению, готовому принять на свои плечи бремя ответственности за это решение» (стр. X Введения).

Книга Инга, как и следовало ожидать, вызвала бурю протестов в английской литературе, гремевших против злополучного ученого церковника под аккомпанемент старого мотива «гром победы раздавайся», но публика жадно глотала страницы, оказавшиеся уже теперь, через 13 лет после выхода первого издания его книги в 1926 г., в ряде случаев поучительно-вещими. Учесть этот подлинно английский диагноз положения, обдуманный и написанный под торжественный звон Большого Бена (как именуется огромный колокол на соборе св. Павла, где настоятельствует доктор Инг), полезно и врагам и друзьям Британской империи.

Ограниченный узким кругом буржуазного мышления и опутанный цепкими буржуазными предрассудками, почтенный доктор духовного и светского права Инг не хочет или не может понять той простой истины, что все зло заключается не в отдельных погрешностях и промахах, а в порочности самой капиталистической системы хозяйства и что единственный и неизбежный выход для Англии из создавшегося тупика — пролетарская революция.

«Эти непримиримые противоречия между характером производительных сил и производственными отношениями дают знать о себе в периодических кризисах перепроизводства, когда капиталисты, не находя платежеспособного спроса ввиду ими же учиненного разорения массы населения, вынуждены сжигать продукты, уничтожать готовые товары, приостанавливать производство, разрушать производительные силы, когда миллионы населения вынуждены терпеть безработицу и голод не из-за того, что товаров не хватает, а из-за того, что товаров произведено слишком много.

Это значит, что капиталистические производственные отношения перестали соответствовать состоянию производительных сил общества и стали в непримиримое противоречие с ними.

Это значит, что капитализм чреват революцией, призванной заменить нынешнюю капиталистическую собственность на средства производства социалистической собственностью» [1].

Вот какой, единственно правильный вывод напрашивается при чтении книги Инга, звучащей по-особому сегодня, в дни второй империалистической войны, застрельщицей которой явилась Англия.

А. Яковлев

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 121.

V. Якобинская диктатура

Борьбе двух политических группировок—жирондистов и якобинцев,—закончившейся после революции 10 августа установлением якобинской диктатуры, посвящены многочисленные работы.

Матьез в небольшом популярном историческом очерке[1] рисует Францию накануне и в момент падения монархии. Он характеризует политическую обстановку в стране перед событиями 10 августа 1792 г., особо останавливаясь на деятельности двора и членов королевской семьи, подробно характеризует отношение жирондистов и фельянов к свержению королевской власти, подчеркивает активную роль Робеспьера при установлении республики и детально описывает участие парижских секций в восстании 10 августа. В общей трактовке темы Матьез исходит из хорошо известной его концепции революции. Революцию 10 августа он правильно рассматривает лишь как завязку дальнейшей борьбы.

События 2—5 сентября 1792 г. подробно описываются в солидной работе Карона[2] о так называемых «сентябрьских убийствах». Карон на основе документов подробно излагает ход этих событий, разрушая легенду реакционных буржуазных историков о якобы заранее подготовленных «зверствах революционеров». В конце книги, в приложении, помещены статистические данные о казнях этих дней и именной указатель; во введении детально проанализированы источники.

Внутренно противоречивая политика жирондистов, как она вскрылась в процессе короля, и принципиальная и последовательная позиция Горы охарактеризованы в книге К. И. Берковой[3] на основании документального материала о суде над Людовиком XVI.

В статье Матьеза[4] излагается история борьбы за конституцию 1793 г. и приводятся доказательства несостоятельности политики Жиронды. В статье дана характеристика взаимоотношений жирондистов и монтаньяров в связи с разработкой двух проектов конституции, показаны основные черты обоих проектов, описываются обстоятельства, сопровождавшие принятие конституции народом.

О судьбе жирондистов есть много работ французских авторов. Большинство из них носит узкопартийный полемический характер, причем в ряде книг совершенно очевидно стремление авторов к огульному оправданию политики жирондистов, как например в работе Валлона о революции 31 мая.

Следует отметить работу Перру[5]. Последний, правда, ограничивается изложением событий, связанных с поражением жирондистов, и не дает политической истории этой партии, но в его работе есть данные о составе жирондистской партии, о судьбе ее членов во время якобинской диктатуры, о роли жирондистов в термидорианском перевороте и о термидорианской реакции. Вопреки истине Перру утверждает, что эту последнюю жирондисты пытались смягчить. В книге библиография и указатель имен.

Материал для общей картины экономической и политической жизни страны во время якобинской диктатуры содержится в монументальном собрании документов, содержащем переписку Комитета общественного спасения с комиссарами Конвента в тылу и на фронтах[6]. Это издание, редактировавшееся Оларом, еще не закончено. Вышедший на русском языке сборник, составленный Дживелеговым, является лишь выдержкой из издания Олара[7]. Трудно сказать, как много документов Олар сознательно не включил в свое собрание, во всяком случае, еще Кропоткиным отмечалось, что в данном собрании очень слабо представлены донесения комиссаров об эко-

* Продолжение, см. № 4—5 и № 6 «Историка-марксиста» за 1940 год.

[1] Mathiez A. «Le dix août». Paris. 1931. 127 p.

[2] Caron P. «Les massacres de septembre». Paris. 1935. 559 p.

[3] Беркова К. «Процесс Людовика XVI». М. 1923. 2-е изд., исправленное и дополненное. 308 стр.

[4] Mathiez A. «La constitution de 1793». «Annales historiques de la Révolution française». Nouvelle série. T. 5, p. 497—521. Paris. 1928.

[5] Perroux A. «La proscription des Girondins (1793—1795)». Paris — Toulouse. 1917. 326 p.

[6] Aulard F. A. «Recueil des actes du Comité de salut public, avec la correspondance officielle des représentants en mission et le reguistre du Conseil exécutif provisoire». Paris. 1889—1897. 11 vols. en cours de publication.

[7] «Французская революция в провинции и на фронте (Донесения комиссаров Конвента)». М. и Л. 1924. 324 стр.

номическом положении Франции, хотя „многие комиссары и посылались Конвентом со специальными хозяйственными заданиями. Видимо, здесь сказалась нелюбовь Олара к социальным проблемам.

Есть еще один сборник материалов, характеризующих внутреннюю жизнь Франции периода якобинской диктатуры, составленный двумя авторами — Кошеном и Шарпантье[1]. Это сборник законодательных документов эпохи якобинской диктатуры. В предисловии авторы дают характеристику социального законодательства 1793—1794 годов. «Террор» гипнотизирует их. Революционное законодательство, по мнению авторов, является лишь выражением террора, хотя это очень часто опровергается приводимыми ими же документами. Под «террор» они подводят даже регламентацию цен и делают вывод, будто таксация не встречала поддержки масс и, следовательно, массы были против «террора». Работа снабжена предметным указателем.

В большой работе Мортимс-Терно[2] пытался дать историю революционного террора, начиная с 1792 г. и кончая термидором. Он использовал документы, собранные в различных библиотеках и архивах, часть этих материалов потом погибла во время «завоевания» версальцами Парижа в 1871 году.

Довольно многочисленна и разнообразна литература о победившей в революции 31 мая — 8 июня 1793 г. партии монтаньяров и их организации. Прежде всего необходимо назвать работу Олара «Le club des jacobins», третий том которой посвящен судьбе якобинцев в период их диктатуры. Если Олар занимается деятельностью центрального парижского клуба якобинцев, то Карденаль[3], в сравнительно недавно вышедшей работе о французской провинции в период революции, свое внимание уделяет экономической, политической и просветительной деятельности провинциальных якобинских клубов с начала революции и до термидора. Он показывает их состав и структуру, описывает политическую борьбу внутри клубов и дает характеристику зарождавшегося в них и подавленного «федерализма». Автор положительно оценивает позиции якобинцев и горячо защищает идею революционной централизации, но при этом пытается соединить диаметрально противоположные и несовместимые вещи. Он стремится уподобить якобинцев большевикам и в то же время «находит» элементы «якобинского духа» в представителях фашизма.

Мартэн[4] в своей работе описывает деятельность якобинцев в маленьком провинциальном поселении аграрного района Франции. Делает он это на примере «Общества друзей конституции» в городе Артон. Работа Мартэна охватывает период с момента возникновения Общества в 1790 г. и до термидорианской реакции. Автор собрал протоколы заседаний Общества. Материал разделен им на три части: первая дает представление о периоде с мая 1790 г. и до января 1793 г. и носит название «Борьба за свободу», вторая охватывает время с 15 ноября 1793 г. по 28 июля 1794 г., называется «Господство якобинцев», и третья, описывающая период с 1 августа 1794 г. по 20 марта 1795 г., названа «После термидора».

Особое место среди книг о якобинской диктатуре занимают работы об экономической политике Франции в революционный период. Матьез, подробно занимавшийся этой проблемой, сводит ее в основном лишь к продовольственному вопросу во время французской революции[5], трактуя последний как социально-экономический и политический. Он показывает влияние на ход революции законов о максимуме и борьбу вокруг них; особенно большое внимание при этом он уделяет роли зарождавшегося пролетариата в развитии и ходе французской революции в 1792—1794 годах.

Другой стороны хозяйственной жизни революционной Франции касается в своих работах профессор Лефевр, член комиссии по разысканию и опубликованию архивных материалов, относящихся к экономической жизни Франции периода революции. Его работы посвящены аграрной политике якобинского Конвента. Лефевр уделяет особое внимание интересам и требованиям крестьян, игравших столь видную роль на всех этапах революции. В своей характеристике аграрной политики якобинцев Лефевр целиком разделяет концепцию Матьеза. Отсюда вытекает и его характеристика отношения якобинцев к основной массе населения французской деревни. Важнейшие аграрные мероприятия якобинцев он рассматривает как «политический маневр», напоминающий, по его мнению, якобинские законы о «максимуме». Исход революции Лефевр считает неудовлетворительным для большинства крестьянства. Революция, по его мнению, пошла на пользу только зажиточным крестьянам — собственникам и самостоятельным хозяевам. Наряду с этим Лефевр смазывает остроту борьбы, связанной с продажей национальных имуществ и разделом общинных угодий.

Свои принципиальные положения Лефевр развивает в статье, помещенной в журнале «Annales historiques de la Révolution fran-

---

[1] «Les actes du gouvernement révolutionnaire, 22 août 1793—27 juillet 1794. Recueil de documents». Publié par A. Cochin et Ch. Charpentier. Paris. 1920. T. I, 589 p. (Société d'histoire contemporaine).

[2] Mortimer-Ternaux M. «Histoire de la Terreur (1792—1794) d'après les documents authentiques et inédits». Paris. 1869. 7 vols.

[3] Cardenal «La province pendant la Révolution. Histoire des clubs jacobins (1789—1795)». Paris. 1929. 519 p.

[4] «Les jacobins au village. Le club d'Artonne (Puy-de-Dôme)». Documents publiés et annotés par F. Martin. Paris. 1902. 253 p.

[5] Mathiez A. «La vie chère et le mouvement social sous la Terreur». Paris. 1927. 620 p.

caise»[1]. В ней он объявляет себя учеником и последователем Жореса и ставит вопрос о значении «крестьянской революции».

Основная работа Лефевра об аграрной политике якобинской диктатуры представляет собой собрание документов с обширным введением; документы — декреты правительства и обращения крестьян — расположены в ней по территориальному признаку[2].

Ряд работ французских историков посвящен контрреволюционным выступлениям внутри страны. Большинство их авторов стоит на реакционной точке зрения.

Так, Валлон[3] дает картину контрреволюционного движения во Франции в 1793 году. В первом томе он описывает роялистское восстание в Вандее, во втором — восстания на западе и югозападе революционной Франции. Автор считает все эти выступления «законным протестом» против «деспотизма якобинцев», он сильно преувеличивает их массовый характер. Своей концепции Валлон[4] остается верен и в другой работе, в которой он дает положительную оценку детально описанному им движению федералистов, характеризуя его как «естественную реакцию» на централистские стремления Парижа и якобинцев. Валлон подробно изображает взаимоотношения Парижа с отдельными департаментами, контрреволюционные выступления в Нормандии и Бретани против Конвента.

Рифатер[5], занимавшийся этой же темой, рассматривает проблему также с реакционной точки зрения. В двух томах своего труда он излагает историю контрреволюционного движения в Лионе в 1793 г., показывает роль жирондистов в лионском движении и участие в нем роялистов. Рифатер не видит контрреволюционности лионских событий, он даже не хочет считать их федералистскими. Он характеризует позицию лионцев как борьбу с диктатурой Парижа и господством Робеспьера, использованную лишь частично роялистами в своих целях. Войну между якобинским Конвентом и Лионом автор рассматривает как «недоразумение». Книга интересна обилием фактов, сплошь и рядом свидетельствующих против концепции автора.

Представляет интерес работа Матьеза[6], цель которой — осветить связи контрреволюционных заговоров во Франции периода якобинской диктатуры с иностранными государствами. Подчеркивая наличие таких связей, Матьез несколько преувеличивает влияние небольшой группы эмигрантов, проживавших во Франции, на политические события. В этой работе Матьез еще раз касается вопроса о продажности Дантона.

Существует ряд работ о деятельности революционного трибунала, они в своем большинстве также окрашены в реакционные тона: например работа того же Валлона[7], написанная им под непосредственным впечатлением событий Парижской коммуны 1871 года. Валлон резко нападает на деятельность «революционного трибунала» в Париже, рассматривает его как орудие якобинского террора. Валлоном тенденциозно подобраны документы о процессах, прошедших в трибунале, в том числе о процессе короля, королевы, м-м Ролан (в первом томе), Дантона и его друзей (во втором). К той же теме относится и работа Дюнуайе[8], в которой дана характеристика общественного обвинителя революционного трибунала Фукье-Тенвиля. Дюнуайе ссылается на документы национального архива. Перед читателем Фукье-Тенвиль демонстрируется сначала как организатор и активный деятель политических процессов периода якобинской диктатуры, а затем как подсудимый, после 9 термидора превратившийся из обвинителя в обвиняемого. Дюнуайе считает, что ответственность за деятельность трибунала несут вожди якобинцев, а Фукье-Тенвиль представляется Дюнуайе только их слепым орудием.

Заслуживают внимания работы о национальной обороне Франции в период революции. Среди них вызывают наибольший интерес книги, написанные французскими историками либерального направления. Карон[9] в своей небольшой, но ценной работе дает историю национальной обороны революционной Франции в 1792—1795 годах. Исходным моментом он берет победу при Вальми и кончает упадком революционной армии с наступлением термидорианской реакции. Опираясь на документы и письма, Карон изображает волну партизанского движения, охватившего французский народ, вставший на защиту революционной родины. Карон показывает эволюцию характера народной армии, начиная от движения во-

---

[1] Lefebvre G. «La Révolution française et les paysans».—«Annales historiques de la Révolution française». 1933, mars — avril, № 56, p. 97—128.

[2] «Questions agraires au temps de la Terreur». Documents publiés et annotés par G. Lefebvre. Strasbourg. 1932. 255 p. (Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la Révolution française, publiés par le Ministère de l'instruction publique).

[3] Wallon H. «Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II (1793—1794)». Paris, 1888—1890. 5 vols.

[4] Wallon H. «La révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793, ou la France vaincue par la commune de Paris». Paris. 1886. 2 vols.

[5] Riffaterre H. «Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône et Loire en 1793». Paris. 1912—1928. 2 vols.

[6] Mathiez A. «La conspiration de l'étranger». Paris. 1918. 314 p. (Études robespierristes).

[7] Wallon H. «Le tribunal révolutionnaire 10 mars 1793—31 mai 1793». Paris. 1900. 2 vols.

[8] Dunoyer «Fouquier-Tinville accusateur public du tribunal révolutionnaire (1746—1795)». Paris. 1913. 470 p.

[9] Caron P. «La défense nationale de 1792—1795». Paris. 1912. 105 p. (L'Histoire par les contemporains).

лонтеров и до всеобщей мобилизации, дает характеристику материального положения армии, степени ее обученности и дисциплины, описывает морально-политическое состояние армии и ее боевую деятельность. Карон показывает, как отражалась на настроениях армии политическая борьба в стране. Он подчеркивает, что дело национальной обороны неотделимо от революционного правительства и победа французской армии есть победа якобинской диктатуры.

Мэж[1] рассматривает движение волонтеров в одной из французских провинций — в департаменте Puy-de-Dôme, давшем в 1792—1793 гг. пять батальонов волонтеров. Работа Мэж построена главным образом на официальных документах, сохранившихся в местных архивах. Часть документов помещена в приложении. Той же теме посвящена и книга Депре[2], который на основании изучения материалов национального и местных архивов пытается разрешить ряд вопросов, связанных с судьбою национальной армии французской революции. Он подробно исследует состав добровольцев, момент организации и процесс формирования их батальонов, углубляется в их историю, приводит многочисленные декреты и циркуляры военного ведомства.

★

Особенно обширна литература, характеризующая представителей отдельных группировок внутри партии якобинцев. Достаточно велико и их литературное наследство.

В трудах Марата центральное место занимают его статьи в «Друге народа», в «Газете Французской республики» и в «Публицисте Французской республики». Его памфлеты переизданы во французском издании Велле[3] и в русском переводе в сборнике под редакцией Ф. Кона. Большой интерес представляют также отдельные работы Марата, как написанные накануне и в самом начале революции 1789 г. в защиту свободы и равенства («Цепи рабства», «План уголовного кодекса», проект «Декларации прав человека и гражданина»), так и позднейшие, в которых он выступает против намечающейся контрреволюции[4]. Обильный материал для характеристики политических убеждений и действий Марата дают его письма, опубликованные Шарлем Велле и переведенные на русский язык под редакцией Джпвелегова[5], в частности политические письма к К. Демулену, письма к Национальному собранию, к Конвенту и к якобинскому клубу. Ко всем письмам Велле даны пояснения, имеющиеся и в русском издании.

Из биографий Марата лучшие — Буржара[6] и Шевремона[7]; обе они были отмечены Энгельсом[8].

Тарле[9] в небольшой статье о Марате дает очерк его публицистической деятельности, рассматривая работы великого публициста французской революции не только со стороны содержания, но уделяя также большое внимание и их блестящей форме.

В собрании сочинений Дантона[10] помещены его выступления на заседаниях Конвента начиная с ноября 1792 года. В приложении, в кратком «историческом введении», содержатся биографические сведения о Дантоне, описание тех заседаний Конвента, на которых он выступал, и характеристика его взглядов.

Из работ о Дантоне необходимо отметить прежде всего статью Кареева[11], в которой автор, не ставя себе задачи разрешить спорный и до сих пор вопрос о настоящих убеждениях этого представителя правой части якобинцев, ограничивается скорее психологическим чем политическим анализом побуждений и действий Дантона и при этом склоняется к его оправданию.

Политическому окружению Дантона посвящена книга Матьеза[12] «Autour de Danton». Здесь, как и в других своих работах, Матьез поднимает вопрос о «подкупности» Дантона и его друзей. Перед читателем проходят друзья и «сообщники» Дантона: Базир, Фабр, Д'Эглантин, Делакруа и др.,— отдельные свидетели их поведения, банкиры и поставщики, соприкасавшиеся с ними.

В монографиях о Дантоне обычно много места уделяется его соратнику и последователю Камиллу Демулену. Среди работ К. Демулена выдающееся место занимает его «Старый Кордельер»[13], номера

---

[1] Mège F. «Les bataillons de volontaires (1791—1793)». Paris. 1880. 205 p.

[2] Déprez E. «Les volontaires nationaux (1791—1793)». Etude sur la formation et l'organisation des bataillons d'après les archives communales et départementales». Paris. 1908. 524 p.

[3] Velley Ch. «Les pamphlets de Marat». Paris. 1911. 323 p. Русский перевод Ж. П. Марат «Памфлеты». М. 1937. 134 стр.

[4] «Oeuvres de J. P. Marat. L'ami du peuple», recueillies et annotés par Vermorel. Paris. 1869; «Autobiographie de Marat. Les chaînes de l'exclavage» etc. Choix de textes par Ch. Simond. Paris. 1900.

[5] «La correspondence de Marat», recueillies et annotés par Ch. Velley. Paris. 1908. 291 p.; русский перевод Марат «Письма 1776—1783». П. и М. 1923. 201 стр.

[6] Bourgeart A. «Marat, l'ami du peuple». Bruxelles. 1865. 2 vols.

[7] Chevremond F. «J. P. Marat, esprit politique». Paris. 1880. 2 vols.

[8] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 533.

[9] Тарле Е. «Жан-Поль Марат, друг народа». «Большевистская печать» № 12 за 1936 г., стр. 32—42.

[10] Danton. Oeuvres, recueillies et annotées par A. Vermorel. Paris. 1867. 316 p.

[11] Кареев Н. «Ж.-П. Дантон». Биографический очерк. «Вестник Европы» № 9 за 1915 г., стр. 110—154.

[12] Mathiez A. «Autour de Danton». Paris. 1926. 284 p.

[13] «Le vieux Cordelier», journal politique, rédigé en l'an II par C. Desmoulins, député à la Convention Nationale». Paris. 1825. 170 p. («Collection des mémoires

которого были воспроизведены в одном из томов «Коллекции мемуаров, относящихся к Французской революции». Особый интерес представляет № 5, в котором было помещено большое выступление Демулена, обращенное к якобинцам. В том же томе «Коллекции мемуаров» напечатаны некоторые письма Демулена и отдельные документы биографического характера. Очерк жизни и деятельности Демулена, предпосланный в «Коллекции мемуаров» воспроизведению его журнала, не имеет ценности: он не богат фактами и отличается реакционной тенденцией.

Очерк Н. Мирович[1] о Камилле Демулене—одна из многих ее популярных биографических работ о деятелях французской революции. Политический анализ в нем сплошь да рядом заменяется психологическим. Упоминание об этом очерке объясняется только тем, что он является единственной монографией о Демулене на русском языке.

Огромное внимание уделено как прогрессивной, так и реакционной французской историографией политической деятельности и личной судьбе Робеспьера.

Трехтомная политическая биография Робеспьера, написанная Гамелем[2], одним из основоположников «робеспьеристского направления» в историографии французской революции, носит апологетический характер. Первый том посвящен деятельности Робеспьера в Учредительном собрании, второй — его борьбе с жирондистами в Законодательном собрании и в Конвенте; третий том начинается описанием победы якобинской диктатуры и Робеспьера как ее вождя и кончается событиями 9 термидора.

Последняя работа о Робеспьере, написанная под несомненным влиянием Матьеза, принадлежит историку английской буржуазно-демократической школы Томпсону[3]. Впервые двухтомным изданием она вышла в 1935 году. Второе ее издание — однотомное (1939 год). В 17 главах своей книги Томпсон характеризует основные вехи жизни и деятельности Робеспьера, показывает противоречивость источников о деятельности Робеспьера, опровергает наветы клеветнической литературы. Книге предпослано ценное введение, состоящее из 11 глав, содержащее обзор сочинений Робеспьера, библиографию и историографию предмета. Работа Томпсона страдает рядом серьезных недостатков: так, в ней совершенно недостаточно уделено внимания анализу социально-экономических отношений, а выводы построены на эклектической теории факторов. Тем не менее труд Томпсона чрезвычайно ценен потому, что им добросовестно и тщательно обработано большое количество документального материала.

В своей истории Сен-Жюста Гамель[4] остается верным и убежденным апологетом представителей якобинской диктатуры. Давая картину жизни Сен-Жюста, он не скупится на восторженные отзывы и характеристики. Особое внимание он уделяет деятельности Сен-Жюста как комиссара Конвента в революционной армии.

По понятным причинам, буржуазная историография либо не уделяла достаточного внимания эбертистам и «бешеным», отражавшим интересы народных низов, либо искажала их облик.

Так, книга Дестре[5] об Эбере представляет собой реакционный пасквиль на этого представителя левого крыла якобинцев, талантливого журналиста, редактора газеты «Le père Duchêne». Автор описывает жизнь Эбера начиная с детства и кончая его гибелью на гильотине, причем тесно переплетает факты из его личной и общественной жизни. Дестре дает реакционный анализ политических позиций газеты Эбера и подвергает нападкам провозглашавшиеся им прогрессивные принципы.

Выступления вождя «бешеных» Жака Ру получили еще меньшее отражение в литературе. В «Annales historiques de la Révolution française» опубликованы впервые четыре документа из дела Ж. Ру[6]; три из них отмечались уже ранее А. Матьезом. В этих документах, говорящих о деятельности Ж. Ру в 1793 г., содержатся, однако, лишь весьма ограниченные сведения. Более обширные данные о Жаке Ру можно почерпнуть из статьи Кареева[7] о Жаке Ру и его связях с секцией Гравилье.

Кареев в своей статье рассматривает подачу в Конвент в 1793 г. одной из самых демократических секций Парижа петиции, составленной Жаком Ру.

Кареев говорит о работе Ру среди населения секции, анализирует содержание его петиции, основанной на принципах уравнительного коммунизма, и показывает отношение к ней Конвента. Попутно Кареев полемизирует с представителями французской и русской историографий по вопросу о значении и характере деятельности Ру и его сторонников.

VI. Термидорианская реакция

Социальная и экономическая жизнь Франции после термидора привлекала внимание

---

relatifs à la Révolution française», C. Desmoulins. «Vilate et Meda»).

[1] Мирович Н. «Очерки из истории Великой французской революции. Камилл Демулен». М. 1900. 55 стр.

[2] Hamel E. «Histoire de Robespierre». Paris. 1865. T. 1—3.

[3] Thompson J. M. «Robespierre». Oxford. 1939. 612 p.

[4] Hamel E. «Histoire de Saint-Juste, député à la Convention Nationale». Bruxelles».

[5] D'Estrée P. «Le père Duchêne». Hébert et la Commune de Paris (1792—1794)». D'après des publications récentes et des documents inédits. Paris, s. a. 505 p.

[6] «Documents inédits sur Jacques Roux», publiés par M. Calvet. «Annales historiques de la Révolution française». 1932. № 52, juillet — août, p. 349, 350.

[7] Кареев Н. «Коммунистическая» петиция Жака Ру и секции Гравилье». Этюд из истории французской революции. «Русские записки» за 1916 г. № 1, стр. 117—131.

многочисленных французских и русских историков.

История термидорианского переворота и его политические последствия описываются, конечно, всеми историками французской революции в общих работах о революции.

Среди ранних работ, специально посвященных этому периоду, на первое место следует поставить работы уже известных нам авторов — Девилля[1] и Гамеля[2]. Первый в своей книге о термидоре и Директории, следуя Жоресу, утверждает, что увлечение гильотиной погубило диктатуру якобинцев. Термидорианский переворот, по его мнению, был вызван инстинктом самосохранения, проявленным членами Конвента. В то же время, по мнению Девилля, диктатура якобинцев шла дальше нужд буржуазии и поэтому оказалась нежизненной и была «обречена» на исчезновение.

Гамель полагает, что причины, вызвавшие термидорианский переворот, были иными. По его мнению, сигналом к подготовке термидорианского переворота послужил закон 22 прериаля. Робеспьер против интриг своих противников ограничился «моральным протестом», в то время как будущие термидорианцы отличались неразборчивостью в средствах. Питая излишнее доверие к Конвенту, Робеспьер в решительный момент проявил «длительные колебания». «Раб долга, он хотел любой ценой повиноваться закону». В итоге восторжествовали противники. Таким образом, Гамель считает, что личные качества Робеспьера, свойства его характера доставили торжество его противникам.

Из современных французских историков исследованием этого периода занимались Олар, Балло, Матьез, Лефевр и Барту, стремившиеся дать подробный анализ событий термидорианского переворота.

Олар и Балло дали публикацию документов периода термидорианской реакции. Олар[3] в своем собрании материалов об общественном настроении в Париже во время термидорианской реакции и Директории поместил административные, полицейские отчеты и газетные сообщения. Первый том этого собрания документов посвящен периоду с 28 июля 1794 г. по 9 июня 1795 г., второй — с 9 июня 1795 г. по 19 февраля 1796 г., третий том — с 20 февраля 1796 г. по 10 марта 1797 г., последний, четвертый том — с 11 марта 1797 г. по 20 июля 1798 года. Все четыре тома документов представляют собой ценнейший источник для изучения как революционного Парижа, так и соответствующего периода революции в целом.

В специальной статье, посвященной термидорианской реакции, Олар[4] дает как бы обобщение того материала, который содержится в собранной им документации. В центре его внимания голод в стране, явившийся следствием отмены закона о максимуме. На фоне продовольственного кризиса он показывает внутреннюю политику термидорианцев, которая, по мнению Олара, неизбежно должна была породить недовольство масс.

Балло[5] в своем сборнике дает сводку полицейских отчетов и ряд других документов, относящихся к периоду 18 фрюктидора и являющихся как бы дополнением к собранию Олара, в котором оказался ряд пропусков.

Работа Матьеза[6] о термидорианской реакции, являющаяся продолжением его «Французской революции», охватывает промежуток времени в 15 месяцев, прошедший от падения Робеспьера (27 июля 1794 г.) до установления Директории (26 октября 1795 г.). Характерными чертами этого периода, по мнению Матьеза, являются: господство белого террора, торжество контрреволюции, возвращение жирондистов, амнистирование шуанов и открытие церквей. Матьез подробно описывает выступления народных масс против термидорианского Конвента: голодные бунты, жерминальское и прериальское восстания. В термидорианский период были уничтожены все основные институты якобинской диктатуры, отменены все законы, регулировавшие хозяйственную жизнь. Как бы продолжением работы Матьеза, написанным частично по его материалам и в соответствии с планом его труда, является книга Лефевра[7] о политике термидорианцев, которых он считает представителями новой буржуазии.

Другой современный французский историк — Барту — в своей работе, которую он посвятил Р. Пуанкаре, дает очерк событий до и во время переворота 9 термидора; контрреволюционный характер термидорианского переворота Барту[8] отрицает, о 9 термидоре он говорит как о «революции в революции», достижением которой было падение террора якобинцев. Барту особенно подчеркивает роль Фуше в перевороте. По мнению автора, подготовка переворота была своего рода поединком между Робеспьером и Фуше.

---

[1] Deville G. «Thermidor et le Directoire». Paris. 1904. (Histoire socialiste (1789—1900), sous la direction de J. Jaurès et collaborateurs. T. V).

[2] Hamel E. «Thermidor d'après les sources originales et documents authentiques». Paris. 1891.

[3] «Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. Recueil de documents pour l'histoire de l'esprit public à Paris», publié par A. Aulard. Paris. 1898. 3 vols.

[4] Aulard A. «La réaction thermidorienne à Paris». «Revue de Paris». 1898, 15 décembre.

[5] «Le coup d'état du 18 fructidor an V. Rapport de police et documents divers», publiés par Ch. Ballot. Paris. 1906 (Publication de la société d'histoire de la Révolution française).

[6] Mathiez A. «La réaction thermidorienne». Paris. 1929. 324 p.

[7] Lefebvre G. «Les thermidoriens». Paris. 1937. 217 p. (Collection Armand — Colin, 196).

[8] Bartou L. «Le neuf thermidor». Paris. 1926. 126 p.

Перу советского ученого, проф. К. П. Добролюбского[1], принадлежит работа, являющаяся одной из немногих монографий советских историков о термидорианском периоде французской революции. Проф. Добролюбский дает анализ общественных настроений в Париже, создавшихся в результате экономических мероприятий термидорианской реакции. Предназначая книгу для сравнительно широких кругов читателей, проф. Добролюбский перевел на русский язык все иностранные термины и снабдил свою книгу библиографией и указателем (именным и предметным).

Работа Щеголева[2] посвящена в основном социальной и экономической жизни Франции после термидора; при этом он больше всего уделяет внимания вопросу о максимуме (законе о твердых ценах) и связанной с ним проблеме соотношения классовых сил в период термидорианской реакции. Термидорианский режим автор трактует подобно «школе Матьеза», как режим новой спекулятивной буржуазии.

Исследованием отношения парижских секций к событиям, последовавшим за 9 термидора, занимался Кареев[3], у него есть ряд работ об отношении парижских секций к термидорианскому Конвенту. Им же собраны и изданы протоколы заседаний парижских секций в день контрреволюционного переворота 9 термидора. Исследуя вопрос о политической программе парижских секций, восставших 5 октября 1795 г., Кареев в отличие от большинства французских историков рассматривает восстание 13 вандемьера как восстание республиканцев.

Борьбе парижских предместий с термидорианской реакцией посвящена книга Тарле[4] «Жерминаль и прериаль». Эта работа частично основана на архивном материале. Но она страдает известной односторонностью. Тарле не уделил внимания идейно-политическому руководству восстанием, столкновениям секций с Конвентом, роли вождей восстания. Нет ясности и в вопросе о движущих силах восстания.

---

[1] Добролюбский К. «Экономическая политика термидорианской реакции». М. и Л. 1930. 284 стр.

[2] Щеголев П. «После термидора». Очерки по истории термидорианской реакции. Л. «Прибой». 1930. 175 стр. (Ленинградское отделение Коммунистической академии. Институт истории).

[3] Кареев Н. И. «Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора II г.» (Доложено в заседании историко-филологического отделения Академии наук 12 февраля 1914 г.). СПБ. 1914. 87 стр. «Записки императорской Академии наук». VIII серия. По историко-филологическому отд. Т. XII, № 4; Кареев Н. «Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фруктидора II г.». СПБ. 1915. 66 стр.; Кареев Н. «Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистическим?» В сборнике статей в честь проф. Бузескула, стр. 233—246. Харьков. 1914.

[4] Тарле Е. «Жерминаль и прериаль». М. 1937. 274 + 2 стр.

Государственная публичная историческая библиотека (составила Р. М. Инглези при ближайшем участии проф. Ф. Ф. Козлова)

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

ЮШКОВ С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 254 стр. 6000. 1939 (Академия наук СССР. Институт истории).

В книге С. В. Юшкова, почти одновременно вышедшей на русском и украинском языках, заново рассматривается вопрос о феодализме в Киевской Руси с учетом всей вышедшей за это время литературы, в том числе и книги акад. Б. Д. Грекова — «Киевская Русь». Книга проф. Юшкова написана почти на ту же тему, что и работа Б. Д. Грекова. Но оба указанных труда ни в какой мере не дублируют друг друга, а, скорее, взаимно дополняют и контролируют. Это два новых исследования, совершенно независимых по своим исследовательским методам и выводам. В частности книга С. В. Юшкова ставит и принципиально новые положения, отсутствующие в работе акад. Грекова [1]. Таковы главы о возникновении и первоначальном развитии феодальной монархии и о возникновении и развитии иммунитета. Ценной особенностью работы С. В. Юшкова является полное, почти исчерпывающее использование предшествующей литературы, посвященной истории Киевской Руси.

В 1-й главе труда проф. Юшкова рассматриваются основные черты общественно-экономического строя Киевской Руси. Как и акад. Греков, автор приходит к мысли, что «доказательства в пользу взгляда о земледелии, как основной отрасли хозяйства восточного славянства в IX—X вв. многочисленны, разнообразны и, как нам кажется, исчерпывающи» (стр. 6). Эта общность взглядов на значение земледелия в Киевской Руси у обоих исследователей очень показательна. Впрочем, раздел 1-й этой главы, посвященный вопросу о развитии земледелия в Киевской Руси, в книге С. В. Юшкова невелик и является как бы введением к последующим разделам о сельской общине и ее разложении, о возникновении городов, возникновении патриархального рабства и т. д. В отличие от других исследователей С. В. Юшков возвращается к мнению Леонтовича о том, что «вервь-задруга — большая семья» (стр. 11). К сожалению, доказательства проф. Юшкова имеют несколько неуверенный характер: он не столько приводит выводы в пользу своего мнения, сколько старается показать, что тексты источников могут быть истолкованы по-разному и, в частности, не так, как их интерпретирует Б. Д. Греков. Общий же вывод С. В. Юшкова, что вервь можно считать «большой семьей, находившейся в процессе разложения и превращавшейся в совокупность больших патриархальных семей, непосредственно входящих в состав сельской общины» (стр. 12), недостаточно обоснован. Точно такую же ответственность за преступления, совершенные на территории общины, какую знает Русская Правда, знают и белорусские документы о копных судах XVI—XVII веков. Эти документы сохраняют даже терминологию Русской Правды. А признание верви «большой семьей, находившейся в процессе разложения», фактически сводит вопрос к терминологическим различиям, так как речь идет уже не о задруге, а о чем-то ином, переходном к сельской общине.

Интересен у проф. Юшкова в 1-й главе раздел, трактующий о возникновении городов, очень содержательный при всей своей краткости. Но вопрос о возникновении патриархального рабства (стр. 24) изложен неконкретно, о чем можно пожалеть вдвойне, так как и в книге Б. Д. Грекова этот вопрос остался без должного рассмотрения, а между тем без изучения роли рабства остается неясным и вопрос о генезисе феодализма в Киевской Руси. К тому же в своих заключительных замечаниях (стр. 42) С. В. Юшков говорит, что уже в IX—X вв. началось разложение сельской общины, с чем он связывает возникновение рабства. Между тем источники X в. рисуют нам рабство сильно развившимся в Киевской Руси. Трудно представить, чтобы рабство в Киевской Руси получило свое развитие так поздно — только в IX—X веках.

Во 2-й главе труда С. В. Юшкова изучается «возникновение и развитие феодального землевладения, феодальной ренты и феодальной зависимости» (XI—XII вв.). Свое изложение проф. Юшков начинает с изучения княжеского землевладения. Автор совершенно правильно отмечает, что «раз-

---

[1] Уже в 1925 г. С. В. Юшков напечатал интересную работу о «Феодальных отношениях в Киевской Руси» (Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. III. Вып. 4-й).

витие княжеского домена является одним из основных моментов феодализации в Киевской Руси» (стр. 50). Весьма наглядно представлено и развитие церковного землевладения, но раздел 2-й главы, трактующий о боярском землевладении, явно не удался автору: он не приводит ни одного примера боярского землевладения, за исключением позднего известия 1240 года.

Раздел о возникновении и развитии феодальной ренты и феодальной зависимости интересен стремлением автора говорить о формах феодальной зависимости в их динамическом развитии. Главы о превращении холопов в крепостных крестьян и закабалении сельского населения также очень богаты содержанием. По мнению С. Б. Юшкова, «памятники определенно говорят о том, что основная масса холопов, за вычетом дворных (домашних) холопов, живет не в рабских казармах, а в отдельных дворах, вместе со своей семьей, в своем доме» (стр. 61). Впрочем, в этой главе удивляет несколько странное использование Русской Правды, неожиданное в книге, написанной знатоком и издателем текстов Правды. Так, проф. Юшков на протяжении трех страниц заново пересматривает вопрос о «свойском» и «войском» коне. Но ведь сам же С. В. Юшков указывает, что все древнейшие списки Русской Правды говорят только о войском коне. Какую же цену может иметь новообразование XV в., сохранившееся в списках Карамзинской группы Русской Правды, позднее происхождение которой доказано уже в новейшей литературе? Зачем же повторять весь спор о «войском» и «свойском» коне — спор, который давно просится в архив?

На стр. 64—65 без всяких оговорок говорится об уставе Владимира Мономаха, как о второй половине Русской Правды. В свое время так высказывался и Ланге. Но ведь мнение Ланге, которое в недавнее время поддержал опять-таки С. В. Юшков, было оспорено и не принято в науке. Взгляд на вторую часть пространной редакции Русской Правды как на особый устав Владимира Мономаха был опровергнут еще Карамзиным. Если С. В. Юшков вновь восстанавливает этот взгляд, то следовало бы его хотя бы кратко подтвердить. Здесь же отметим только то, что так называемый устав Владимира включал в свой состав и материал Краткой Правды, причем именно тот материал, который не вошел в первую часть пространной редакции Правды. Это является явным доказательством того, что первая и вторая части Пространной Правды возникли одновременно, с использованием одного общего источника. Пестрота и неслаженность второй части Русской Правды, выделенной С. В. Юшковым в особый устав, особенно бросаются в глаза именно тем, что известия о холопах разбросаны в ней по всему тексту. Вообще, можно пожалеть, что С. В. Юшков не всегда прибегает к критике различных текстов Русской Правды, а только приводит бесчисленные мнения историков-юристов (Сергеевича и др.).

Очень любопытен IV раздел 2-й главы под названием «Патронат». К сожалению, существование в Киевской Руси наиболее интересной группы патронируемого населения, закладников и прикладников, не достаточно доказано автором, так как все свидетельства, приведенные им, относятся к XIII в., и притом к его второй половине. Проф. Юшков делает ссылку на устав Владимира, но почему-то не приводит подлинного текста этого устава, хотя и производит подробный разбор возможного значения слова «прикладник». Между тем в уставе Владимира находим следующее перечисление церковных людей: «вдовица, калика, сторонник, задушьный человек, прикладник». Напомним, что слово «прикладывать» в значении «вступать в какие-то зависимые отношения» встречается и в Русской Правде («прикладывати к верви»), поэтому понимание С. В. Юшковым термина «прикладник» как зависимого и находящегося под патронатом церкви человека очень удачно. Именно в церковных кругах в первую очередь мог развиться патронат. Наоборот, мало удачно объяснение проф. Юшковым термина «прощеник» как обозначавшего должника, превращенного в холопа и получившего свободу; лучше объяснение этого термина, данное акад. Грековым: прощеник — человек, получивший исцеление и оставшийся под юрисдикцией церкви. «В самом деле,— спрашивает С. В. Юшков,— зачем нужна была «чудесно исцеленным» особая защита церкви?» (стр. 119). Ведь к таким исцеленным могли относиться и лица, принадлежавшие к верхушке общества (стр. 119). Но речь идет вовсе не о боярах и не просто об излечившихся больных. В Западной Европе были категории больных, которые после выздоровления оставались при церквах. На Руси такие «прощеники» (под другими названиями) и в XIX в. временно работали, например на Соловецкий монастырь [1]. Вероятно, в древности их было значительно больше.

В специальном разделе С. В. Юшков говорит о возникновении и первоначальном развитии феодального города (стр. 131). Эта часть рассматриваемой книги затрагивает ряд больших и сложных проблем, связанных с изучением города. Замечания автора очень интересны, в частности интересно указание на «замковый» характер городов, к которым тянули городские округа. Но утверждение, что русский город в XII в. не имел собственного самоуправления, явно противоречит показаниям источников об участии в политической жизни горожан даже небольших городов, не говоря уже о Новгороде и Киеве. Допускает же С. В. Юшков возможность существования цехов уже в IX—XII вв. (стр. 140), что очень сомнительно.

В 3, 4 и 5-й главах С. В. Юшков изучает возникновение и развитие класса феодалов и феодально-зависимого крестьянства, феодальной монархии и иммунитета. Рассмотренные в этих главах вопросы большей частью поставлены впервые и получили интересное разрешение. Таков V раздел

[1] См. Максимов «Год на севере».

3-й главы о развитии бенефициальной и ленной системы в Киевской Руси (стр. 153). С. В. Юшков приходит к выводу: «Есть все данные предполагать, что все основные формы служебно-поземельных отношений раннего западноевропейского средневековья—«и феоды-лены и бенифиции—существовали в Киевской Руси с XII в.» (стр. 158). Действительно, только такой вывод и можно сделать при чтении русских памятников XII века. Значительно слабее выяснен С. В. Юшковым вопрос об оформлении класса феодально зависимого крестьянства (стр. 160). С. В. Юшков готов отнести к очень раннему времени создание из феодально зависимого крестьянства наследственного сословия. Он указывает, что исчезают названия: «изгой», «прикладник», «прощеник», «пущеник», «задушный человек». Они поглощаются новым термином «сироты», а затем названием «крестьян» (стр. 162). Но ведь термин «крестьянин» появляется не ранее XIII в., а термин «сирота» в XII в. вовсе не обозначал только земледельцев, причем он упоминается уже в поучении новгородского архиепископа Илии второй половины XII в. в значении зависимого человека вообще. В Киевской же Руси в основном господствует термин «смерд». Вообще «установление принципа сословности» (стр. 163) едва ли началось в Руси ранее XII в., и совсем напрасно С. В. Юшков ссылается на случай с новгородским архиепископом (а не епископом) Сергием, относящийся к концу XV века. А что и в начале XV в. класс феодалов не превратился в замкнутое сословие, доказывает история о Колоцком монастыре, основатель которого сделался типичным феодалом без пожалования от князя, а только благодаря своему богатству. С особенной полнотой С. В. Юшков разработал вопрос о феодальной монархии. Эта область в истории Киевской Руси фактически разработана в науке впервые. Юшков указывает, что уже при Владимире и Ярославе сложилась «система семейных по форме, вассальных по существу территориальных отношений» (стр. 175). С этим можно согласиться. Но вызывает серьезные возражения тезис о создании «сюзеренитета великого князя, который не прикрывается властью отца» (стр. 177) и «внешним выражением которого является владение киевским столом» (стр. 179). Каким же сюзереном является, например, Изяслав Мстиславич по отношению к другим князьям, по отношению к Юрию Долгорукому и известному галицкому князю Владимиру? Здесь аналогия с феодальными порядками некоторых западноевропейских стран, например с Францией, будет очень натянута. Поэтому и сам С. В. Юшков говорит, что «подчинение младших князей иногда выражалось в одном формальном признании старейшинства» (стр. 180). Настоящая феодальная лестница (стр. 181), о которой говорит С. В. Юшков,— дело позднейшее. Вообще проф. Юшков чересчур склонен переносить явления более позднего времени в очень ранние эпохи: так например он говорит не о зарождении дворцовых чинов в XII в., а уже о существовании дворцово-вотчинной системы. Также «меченоша» признается без доказательств заведующим княжеским арсеналом (стр. 227) и т. д.

Последняя, 5-я глава говорит о местных особенностях феодализации. Эту попытку С. В. Юшкова осветить историю феодализма в отдельных княжествах следует приветствовать.

В целом книга С. В. Юшкова должна быть признана очень свежим, ценным и интересным исследованием. Ясность изложения, стремление делать определенные выводы из сложных построений очень облегчают ее чтение, хотя это иногда и ведет к излишней социологизации изложения. С. В. Юшков дает широкую картину экономической и политической жизни Киевской Руси, наиболее полно освещая рассматриваемые вопросы примерами XII века. Многие из положений проф. Юшкова будут пересмотрены, но общая картина феодальных отношений в Киевской Руси, нарисованная им, останется ценным вкладом в науку.

М. Тихомиров

ПЕТРОВСЬКИЙ М. Н., проф. Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії (1648—1654). Нариси з історії України. Вип. IV. Видавництво Академії наук УРСР. Київ. 1940.

Книга проф. Петровского основана на богатом архивном материале. В ней использованы опубликованные русские, украинские и польские источники, привлечены и многочисленные архивные материалы, до сих пор не изданные. Из историков разных направлений, работавших над историей войны 1648—1654 гг., только Грушевский в «Історії України — Русі» оперировал бóльшим количеством источников чем профессор Петровский. Но работа Грушевского в силу ее порочной, буржуазно-националистической концепции и контрреволюционной политической направленности, естественно, не имеет серьезного научного значения.

Книга проф. Петровского содержит много плодотворных мыслей. Таков, например, тезис о глубоких симпатиях украинских народных масс к братскому русскому народу, о многообразных длительных связях между обоими народами. Эти связи были одной из предпосылок присоединения Украины к России.

Вполне правильно утверждение о решающем действии давления народных масс на казацкую старшину в вопросе о присоединении Украины к России.

Правильна критика утверждения Востокова-Кордубы о том, будто первое письмо Хмельницкого к Алексею Михайловичу имело своей целью склонить царя московского к исканию польского престола.

Очень интересна постановка вопроса о том, что в эпоху войны 1648 — 1654 гг. фактически существовало украинское государство — республика казаков.

Известно, что Грушевский сближал политику Хмельницкого в 1655 — 1657 гг. с... политикой Мазепы в 1709 году. В опровержение этой точки зрения автор вполне правильно показывает, что Хмельницкий в 1655 — 1657 гг. не вел линии на отрыв Украины от России.

Книга дает яркие картины самоотверженной любви украинских народных масс к родине. Надо отметить также большие литературные достоинства рецензируемой книги.

Но с главной своей задачей—«дать оценку событий на основе марксистско-ленинской методологии» (см. предисловие к книге, стр. 9) — автор, на наш взгляд, не справился. Концепция автора, взятая в целом, страдает эклектичностью и не может быть охарактеризована, как марксистская.

Основные черты этой концепции таковы: подавляющее большинство казацкой старшины во главе с Б. Хмельницким уже к началу войны твердо стояло на позициях непримиримой борьбы против Речи Посполитой и считало необходимым присоединить Украину к России. В течение войны Хмельницкий неуклонно придерживался этой линии. Вся внутренняя и внешняя политика Хмельницкого и старшины диктовалась именно стремлением порвать с Польшей и присоединить Украину к России. Колебания Хмельницкого и неоднократные его попытки пойти на компромисс с Речью Посполитой были, по мнению автора, колебаниями только по видимости. Универсалы Хмельницкого о послушенстве крестьян панам, репрессии его в отношении крестьян, продолжавших борьбу против феодалов, также были только дипломатическим шагом Хмельницкого по отношению к Польше. Между Хмельницким и Максимом Кривоносом, руководителем крестьянских масс, по мнению автора, никакой борьбы не было. Между Хмельницким и Данилом Нечаем также имели место только недоразумения (см. стр. 78). В среде старшины случались несогласия, но они касались только вопроса о моменте возобновления военных действий против Польши или же объяснялись оппозицией властолюбию гетмана со стороны Гладкого, Мозыри и других. В течение всей войны 1648 — 1654 гг. автор не усматривает классовой борьбы внутри украинского народа. Тем более далек он от мысли, что классовая борьба является внутренней действующей пружиной всего хода исторических событий 1648 — 1654 годов.

Автор несколько раз упоминает про «феодальну класову суть» Хмельницкого, но усматривает ее только в разрозненных фактах выдачи «оборонных» универсалов монастырям и некоторым отдельным шляхтичам и в том, что под Зборовом Хмельницкий не ставил вопроса об уничтожении феодализма. В то же время прекращение Хмельницким военных действий против Польши после майских побед 1648 г., добровольный отход его из-под Белой Церкви назад к Чигирину и отправление послов во главе с Вешняком в Варшаву автор объясняет стремлением Хмельницкого дать возможность крестьянству разгромить имения своих помещиков (стр. 60).

Автор подчеркивает, что в известном универсале от 1650 г. на имя нежинского полковника Шумейко Хмельницкий предлагал крестьянам давать помещикам с засеянной панской земли «лише десяту копу». Но автор умалчивает о том, что основным содержанием этого универсала являлось требование вернуть всю землю панам.

В заключительной главе книги «Місце Б. Хмельницького в історії» автор как будто ставит вопрос о классовом характере политики Хмельницкого и старшины. Он там пишет: «...ми не повинні забувати того, що... він (Хмельницький.— *А. Б.*) провадив класову соціальну політику казацької старшини». Но из всего текста книги не видно, что внутренняя и внешняя политика Хмельницкого вместе с ее колебаньями объяснялась именно классовыми интересами казацкой старшины в своеобразную эпоху, когда перед нею и ее классовым антиподом—крестьянством — стояла одна общая задача — освободить Украину из-под власти Польши. И даже в этой заключительной главе автор пишет: «Не можна забувати, що Богдан пановлював, хоч і не в великій мірі (разрядка моя.—*А. Б.*) послушенство селян... Не повинні ми забувати і того, що в часи визвольної війни Хмельницький не раз в тих чи інших тактичних дипломатичних мотивів (разрядка моя.— *А. Б.*), відповідно до своїх стосунків з шляхетською Польщею, проливав кров українського народу, караючи повстанців проти шляхти». Тезис о «дипломатических жестах», как содержании и действующей причине многочисленных фактов подавления Хмельницким крестьянского антифеодального движения, оставлен автором в силе.

Как известно, эклектизм в противоположность диалектике характеризуется прежде всего тем, что вместо диалектического преодоления противоречий путем борьбы он проповедует примирение противоречий или скрывает противоречия.

Нужды нет, что автору известно учение марксизма-ленинизма о роли классовой борьбы в истории, о классовом характере государства. Автор даже цитирует слова из отчетного доклада товарища Сталина XVIII партсъезду о двух функциях государства, о том, что главная задача государства состоит в том, чтобы держать в узде эксплоатируемое большинство. Все содержание рецензируемой книги не проникнуто этим важнейшим тезисом марксизма-ленинизма. «Подделка эклектицизма под диалектику,— говорит В. И. Ленин в «Государстве и революции»,— ...дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и проч., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» [1].

На стр. 76 автор пишет, что «немаэ жод-

[1] Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 383.

них підстав говорити про цю боротьбу між Хмельницьким і Кривоносом».

А на следующей, 77-й странице книги в положительной форме излагается известие Смяровского о серьезнейших разногласиях между Кривоносом (и Гловацким), с одной стороны, и Хмельницким — с другой. Предметом разногласий был кардинальный вопрос: продолжать ли войну с разбитой, но не добитой Речью Посполитой или мириться с ней на условиях верховенства Польши над украинским народом? ...Тут, как и во всей книге, у автора отсутствует понимание единства внутренней и внешней политики, понимание марксистского тезиса о том, что война есть продолжение другими средствами политики того или иного класса.

Свое утверждение об отсутствии борьбы между Хмельницким и Кривоносом автор базирует на скептическом отношении к известию киевского воеводы Киселя и пленных казаков о том, что Кривонос по приказанию Хмельницкого летом 1648 г. был прикован к пушке. Между тем, как известно, в июне — июле 1648 г. Хмельницкий отошел из-под Белой Церкви к Чигирину и вел переговоры о перемирии с Киселем, а Кривонос продолжал вооруженную борьбу против польской шляхты. Хмельницкий отпустил на волю многих польских шляхтичей, взятых в плен Кривоносом, шляхтичей, которых у Кривоноса ожидала иная участь. Этих фактов не отрицает и автор. Мы не знаем точно происхождения Кривоноса. Известно только, что до 1648 г. он полковником не был, что в списках реестровых казаков, ни тем более казацких старшин, он не значился, что во время боев 1648 г. он стоял во главе чисто крестьянских отрядов, примыкавших к войску Хмельницкого. В течение 1648 г. Хмельницкий дважды сделал попытку пойти на компромисс с Речью Посполитой. Кривонос оба раза решительно отстаивал политику продолжения борьбы с нею. В основе этих разногласий, конечно, лежали классовые противоречия. Крестьянство было главной движущей силой борьбы против Польши, между прочим, и по той причине, что в силу своего классового положения оно не могло не быть непримиримым к шляхетской Польше. Казацкая же старшина в силу своего классового положения могла идти на компромисс с Речью Посполитой и моментами пыталась это сделать. Да и факт наказания Кривоноса за продолжение борьбы против поляков не опровергнут автором. Слух о том, что Кривонос был прикован к пушке по распоряжению Хмельницкого, исходил, с одной стороны, из окружения Адама Киселя, а с другой — из среды украинских казаков-повстанцев. Происхождение слуха из разных источников подтверждает его правдоподобность.

Автор совершенно обошел вопрос о периодизации войны 1648—1654 годов. Неприсоединение к России в 1648 г. автор объясняет исключительно нерешительностью московского правительства. Годы 1648 — 1654 заполнены главным образом дипломатическими маневрами Хмельницкого, рассчитанными на выигрыш времени, на то, что правительство Алексея Михайловича согласится, наконец, взять Украину под свою высокую руку. Уроки самой войны 1648 — 1654 гг., политический опыт масс за этот богатейший событиями период игнорируются автором.

Чтобы аргументировать свою основную мысль, автор высказывает предположение, еще ничем не поддержанное, что история отношений Речи Посполитой с Сагайдачным в начале XVII в. научила Хмельницкого не идти на соглашение с Польшей.

Не подлежит сомнению, что симпатии украинских народных масс к России питались всем ходом исторической жизни. Эти симпатии были основой, делавшей возможным присоединение Украины к России. Но непосредственно действующей причиной присоединения был политический опыт масс и казацкой старшины за годы войны. Одним из главнейших результатов самой войны явилось понимание того, что присоединение к России было наименьшим злом для Украины. Недаром именно в 1652—1653 гг. мы встречаем в документах почти классические формулировки тезиса о наименьшем зле. Так, в декабре 1652 г. украинские рядовые казаки говорили лазутчикам яблоновского воеводы Куракина, что «ныне де они, черкасы, на... государево имя переезжать рады... они от ляхов и от татар пропали, татаровя де их емлют да в Крым водят, а ляхи де их секут»[1].

Свое утверждение о том, что репрессии в отношении крестьян летом 1648 г. и переговоры с польским правительством были только дипломатическим маневром со стороны Хмельницкого, автор аргументирует тем, что летом 1648 г. Хмельницкий якобы предъявлял Польше меньшие требования чем в феврале—марте 1648 года. Автор приходит к следующему выводу: «Ніхто і ніколи не ставив після перемоги вимог менших, ніж до перемоги, коли це не було тактичним, дипломатичним кроком». На самом деле требования Хмельницкого от весны 1648 г. — даже в пристрастно-преувеличенном изложении коронного гетмана Потоцкого — были таковы: 1) Потоцкий, вопреки традиции вступивший как раз в это время с коронным войском в Поднепровье, должен вернуться обратно, 2) должны быть отставлены тогдашние полковники реестрового войска, и 3) должна быть отменена сеймовая ординация 1638 года. Автор совершенно произвольно отождествляет первое требование с требованием «остаточного знищення польської влади на Україні».

После майских боев Хмельницкий требует: 1) восстановления woszelkich wolnosci naszych woyskowych... dawnych,— т. е. отмены той же сеймовой ординации 1638 г., 2) выплаты реестровому войску задолженности за 5 лет, 3) увеличения числа реестровых казаков с 6 тысяч до 12 тысяч и 4) неприкосновенности православного ду-

---

[1] Акты Московского государства. Т. II, стр. 306.

ховенства и повсеместного («gdzie indziey») возвращения церквей, отданных униатам.

Последнее требование куда серьезнее, чем требования весны 1648 года. Нет требования о выводе коронных войск из Поднепровья, ибо войска эти были полностью уничтожены Хмельницким к тому времени.

Вопрос о причинах заключения зборовского мира очень важен для правильного понимания всего хода войны 1648—1654 годов. Вслед за большинством буржуазных историков проф. Петровский объясняет как самое заключение зборовского договора, так и содержание его изменой крымского хана — союзника Хмельницкого. Этим снимается задача анализа классовых корней и характера зборовского договора.

Между тем данные для вывода об измене хана под Зборовом и тем более для вывода о решающем значении этой измены в деле заключения зборовского мира крайне недостаточны. Московский дьяк Кунаков в своей «записке о вестех» от декабря 1649 г. указывает на несогласия между Хмельницким и ханом по вопросу о том, заключить ли мир с Польшей или нет. И все же Кунаков говорит о едином фронте хана и Хмельницкого против Польши в момент заключения мира.

Во время неоднократных переговоров с Польшей в течение 1648—1649 гг. Хмельницкий и казацкая старшина ставили вопрос о 12—15-тысячном реестре (вместо существовавшего 6-тысячного). Зборовский договор узаконил 40-тысячный реестр — цифру, по тем временам очень большую. Восстанавливались права и вольности реестрового казачества. Ставился также вопрос об отмене унии и предоставлении места в польском сенате киевскому митрополиту. При наличии серьезных разногласий между ханом и Хмельницким, при наличии измены со стороны хана Хмельницкий, конечно, не мог бы добиться столь выгодных условий мира.

Требования, предъявлявшиеся Хмельницким Польше как до Зборова, так и под Зборовом, соответствовали классовым интересам казацкой старшины. Эти требования шли crescendo. «Дезидераты», предъявленные под Зборовом (и в несколько меньшей степени самые условия зборовского мира), — апогей этих требований.

Феодальная эксплоатация украинского крестьянства в первой половине XVII в. достигала чрезвычайно высокого уровня. Непомерно силен был и национально-религиозный гнет. Война 1648—1654 гг. происходила на Украине в условиях более развитой классовой борьбы и большего политического опыта крестьянских масс чем, скажем, в России эпохи первой крестьянской войны и польской интервенции начала XVII века. Многочисленные крестьянско-казацкие восстания первой половины XVII в. с их богатством «форм, оттенков, методов борьбы всех классов» феодального общества подтверждают это. Антифеодальный характер борьбы украинского крестьянства был очевиден и на первом этапе войны (1648—1649 гг.)—этапе общенародной борьбы против Польши. Украинская казацкая старшина была относительно слабее русского дворянства, а крестьянские массы — политически развитее русского крестьянства. По указанным причинам и по классовой своей природе казацкая старшина не могла быть последовательным гегемоном борьбы украинских народных масс против Польши. По тем же причинам казацкая старшина не могла организовать самостоятельное украинское государство.

На втором этапе войны (конец 1649 г.— зима 1651—1652 г.) украинское крестьянство одно — без казацкой старшины и большей части реестрового казачества — вело борьбу и против Польши и против феодалов вообще. Классовая борьба внутри украинского народа стала особенно острой. На это время приходится восстание Худолия против Хмельницкого, борьба против него Нечая, Шумейко, Ποбодайло, а также Пушкаря-Вдовиченко, Богуна, Гладкого, Мозыри и других.

Разрозненное, лишенное политического, а также в значительной степени и военного руководства, крестьянство не могло решить выпавшие на его долю две задачи: освободить Украину из-под власти Польши и ликвидировать феодализм.

Полнейшее нежелание польской шляхты выполнять условия зборовского и даже белоцерковского договоров, требование Польши, чтобы Хмельницкий cale imieniem voyska zaporowskiego na wola, i laska, iego królewskiej milos'ci spuscili sic (т. е. полностью капитулировал), делало неизбежным разрыв Хмельницкого с Польшей.

Глубокие классовые противоречия между украинским крестьянством и казацкой старшиной, особенно резко проявившиеся на втором этапе войны, были (временно) диалектически преодолены на третьем этапе, в 1652—1654 годах. Временное преодоление классовых противоречий выразилось в твердом решении и масс и казацкой старшины присоединить Украину к России. Это присоединение было наименьшим злом как для украинского крестьянства, так и для казацкой старшины — для каждого класса с точки зрения его классовых интересов.

Из прочих недочетов книги отметим следующие: как известно, В. И. Ленин требовал, чтобы последовательный материалист-историк констатировал с точностью данную общественно-экономическую формацию. Это обязывало автора дать конкретный анализ экономики Украины и Речи Посполитой в середине XVII века. Надо было дать ответ на вопрос, через какую именно стадию феодального развития проходила Украина в тот период. Этого не сделано.

Также не дано картины колониальной экономической политики польской шляхты на Украине, разрушения ею производительных сил страны и хищнической эксплоатации ее природных богатств.

Книга проф. Петровского требует коренной переработки, нуждается в преодолении эклектизма и перестройке материала на основе марксистско-ленинской методологии.

А. Барабой

БУШУЕВ С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М. и Л. 1939. 184 стр. (Институт истории Академии наук СССР).

Освободительное движение горцев Дагестана, Чечни и Ингушетии, нашедшее поддержку также на северозападном Кавказе и в северных районах Азербайджана и направленное против завоевательной политики царизма и его прислужников — дагестанских ханов,— является одним из сложнейших и все еще слабо разработанных вопросов истории Кавказа. Круг источников по истории этого движения, виднейшим руководителем которого был Шамиль, очень широк, литература огромна. Однако большая часть того, что было написано до октября 1917 г. о Шамиле и о борьбе горцев против царизма, принадлежит перу авторов великодержавной школы кавказоведения, стремившихся не столько изучить, сколько фальсифицировать данные документов и создать не научную историю движения, а великодержавно-шовинистическую легенду. К тому же среди авторов великодержавной школы было меньше всего историков-специалистов; почти все они были дилетантами, незнакомыми с историей Кавказа и с источниками на восточных языках, третировали кавказских горцев как «варваров», «коварных хищников», «фанатиков-изуверов». Немногие дореволюционные работы серьезных кавказоведов (А. Казембек, А. Берже и некоторые другие) посвящены только отдельным и частным моментам истории движения. Арабоязычные рассказы участников мюридского движения пропитаны религиозной мусульманско-суфийской тенденцией и интересны для нас только, как источники.

Вопросы борьбы горцев северовосточного Кавказа до сих пор в советской историографии освещены очень слабо: статьи С. К. Бушуева, Н. И. Покровского и др., вышедшие ранее, были посвящены только отдельным вопросам истории движения; ряд статей акад. И. Ю. Крачковского, Г. В. Церетели связан с изучением арабских источников по Шамилю и мюридизму.

Работы же, которая давала бы общий очерк истории движения горцев северовосточного Кавказа на основе марксистско-ленинской методологии, до сих пор не было — монография С. К. Бушуева является первым опытом такого рода работы.

Историк, взявшийся за эту работу, оказывается в нелегком положении благодаря трудности использования источников. Документы разбросаны по архивохранилищам Москвы, Ленинграда, Махач-Калы, Тбилиси, Баку и ряда северокавказских городов. В этих архивохранилищах выявлены и описаны далеко не все документы даже на русском языке. Работа по выявлению местных дагестанских источников на арабском языке также не завершена. Поэтому при современном состоянии источников и научной разработке их дать исследование, основанное на полном и всестороннем изучении всех источников,— задача пока невозможная. С. К. Бушуев ясно сознает вытекающие из такого положения трудности и указывает, что его монография «не претендует на исчерпывающее освещение истории Дагестана, Чечни и Ингушетии этого периода. Она является... лишь одной из первых попыток приближенного освещения этого сложного и недостаточно разработанного вопроса общей истории СССР» (стр. 11). Тем не менее автор справился со своей трудной задачей удачно. Его монография заполняет пробел в советской историографии Кавказа и, несомненно, стимулирует появление в будущем ряда новых исследований по истории освободительной борьбы горцев.

Автор привлек ряд новых материалов (архивные фонды Москвы и Ленинграда). Основные разделы труда С. К. Бушуева посвящены этапам завоевательной политики русского царизма в Чечне и Дагестане, социально-экономическому строю этих стран в период завоевания их русским царизмом, истории борьбы горцев за независимость до Шамиля, «блистательной эпохе Шамиля», государственной системе имамата Шамиля и выяснению причин поражения Шамиля. Автор правильно характеризует завоевательную политику царизма в Дагестане и роль местных феодалов, быстро превратившихся в лакеев царизма. Хорошо обрисована «зверская, волчья» политика «сардара Ермолу» — одного из самых свирепых царских колонизаторов Ермолова. Главы, посвященные «блистательной эпохе Шамиля» и государственной системе имамата,— лучшие, наиболее яркие главы монографии С. К. Бушуева. Автор приводит много интересных подробностей относительно государственной и военной организации имамата, он подробно останавливается на противоречиях движения, на борьбе группировок в рядах наибов Шамиля и на причинах, побудивших большую часть наибов к предательству и переходу в лагерь царизма. В целом работа С. К. Бушуева производит, бесспорно, благоприятное впечатление.

Вместе с тем хотелось бы, чтобы такая работа была еще лучше. Эти пожелания относятся прежде всего к главе 2-й, рисующей общественный строй Чечни и Дагестана в период завоевания их царизмом. С. К. Бушуев правильно делит Чечню и Дагестан того периода на 3 группы районов в социально-экономическом и политическом отношениях: 1) Чечню, 2) нагорный и северный Дагестан, 3) приморский Дагестан, причем дает правильную и четкую характеристику, с учетом высказываний товарища И. В. Сталина [1], районов нагорного и северного Дагестана как области господства патриархально-родового строя, находившегося в стадии разложения и перехода к полупатриархальному-полуфеодальному быту (стр. 39 и след.). Несколько более обще характеризует автор черты социально-экономического строя в приморском

---

[1] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 70, 80. М. 1937.

Дагестане (стр. 48—56), говоря, что «здесь мы встречаем наряду с чрезвычайно простыми формами зависимости угнетенного населения и крайне сложные формы ее» (стр. 56). Но характеристика общественного строя Чечни у С. К. Бушуева вызывает возражения. Автор находит и здесь «зажиточную феодализирующуюся верхушку» (стр. 29), «типичные для феодализма повинности», «различные формы личной зависимости узденства, часть которого уже стала безземельной, от родовой знати, становившейся личными владельцами земли, т. е. феодалами» (стр. 30). Автор не приводит конкретных данных источников, которые доказывали бы наличие и в Чечне феодализирующихся землевладельцев и эксплоатации ими непосредственных производителей («повинности, типичные для феодализма»), подобных райийятам Дагестана. Уплата жителями Ичкерии дани аварскому хану еще не говорит о наличии феодальных отношений внутри самой Ичкерии. Если бы С. К. Бушуев был прав, общественный строй Чечни не обнаруживал бы принципиальных отличий от строя нагорного и северного Дагестана. С другой стороны, сам автор приводит данные Норденштамма, Розена, Пулло, согласно которым «у чеченцев нет и никогда не было своих князей или каких-нибудь других владетелей: все равны» (стр. 27). Думается нам, в Чечне того периода можно говорить самое большее о предпосылках процесса классообразования. Феодальных отношений и эксплоатации непосредственных производителей документы еще не обнаруживают.

Автор хорошо сделал, приведя краткое экономико-географическое описание отдельных районов и «вольных обществ» Дагестана (стр. 33 и след.). Но при этом следовало бы показать зависимость экономико-географических условий также и от высоты отдельных местностей над уровнем моря. Этим в значительной мере определялось преобладание в разных районах садоводства, земледелия, скотоводства, кустарных промыслов.

О происхождении местных феодальных титулов «майсум», «уцмий», «шамхал» С. К. Бушуев приводит местные книжные предания по «Асар-и Дагестан» (стр. 44—45). Правильнее было бы привести соображения акад. В. В. Бартольда по этому поводу[1]. В. В. Бартольд склонен видеть в этих титулах термины местного (дагестанского) происхождения, дошедшие до нас в измененной форме благодаря попыткам дагестанских книжников-арабистов объяснить эти термины при помощи арабской этимологии.

Раздел, посвященный мюридизму как идеологической оболочке движения горцев (стр. 63 и след.), удовлетворяет нас меньше нежели остальные части книги С. К. Бушуева. Автор правильно отмечает преемственную связь между дагестанским мюридизмом и мусульманским мистицизмом (суфизм, тарикат) и правильно подчеркивает, что последний был занесен в Дагестан еще до XIX века. Но когда и какими путями он был туда занесен, до сих пор не выяснил ни один из исследователей. Автор проявляет недостаточно критическое отношение к источникам, связывая на основании рассказа «Асар-и Дагестан» появление тариката в Дагестане с походами суфийского ардебильского шейха Джунейда Сефевида в тогда еще полуязыческий Дагестан (1447 или, по другим данным, 1456 г.). Но такая связь маловероятна: ардебильские шейхи Сефевиды в XV в. были уже фанатичными шиитами и принадлежали к «еретическому» суфийско-дервишескому ордену Сефевийэ (последний, по мнению исследователя суфизма Массиньона, был «азербайджанской ветвью ордена Сухравердийэ»)[2], тогда как дагестанские мюриды были столь же фанатичными суннитами и причисляли себя к «правоверному» ордену Накшбендийэ, возникшему в Средней Азии в конце XIV века. К тому же походы шейха Джунейда в Дагестан и Грузию были, по сути дела, грабительскими набегами, меньше всего имевшими в виду пропаганду. Целью их было под предлогом «борьбы за веру» угон пленников для продажи в рабство[3].

Автор дает краткое изложение идеологии суфизма (тариката). Использование ряда работ справочного характера[4] дало бы автору возможность сделать это изложение более полным и четким и избежать некоторых неточностей[5].

Во всяком случае, С. К. Бушуев правильно поставил вопрос о необходимости изучения идеологии мюридизма (суфизма, тариката). Работ буржуазных востоковедов много, но все они подходят к изучению суфизма идеалистически и не интересуются вопросом о социальной роли суфизма. Марксистско-ленинских исследований по суфизму (тарикату), в сущности, нет, кроме нескольких ценных указаний у Фр. Энгельса[6]. По вопросу о суфиях-дервишах как идеологах движений эксплоатируемых масс в мусульманских странах имеются также отдельные высказывания у советских востоковедов: акад. В. В. Бартольда, акад. А. Е. Крымского, проф. Е. Э. Бертельса, проф. А. Ю. Якубовского и др. То

[1] Barthold W. «Daghestan» в «Encyclopédie de l'Islam».

[2] См. Massignon L. «Tarika» в «Encyclopédie de l'Islam».

[3] Катерино Зено. A Narrative of Italian travels in Persia in the XV and XIV centuries, transl. and edited by Ch. Grey, Hakluyt Society, I, p. 44. London. 1873.

[4] См. статьи в «Encyclopédie de l'Islam»: Tarika, Tasawwuf (Massignon L.), Derwish (A. Macdonald), Murid (M. Plessner), Nakshband (P. Margoliouth).

[5] Библиографию по суфизму (тарикату) см. в этих же статьях, а также в работах: Pfannmüller G. «Handbuch der Islamik Literatur». Leipzig. 1923. S. 265—315; Browne J. P. «The darwishes». 1927.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 410, примечание; Соч. Т. XIV, стр. 656.

обстоятельство, что в средние века некоторые (разумеется, далеко не все) суфийско-дервишские ордена в Передней и Средней Азии оказались связанными с организациями подмастерьев («ахии» — «братья») и с народными восстаниями (особенно в XIV—XV вв. восстания сербедаров — «висельников» — в Хорасане, Кермане, Самарканде, так называемые сейидские движения в Гиляне и Мазендеране, восстание Бедр-ад-дина Симави в Турции, движение Муша'ша' в Хузистане и т. д.), ставит перед советскими историками задачу изучения социальной роли суфизма.

С. К. Бушуеву следовало бы дать краткую историческую справку об ордене Накшбендийэ, к которому причисляли себя дагестанские имамы и их мюриды и о котором автор упоминает лишь вскользь (стр. 73); к тому же читатель-неспециалист, пожалуй, и не поймет без пояснения, что такое «тарикат Халидия Накшубандия». Было бы желательно отметить, что в движении дагестанских мюридов, поскольку оно стало массовым движением, религиозная идеология, в сущности, свелась к немногим простым идеям, находившим отклик в массе («священная война» с «неверными», возвращение к социальному равенству, будто бы существовавшему в раннем мусульманстве, безусловное повиновение имаму), собственно же мистика тариката привлекала массы меньше всего. Это и понятно: как указывает Фр. Энгельс, религиозная окраска движений масс в средние века «объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной его потребностью,— как думает Фейербах,— но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и богословие» [1].

Недостаточно остановился С. К. Бушуев на социальных реформах Шамиля. Отмене сословных прав феодалов и феодальных повинностей посвящено немного больше одной страницы (стр. 133—134). Правда, материал по данному вопросу невелик, но все же можно было бы подробнее осветить эту сторону деятельности Шамиля. У Руновского, например, сообщаются некоторые конкретные данные по этому вопросу, которых С. К. Бушуев не привел. Любопытно отметить, что и вышедшая недавно в Дагестане из печати — уже после выхода книги С. К. Бушуева — работа Расула Магомедова [2], посвященная тому же вопросу, что и работа С. К. Бушуева, уделяет социальным реформам Шамиля еще меньше места [3] нежели работа С. К. Бушуева. Нам представляется, что С. К. Бушуев недооценивает значение ликвидации господства феодальной верхушки и отмены феодальных повинностей в шамилевском Дагестане, считая меры Шамиля в этой области незначительными и полагая, что они «не могли существенно улучшить экономическое положение узденей» (стр. 134). Но разве положение бывших райийятов не изменилось существенно? Вряд ли можно думать, что шамилевские наибы с самого начала мало чем отличались от прежних феодалов, как мог бы заключить читатель из книги С. К. Бушуева, хотя сам автор, быть может, и не имел в виду такого вывода. Заслуживает внимания категорическое заявление самого Шамиля (в письме А. Руновскому) [4] о том, что подати с пастбищ, лугов и земель в нагорном Дагестане и Ичкерии он взимал не потому, что хотел сохранить установленные раньше аварскими ханами подати, а потому, что был вынужден настоятельной необходимостью в интересах страны брать с населения средства; вероятно, Шамиль имел в виду нужды военной обороны.

Недостаточно касается С. К. Бушуев и другой реформы Шамиля — частичного освобождения рабов (кулов). Судя по сообщениям Руновского и Мухаммеда Тахира, эта мера коснулась в первую очередь рабов, населявших целые деревни и принадлежавших ханам и прежним феодалам. Эта мера, следовательно, подорвала могущество последних.

В главе «Чечня и Дагестан в период завоевания их русским царизмом» полезно было бы дать краткий обзор этнического состава населения Дагестана и классификацию (лингвистическую) местных народностей [5] Это совершенно необходимо для читателя-неспециалиста, не представляющего себе ясно, кто такие лезгины, авары, чеченцы, кумыки и т. д.

Надо было бы указать, откуда взята помещенная на стр. 109 схема горских народов, подвластных Шамилю (в действительности не народов, а вольных обществ).

Имеются в работе и некоторые мелкие ошибки: почти везде дана форма «Кази-кумык» (правильнее «Кази-Кумук», или «Кази-Кумух»; иначе читатель-неспециалист легко может спутать яфетическую народность казикумухцев и лилаков с тюркской народностью кумыков в приморском Дагестане); на стр. 69 читаем «хаджи-паломничество» («паломничество» — хадж; хаджи, хаджжи—«паломник»); там же «маарикат» (следует «ма'рифат»—«познание»); там же «ильмульфик» (следует «ильм ульфикх» — «законоведение»); на стр. 68—«Хади Измаил из Курдомира» (следует: «Хаджи Исмаил из Кюрдамира»); на стр. 72—«разгром Ирана в 1825 г.» (в действительности в 1826—1828 гг.) и т. д.

Приведенный в конце книги обстоятельный перечень литературы вопроса все же имеет некоторые пропуски. В раздел, содержащий высказывания основоположни-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 656.

[2] Магомедов Расул «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля». 131 стр. Даггиз. 1939.

[3] Там же, стр. 104.

[4] Церетели Г. Письмо Шамиля из Калуги. «Записки Института востоковедения АН СССР». V. 1935, араб. текст—стр. 98—101, русск. перевод — стр. 103—108.

[5] Автор мог бы использовать для этой цели работы акад. Н. Я. Марра «Племенной состав населения Кавказа», «Труды КИПС». Вып. III. 1920; «Кавказские племенные названия и их местные параллели». «Труды КИПС». Вып. V. 1922.

ков марксизма-ленинизма, следовало бы включить упомянутое высказывание Энгельса о народных движениях под религиозной оболочкой в мусульманских странах[1], а также высказывания И. В. Сталина о патриархально-родовом быте и полупатриархально-полуфеодальном быте в тех или иных районах Северного Кавказа, Дагестана и других республик советского Востока[2]. Отметим, далее, в числе пропущенных работ некоторые статьи В. В. Бартольда[3], упомянутое уже «Письмо Шамиля из Калуги», Г. В. Церетели (публикация арабского текста, перевод и комментарий[4], статьи Н. И. Покровского[5] и некоторые другие. Упомянутая выше работа Р. Магомедова в момент появления работы С. К. Бушуева еще не выходила из печати. Во втором издании книги желательно было бы пополнить перечень литературы и пересмотреть отмеченные места.

В книге приведено много конкретного материала и ярких эпизодов; читается книга легко и с интересом. Подбор иллюстраций удачен. Издана книга тщательно.

И. Петрушевский

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ОРДУБАДЫ М. Тавриз туманный. Роман. Кн. 1-я. Баку. Азернешер. 344 стр. 1940.

Роман М. Ордубады — большая эпопея из жизни иранского Азербайджана. Первая часть романа охватывает период, примерно с 1907 г. по апрель 1909 г., т. е. период наивысшего разворота народного движения во время первой иранской революции, до оккупации Тавриза царскими войсками.

Автор ведет рассказ от имени кавказского революционера, прибывшего в Тавриз зимой 1907—1908 г., связанного по работе с вождями тавризского восстания — Саттар-ханом и Багир-ханом — и участвовавшего в боях с бандами контрреволюционных феодалов, осаждавших Тавриз.

У нас до сих пор нет серьезных исследовательских работ по истории первой иранской революции. Книга М. Ордубады не представляет собой исследовательскую работу, но, написанная с большим знанием событий и являющаяся как бы исторической хроникой, она до известной степени восполняет этот пробел, помогая читателю разобраться в цепи сложных событий того времени. На страницах романа вновь возникают образы храброго и самоотверженного Саттар-хана, героя народного восстания в Тавризе, Багир-хана, Садовника Хоссейна — кавказских революционеров.

В романе очень хорошо передана обстановка, в которой развертывались события. Автор детально знает быт тавризцев того времени, прекрасно изображает местничество и средневековую разобщенность населения Тавриза по отдельным кварталам с особым вожаком в каждом квартале, что наложило свой отпечаток и на развитие революционной борьбы в Тавризе. Ярко показана роль кавказских революционеров.

Вместе с тем роман М. Ордубады имеет и ряд серьезных недостатков. Одним из крупнейших недостатков романа является то, что изложение событий в Тавризе оторвано от общего хода иранской революции. Получается так, что только в Тавризе да еще немного по Азербайджану и развивалось революционное движение, а что делалось в Тегеране, Гиляне и других областях Ирана,— неизвестно. Это очень умаляет смысл и значение происходивших в Тавризе событий. Между тем революционный Тавриз был тесно связан с Тегераном и другими иранскими провинциями. Ряд народных выступлений в Тавризе невозможно понять, не имея представления об иранской революции в целом. Тавризцы неоднократно выходили на улицы города с протестом по поводу действий шахского правительства. Одним из крупнейших революционных энджоменов Тегерана, оказавших большое влияние на работу первого меджлиса, был энджомен азербайджанцев. Тавризские революционеры являлись организаторами крестьянских выступлений в такой отдаленной провинции Ирана, как Хорасан.

Самое наступление банд Рахим-хана на Тавриз последовало после разгрома ляховскими казаками первого меджлиса и являлось частью общего плана контрреволюции, стремившейся к подавлению народного движения.

Обо всем этом в романе не упоминается.

Другим крупным недостатком романа является неправильный анализ движущих сил иранской революции. Прежде всего автор, оценивая роль крестьянства в иранской революции, приходит к неверным выводам по аграрному вопросу. «В Иране,— пишет автор,— духовенство владеет землей, как и помещики. Поэтому помещики и духовенство играют главную роль в подавлении аграрного движения. При существующих ныне условиях никакая аграрная революция не может быть успешной. Крестьяне невежественны. Большинство их не только землей, но и религией связано с помещиками-мучтеидами. Религия так затемнила их рассудок, что они и не подумают поднять этот вопрос, так как они должны будут восстать против мучтеидов, которым они слепо верят. Тут есть еще

[1] Маркс и Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 410, примечание.

[2] И. В. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 70, 80. 1937.

[3] Barthold W. «Derbend», «Daghestan», «Shamil» в «Encyclopédie de l'Islam». Бартольд В. «К вопросу о происхождении Дербенднамэ», Иран, I. Л. 1927.

[4] «Записки Института Востоковедения Академии наук СССР», V. 1935.

[5] Покровский Н. «Мюридизм у власти». «Историк-марксист» № 2 (36) за 1934 год; Покровский Н. «Источники по истории имамата». «Проблемы источниковедения». Вып. 2-й.

одно обстоятельство, которое тормозит разрешение аграрного вопроса: правитель Ирана, падишах, сам покупает деревни и является крупным помещиком. И никто не смеет поднимать этот вопрос, так как все понимают, что неоткуда ждать помощи. Возьмем хотя бы нынешнего шаха Мамед-Али: в одной только азербайджанской провинции он приобрел до пятидесяти деревень. Он крупнейший помещик. Поэтому против всяких восстаний и аграрных волнений выставляется большая объединенная сила — падишаха, духовенства и помещиков» (стр. 34—35).

Исходя из неверного понимания аграрного вопроса, автор считает, что в Иране при «невежественном крестьянстве», при наличии большой, объединенной силы падишаха, духовенства и помещиков «никакая аграрная революция не может быть успешной». Правда, ни в описываемое им время, ни позднее в Иране не было мощной крестьянской революции. Однако как раз в Азербайджане в этот период, произошел ряд выступлений крестьян несмотря на противодействие «большой, объединенной силы». Крупнейшим из таких выступлений было крестьянское движение в Маку конца 1906 — начала 1907 года. В 1908 г. несколько месяцев продолжалось выступление крестьян в районе Астары. В первом случае был изгнан хан, а его имущество поделено между крестьянами; во втором случае крестьянство также изгнало ханов-помещиков. По сравнению с этим описываемое автором выступление крестьян в районе Джульфы гораздо меньше по размаху. Крестьяне деревень, расположенных вокруг Тавриза, в большинстве сочувствовали тавризским революционерам; в некоторых из них были созданы отряды революционных бойцов. Крестьянство понесло большие потери в борьбе с бандами макинских феодалов. Мы не говорим уже о крестьянских выступлениях в других районах северного Ирана.

Неправильно автор подходит также и к другому важному вопросу — о взаимоотношениях между иранскими и закавказскими революционерами. Автор пишет про Иран, что это «не промышленная страна, здесь на стороне революции выступают: городская беднота, разорившиеся переселенцы-крестьяне, мелкие торговцы, кустари, хозяева мелких промышленных предприятий и мелкая буржуазия. Против же революции борются крупные помещики, мелкие феодалы и аристократия. Сравнивать эту борьбу с борьбой в России в пятом году нельзя, так как в иранской революции не участвует основной элемент революции — промышленный пролетариат. Эти два вида борьбы как по своей форме, так и по содержанию совершенно различны. В соседстве с Ираном нет крупных промышленных стран,— это имеет немалое значение для характера революционного движения. Именно потому, что руководители иранской революции не связаны с революционными организациями промышленных стран, теперешнее движение приняло форму первобытного неорганизованного восстания» (стр. 312—313).

Автор неправ, потому что по соседству с Ираном находилась такая промышленная страна, как Россия. Ежегодно тысячи иранских трудящихся уходили на заработки в Закавказье. Многие из них работали на нефтяных промыслах Баку, на железных дорогах, во флоте, на медных рудниках Зангезура и т. д. Здесь они боролись бок о бок с рабочими Закавказья против капиталистов и царской деспотии и возвращались к себе на родину обогащенные опытом революционной борьбы российского пролетариата. Это обстоятельство оказало громадное влияние на развитие революционной борьбы в Тавризе. Кроме того и в самом Иране уже начинал складываться на рыбных промыслах, на хлопкоочистительных заводах, на стройках шоссейных дорог, портов и т. д. свой пролетариат.

Далее, автор утверждает, что руководители иранской революции не были связаны с революционными организациями промышленных стран. Это также грубая ошибка. Общеизвестен факт посылки большевистской партией тов. Орджоникидзе для работы в Иране. Бакинский комитет РСДРП, руководимый большевиками, направил в Тавриз группу боевиков и оказал тавризским революционерам большую материальную помощь.

Из других районов Закавказья было также направлено в Иран много боевиков. В Закавказье иранские революционеры были связаны с социал-демократической организацией мусульманских рабочих «Гуммет» («Энергия»), находившейся под влиянием большевиков. В Закавказье и Иране существовала разветвленная сеть организаций иранских революционеров — «Моджахед».

Из всего сказанного видно, что позиция автора в этом вопросе путана и противоречива.

Автор неправ, рисуя деятельность тавризского энджомена исключительно в черных красках. Правда, в областном энджомене Тавриза была сильная группа помещиков и буржуазии, и они руководили энджоменом до набега Рахил-хана на Тавриз и фактического захвата власти городскими низами. Но и на этом первом этапе развития событий тавризский энджомен сыграл положительную роль. Достаточно упомянуть об одном из первых мероприятий энджомена — понижении цен на продукты первой необходимости, что сразу вызвало отход от революционного лагеря группы духовенства и купцов, более всего наживавшихся на спекуляции хлебом. Энджомен проводил также некоторые антиимпериалистические мероприятия, направлял в Европу своих эмиссаров для ознакомления европейского общественного мнения с положением в Иране. Недаром русские и английские империалисты так ненавидели энджомен.

При хорошем знании фактической стороны тавризских событий автор мог бы дать также материал о квартальных энджоменах: «Хакикат» — в районе Саттар-хана,

«Кудрети» — в районе Багир-хана и других.

Переводчик романа не дал правильной транскрипции иранских имен и терминов. Перевод местами тяжел и небрежен.

Таковы крупные недостатки, снижающие уровень ценного в общем произведения.

Г. Ильинский

TEMPERLEY HAR. V. W. and PENSON LILIAN. Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902), or Documents, old and new, selected and edited with historical Introductions. XXX+573 pages. Cambridge. 1938.

TEMPERLEY H. V. W. and *PENSON L. A century of diplomatic Blue Books 1814—1914. Lists edited with historical Introductions.* XVI+600 pages. Cambridge. 1938.

ТЕМПЕРЛЕЙ Г. и ПЕНСОН Л. Основы британской внешней политики со времен Питта (1792) до Сольсбери (1902); отобранные старые и новые документы с историческими пояснениями.

ТЕМПЕРЛЕЙ Г. и ПЕНСОН Л. Сто лет дипломатических Синих книг 1814—1914; списки с историческими пояснениями.

Две последние работы недавно умершего маститого кембриджского историка Темперлея, изданные им совместно с его сотрудницей Пенсон, любопытны во многих отношениях. Покойный историк — автор ряда исследований по внешней политике Англии, редактор шеститомного труда «История парижской мирной конференции», серии английской документации о мировой войне и других работ.

Рецензируемые книги объединяет не только авторство Темперлея и Пенсон и период, к которому обе книги относятся (в основном XIX в.), но и их направленность. Обе книги имеют своей целью обелить и оправдать неприглядные деяния британского империализма.

Первая книга — «Основы британской внешней политики» — составлена из документов. Это различные высказывания и заявления английских министров, инструкции послам, меморандумы и пр. Принцип подбора документов тематический и хронологический. Каждой группе документов составители предпосылают небольшое предисловие, где пытаются наметить кратко историю вопроса, отношение к нему правительства и важнейшие факты, относящиеся сюда.

Книга делится на главы, в соответствии с именами различных министров иностранных дел, сменявших друг друга у кормила британского государственного корабля. Авторы затронули большое количество вопросов и поместили самые разнообразные документы, в том числе и такие, которые публикуются впервые. Именно разнообразие документов и является самым ценным и интересным в книге.

Составители, однако, видели ценность своего труда в другом: они посвятили его выяснению основных принципов английской внешней политики. Поэтому и документация посвящена иллюстрации этих основных принципов, как их понимают Темперлей и его сотрудница.

Составители устанавливают, что несмотря на все разнообразие лиц, сменявшихся на посту министра иностранных дел, и несмотря на все многообразие событий, в основе деятельности всех британских министров лежали четыре принципа: «...равновесие сил, святость договоров, воздержание от гарантий и невмешательство» (стр. XXVII).

Материал подобран в книге именно с той целью, чтобы доказать эту мысль. Однако ряд документов вопреки желанию составителей опровергает их мысль. Попытки в примечаниях смягчить впечатление и истолковать «надлежащим образом» ни к чему не приводят: слишком трудно поддается идеализации английская дипломатия «со всем ее лицемерным ханжеством, с ее жестокостью по отношению к слабым, пресмыкательством перед сильными и полным неуважением к международному праву» [1].

В самом деле, что такое равновесие сил в английском понимании? Это — стремление Англии стравить державы континента, взаимно нейтрализовать их и уничтожить наиболее опасного соперника. Мерило благородства здесь совершенно неприменимо, как вообще неприменимы какие-либо нравственные категории к буржуазной дипломатии.

Другой принцип — святость договоров. Здесь авторы приводят немало ярких документов, показывающих, как ревниво охраняла Англия договоры, связывающие... других. Когда, например, Россия расторгла парижский трактат 1856 г., связывавший ее свободу на Черном море, английские политики протестовали в весьма торжественных выражениях. Но никто из них не нашел ничего зазорного в том, что, гарантируя целостность Османской империи, Англия в то же время отрывала от нее кусок за куском: в 1839 г. — Аден, в 1857 г. — Перим, в 1878 г. — Кипр, в 1882 г. — Египет и т. д. То же самое с обязательствами Англии в Европе; авторы-составители сами приводят примеры этого в отношении Люксембурга и т. д. Впро-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 2-я. стр. 225.

тируются. Между тем зачастую знать дату выхода «Синей книги» чрезвычайно важно, особенно в тех случаях, когда книга издана по прямой указке парламента.

Когда авторы начали эту работу, они встретились с рядом намеренных пропусков и искажений в документах. Изучая эти искажения, авторы попытались найти систему в пропусках и умолчаниях и по ним наметить политику последовательно сменявших друг друга министров иностранных дел в отношении «Синих книг». Результатом этого исследования явился ряд введений к отдельным главам книги. Вывод авторов весьма любопытен. Они утверждают, что «расцвет «Синих книг», т. е. период наиболее частой их публикации,— это период Пальмерстона. По мере «демократизации» парламента в результате избирательных реформ, казалось бы, следовало ожидать и «демократизации» «Синих книг», т. е. более полной и частой публикации их. Оказывается, наоборот: «...буквально можно сказать, что по мере того, как парламент становился все более демократичным, его контроль над внешней политикой все падал», и число «Синих книг» все уменьшалось, а их содержание становилось все менее интересным. Это бросает свет на существо так называемой «демократии» и на так называемый парламентский «контроль» над внешней политикой.

Эта книжка Темперлея интересна и очень полезна как справочник по «Синим книгам». Здесь по темам сгруппирован перечень почти всей выпущенной английским правительством за 100 лет документации по внешней политике. Хороший, подробный индекс, приложенный в конце, дает возможность без труда найти «Синюю книгу» по любому вопросу. Те, кто знают, как это бывает трудно, оценят этот справочник по заслугам.

Обе книги изданы хорошо.

Н. Ерофеев

МОГИЛЕВИЧ А. А., АЙРАПЕТЯН М. Э. На путях к мировой войне 1914—1918 гг. Госполитиздат. 1940. 296 стр. 10000 экз. 11 руб.

Прошло немногим более 20 лет после окончания первой империалистической войны, как уже новая империалистическая война стала фактом. 30 миллионов убитых и искалеченных людей — таков был страшный итог империалистической войны 1914—1918 годов. Эта кровавая зверская схватка крупнейших империалистических стран была вызвана борьбой за передел уже поделенного мира. Историческая неизбежность войны диктовалась непримиримостью противоречий в первую очередь между главными и наиболее сильными империалистическими странами — Англией и Германией.

Несмотря на иную международную обстановку и соотношение сил развернувшаяся ныне новая империалистическая война также ведется за передел мира и сфер влияния, а ее главными участниками являются также англо-французский империалистический блок и Германия.

Вот почему огромный интерес представляет изучение реальной обстановки и раскрытие той тайны, под покровом которой подготовлялась первая мировая империалистическая война 1914—1918 годов.

Эту ответственную задачу поставили перед собой и в основном с ней справились авторы рецензируемого сборника.

Сборник состоит из следующих работ: «Агадирский кризис», «Итало-турецкая война» А. Могилевича, «Первая балканская война» — совместный труд А. Могилевича и М. Айрапетяна и «Вторая балканская война и ее последствия» — М. Айрапетяна. Вводная и заключительная части сборника, а также общая редакция его принадлежат А. Могилевичу.

Авторы анализируют процесс формирования и кристаллизации сил в обеих враждебных империалистических группировках: в тройственном союзе, объединявшем Германию, Австро-Венгрию и (до войны) Италию, и в тройственном согласии, которое составляли Англия, Франция и Россия. Они подробно анализируют глубокие, все более обостряющиеся противоречия между этими группами, приведшие к взрыву в августе 1914 года. Чрезвычайная сложность предвоенной политической обстановки характеризуется неустойчивостью и далеко идущей противоположностью интересов участников внутри каждой отдельной империалистической группировки. Несогласованность выступлений, сепаратизм, а иногда и прямое предательство интересов союзника создавали глубокие трещины внутри обеих разбойничьих группировок.

Сборник раскрывает подробную картину подготовки первой империалистической войны на основе изучения и обработки обширного нового документального материала, извлеченного из тайных архивов царского правительства. Значительная часть этих документов опубликована в известных выпусках комиссии по изданию документов из архивов царского и Временного правительств, под названием «Международные отношения в эпоху империализма» (томы XVIII—XXIV). Но наряду с этим авторы использовали множество других источников, в частности документы из Архива внешней политики, публикации журнала «Красный архив», британскую документацию, германскую публикацию «Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871—1914», мемуары и воспоминания Бюлова, Тирпица, фон Ягова, Джолитти, Пуанкаре, Конрада и т. д., а также много других материалов на русском и иностранных языках. В сборнике достаточно полно использованы работы Ленина и Сталина, объясняющие подготовку и причины первой мировой империалистической войны.

Авторы сборника показывают не только весь закулисный механизм подготовки мировой империалистической войны, но на основании впервые публикуемых материалов

и документов опровергают ряд неверных утверждений и теорий, распространенных в историко-политической литературе. Так, авторы опровергают теорию Покровского о том, будто вторая балканская война была спровоцирована Россией и Францией с целью «вызвать державы Центральной Европы на войну из-за Балкан». Новый свет проливает сборник на миссию германского генерала Лимана фон Сандерса в Турции, документально устанавливая, что инициатива посылки этой миссии исходила от Германии, а не от Турции, как это утверждала германская дипломатия. Весьма наглядно показаны взаимоотношения союзников внутри каждой группы, борьба их противоречивых интересов, особенно полно освещена проблема проливов.

Ряд приведенных в сборнике документов доказывает, что самую тяжелую борьбу за осуществление своей затаенной мечты — захвата Босфора и Дарданелл — России пришлось вести главным образом против своих же союзников — Англии и Франции. Последние всеми силами противодействовали проникновению России к проливам, а следовательно, на Средиземное море и Балканы, так как, по заявлению русского министра иностранных дел Сазонова, «кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного — он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах». Пуанкаре в своих воспоминаниях особенно подчеркивает, что «Франция перед войной ни разу не изменила в пользу России своей старой восточной политике и что ни в 1912 г., ни в 1914 г. ни я (Пуанкаре.—*И. Ф.)*, ни, я полагаю, никто другой не давали ни царю, ни его правительству, ни Извольскому никаких обещаний даже в вопросе о проливах»[1]. Английский министр Грей также не считал возможным остановить в ноябре 1912 г. победоносное шествие болгарской армии к Константинополю, хотя Россия угрожала ответить на это десантом в Босфоре. Уже во время войны, в ноябре 1914 г., когда Пуанкаре узнал, что Англия склоняется к разрешению вопроса о проливах «согласно с желаниями России» и что это принято Сазоновым «с чувством величайшего удовлетворения», он с горькой иронией заметил: «но мы никак не можем разделить это чувство удовлетворения». При этом он сетовал на Англию, которая «дала такую полную свободу действий России в вопросе, который интересует всех союзников».

Известно, что только в апреле 1915 г. между Россией, Великобританией и Францией было заключено секретное соглашение о передаче проливов России. Но Англия вовсе не собиралась отдать Константинополь и, во всяком случае, надеялась или его затем отнять или обставить «уступку» условиями, направленными против России. Несомненно, России отводилась в Антанте подчиненная роль. Ее «самостоятельная» внешняя политика находилась под неослабным и зорким контролем Англии и Франции. Они ее постоянно одергивали и оставляли в полной изоляции, как только она пробовала самостоятельно выступать на дипломатическом фронте с попыткой реализовать свои собственные интересы. Так было в вопросе о проливах, так было в первой балканской войне, когда Россия пыталась заручиться поддержкой союзников на случай войны с Турцией. Тогда, между прочим, Франция разъяснила всем, что воевать она будет только против Германии. Союзники отводили России преимущественно роль поставщика пушечного мяса в войне с Германией. Ведя с ней очень сложную и тонкую игру, они, с одной стороны, опасались роста ее могущества, с другой — боялись потерять ее как партнера в войне против Германии. Откровенно и цинично выразил эту политику в отношении к России Пуанкаре. В частном письме французскому послу в Петрограде от 9 марта 1915 г. он писал, что обладание Константинополем «введет Россию через Средиземное море в концерт западноевропейских держав и даст ей возможность благодаря выходу в незакрытое море стать великой морской державой. Таким образом, в европейском равновесии наступит полная перемена, такой прирост сил мог бы быть приемлем для нас лишь в том случае, если бы мы сами извлекли из войны равноценные выгоды»[2].

Оказывается, сердечный друг России даже перед лицом общего врага опасался роста могущества России. Вместе с тем Константинополь был в руках союзников тем блестящим шариком, которым они гипнотизировали царское правительство, весьма опасаясь при этом, что «когда, по выражению Пуанкаре, России обеспечат обладание Константинополем, она несомненно потеряет всякий интерес к войне с Германией».

В вводной или заключительной части сборника следовало бы ярче оттенить эту коварную политику англо-французского империализма и дать ей должную оценку.

По существу, описанные в сборнике конфликты развертываются на протяжении всего трех лет, считая с Агадирского инцидента до начала мировой войны. Авторам следовало бы коснуться хотя бы бегло франко-прусской войны и ее последствий, отторжения от Франции важнейших экономических районов — Эльзаса и Лотарингии — и т. д. Тогда перед читателем яснее раскрылась бы одна из основных причин мировой войны 1914—1918 гг. и стала бы понятнее та разнузданная шовинистическая пропаганда реванша, которой одурачивала народ французская буржуазия накануне и в период первой империалистической войны. В своем манифесте к палатам в начале войны Пуанкаре сам писал, что «в течение более сорока лет французы затаили в глубине своих сердец желание получить законное возмещение».

[1] Раймонд Пуанкаре «На службе Франции», стр. 64. Огиз. 1936.

[2] Там же, стр. 344.

Следует признать недостатком сборника, что в нем не показана главная, решающая ось, вокруг которой возгорелось пламя войны. Хотя в вводной и заключительной частях и подчеркивается неоднократно, что основной причиной войны являются противоречия между Англией и Германией, однако весь материал сборника почти не иллюстрирует этого тезиса. Между тем такая акцентировка приобретает особое значение в свете новой империалистической войны между Англией, Францией и Германией. Надо было бы также показать людей, которые готовили и вели прошлую войну, особенно из англо-французского лагеря. Чрезвычайно важно было показать массам, что спустя четверть века новая империалистическая война ведется с теми же целями, отчасти даже теми же людьми (Черчилль, Ллойд-Джордж и др.). Нечетко освещен в сборнике вопрос о виновниках войны. Ленин показал, что империалисты всех лагерей десятилетиями подготовляли войну. Поэтому «вопрос о том, который из этих двух хищников первый вытащил нож, не имеет никакого для нас значения» [1].

Заключительная же часть сборника и объяснение позиции Германии во второй балканской войне (стр. 187) оставляют впечатление, что авторы сборника пытаются все же показать, что Германия первая вытащила нож. Верно, что она выбрала для себя наиболее удобный момент для войны. Но это с равным успехом относится и к Франции и Англии. Пуанкаре сам заявил: «Война в моих глазах была неизбежной. В согласии с Россией, которая мне казалась готовой, я выбрал удобный момент» [2].

Неубедительно звучит также тезис авторов сборника о том, что неподготовленность России к империалистической войне помешала ей начать войну еще в 1912 г. с Австро-Венгрией по вопросу о выходе Сербии к Адриатическому морю и с Турцией по поводу Адрианополя (стр. 126, 132). Авторы упустили из виду, что Россия даже в августе 1914 г. вступила в войну также неподготовленной [3].

Сборник в общем представляет полезную и интересную книгу. Но, к сожалению, в нем допущены неточности, ошибки стилистического порядка и другие следы недостаточной обработки материала. На стр. 36 Нигерия рассматривается как владение Франции, входящее в группу Западной Африки, на карте же, помещенной на стр. 41, Нигерия правильно показана как британское владение. (Повидимому, авторы имели в виду одну из провинций французской Западной Африки — «Нигер».) Только увлечением выспренним стилем можно объяснить следующую фразу: «Весь африканский материк был изрешетен пулями и рассечен вдоль и поперек английскими, французскими, бельгийскими, германскими и другими саблями и штыками» (стр. 32). Или в другом месте: «прыжок» германской канонерской лодки «Пантера». Как известно, канонерская лодка не прыгает.

Несмотря на отдельные недостатки, следует признать, что авторы справились с поставленной задачей; им удалось систематизировать и обобщить огромный документальный материал, который в свете ленинско-сталинского учения о войне раскрывает тайну ее рождения. Сборник окажется ценным пособием для пропагандистов и для всех интересующихся вопросами мировой политики.

Сборник снабжен 6-ю картами, две из которых посвящены первой и второй балканским войнам, одна — разделу Африки в 80-х гг. XIX в., одна — этапам французской оккупации Марокко Исключительно ценны документальные приложения к сборнику. Следует отметить среди них такие, как австро-германский союзный договор от 7 октября 1879 г., военная конвенция между Россией и Францией от 17 августа 1892 г., известное франко-английское соглашение — Entente cordiale от 8 апреля 1904 г., особенно секретная декларация о Египте и Марокко, секретное соглашение Вильгельма II и Николая II в Бьерке от 24 июля 1905 г. и много других.

Книга издана хорошо.

И. Файнгар

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 338.

[2] Раймонд Пуанкаре. Указан. соч., стр. 340.

[3] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 156.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР 25—26 апреля 1940 г., посвященная 70-летию со дня рождения В. И. Ленина.

На сессии были заслушаны доклады: проф. А. В. Мишулина — «Ленин и историческая наука»; члена-корреспондента АН СССР Н. И. Гращенкова — «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и физиология органов чувств»; проф. А. А. Максимова — «Материя и движение в учении В. И. Ленина»; старшего научного сотрудника Института философии З. Я. Белецкого — «Ленин о «Науке логики» Гегеля».

В связи с исполнившимся в апреле 1940 г. 175-летием со дня смерти М. В. Ломоносова акад. Б. Д. Грековым был прочитан доклад «Ломоносов как историк».

В своем вступительном слове акад. А. М. Деборин подчеркнул то огромное значение, которое имеет деятельность В. И. Ленина для освободительного движения трудящихся и для развития науки. Как корифей самой передовой науки, Ленин сделал целый ряд величайших научных открытий, обогативших марксистскую теорию опытом революционной борьбы в новую историческую эпоху и двинувших эту теорию вперед.

В докладе «Ленин и историческая наука» проф. Мишулин осветил те важнейшие открытия, которые сделал Ленин в истории, как науке. Докладчик показал, что только с появлением марксизма, отражающего интересы передового революционного класса, история превращается в подлинную науку. Развивая дальше учение Маркса и Энгельса, обогащая его новым опытом исторического развития, Ленин поднимает историческую науку на новую, высшую ступень. Вся революционная деятельность В. И. Ленина, его гениальные сочинения имеют исключительное значение для исторической науки. С другой стороны, Ленин сам постоянно подчеркивал то огромное значение, которое имеет историческая наука для революционной практики: победоносная стратегия и тактика большевизма основаны на глубоком изучении развития общества в прошлом и настоящем, на знании законов общественного развития — чтобы понять настоящее и видеть будущее, необходимо знать прошлое.

В многочисленных исторических исследованиях Ленина поставлен ряд вопросов из самых различных областей исторического знания. В своих сочинениях Ленин подробно освещает проблемы развития различных общественных формаций доклассового, рабовладельческого, феодального и капиталистического общества. Докладчик, приведя конкретные примеры освещения Лениным проблем развития того или иного общества, указывает, что историки должны учиться у Ленина мастерству исторического анализа.

Исключительное значение имеют работы В. И. Ленина, посвященные изучению экономической и политической истории России, такие, например, как классический труд «Развитие капитализма в России». Значение этого исторического исследования Ленина, в основу которого положено изучение громадного фактического материала, поистине огромно. Этим произведением Ленин не только нанес последний сокрушительный удар народникам, но и показал конкретную картину исторического развития России.

В работах Ленина, посвященных изучению империалистической стадии развития капитализма, особенно обнаружился гений Ленина, как мастера исторического изучения, сила его необъятной эрудиции, глубина конкретного исследования и широта завершающих выводов и обобщений.

Докладчик указывает на три важнейших открытия Ленина, подтвержденных всем последующим ходом исторического развития. Величайшей исторической заслугой Ленина является то, что он, опираясь на учение Маркса, дал глубокий анализ эпохи империализма и установил, что империализм есть загнивающий, умирающий капитализм — канун пролетарской революции.

Изучая империализм и неравномерность развития капитализма в этот период, Ленин пришел к новому важному выводу о возможности победы социализма в одной стране. Этот гениальный вывод доказала и оправдала вся последующая история — Великая Октябрьская социалистическая революция и построение социализма в СССР.

Ленин сделал огромной важности открытие о том, что Советы являются высшей формой государственной власти рабочего класса.

Вся исключительная по глубине и напряженности теоретическая работа Ленина представляет образец подлинной школы марксистского исторического исследования.

Ленинские работы — целая лаборатория исторических идей. Они являются источником творческого вдохновения для историков-марксистов. Целый ряд конкретных указаний Ленина — это программные положения для историков. Задачу историков-марксистов Ленин определял как «задачу материалистов — правильно и точно изобразить действительный исторический процесс»[1].

Важнейшие методологические установки Ленина получили дальнейшую разработку в IV сталинской главе «Истории ВКП(б)». Эта работа четко формулирует марксистскую теорию исторического процесса, указывает на основные закономерности каждой общественной формации, в том числе и социалистической, и формулирует приемы диалектического метода в исторической науке.

Выступивший в прениях по докладу проф. Мишулина проф. Ранович подчеркнул некоторые черты Ленина как теоретика: его высокую принципиальность, партийность в науке, беспощадную борьбу с реакционными теориями и диалектическое единство теории и практики.

Тов. Каплан (старший научный сотрудник Института мирового хозяйства и мировой политики) в своем выступлении указал, что в докладе проф. Мишулина недостаточно показано и подчеркнуто положительное значение домарксовой исторической науки, а также недооценена роль Маркса и Энгельса в разработке истории (проблема войн и т. д.).

Тов. Сидоров указал на исключительное значение ленинских работ для истории как науки, особенно для истории СССР. Это ярко обнаруживается при сопоставлении марксистских работ Ленина со старой русской дворянско-буржуазной историографией (Соловьев, Ключевский, Корнилов, Милюков).

Проф. Мишулин в заключительном слове, отвечая на выступление тов. Каплана, указал, что Ленин обогатил все стороны марксистского учения, в том числе и методологию войн. Конкретный анализ различных войн эпохи империализма, данный в работах Ленина, поднимает теорию Маркса и в этом отношении на новую, высшую ступень. Все работы Ленина показывают его, как новатора в науке, подлинного корифея научной мысли.

После заключительного слова проф. Мишулина итоги прениям подвел председательствующий акад. А. М. Деборин. Он высказал свое полное согласие с докладчиком и подчеркнул, что с работ Маркса и Энгельса начинается подлинная историческая наука. Маркс и Энгельс впервые сформулировали теорию исторического материализма, которая только и может обеспечить подлинно научное, объективное изучение исторического процесса. Из этого вовсе не следует, что до Маркса не было крупных историков. Они были, но стояли в основном на идеалистических позициях и поэтому не могли раскрыть объективных законов исторического развития. Это стало возможно только тогда, когда Маркс и Энгельс сформулировали теорию исторического материализма и раскрыли движущие силы исторического процесса.

[1] Ленин. Соч. Т. I, стр. 81.

В докладе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и физиология органов чувств» член-корреспондент АН СССР проф. Н. И. Гращенков подчеркнул огромное значение философских обобщений Ленина для развития современной науки. Ленин развил дальше теорию познания диалектического материализма — теорию отражения — и в этой связи критически переработал и использовал современные данные естественных наук, в частности физиологии органов чувств — физиологии ощущений и восприятий. Ленин определил место физиологии органов чувств в системе наук и ее значение для материалистической философии и показал необходимость дальнейшей экспериментальной разработки и философских обобщений этого важнейшего отдела естествознания.

Докладчик подробно показал развитие физиологии органов чувств в последнее время и подчеркнул, что все многочисленные экспериментальные исследования в этой области, в том числе и крупнейшие работы советских ученых (акад. Павлова, акад. Орбели, проф. Кравкова, проф. Андреева и др.), блестящим образом показывают материальную основу ощущений и восприятий, отражение в коре головного мозга и, следовательно, в сознании человека, объективной действительности, воспринимаемой нашими органами чувств, и подтверждают, таким образом, ленинскую теорию отражения.

Более чем 30-летний этап в развитии естествознания, в том числе и физиологии органов чувств, после выхода в свет книги Ленина подтверждает правоту марксистской философии диалектического материализма. Для естествоиспытателей и особенно для исследователей физиологии органов чувств философские идеи Ленина имеют огромное значение: они дают руководящие указания к философскому обобщению огромного экспериментального материала, накопленного наукой, и освещают пути дальнейшего научного развития.

Доклад проф. Н. И. Гращенкова вызвал оживленное обсуждение. В прениях принимали участие проф. Румянцев, Колбановский, акад. Орбели, акад. Деборин.

В докладе доктора философских наук проф. Максимова на тему «Материя и движение в учении Ленина» очень хорошо было показано, какое исключительное значение для развития современного естествознания имеют философские работы Ленина, особенно «Материализм и эмпириокритицизм». В борьбе за теоретические основы большевистской партии Ленин, развивая дальше философское учение Маркса и Энгельса, выполнил огромную работу материалистического обобщения данных естествознания, добытых после смерти Энгельса. Философская работа Ленина сохраняет руководящее значение и для наших дней.

Борясь с механистами и махистами, Ленин развил учение о материи как философской категории и разоблачил огромный

вред смешения философского понятия материи с конкретными представлениями о том или ином физическом строении материи. Выводы Ленина имеют исключительное значение для решения современных философских проблем теоретической физики, так как и в наше время в капиталистических странах идеализм продолжает, и даже еще в большей степени, нападки на материализм, на науку, подменяя философское понятие материи физическим ее понятием, отрывая движение от материи и т. д. Ленинский анализ кризиса в физике и в естествознании вообще подтверждается в настоящее время всеми научными данными. Несмотря на тормозящее влияние метафизических и идеалистических взглядов современная физика сделала важнейшие открытия (например в вопросах строения материи — делимость атома, строение электрона и т. д.), которые подтверждают положения диалектического материализма. Только незнакомство естествоиспытателей с философией марксизма и неуменье пользоваться диалектикой для решения крупнейших философских проблем современной науки (материя и движение, пространство и время, причинность, закономерность и случайность, прерывность и непрерывность и т. д.) позволяют идеализму использовать науку в странах капитализма в своих реакционных целях. Так, в новейшей физике метафизические воззрения на материю и движение приводят нередко к идеалистическим воззрениям, к отрицанию объективной реальности тех или иных форм материального движения. Только марксистско-ленинское философское учение, развитое в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина, дает возможность преодолеть те препятствия, которые стоят на пути развития науки ввиде различных метафизических и идеалистических учений.

В своем интересном выступлении тов. Гальперин кратко охарактеризовал современное состояние науки о строении материи и показал, что важнейшие выводы Ленина о бесконечности материи и неисчерпаемости атома и электрона, о электромагнитной природе массы электрона и др. подтверждаются последними открытиями физики. Тов. Новинский указал, что современная физика рассматривает более глубоко коренные процессы превращения материи из одной формы в другую, нежели это делала старая, классическая физика и даже физика начала XX века. Современная физика в своем учении о превращении одних форм материи в другие исходит из принципов диалектического материализма.

Тов. Кольман в своем выступлении критиковал современных буржуазных «физических идеалистов», отрицающих материальность элементарных частиц материи (электронов и др.) и признающих их только «математической фикцией» на том основании, что современная физика изучает поведение не одной частицы, а больших масс и использует статистику. Тот факт, что современная физика не знает закономерностей индивидуального движения частицы, еще не является доказательством нематериальности частиц и отсутствия закономерностей в их движении. «В этом вопросе,— говорит тов. Кольман,— как и в целом ряде других, выступает с огромной силой значение научной философии — диалектического материализма—для естествознания в целом и для физики в особенности. Только опираясь на положения диалектического материализма, наука может правильно разрешить до сих пор еще не решенные вопросы».

В заключительном слове проф. Максимов отметил, что большие теоретические искания ученых капиталистических стран очень симптоматичны, но мы не должны базировать наши философские выводы на простом доверии к их теоретическим высказываниям, другое дело экспериментально доказанные факты — их мы можем использовать.

Акад. Деборин, подводя итоги обсуждению доклада тов. Максимова, указал на важность совместного обсуждения важнейших проблем философии специалистами — естествоиспытателями и философами.

В докладе тов. Белецкого «Ленин о «Науке логики» Гегеля» были освещены важнейшие проблемы диалектической логики. Составленный Лениным конспект «Науки логики» Гегеля имеет огромное теоретическое значение, ибо он показывает наглядно, как относился Ленин к крупнейшему философскому наследству прошлого, как умел он «читать Гегеля материалистически» и находить рациональное зерно диалектики под идеалистической шелухой. Ленин в своем конспекте высказывается по всем важнейшим вопросам диалектической логики, вскрывает и критикует идеализм и ограниченность Гегеля и дает материалистическое решение поставленных вопросов.

Доклад акад. Б. Д. Грекова «Ломоносов как историк» вызвал большой интерес. До последнего времени исторические работы М. В. Ломоносова недооценивались и были слабо изучены. Важнейшая черта всей деятельности Ломоносова — любовь к родине — особенно ярко проявилась в его исторических сочинениях.

Постоянно интересуясь историей своей родины и выступая страстным участником научных споров (полемика против норманиста Миллера), Ломоносов приступил к написанию многотомной работы по истории России, которая, к сожалению, была не окончена (первый том вышел уже после смерти автора). Анализируя исторические работы Ломоносова, акад. Греков подчеркивает их большое значение в русской историографии. Ломоносов ставил и решал крупнейшие вопросы русской истории с большим знанием дела. В его сочинениях мы находим много оригинальных и правильных идей. Многие проблемы поставлены Ломоносовым особенно интересно. В отличие от других историков, обращавших внимание на государственные формы, Ломоносов главное внимание уделяет истории народа. Русскую историю он начинает не с Рюрика, а задолго до «призвания варягов» — с первобытной истории славян. Интересны также филологические наблюде-

ния Ломоносова над славянским языком и т. д.

Выступавшие в прениях по докладу акад. Грекова проф. Н. Л. Рубинштейн и проф. С. В. Бахрушин указали на необходимость рассматривать исторические взгляды Ломоносова в связи с развитием всей русской историографии.

Акад. В. В. Струве в своем выступлении сообщил, что обнаруженная недавно неопубликованная рукопись Ломоносова о немцах свидетельствует об интересе Ломоносова к жизни и истории различных народов.

И. Ганичев

О научно-публикаторской работе в Центральном архиве революции Главного архивного управления НКВД СССР в 1939 году.

План научно-публикаторской работы в Центральном архиве революции за 1939 г. выполнен довольно успешно. Публикаторская работа Архива протекала в двух формах: публикации небольших групп документов в исторических журналах и публикации большого собрания документов в виде отдельно изданных сборников.

Преобладающей формой работы в 1939 г. была работа над сборниками. Сборники, как наиболее систематическое и полное собрание документов, требовали глубокой историко-критической обработки материала.

Научно-публикаторский отдел Архива ставил перед собой задачу,— руководясь решениями партии и правительства, дать иллюстрационный материал к изучению «Краткого курса истории ВКП(б)».

Отдельные публикации документов в 1939 г. помещались по преимуществу в журнале «Красный архив». Они в основном давали иллюстрации к «Краткому курсу истории ВКП(б)». Кроме того ряд публикаций был приурочен к знаменательным юбилейным датам. Еще в последней книжке «Красного архива» за 1938 г. были даны архивные материалы «Из истории рабочего движения в 80—90-х годах». В 1939 г. были опубликованы документы: «Из истории рабочего движения конца 90-х годов» и «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» — в № 2 «Красного архива»; «Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе (1900 г.)» — в № 3; «Июльские стачки и демонстрации 1914 г.» — в № 4; «К истории Пражской конференции» — в № 6.

К публикациям, отвечающим на знаменательные даты, надо отнести следующие: «Ленин в эпоху империалистической войны» (в связи с 15-летием со дня смерти Ленина), «Из истории революционной подпольной деятельности Я. М. Свердлова» (к 20-летию со дня его смерти). Обе публикации помещены в № 1 «Красного архива» за 1939 год. В № 6 «Красного архива» помещена публикация «Деятельность С. М. Кирова в Томском комитете РСДРП».

В 1939 г. было подготовлено к изданию три сборника: «Первое мая в царской России», «Большевики в годы империалистической войны 1914—1917 гг.» и «Бакинская стачка 1904 г.» (последний сборник сдан в типографию, но еще не вышел из печати).

Сборник архивных документов на тему «Первое мая в царской России», приуроченный к 50-летию международного пролетарского праздника (22½ печатных листа), вышел из печати в издании Госполитиздата к 1 мая 1939 года.

Сборник ставил своей задачей дать прежде всего неопубликованный материал. При издании сборника были выделены наиболее важные моменты и характерные черты в истории празднования 1 Мая в России, поэтому в нем были помещены материалы, иллюстрирующие революционный и боевой характер выступлений пролетариата в майские дни в России.

В этих материалах отмечалась связь первомайских лозунгов с политическими задачами — требование политической свободы и свержения самодержавия (начиная с 1898 г.); призыв к вооруженному восстанию в эпоху революции 1905 г.; лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую в годы 1914—1916.

Второй сборник, «Большевики в годы империалистической войны (июль 1914 г.— февраль 1917 г.)», приуроченный к 25-летию начала первой мировой империалистической войны, посвящен характеристике деятельности местных большевистских организаций в борьбе за превращение империалистической войны в войну гражданскую, за свержение империалистической буржуазии. Основную часть сборника представляют большевистские прокламации и корреспонденции большевистских газет, отчеты и резолюции местных организаций. «Полицейские документы» даны только в приложении. Для освещения этой темы были использованы архивы ИМЭЛ, Музея революции и местных архивных отделов.

Сборник освещает, как большевики разоблачали в большевистских листовках и других изданиях реакционный характер буржуазных партий, представленных в Государственной думе, показывает нарастание в стране экономического и политического кризиса вместе с ходом мировой войны, нарастание политического движения рабочего класса, рост влияния и авторитета партии большевиков среди рабочих масс, особое значение и роль Петроградской организации, значение и роль большевистской партии в армии и флоте, пропаганду большевистского лозунга создания III Интернационала, деятельность большевиков во время февральской революции и другие моменты.

Этот сборник объемом в 19 печатных листов вышел из печати в декабре 1939 года. При составлении сборника документов на тему «Бакинская стачка 1904 г.» (7 печатных листов), помимо материалов Архива революции, были привлечены материалы Архивного отдела Азербайджанской ССР в Баку, Архива Музея имени С. Шаумяна

(также в Баку) и Архива народного хозяйства в Ленинграде. Выбор данной темы определялся той ролью, которую бакинская стачка сыграла в развитии революционного движения в России. Она прежде всего «послужила сигналом славных январско-февральских выступлений по всей России» (Сталин)[1]. Стачка проходила под непосредственным руководством товарища Сталина, носила организованный характер и окончилась победой рабочих.

В 1939 г. шла также предварительная работа по сборнику — «Вооруженное восстание 1905 года», который, согласно договору с Госполитиздатом, сдан в редакцию 20 апреля 1940 года.

Помимо указанных публикаций Архивом сданы в редакцию «Красного архива» публикации на актуальные для современного момента темы, как например «Положение крестьян в Западной Белоруссии» (напечатана в № 1 «Красного архива» за 1940 г.), а также работы, связанные с массовыми революционными выступлениями пролетариата и крестьянства в 1905 г. под руководством партии большевиков, поставленные Архивом в план 1940 года. В № 2 «Красного архива» за 1940 г. напечатаны публикации на темы: «Крестьянское движение в Западном Закавказье в 1902—1905 гг.» и «Вооруженная борьба новороссийских рабочих в декабре 1905 года».

Для всех публикаций были использованы большевистские листовки, подпольная пресса, фонды департамента полиции, московской и петербургской охранок и фонды судебных учреждений.

Подготовка публикаций облегчается ранее проделанной большой работой по тематическому выявлению материалов, в особенности по истории центральных учреждений партии и местных большевистских организаций, истории партсъездов, подпольной периодике, по истории подпольной деятельности Ленина, Сталина и их соратников.

Работой над публикацией документов в Архиве революции заняты научные сотрудники Архива (7 человек), причем все они являются в то же время заведующими отделами или научными работниками отделов Архива, на обязанности которых лежит плановая оперативная архивно-техническая и организационно-методическая работа.

В Архиве имеется учетная картотека всех прокламаций по названиям организаций и в хронологическом порядке.

Наличие справочных картотек позволяет быстро мобилизовать основной документальный материал. Библиотека Архива и межбиблиотечный абонемент помогают работникам использовать необходимую литературу и дают возможность на месте пользоваться книгами из Библиотеки имени Ленина и Библиотеки Академии наук.

К сожалению, методическая и теоретическая разработка вопросов архивного дела и освещение их в имеющемся специальном журнале «Архивное дело» не были поставлены в план Архива на 1939 г. и выпали из внимания его сотрудников. Кроме краткой заметки о пятилетнем плане публикаций Архива революции в № 2 (50) «Архивного дела» силами научных сотрудников Архива не было дано ни статей, ни документаций по истории архивного дела. Но возможности для этого есть, так как все вновь поступившие в Архив научные работники — молодые специалисты, окончившие Архивный институт, и аспиранты. Теоретическая подготовка молодых научных работников дает основания предполагать, что в будущем и этот участок в работе Архива не отстанет от участка публикации документов.

М. Сыромятникова

В Государственной Публичной исторической библиотеке.

Научно-библиографический отдел Государственной Публичной исторической библиотеки включил в свой годовой план 1940 г. ряд актуальных работ. Часть из них уже закончена, как то: библиография к шестидесятилетию товарища Сталина, выборочные материалы к пятидесятилетию В. М. Молотова (выйдет в дополненном виде отдельным изданием), библиография высказываний Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина по истории средних веков и др. Готовится к печати библиография произведений Плеханова и литературы о нем, Энгельс об истории, Ленин и Сталин об Энгельсе.

В связи с исполнившимся шестидесятилетием со дня смерти историка С. М. Соловьева была составлена библиография, охватывающая биографические моменты и критику его научных работ. К десятилетию со дня смерти Маяковского составлен список основной литературы о поэте.

Составляется библиография по истории средних веков, в которой учтена с возможной полнотой книжная литература на русском языке, а на иностранных языках взяты главные, основные работы.

Значительно обогатился аппарат справочно-библиографического бюро, в распоряжение которого поступил ряд ценных рабочих картотек: история древнего мира, Отечественная война 1812 г., история нового времени (1874—1914), охватывающая русские и иностранные материалы, классики русской литературы и т. д. Ведется большая работа по истории первой русской буржуазной революции 1905—1907 гг. в двух разрезах: во-первых, должен быть создан указатель литературы, книжной и журнальной, с установкой на возможную полноту, включающий юбилейные издания, и, во-вторых, аннотированный указатель, рассчитанный на широкие читательские круги, который должен быть сдан в печать в июле 1940 года.

Начата работа по библиографии классиков мировой литературы.

Из других плановых работ следует отметить подготовку к печати совместно с Государственной ордена Красного знамени Публичной библиотекой имени Салтыкова-

[1] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 54.

Щедрина в Ленинграде библиографии русской исторической библиографии. В ближайшие три месяца предполагается закончить предварительный учет внутрижурнальной библиографии XIX—XX веков. В феврале проведено очередное совместное совещание участвующих в работе библиотек по организационно-методическим вопросам.

Справочное бюро за первый квартал выполнило 2 тыс. справок (письменных и устных). Следует отметить некоторые из них: папство и монголы, литература о важнейших датах из истории международных отношений с 1789 по 1939 г. (список изданий, имеющих хронологические таблицы), литература о поэте Узбекистана Мир-Али-Шер-Новаи и др. Ко второй группе относятся: землевладение и землепользование по Варварским правдам — 36 названий, СССР и Финляндия — 170 названий, духовно-рыцарские ордена — 108 названий, история Государственной думы — 254 названия, прогрессивный блок в IV государственной думе — 74 названия, просвещение и школа при Петре I — 120 названий.

Научно-библиографический отдел составил также библиографию по истории Москвы, ее современному состоянию и социалистической реконструкции. Библиография охватывает около 300 названий и распадается на 9 разделов. Хотя она рассчитана на удовлетворение потребностей преподавателей школ, но, несомненно, может быть полезной и научным работникам, интересующимся историей красной столицы.

Научная работа на историческом факультете Карело-Финского государственного педагогического института.

В 1922 г. карельский народ при братской поддержке великого русского народа одержал победу над белофиннами и английскими интервентами.

Вслед за прекращением военных действий началось большое культурное строительство.

В 1931 г. в Петрозаводске учрежден был Карельский государственный педагогический институт. Небольшой вначале, Институт быстро разросся и вскоре превратился в республиканский вуз, в котором обучается свыше 1000 студентов и сверх того на заочном отделении — 400 студентов.

В Карело-Финском государственном педагогическом институте имеются 4 факультета: исторический, языка и литературы, физико-математический и естественный.

11 мая 1940 г. постановлением Совнаркома СССР Карельский педагогический институт преобразован в Карело-Финский государственный университет. Правительством дополнительно ассигновано на скорейшее окончание постройки 4-этажного здания для студенческого общежития 1 700 000 руб. и на пополнение кабинетов оборудованием и выписку иностранной литературы 5000 руб. золотом. Библиотеке Карело-Финского государственного университета предоставлено право получения обязательного экземпляра всей выходящей литературы.

Большую роль в оживлении научной работы истфака сыграла историческая речь товарища Сталина на приеме работников высшей школы в Кремле.

В соответствии с речью товарища Сталина и указаниями тов. Молотова, сделанными на всесоюзном совещании работников высшей школы, о необходимости максимального развертывания научно-исследовательской работы в наших высших учебных заведениях истфак перестроил свою работу и уже достиг некоторых положительных результатов. Так, подготовлен к печати I том «Трудов» истфака. В него включены 6 исследовательских работ по истории древнего мира, средних веков, новой истории и истории СССР. Сборник выйдет из печати еще в нынешнем, 1940 году.

Работники кафедры исторических наук тт. Е. Гардин и Д. Червяков защитили диссертации на ученую степень кандидата исторических наук.

Е. Гардин темой своей диссертации выбрал «Вестготы и Римская империя в IV веке нашей эры». Д. Червяков посвятил свою диссертацию теме «Партизанское движение 1812 года».

3—4 ноября 1939 г. в Карело-Финском государственном педагогическом институте состоялась научно-популярная сессия памяти Н. Г. Чернышевского, на которой присутствовали студенты и интеллигенция Петрозаводска.

Истфак установил тесную связь с Карельским научно-исследовательским институтом культуры, по заданиям которого сотрудники исторической кафедры истфака Е. Гардин, Н. Бухбиндер и Д. Червяков разрабатывают темы из истории Карелии и Финляндии. Тов. Гардин работает над темой «Источники истории Финляндии в средние века», тов. Бухбиндер разрабатывает тему «Развитие капитализма в Карелии», тов. Червяков — тему «Гражданская война в Карелии».

Историческая кафедра истфака все еще не сумела преодолеть отставание в привлечении студентов к научной работе; имеющийся студенческий исторический кружок недостаточно интенсивно работает.

Работники исторической кафедры, ведя учебную и научно-исследовательскую работу, активно участвовали в политической жизни: при выборах в Верховный Совет и в местные Советы трудящихся читали лекции и доклады, работали агитаторами на агитпунктах, вели агитационно-массовую работу: знакомили избирателей с текущими событиями и проводили подготовительную работу к выборам.

Во время советско-финляндской войны работники кафедры вели политработу в госпиталях среди раненых бойцов доблестной Красной Армии, за что заслужили благодарность командного состава.

Истфак приступил к популяризации исторических знаний среди студентов тех фа-

культетов (физико-математического и др.), где история не преподается. Проводится цикл лекций на тему «Великие полководцы» (Александр Македонский, Суворов, Наполеон, Кутузов).

Решение шестой сессии Верховного Совета СССР о преобразовании автономной Карельской Социалистической Советской Республики в союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику — новое блестящее достижение сталинской национальной политики — встречено трудящимися КФССР с большой радостью.

Перед истфаком встали новые сложные задачи, широкие перспективы для развертывания научно-исследовательской работы.

I съезд коммунистической партии (большевиков) Карело-Финской Советской Социалистической Республики, состоявшийся 24—28 апреля 1940 г., в своей резолюции указал: «Съезд считает, что первоочередной задачей партийных и советских организаций КФССР является всесторонняя подготовка для различных областей государственного управления, хозяйства и культуры кадров, владеющих финским языком.

Партийные организации республики должны широко разъяснить трудящимся, что именно финский язык, как сложившийся литературный язык, понятный для карельского народа, может и должен стать главным средством подъема национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, роста науки, литературы, искусства и создания кадров интеллигенции в Карело-Финской ССР».

Решения шестой сессии Верховного Совета СССР и I съезда коммунистической партии КФССР ставят перед Карело-Финским государственным педагогическим институтом серьезную задачу — встать в уровень с лучшими республиканскими столичными вузами СССР. Институту необходимо удовлетворить актуальную политическую потребность масс — дать полноценные исследования по истории карельского и финского народов.

Для достижения этой цели кафедра истории должна: а) добиться овладения преподавателями истфака финским и шведским языками, так как на шведском языке опубликовано много материалов по истории Финляндии; б) наладить частый выпуск «Трудов» истфака; в) оживить научно-исследовательскую работу студентов; г) продолжать начатую работу среди студентов физико-математического и других факультетов по популяризации исторических знаний и д) пополнить преподавательский состав истфака.

Н. Бухбиндер

Научная работа на историческом факультете Среднеазиатского государственного университета.

На пяти курсах исторического факультета Среднеазиатского госуниверситета учится 186 студентов, 25 аспирантов. На факультете сосредоточены солидные силы историков, среди них 2 доктора наук, один из которых — член-корреспондент Академии наук СССР, — 5 профессоров, 2 кандидата наук.

В предоктябрьском социалистическом соревновании факультет занял первое место в университете. По итогам недавно закончившейся зимней экзаменационной сессии факультет снова занял первое место в университете, дав наивысшие показатели в сравнении с другими вузами УзССР. 47 студентов истфака являются отличниками учебы по всем предметам. Улучшилось и качество исторического образования.

Все это дало возможность развернуть на историческом факультете сравнительно большую научную работу. В прошлом году истфак дал 2 кандидатские диссертации, которые являются первыми историческими диссертациями в Средней Азии.

Однако научная работа прошлого года не имела целеустремленности, тематика носила случайный характер, никто не занимался планированием научной работы в области истории.

В нынешнем году удалось в значительной мере преодолеть разноголосицу в тематике. Удалось сосредоточить силы историков на разработке проблем, которые подчеркнул тов. Ярославский в передовой статье журнала «Историк-марксист» (№ 4 1939 г.) «Невыполненные задачи исторического фронта».

Группа аспирантов по кафедре истории СССР работает над проблемой о характере Киевского государства. Аспирант Припутников готовит кандидатскую диссертацию «Генезис феодализма по «Русской правде»; аспирант Пошерстник работает над диссертацией «Международные отношения Киевской Руси». К проблемам Киевской Руси примыкает и работа проф. В. Н. Куна «Борьба древней Руси с тюркско-монгольскими народами в XI—XIII вв.», которая подготовляется автором в качестве докторской диссертации.

Вопросам о новом освещении петровских реформ, в духе указаний товарища Сталина, и критике дворянско-буржуазной историографии этого периода посвящена докторская диссертация, подготавливаемая тов. Додоновым. Часть этой работы была автором оформлена в качестве кандидатской диссертации, защита которой состоялась в прошлом году.

Аспирантка кафедры истории СССР тов. Геллер работает над кандидатской диссертацией о Чернышевском — имеется в виду проследить формирование взглядов молодого Чернышевского в связи с революцией 1848 года во Франции.

В течение ряда лет проф. Баженов работает над не изученным еще в исторической литературе вопросом о правительстве Стамболийского в Болгарии; предварительные результаты этой работы изложены автором несколько лет назад в статье, помещенной в журнале «Историк-марксист». Автор широко привлек источники, хранящиеся в Институте Маркса — Энгельса — Ленина.

По кафедре археологии Средней Азии доктор М. Е. Массон завершает работу

«Введение в археологию Средней Азии», что явится итогом его 20-летних научных занятий в этой области.

Профессорско-преподавательский состав и аспиранты кафедры истории Средней Азии уделяют большое внимание проблемам, связанным с историей национально-освободительной борьбы узбекского народа. Аспирант Султанов закончил кандидатскую диссертацию на тему «Роль тыловых рабочих в подготовке пролетарской революции в Туркестане». Старший преподаватель Арит работает над вопросом о восстании 1916 г. в Узбекистане.

Старший преподаватель истфака тов. Шевьев заканчивает кандидатскую диссертацию о завоевании Хивинского ханства, аспирант 3-го курса тов. Наканов закончил работу над диссертацией о завоевании Кокандского ханства.

Старший преподаватель тов. Симонов заканчивает кандидатскую диссертацию на тему «Первые шаги рабочего движения в Узбекистане».

В упомянутой выше статье тов. Ярославского подчеркивалась необходимость изучения истории быта и культуры отдельных народов СССР — в связи с этим истфак совместно с Ташкентским музеем искусств организовал под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР М. С. Андреева научную экспедицию в Бухару. Экспедиция имеет своей целью собрать материалы, характеризующие феодальный быт Бухары конца прошлого века. В целях изучения языка и быта народов Средней Азии М. С. Андреев разрабатывает материалы о быте населения открытой им долины Хуф.

Послеоктябрьский период истории Советского Узбекистана в исторической науке пока еще мало разработан, но все же по некоторым вопросам этого раздела ведется научная работа. Так, кандидат исторических наук тов. Житов приступил к работе над докторской диссертацией «Октябрьская революция в Туркестане». Аспирант 3-го курса тов. Адыгамов закончил работу над кандидатской диссертацией «Союз трудящихся мусульман в Узбекистане» (1917 г.); аспирантка Одинцова работает над кандидатской диссертацией «Борьба рабочих и крестьян с байско-басмаческими элементами в Андижане». Аспирант Ершов заканчивает диссертацию на тему: «Крестьянское движение в Узбекистане в 1917 году».

В связи с зародившимся в Узбекистане великим народным движением за освоение новых земельных площадей историки университета заинтересовались историей ирригации. Проф. А. А. Семенов работает сейчас над «Историческим очерком освоения Голодной степи с древнейших времен до первой половины XIX века»; аспирант тов. Туманов готовит кандидатскую диссертацию «История освоения Голодной степи во второй половине XIX века»; аспирантка тов. Одинцова занялась работой над темой «История ирригационных работ в Фергане в первой половине XIX века»; аспирант-выпускник тов. Адыгамов включился в работу над темой «Орошение Ромитанского района и катастрофа 60-х годов XIX в.»; аспирант тов. Ершов занялся составлением «Исторического очерка борьбы за воду в Сурхан-Дарьинском районе в последний период Бухарского эмирата»; аспирант тов. Хаиров взял тему для кандидатской диссертации «Массовое народное движение в борьбе за строительство Большого Ферганского канала».

Таким путем из отдельных самостоятельных очерков можно будет создать более или менее полную марксистскую историю ирригации в Узбекистане. Вполне понятно, что это будут не узко технические работы: на основе использования источников будет показана история отдельных районов в связи с борьбой за воду, так как история народов Средней Азии тесно связана с историей этой борьбы.

Начинает включаться в научную работу и студенчество истфака. Уже в прошлом году ряд студентов истфака выступил с интересными докладами на первой университетской научной конференции. Сейчас подготовляется вторая научная студенческая конференция САГУ. Много студентов истфака изъявило согласие принять участие в конференции; за ними закреплены отдельные темы, в помощь им прикреплены консультанты из профессорско-преподавательского состава.

Следует еще упомянуть, что на историческом факультете работают три научных студенческих кружка, которыми руководят квалифицированные специалисты-историки. Научными кружками охвачено около половины всех студентов истфака.

Таковы краткие данные о научной работе, которая проводится на историческом факультете Среднеазиатского госуниверситета. Историками САГУ еще не преодолен до конца случайный характер тематики, но уже кое-что сделано в смысле планирования и актуализации тематики.

Очень тормозит нашу научную работу недостаток источников и исторической литературы. Литература имеется в крайне ограниченном количестве, и кроме того разбросана по различным библиотекам.

Исторический факультет еще в прошлом году поставил перед соответствующими директивными учреждениями вопрос об организации в Ташкенте — по примеру Москвы и Киева — республиканской исторической библиотеки, но вопрос огромной важности повис в воздухе; между тем в Ташкенте имеются все условия, чтобы осуществить такое культурное мероприятие.

Крупнейшим препятствием, сковывающим развертывание научной работы на истфаке САГУ, является почти полное отсутствие учебных помещений. Истфак ютится в 4 небольших комнатах.

Если бы эти трудности были ликвидированы, работа пошла бы много успешнее.

И. Додонов

SOMMAIRE:

CONTENTS:

INHALT:

Редакционная коллегия

Ем. Ярославский
Б. Д. Греков
И. И. Минц
С. Н. Ростовский

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, ком. 113. Тел. К-0-70-16.

Уполномоченный Главлита № А—29845. Изд. № 738 • Зак. № 1876. Тираж 35 000.
Материал сдан в набор 25/V 1940 г. Подп. к печати 19/VII 1940 г. 68 000 п. зн. в п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.